

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev

ISSUE 7-8

Saratov State University
2013

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

ВЫПУСК 7-8

Саратовский государственный университет
2013

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / И90 под ред. А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2013. – Вып. 7–8. – 310 с.

В очередном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются работы, охватывающие проблемы конструирования исторической памяти, различных аспектов идеологии как «места памяти», корпоративной памяти в научно-образовательных сообществах, механизмов властного контроля, отражения «другого» в коллективной памяти, а также биографики. Публикуются документы государственного архива Саратовской области о местных черносотенцах нач. XX века.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *Е.А. Вишленкова*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор), канд. ист. наук, доц. *Д.Е. Луконин* (зам. отв. редактора), канд. ист. наук, доц. *В.А. Соломонов* (отв. секретарь), д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*, канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов*, канд. ист. наук, доц. *В.В. Хасин*

Рецензент

Доктор исторических наук, профессор *А.Н. Донин*

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный университет, 2013

**ПАМЯТИ
ДМИТРИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА
ЛУКОНИНА**

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Дмитрий Евгеньевич Луконин
(1972–2013)

СОДЕРЖАНИЕ

«Свой/Чужой» и коллективная память

- Ходячих С.С.* (Москва, Россия). Этно-социальные именованья нормандцев в последней трети XI века 11
- Гладышев А.В.* (Саратов, Россия). Пришедшие с холода: восприятие «казака» населением Франции во время кампании 1814 года 28
- Ананьева А.В.* (Тюбинген – Майнц, Германия). Память о далёком и близком: «Русское» в парках Германии первой половины XIX века 56

История, власть и массовое сознание

- Короленков А.В.* (Москва, Россия). «Всех нас старей отец твой, но с нами не умеет жить»: князь, норма и реакция на её нарушение в домонгольской Руси 80
- Булычев М.В., Зайцев М.В.* (Саратов, Россия). Численность и социальный состав населения Саратова в конце XVIII – середине XIX века (по данным административно-полицейского учета) ... 104

Идеология как «место памяти»

- Калашиников М.В.* (Саратов, Россия). Генеалогия понятия «либерализм»: I. Либер и либертины 122
- Баранов А.В.* (Саратов, Россия). Персидские мотивы «арабской весны» 144

От политики забвения к политике памяти: научно-образовательные сообщества

- Русанов А.В.* (Москва, Россия). Непрерывная память: опыт португальской *studium generale* (1288–1377) 156
- Лягушкин И.А., Вишленкова Е.А.* (Москва, Россия). Профессиональная самоорганизация русских ученых (опыт просопографического анализа зоологической секции на съездах русских естествоиспытателей и врачей второй половины XIX – начала XX века) 172
- Шиллер-Валицка И.* (Варшава, Польша). Проекты реформы российских университетов начала XX века (перевод с польского Д. Добровольского) 191

Биографика

- Синицын А.А.* (С.-Петербург, Россия). Судьба археолога. Штрихи к биографии Сергея Сергеевича Сорокина (по материалам воспоминаний о нем родственников и коллег) 208
- Луконин Д.Е.**, *Синицын А.А.* (Саратов – С.-Петербург, Россия). Top und Wort Дитриха Фишера-Дискау (памяти музыканта и мыслителя) 229

Публикации

- Воронежцев А.В.* (Саратов, Россия). «Наша хулиганская шайка, то есть наши «союзники»...»: документы государственного архива Саратовской области о местных черносотенцах (1907–1910 годы)» 249

Обзоры и рецензии

- Степанов Ю.Г.* (Саратов, Россия). К.П. Победоносцев «Будь твёрд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В.В. Ведерникова. СПб., 2010. – 388 с. + вкл. 281

Памяти...

- Попов Д.А.* (Саратов, Россия). О Николае Андреевиче Горбачёве 288
- Гладышев А.В.* (Саратов, Россия). Николай Андреевич Горбачёв (интервью с Б.С. Клементьевым. 17 февраля 2013 г.) 293
- Памяти Дмитрия Евгеньевича Луконина (1972–2013) 301
- Сведения об авторах 305
- Список аббревиатур и сокращений 307

CONTENTS

«Native / others» and collective memory:	
<i>Khodyachikh S.S.</i> (Moscow, Russia). Ethno-social names of the Normans in the last third of the XI century	11
<i>Gladishev A.V.</i> (Saratov, Russia). Came in from the cold: the people's perception of «Cossack» in France during the 1814 campaign	28
<i>Ananieva A.V.</i> (Tübingen – Mainz, Germany). Recalling the Near and the Far. «Russianness» in the German Gardens in the First Half of the XIXth Century	56
History, the power and mass consciousness	
<i>Korolenkov A.V.</i> (Moscow, Russia). «Your father is the elder from all us, but he doesn't know how to live with us»: princes, social norm and reaction to its violation in pre-Mongol Rus'	80
<i>Bulychev M.V., Zaytsev M.V.</i> (Saratov, Russia). The number and the social composition of the population of Saratov at the end of XVIII – the middle of the XIX century (according to the administrative and police records)	104
Ideology as «place of memory»	
<i>Kalashnikov M.V.</i> (Saratov, Russia). The geneology of the concept of «liberalism»: I. Liber and libertines	122
<i>Baranov A.V.</i> (Saratov, Russia). Persian tunes of «Arab spring»	144
From the oblivion policy to the memory policy:	
Scientific and educational communities	
<i>Rusanov A.V.</i> (Moscow, Russia). Uninterrupted memory: an experience of Portugal's <i>studium generale</i> (1288–1377)	156
<i>Lyagushkin I. A., Vishlenkova E.A.</i> (Moscow, Russia). Professional self-organization of the Russian scientists (the prosopography's experience of the analysis of zoological section at Congresses of Russians scientists and doctors at the second half of XIX – the beginning of XX century)	172
<i>Schiller-Walicka I.</i> (Warsaw, Poland). The reforms of Russian universities at the end of XIX – the beginning of XX century (Translated from polish by D. Dobrovolsky)	191

Biographical researches

- Sinitsyn A.A.* (St. Petersburg, Russia). Fate of an archaeologist.
Sergeevich Sorokin (on the memoirs of his relatives and colleagues) 208
Lukonin D.E., *Sinitsyn A.A.* (Saratov – St. Petersburg, Russia).
Ton und Wort of Dietrich Fischer-Dieskau (in memory of great
musician and thinker) 229

Publications

- Voronezhstsev A.V.* (Saratov, Russia). Our bully gang, i.e. our
«allies»...: Saratov area state archive materials on the local
black hundrends (1907–1910) 249

Reviews

- Stepanov Y.G.* (Saratov, Russia). K.P. Pobedonostsev «Be firm
and courageous...». Articles from a weekly journal «Grazhdanin»
1873–1876. Letters / ed by. V.V. Vedernikov. St.-P., 2010. P. 388 281

In memory of ...

- Popov D.A.* (Saratov, Russia). About Nikolay Andreyevich
Gorbachev 288
Gladishev A.V. (Saratov, Russia). Nikolay Andreyevich Gorbachev
(Interview with B.S. Klementiev from 17th February 2013 year) 293
In memory of Dmitriy Evgenievich Lukonin (1972–2013) 301
- Data on authors 305
The list of abbreviations and reductions 307

«СВОЙ/ЧУЖОЙ» И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

УДК 94(410+44)''1066/1100''

ЭТНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ НОРМАНДЦЕВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XI ВЕКА

С.С. Ходячих

Институт научной
информации по общественным наукам РАН,
отдел исторических наук
E-mail: hodyachih@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о том, как себя называли и кем себя считали нормандцы после Нормандского завоевания 1066 г. Анализируются этно-социальные именованья нормандской знати в английских и нормандских грамотах последней трети XI века. Особое внимание уделено упоминаниям о «короле англичан» (rex Anglorum) и «герцоге нормандцев» (dux/comes Normannorum) в тексте документов. Несмотря на новые титулы и земельные пожалования в Англии, «истинным домом» завоевателей всегда оставалась Нормандия, что находит свое выражение в соотношении титулатур.

Ключевые слова: история Англии, история Франции, Нормандское завоевание, идентичность, самоидентификация, нормандцы, Вильгельм Завоеватель, Филипп I, Роберт Короткие Штаны.

ETHNO-SOCIAL NAMES OF THE NORMANS IN THE LAST THIRD OF THE XI CENTURY

S.S. Khodyachikh

The article deals with some aspects of the way the Normans showed and called themselves after the Norman conquest of England in 1066. Ethno-social names of the Normans in English and Norman charters were analyzed. Special attention was paid to the mentioning of the «king of the English» (rex Anglorum) and the «duke of the Normans» (dux/comes Normannorum) in the documents. Despite new titles and land grants in England, Normandy always remained as a true home for the Normans. These attitude and terms were evinced in the correlation of titles.

Key words: History of England, history of France, Norman conquest of England, identity, self-identity, the Normans, William the Conqueror, Philip I, Robert Curthose.

В эпоху «критических событий и чрезвычайных ситуаций», сопровождаемых сменой ценностных ориентиров и кризисом идентичности, массовое сознание неизменно обращается к опыту прошлого¹. В условиях глубоких социокультурных изменений происходит трансформация сознания, возникает потребность в саморефлексии, самоидентификации. Не случайно во второй половине XX столетия в социальных и гуманитарных науках проблемы поиска и построения идентичности, самоидентификации многими исследователями были вынесены на первый план.

Появление проблематики идентификации и идентичности обычно связывают с психологическими и философскими учениями², однако свой вклад в разработку данных вопросов вносят и историки, в частности, медиевисты: в условиях, когда процессы были менее «глобальными» и на формирование идентичности в каждом отдельном случае влияло меньшее число факторов, действие каждого из них (а многие из этих факторов сохраняют свое значение и сегодня) может быть прослежено более четко.

В этом плане показательным является Нормандское завоевание Англии 1066 г., одно из ключевых событий средневековой истории, которое будет будоражить умы представителей общественно-политической мысли Англии, начиная с эпохи Тюдоров³. Вторжение, осуществленное группой приближенных к Вильгельму Завоевателю рыцарей, ознаменовало собой новый этап в истории острова. На поле Гастингса сошлись представители разных этнических общностей, англосаксы и нормандцы. Последние, одержав победу, стали победителями, *новыми* жителями Англии. Но кем они себя считали? Как называли? Изучение того, как именовала себя верхушка нормандского общества после событий 1066 г., т.е. ее этнической и социальной самоидентификации, является задачей, решение которой поможет сделать еще один шаг в направлении постижения ментальности средневекового человека.

Однако, обо всем по порядку. Как известно, в 1066 г. Англия была завоевана нормандским герцогом Вильгельмом, который отправился на Британские острова со своим войском и в битве

¹ Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история, метод / отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 1996. С. 18.

² Подр. см.: Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Р.н/Д., 1999. С. 110–118.

³ Якуб А.В. Проблема Нормандского завоевания в английской исторической мысли XVII – начала XX вв. // Исторический ежегодник. Омск, 1996. С. 74.

при Гастингсе разбил короля Гарольда, уничтожив цвет англосаксонского общества. В итоге старая англосаксонская аристократия была практически полностью истреблена и замещена новой нормандской знатью. Представители последней, наряду с новоприобретенными землями, сохраняли обширные владения в Нормандии и подолгу отсутствовали в Англии. Многие из них рассматривали свои английские территории как источник дохода, и «даже тот, кто имел на континенте совсем немного земли, став обладателем крупных поместий в Англии, вовсе не спешил окончательно распорядиться своей небольшой земельной собственностью в Нормандии»⁴, поскольку «в сознании многих завоевателей и их старших наследников истинным домом оставалась» именно Нормандия⁵. Конфликт нормандцев и жителей Англии, начавшийся после 1066 г., носил не только этническую, но и социальную окраску, однако именно этнический компонент имел первостепенное значение. Таким образом, Нормандское завоевание на протяжении долгого времени служило символической отправной точкой англо-французских отношений. Широкий круг связанных с ним образов и тем стал важной частью английской и французской идентичностей более поздних эпох.

То, как себя воспринимали, называли, кем себя считали представители нормандской знати в Англии, составляет круг наиболее релевантных вопросов, ответы на которые я постарался дать в данной статье.

Ввиду того, что попытки анализа титулатуры в грамотах представителей королевской фамилии и письмах священнослужителей уже предпринимались ранее⁶, я считаю необходимым

⁴ Репина Л.П. Феодальные элиты и процесс этнической консолидации в средневековой Англии // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 240.

⁵ Там же.

⁶ См.: Ходячих С.С. Нормандская аристократия в Англии (1066–1087): проблемы конструирования идентичности и self-identification (на материале анализа титулатуры в «Грамотах Вильгельма I») // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8 (URL: <http://www.teoria-practica.ru/-8-2012/history/khodyachikh.pdf> [дата обращения: 15.11.2013]); Он же. Проблемы родства и власти в нормандской Англии (1066–1087 гг.): casus Mathildae reginae (на материале «Грамот Вильгельма I») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2012. С. 266–271; Он же. Vita Sancti Lanfranci архиепископа Кентерберий-

сосредоточиться на изучении этнических и социальных именованных прочей нормандской знати.

В политической жизни Англии после 1066 г. значительную роль играли светские магнаты: бароны, графы и шерифы. Если первые два титула имели статус должностного лица и являлись, скорее, наградой за верную службу королю, то шерифы обладали административно-судебными функциями в пределах вверенных им административно-территориальных образований.

Одним из самых известных и крупных светских магнатов Англии последней трети XI в. был первый граф Честера (1071–1101 гг.), сподвижник Вильгельма Завоевателя Гуго д'Авранш. В Нормандии (ее западной части) Гуго имел обширные земельные владения, унаследованные им от своего отца. В начале 1060 гг. его заметил герцог Вильгельм, в результате чего он стал одним из рыцарей, самых приближенных к будущему английскому королю. Считается, что именно Гуго предоставил Вильгельму порядка шестидесяти кораблей для переправы его войска в Англию. Но, в битве при Гастингсе он участия не принимал, так как ему было поручено управлять Нормандией в отсутствие Вильгельма⁷. Во время восстания баронов 1088 г.⁸ Гуго выступил на стороне Вильгельма Рыжего.

ского и состояние английской церкви (на материале «Писем архиепископа Ланфранка») // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Сб. ст. Междун. науч.-практич. конф., посвященной 90-летию со дня рождения профессора В.Е. Майера. Ижевск, 2008. С. 466–475.

⁷ The Complete Peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom, Extinct or Dormant / Ed. by G.E. Cokayne. Gloucester, 2000. Vol. III. P. 164–165.

⁸ После смерти Вильгельма Завоевателя в 1087 г. права на английский престол предъявил его старший сын Роберт, бывший на тот момент герцогом Нормандии. Ввиду того, что многие английские бароны имели земельные наделы в Нормандии, а нормандские магнаты принесли оммаж Роберту как преемнику Вильгельма, возник кризис. Организатором восстания против Вильгельма Рыжего стал епископ Байе Одо. По словам Вильгельма Мальмсберийского, мятеж имел необычайные масштабы и коснулся многих представителей знати. Тем не менее, при поддержке духовенства во главе с архиепископом Кентерберийским Ланфранком и незнатного англосаксонского населения Англии, восстание было подавлено (см.: William of Malmesbury. *Gesta Regum Anglorum. The History of the English Kings* / Ed. and transl. by R.A.B. Mynors, compl. by R.H. Thompson and M. Winterbottom. Oxford, 1998. Vol. I. P. 544–548; *Strevett N. The Anglo-Saxon Aristocracy under Divided Lordship, 1087–1106: A Social and Political Study* / Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Glasgow: University of Glasgow, 2005. P. 90).

По меньшей мере, пять грамот и одно послание оставил Гуго д'Авранш. Во всех документах он именуется «графом Честера» (*Cestrensis comes*), либо просто графом (*comes*)⁹, а в одной грамоте особо подчеркивается его *нормандское* происхождение, причем дважды: «Гуго, сын нормандцев» (*Hugo filius Normanni, Hugoni Normanni filio*)¹⁰. Это особенно важно, так как многие нормандцы имели о себе исключительно положительное представление и стремились обозначить свое этническое превосходство¹¹. В тексте т.н. грамоты-основания аббатства Сент-Вербург 1093 г. (*Sanctorum prisca*) встречаются разные сочетания титулов Гуго. Они выражают его как этническую, так и социальную самоидентификацию. Так, в начале он называет себя «Гуго, граф Честера» (*Hugone Cestrensi comite, Hugo comes Cestrensi*), а по ходу документа просто «графом», причем неоднократно (*Hugo comes*). В конце грамоты на первом месте стоит подпись и печать Гуго (*Signum Hugonis*

⁹ Confirmation of Hugh I's gifts to the abbey of St. Evroul of land and tithes in Little Pillerton (Warws.) and in Brickhill and Sauley (Bucks.), and of the gifts of Robert of Rhuddlan, given with the earl's consent, of West Kirby (Wirral), the church of St. Peter in Chester, and the churches of Marston and Byfield (Northants.), and the gifts of other of the earl's men, viz. Roscelin of Stainton, Osbern son of Tesson of Newball, Baldric of Farforth, Roger of Milly and Brisard (all in Lincolnshire), and of Robert Pultrel in Liecestershire // *The Charters of the Anglo-Normans Earls of Chester*. P. 1071-1237 // *The Record Society of Lancashire and Chester* / Ed. by G. Barraclough. Gloucester: Record Society of Lancashire and Cheshire, 1988. Vol. 126. P. 1-2; Letter to Rainald abbot of Abingdon agreeing, after consulting his wife and barons, to hand over the land (Shippon, Berks.) for which the abbot had petitioned, on condition that he should receive £30 from the latter and be treated as one of the brethren in prayers and other religious ceremonies // *Ibidem*. P. 2; Gift of Atherstone (Warws.) to the abbey of Bec // *Ibidem*. P. 11; Notification to Thomas archbishop of York, William Percy and the sheriff of York of his confirmation to Prior Reinfrid and his convent of the church of St. Peter at Whitby and his gifts of the church of Flamborough with the tithes of French and English // *Ibidem*. P. 11-12; *Allen R. The Norman Episcopate, 989-1110*. Glasgow, 2009. Vol. 1. P. 52-60.

¹⁰ The so-called foundation charter of St. Werburgh's abbey (*Sanctorum prisca*) // *The Charters of the Anglo-Normans Earls of Chester...* P. 5.

¹¹ К примеру, первый граф Шрусбери, один из крупнейших земельных магнатов Англии конца XI в. Роджер Монтгомери в начале 1080-х гг. с гордостью объявил себя «нормандцем, [рожденным] нормандцами» (*ex Northmannis Northmannus*). См.: No. 281. Troarn, abbey of Saint-Martin Version I 1080 × 1082 // *Regesta Regum Anglo-Normannorum* (далее – RRAN): *The Acta of William I, 1066-1087* / Ed. by D. Bates. Oxford, 1998. P. 844.

comitis), после чего следует перечисление свидетелей: родственников Гуго и других должностных лиц. В документе упомянут и король Вильгельм Рыжий, причем без этнонимических «регалий» (*rege Willelmo, regis Willelmi*), а также его ближайшие родственники – «знаменитый» отец Вильгельм Завоеватель (*Willelmi patris eius nobilissimi regis*), мать Матильда (*et matris eius Mathildis regine*), братья, сестры (*fratrumque et sororum eius*) и король Эдуард (*regis Edwardi*).

В одной из грамот Вильгельма Завоевателя Гуго также фигурирует в качестве дарителя ряда земель нормандскому аббатству Сент-Эврুলь в Уорикшире и Бакингемшире. При этом, встречается все та же формула: «Гуго, граф Честера» (*Hugo Cestrensis comes, Hugone Cestrensi comite*)¹².

Любопытна одна из грамот Гуго, в которой он извещает архиепископа Йорка Томаса, Вильгельма де Перси и шерифа Йорка о своем решении передать церковь святого Петра в Уитби настоятелю Рейнфриду и его монастырю, а также о пожаловании церкви Флэмборо десятин, выплачиваемых как французами (*Francigenis*), так и англичанами (*Anglicis*)¹³. В тексте этого документа, составленного между 1086 и 1100 г., Гуго традиционно именуется «графом Честера» (*Hugo Cestrensis comes*) и не менее традиционно приветствует «моих управляющих, помощников и всех верноподданных» (*prepositis et ministries meis et omnibus fidelibus*)¹⁴. В очередной раз перед нами пространная формула «всех французов и англичан» (*cum omnibus... Francigenis et Anglicis*), из которой следует, что именно французы (нормандцы) были «первичными» акторами в официальных документах своих соотечественников.

¹² Confirmation of Hugh I's gifts to the abbey of St. Evroul of land and tithes in Little Pillerton (Warws.) and in Brickhill and Sauley (Bucks.), and of the gifts of Robert of Rhuddlan, given with the earl's consent, of West Kirby (Wirral), the church of St. Peter in Chester, and the churches of Marston and Byfield (Northants.), and the gifts of other of the earl's men, viz. Roscelin of Stainton, Osbern son of Tesson of Newball, Baldric of Farforth, Roger of Milly and Brisard (all in Lincolnshire), and of Robert Pultrel in Liecestershire // *The Charters of the Anglo-Normans Earls of Chester...* P. 1.

¹³ Notification to Thomas archbishop of York, William Percy and the sheriff of York of his confirmation to Prior Reinfrid and his convent of the church of St. Peter at Whitby and his gifts of the church of Flamborough with the tithes of French and English // *The Charters of the Anglo-Normans Earls of Chester...* P. 11-12.

¹⁴ *Ibidem*. P. 12.

Из приведенных выше примеров видно, что в английских грамотах Гуго именовал себя исключительно как хозяин *английских* земель, граф Честера (*Cestrensis comes*). Но означает ли это, что и другие представители нормандской знати называли себя подобным образом? И можно ли в таком случае вести речь о т.н. территориальной идентичности?

Мною уже были упомянуты события 1088 г., когда против Вильгельма Рыжего восстала значительная часть баронов. Далекое не последнюю роль в восстании сыграл Роджер Монтгомери¹⁵, нормандский аристократ, сподвижник Вильгельма Завоевателя и, как и Гуго д'Авранш, один из крупнейших землевладельцев Англии последней трети XI века. Согласно Вильгельму Жюмьежскому, он был одним из пяти сыновей (Гуго, Роберт, Роджер, Вильгельм и Гилберт) нормандского рыцаря Роджера де Монтгомери, после ссылки которого он вместе с братьями остался в Нормандии¹⁶. Имя его отца подтверждено грамотой конца 1070 – начала 1080 г., где «Роджер, нормандец, рожденный нормандцами, сын Роджера» дарует аббатству святого Мартина в Троарне имущество во славу души «его жены Мабиллии, недавно скончавшейся»¹⁷.

¹⁵ Роджер присоединился к восстанию части англо-нормандской аристократии против Вильгельма Рыжего, однако его войска были быстро разбиты в районе Вустершира местным епископом Вульфстаном. Примечательно, что вскоре Роджер перешел на сторону короля и даже поучаствовал в разгроме мятежников. Подр. см.: William of Malmesbury. *Gesta Regum Anglorum*. Vol. I. P. 544–548, 700–704, 718.

¹⁶ *Histoire des ducs de Normandie*, par Guillaume de Jumiège / Ed. by M. Guizot. Paris, 1826. Vol. VII, 2. P. 168. Вильгельм Жюмьежский отмечает, что отец Роджера Монтгомери совершил ряд преступлений, за что и был сослан. Французский хронист XIII в. Альберик из Труа-Фонтен называет Роджера Монтгомери (*Rogerum de Montgomeri*) сыном некоего Иосцелина (*Iosceline*). См.: *Chronica Albrici Monachi Trium Fontium, A Monacho Novi Monasterii Hoiensis Interpolata // Monumenta Germaniae Historica SS XXIII*. P. 821. Также см.: *Vicomte du Motey. Origines de la Normandie et du duché d'Alençon. Histoire des quatre premiers ducs de Normandie et des Talvas, princes de Bellême, seigneurs d'Alençon, de Sées, de Domfront, du Passais et du Saosnois, precede d'une etude sur le diocese de Sées au IXe siècle, de l'an 850 à l'an 1095*. Paris, 1920. P. 289–292.

¹⁷ No. 281. Troarn, abbey of Saint-Martin Version I 1080 × 1082 // RRAN: *The Acta of William I, 1066-1087*. P. 844; *Calendar of Documents preserved in France illustrative of the history of Great Britain and Ireland / Ed. by J.H. Round*. London, 1899. Vol. I, 918–1206. P. 249.

В другом документе 1055 г. герцога Нормандии Вильгельма (дарение имущества аббатству Мармутье) он фигурирует как виконт Лемуа¹⁸ (*vicomte de l'Hiémois*)¹⁹. Также Роджер упоминается как один из трех свидетелей (наряду с Вильгельмом Фиц-Осберном и Ричардом, шерифом Авранша) в конце грамоты 1055 г. (или 1056 г.) Вильгельма II при передаче «села Константино и поместья Флотоман» северофранцузскому аббатству Сен-Флорен в Сомюре²⁰. В кампании 1066 г. он участия не принимал, и лишь в декабре 1067 г. отправился в Англию, где получил от новоиспеченного короля обширные земельные владения во многих графствах, «в первую очередь замок Арундел и город Чичестер» в Западном Сассексе²¹, а также был удостоен титула первого графа Шрусбери. В грамоте 1066 г. он дарует помилование аббатству святой Троицы в Руане за клевету²², а в документе 1070 гг. – собственность аббатству Нотр-Дам в Беллеме: «Граф Роберт... и его супруга Мабилиа, а также их сын Роберт» (*Rogerus comes...et sua uxor Mabilia, atque suus filius Robertus*)²³.

На основании сравнительно небольшого числа сохранившихся грамот Роджера Монтгомери, однозначный вывод о его самоидентификации сделать довольно тяжело. Тем не менее, обращают на себя внимание два факта. Во-первых, в нормандских документах присутствуют указания на континентальные владения и нормандскую этническую принадлежность Роджера. Во-вторых, неизвестно, насколько высоко он ценил свой английский титул графа Шрусбери, поскольку в тексте английских грамот он

¹⁸ Современное название – Эксме, коммуна в департаменте Орн префектуры Алансон региона Нижняя Нормандия на северо-западе Франции.

¹⁹ Histoire du château et des sires de Saint-Sauveur-le-Vicomte, Pièces justificatives / Ed. by L. Delisle. Valogne, 1867. XXV. P. 28.

²⁰ Chartes normandes de l'abbaye de Saint-Florent près Saumur de 700 à 1200 environ // Mémoires de la Société des Antiquaires de la Normandie / Ed. by P. Marchegay. Caen, 1880. T. XXX. VI. P. 670.

²¹ Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History of England and Normandy / Transl. and introd. by T. Forester. London, 1854. Vol. II. P. 263.

²² Cartulaire de l'abbaye de la Sainte-Trinité du Mont de Rouen / Ed. by A. Deville // Cartulaire de l'abbaye de Saint-Bertin // Collection des cartulaires de France / Ed. by M. Guérard. Paris, 1840. P. 444.

²³ Cartulaire de Marmoutier pour la Perche / Ed. by M. l'Abbé Barret. Mortagne, 1894. P. 4.

фигурирует либо просто как Роджер, либо как граф Роджер (*Rogerus comes*).

Помимо Роджера Монтгомери, против Вильгельма Рыжего на стороне герцога Роберта и епископа Одо выступили Роберт де Мортен, епископ Кутанса Готфрид и Роберт де Моубрей. В грамоте-пожаловании имущества аббатству Сен-Бенуа-сюр-Луар (датирована 9 января 1083 г.) Роберт называет себя «графом Мортена, братом Вильгельма, короля англичан и принцепса нормандцев» (*Robertus Moretonii comes frater Vilelmi Anglorum regis et Normannorum principis*)²⁴. Именно он убедил Вильгельма Завоевателя простить и помиловать их брата епископа Байе Одо, который находился в заключении. Весной 1088 г. Роберт оборонял дарованную ему крепость в порту Певенси от войск Вильгельма Рыжего, но был вынужден сложить оружие и принести клятву верности королю. Некролог церкви Мортена фиксирует 8 декабря 1095 г. смерть Роберта, «графа Мортена, основателя этой церкви» (*Robertus comes Moretonii fundator istius ecclesie*)²⁵.

Роберт де Мортен и Готфрид неоднократно фигурируют в грамотах короля Вильгельма I²⁶. Так, в одной из грамот аббатства святой Этельдреды в Или Вильгельм предписывает «епископу Готфриду и графу Мортена Роберту» (*Gosfrido episcopo et Rodb(er)to comiti Moritonio*), собрать всех, кто имеет земли в окрестностях аббатства Или, и сделать так, чтобы эти территории вновь принадлежали аббатству, как это было во времена короля Эдуарда Исповед-

²⁴ Recueil des chartes de l'abbaye de Saint-Benoît-sur-Loire / Ed. by M. Prou and A. Vidier. Paris, 1907. P. 203. Также см. грамоты «Короля Вильгельма I», в которых встречается и имя Роберта де Мортена. Напр.: No. 286. Wells cathedral and see May 1068 // RRAN: The Acta of William I, 1066–1087. P. 863–865; No. 151. Glastonbury, abbey of St Mary 1080 × 1083, and perhaps 1082 × 1083 // Ibidem. P. 504–506; No. 152. Gloucester, abbey of St Peter (1070 or 1072 × 1087) // Ibidem. P. 507–508.

²⁵ Ex Obituario ecclesiae Moretoniensis // Recueil des Historiens des Gaule et de la France / Ed. by L. Delisle, C-M-G. Bréchillet Jourdain and N. de Wailly. Paris, 1894. T. 23. P. 583. Электронная версия издания находится по адресу (онлайн библиотека Национальной библиотеки Франции, Париж [Bibliothèque Nationale de France]) (URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50141v> [дата обращения: 15.11.2013]).

²⁶ Епископ Готфрид часто фигурирует вместе с архиепископом Ланфранком. См. грамоты № 83, 117–127, 129, 152, 265, 347, 350 в издании: RRAN: The Acta of William I, 1066–1087.

ника²⁷, а в другой сообщает «архиепископу Ланфранку, епископу Кутанса Готфриду и графу Роберту» (*Lanfranco archiepiscopo et Gosfrido Constantiarum episcopo atque Rodberto comiti*) о том, что аббат Или должен быть беспрепятственно рукоположен, а также наделен правом владеть землями и собирать пошщины. Сохранились и документы, выпущенные от имени Готфрида, например, одна из грамот собора в Вустере, в которой епископ Кутанса информирует «епископа [Линкольна] Ремигия, Вальтера Джиффара, Генриха де Феррье, Адама и остальных королевских баронов» (*Gosfridus Constantiensis episcopus Remigio, et Walterio Giffardo, et Henrico de Ferer', et Adam ceterisque baronibus regis*) о том, что по указанию короля он присутствовал на тяжбе между епископом Вульфстаном и аббатом Ившема Вальтером, где епископ доказал, что четыре гайды Бенгевода (Вустершир) и дома в Вустере относятся к его владениям и что аббат должен принести ему присягу, как и другие жители. Примечательно, что в тексте грамоты три раза встречается титул *regis*, но ни разу не упоминается имя короля Вильгельма²⁸.

Итак, перед нами практически идентичная картина: в английских документах присутствует только титул нормандских магнатов, тогда как в нормандских грамотах, помимо титулатуры, как правило, фигурируют этнические и топонимические маркеры. Однако для более полной картины я считаю необходимым перейти к анализу Жюмьежских грамот, а именно документов светских лиц²⁹.

²⁷ No. 119. Ely, abbey of St Etheldreda 1081/2 × 1083, and perhaps late 1082 or early 1083 // RAN: The Acta of William I, 1066–1087. P. 421–422. Вильгельм всячески стремился подчеркнуть преемственность с Эдуардом Исповедником. Как отмечает один из авторов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона» А. Кудрявцев, «В[ильгельм] очень заботился о том, чтобы возложить на себя корону не в качестве завоевателя, а в качестве законного наследника Эдуарда, и короноваться в Вестминстере с соблюдением всех обычных обрядов <...>. Но никаких важных изменений не было произведено на первых порах». См.: Вильгельм Завоеватель // Энциклопедический словарь. Т. VI. Венцано – Виона / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1894. С. 358.

²⁸ No. 350. Worcester, cathedral and see 1086 // RAN: The Acta of William I, 1066–1087. P. 1000–1001.

²⁹ Подр. о Жюмьежских грамотах и особенностях составления документов в Жюмьежском аббатстве в XI в. см.: Tock B-M. Les chartes originales de l'abbaye de Jumièges jusque'en 1120 // Tabularia «Études». 2002. №. 2. P. 1–19. О скриптории Жюмьежского аббатства и истории начала составления документов в X веке. См.: Le Maho J. La production éditoriale à Jumièges vers le milieu du Xe siècle // Tabularia «Études». 2001. №. 1. P. 11–32.

Содержательную часть грамоты Парижского рыцаря Пьера (по-видимому, речь о Пьере де Моле, сыне Ансольда де Моле) предваряет внушительная преамбула, которая, помимо традиционных вступительных слов, включает ветхозаветные и новозаветные аллюзии, после чего следует сама формула «Я, Пьер из Парижа, рыцарь...» (*ego Petrus Parisiacensis*)³⁰. Пьер де Моле, по просьбе аббата Роберта, подтверждает пожалование, сделанное его отцом Ансольдом аббатству Жюмьеж. Любопытно, что для обозначения отца Пьера, Ансольда, используются разные существительные: *pater* (отец, предок) и *genitor* (родитель, отец): «отец мой, по имени Ансольд» (*pater meus, Ansoldus nomine*³¹, *patris mei*³²) и «также мой отец, известный как Ансольд» (*meus genitor scilicet Ansoldus*)³³. В тексте неоднократно упоминаются супруга (*mea uxor*) (без указания имени) и наследник Пьера (сын Готфрид), трижды фигурирует прилагательное «королевский», и лишь в самом конце грамоты стоит приписка: «в правление короля Филиппа, год XI» (*regnante Phylippo rege anno. XI*). Предельно лаконичным выглядит перечень свидетелей: после одиночного имени Петра (*S[ignum] Petri*) стоит имя его сына Готфрида (*S[ignum] Gausfridi filii ejus*)³⁴, следом идут прочие уполномоченные лица, также без обозначения принадлежности к той или иной социальной категории. Как видно из этого документа, *ненормандец* Пьер в первую очередь заявляет о себе как о выходеце из Парижа. Это примечательный факт, так как в Жюмьежских грамотах, в отличие от большинства нормандских документов, далеко не все действующие лица указывали на свою этническую принадлежность.

К примеру, во вступительной части грамоты, предположительно данной виконтом Готье Пайеном (1077 г.), перечисляются год, правители Франции и Нормандии, но (!) отсутствует имя самого Готье (по-видимому, оно находится в списке свидетелей на третьем месте: «Готье, его сын» (*Galterius, filius ejus*), хотя приписка

³⁰ Pierre de Paris, chevalier, à la requête de l'abbé Robert qui lui remet, en retour, livres de deniers et un cheval, confirme la donation faite par Ansold son père à l'abbaye de Jumièges du fief de Colombières // Chartes de l'Abbaye de Jumièges (v. 825 à 1204). Conservées aux archives de la Seine-Inférieure / Publ. avec introd. et notes par J.-J. Vernier. Rouen-Paris, 1916. T. I, v. 825 à 1169. P. 79.

³¹ Ibidem.

³² Ibidem. P. 80.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem. P. 81.

filius ejus была сделана позже)³⁵. И этот случай далеко не единственный. В то же время имя и титул короля Франции Филиппа стоят перед регалиями герцога Вильгельма, при этом используются не совсем характерные для источников этого периода предлог (*apud*) и прилагательное, описывающее этническую принадлежность правителя Франции (*Francos*): «в правление Филиппа, у франков, но и Вильгельма, герцога нормандцев, у англичан» (*regnante Philippo apud Francos, Willelmo autem, Normannorum duce, apud Anglos*)³⁶.

Одним из важных вопросов является то, как нормандские подданные воспринимали своего правителя – герцога Вильгельма, какими характеристиками наделяли. В грамотах нормандской знати имя Вильгельма Завоевателя упомянуто нечасто. Как отмечает Б.-М. Ток, чаще герцоги Нормандии встречаются в списках свидетелей и в основном это частные акты³⁷. Если имя Вильгельма и присутствует, то фигурирует в первую очередь его герцогский титул (*dux Normannorum*), либо одновременно герцогский и королевский (*rex Anglorum*). Эта тенденция, в целом, характерна для континентальных документов последней трети XI в.: для своих подданных в Нормандии Вильгельм оставался, прежде всего, правителем их герцогства. Однако были и исключения.

Так, в одном из немногочисленных документов, грамоте некоего Радульфа, подтверждается пожалование Фульком де Милонисвиллем аббатству Жюмьеж шести акров земли и всех налогов. В ее тексте встречается формула: «В год от воплощения Господа тысяча семьдесят девятый, в правление великого короля англичан Вильгельма» (*anno ab incarnatione Domini. M.LXX. nono, regnante mango rege Anglorum Willelmo*)³⁸, при этом нет никаких намеков на герцогский титул Вильгельма. Любопытна и грамота констебля

³⁵ Версию о принадлежности этой грамоты к Готье Пайену высказал Вернье в своем издании грамот Жюмьежского аббатства. См.: Gautier Payen fait remise à l'abbé Robert et aux religieux de Jumièges du prix exigé d'eux pour le poteau auquel ils attachaient leur bateau, avec faculté pour eux de reporter ledit poteau en amont ou en aval le long de ses terres, et de tout ce qu'il pouvait prétendre sur leurs vignes de Mézières // Chartes de l'Abbaye de Jumièges... P. 83.

³⁶ Ibidem. P. 84. Подробнее о грамоте Готье Пайена см.: Ток Б.-М. Les chartes originales de l'abbaye de Jumièges jusqu'en 1120 // Tabularia «Études». 2002. №. 2. P. 10-11.

³⁷ Ibidem. P. 12.

³⁸ Raoul Le Chambrier confirme la donation que Foulque de Mirville fit aux religieux de Jumièges de l'église de Mirville, de six acres de terre et de toute la dime // Ibidem. P. 108.

Гуго де Монфора, одного из сподвижников Вильгельма, которая заканчивается следующими словами: «да здравствует король, который завоевал Англию» (*vivente rege qui Angliam conquisivit*)³⁹. Понятно, что в данном случае идет речь о Вильгельме, однако в тексте документа он не упомянут. А вот в грамоте некоего Балдрика, напротив, имя короля Англии встречается, хотя сопровождается пояснением: «во времена короля Вильгельма, который с боем присоединил [добавил] Англию» (*tempore Willelmi regis, qui Angliam bello adquisivit*)⁴⁰. Очевидно, автор хотел сказать, что Вильгельм присоединил (добавил) Англию к Нормандии, которая в сознании жителей герцогства оставалась главной политической единицей объединенного Англо-нормандского королевства. Таким образом, перед нами завуалированная попытка показать примат Нормандии над Англией, что встречается в тексте грамот не так часто.

Продолжая данную тему, следует отметить, что в грамотах Жюмьежского аббатства прослеживается линия наследования Нормандии старшим сыном Вильгельма Завоевателя Робертом. В этом плане показательна грамота Вильгельма графа Эвре (1065–1118 гг.), сына архиепископа Руана Роберта и внука Ричарда, герцога Нормандии, составленная через несколько месяцев после кончины Вильгельма Завоевателя (начало декабря 1087 г.). Это подтверждение графом Вильгельмом пожалования (право сбора третьей части налогов в Турвиль-ла-Ривьере), которое было сделано аббатству Жюмьеж одним из его должностных лиц Вильгельмом де Сакенвиллем. Преамбула начинается со следующих слов: «в год, когда Вильгельм, король англичан, закончил свою продолжительную и удрученную страданиями жизнь, наследовал его сын Роберт, герцог в Нормандии, во вторые ноны декабря» (*ipso anno quo Guilelmus rex Anglorum potentissimus istam erumnosam vitam finivit, succedente filio ejus Rotberto in Nortmannia comite, .II. nonas decembris*), после чего Вильгельм называет себя «герцогом и графом города Эвре» (*Ego Guilelmus, dux et comes*

³⁹ Hugue de Monfort confirme la donation de Guillaume de Beaumais, y ajoute deux grebes de la dime de la paroisse, et en meme temps abandonne à l'église de Flancourt toute la dime qu'il prenait sur son domaine // Ibidem. P. 109.

⁴⁰ Baudry d'Épreville cede à l'abbaye de Jumièges deux parts de la dime de Flancourt et la moitié de la dime d'Épreville, moyennant quoi il devra, ainsi que sa femme, être hébergé gratuitement au monastère à Noël, à Pâques et le jour la fête de saint Pierre // Ibidem.

Ebroacensis civitas)⁴¹. Эта формула весьма примечательна: во-первых, перед нами одновременное присутствие двух титулов (*dux* и *comes*), которые, по существу, дублируют друг друга, во-вторых, нигде больше нет упоминания рядом с каким-либо географическим объектом такого распространенного в древнеримской традиции пояснения как *civitas* (*Ebroacensis civitas*)⁴².

Упоминания о Роберте содержатся и в других Жюмьежских документах. Например, в двух грамотах Рауля (Радульфа) д' Ансерета, составленных после 1087 г. Первая грамота датируется концом марта 1088 г., вторая – периодом с 1092 по 1096 г. (по-видимому, дана в Лизье). Встречается в тексте и Вильгельм Завоеватель, для обозначения которого используются эпитеты, выраженные прилагательными в превосходной степени: «самый славный и самый почтенный, любимый Богом Вильгельм, король англичан и герцог Нормандии» (*gloriosissimus atque reverentissimus Deoque amabilis Guilelmus, rex Anglorum comesque Normannie*)⁴³. В данном случае перед нами нехарактерная замена в использовании конструкции «герцог нормандцев» (здесь – «герцог Нормандии»). Как и во многих нормандских грамотах, герцогский титул Вильгельма представлен словом *comes*, в отличие от *dux*, более характерного для английских документов. Сам Радульф называет себя «Радульфом, сыном Ансерета» (*Ego Radulfus, filius Anseredi*)⁴⁴, при этом в тексте источника фигурируют его супруга (*uxor mea*), а в месте расположения печати – герцог Нормандии Роберт (*Signum Rotberti, comitis Normannie*) и будущий король Англии Генрих (*Signum Henrici comitis fratris ejus*)⁴⁵.

В тексте второй грамоты Радульфа д' Ансерета называются имена его супруги (Гирберга), а также «Роберта, герцога нормандцев» (*Rotbertus dux Northmannorum*), который «в присутствии своих баронов в

⁴¹ Confirmation par Guillaume, duc et comte d'Évreux, de la donation faite à l'abbaye de Jumièges par un de ses officiers, nommé Guillaume de Sacquenville, de la troisième partie des dîmes de Tourville[-la-Rivière] // Ibidem. P. 115.

⁴² Ibidem.

⁴³ Raoul, fils d'Anserède, donne à l'abbaye de Jumièges son fief de Beaunay consistant en terres et droits seigneuriaux à Offranville, Bernouville, Tôtes et Vapeaumem avec son droit sur deux moulins sis à Beaunay et la dime d' « Anseville» // Chartes de l'Abbaye de Jumièges... P. 116.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem. P. 118.

Лизье» эту грамоту подтвердил⁴⁶. Примечательно расхождение в титулатуре герцога Роберта: если в тексте документа (а также приписке к грамоте на другой стороне пергамента, которую составитель сборника Вернье выделил в самостоятельную источниковую единицу⁴⁷) встречается *dux*, то в пространный список свидетелей, который начинается Роберт, – более привычный для нормандских источников *comes* (*Signum Robertii comitis*). Следует отметить, что после смерти Вильгельма Завоевателя титул *comes* стал ассоциироваться с его сыновьями.

Наконец, в нашем распоряжении имеются шесть Жюмьежских грамот, которые относятся к концу XI в. и не имеют точных датировок⁴⁸. Одна из них – сообщение о пожаловании королем англичан Вильгельма Жюмьежскому аббатству церковью Вюмтебюрнесток (*Vumteburnestok*) и Цинтюн (*Cintune*) со всеми относящимися к ним правами⁴⁹. Документ примечателен, пожалуй, лишь стандартной формулой «и всех своих французов и англичан в королевстве» (*et omnibus regnis suis francis et anglis*), упоминанием супруги Вильгельма Матильды (*meeque conjugis Mathildis*) и «предшественника короля Эдуарда» (*predecessor ejus in diebus regis Edwardi*)⁵⁰, а также отсутствием указания на его (Вильгельма) герцогский титул.

Оставшиеся четыре грамоты представляют собой пожалования аббатству Жюмьеж различных земельных наделов, тогда как в пятой, напротив, аббат Роберт вместе с монахами передает в пожизненное пользование известному светскому магнату Гуго де Монфору землю в Лиллетоте, арендованную у некоего Адемара и его вассалов⁵¹. В ней отсутствует список свидетелей, но вместо этого сто-

⁴⁶ Cession par Raoul, fils d'Anserède, et Girberge sa femme à l'abbaye de Jumièges de la moitié d'Étables, d'un Moulin et de leur droit de coutume dans la forêt // Chartes de l'Abbaye de Jumièges... P. 120.

⁴⁷ Confirmation par Robert [II] duc de Normandie, en presence de Guillaume, archevêque de Rouen, de Gilbert, évêque de Lisieux, d'Eude, évêque de Bayeux, de Gilbert, évêque d'Évreux, de Serlon, évêque de Séez, de Robert, comte de Meulan, de Raoul de Mortemer et de plusieurs autres qui ont signé à l'acte // Ibidem. P. 121.

⁴⁸ Как отмечает Б.-М. Ток, большая часть Жюмьежских грамот не имеет датировок. См.: Ток В.-М. Les chartes originales de l'abbaye de Jumièges jusque'en 1120 // Tabularia «Études». 2002. №. 2. P. 14.

⁴⁹ Notification par G[uillaume-le-Conquérant], roi d'Angleterre, de la donation par lui faite à l'abbaye de Jumièges des églises de Vumteburnestok et de Cintune avec tous les droits y afferents // Chartes de l'Abbaye de Jumièges... P. 125–126.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Robert, abbé de Jumièges, et les religieux donnent à Hugue de Monfort la jouissance viagère d'une terre affermée à Adhémar, un de leurs vassaux, et située à Lilletot // Chartes de l'Abbaye de Jumièges... P. 126–127.

ит приписка: «Расписка, подтверждающая эту запись» (*Cirographum testimonii istius scripturae*)⁵².

В грамоте графа Вексена Дро (Дрого)⁵³ с монахами Жюмьежа согласовываются условия свободного продвижения судов Дрого в Понтуазе и Манте без оплаты дополнительных пошлин⁵⁴. Вслед за длинной преамбулой Дрого именуется графом «по воле верховного короля» (*superni regis nutu comes*)⁵⁵. Характерно, что эта уступка со стороны монахов Жюмьежа была сделана еще во времена короля Франции Роберта II (996–1031 гг.) и герцога Нормандии Ричарда II (996–1026 гг.), а позже подтверждена Филиппом I (1060–1108 гг.): «Это дарение было сделано во времена Роберта, короля франков [французов], герцога Ричарда, единолично правящего нормандцами» (*Constat hec facta donacio tempore Roberti, regis Francorum, Rukardo comite viriliter regnum gubernante Normannorum*)⁵⁶. Перед списком свидетелей располагается подтверждение, данное Филиппом I: «Я, Филипп, король франков [французов], милостью Божьей, подтверждаю» (*Ego Philippus, rex Francorum gratia Dei, confirmo*)⁵⁷.

Судя по данным приведенных источников, при составлении грамот существенная роль отводилась этническим и социальным маркерам, при этом для нормандцев крайне важным было показать первичность своего неанглийского происхождения, подчеркнуть свою обособленность, исключительность. В одних документах это проявляется в большей степени, в других – в меньшей. Этнические, как и социальные именованья нормандцев в английских грамотах разнятся в зависимости от того, кем и где составлен документ. Нормандские грамоты дают более или менее единую картину, однако из этого «правила» выбиваются документы Жюмьежского аббатства. Так все же, какие именно факторы повлияли на самоидентифика-

⁵² Robert, abbé de Jumièges, et les religieux donnent à Hugue de Monfort la jouissance viagère d'une terre affermée à Adhémar, un de leurs vassaux, et située à Lilletot... P. 127.

⁵³ Судя по всему, речь идет о Дрого, графе Вексена, Амьена и Манта (1017–1035 гг.), одного из соратников отца Вильгельма Завоевателя Роберта, который приходился родственником королю Англии Эдуарду Исповеднику (был женат на сестре Эдуарда).

⁵⁴ Dreux, comte de Vexin, accorde aux religieux de Jumièges, pour leurs bateaux, la liberté de passage à Pontoise et à Mantes, sans qu'ils aient à acquitter aucun droit // Chartes de l'Abbaye de Jumièges... P. 128–131.

⁵⁵ Ibidem. P. 130.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibidem.

цию нормандцев? Почему, к примеру, в источниках, созданных на территории Англии, они себя называли по-разному?

Во-первых, одним из ключевых факторов, повлиявших на самоидентификацию нормандцев, стало осознание своего превосходства над жителями Англии. Перед нами классический результат противостояния победителей и побежденных. Во-вторых, в каждом отдельном случае наблюдается привязка к определенной территории: разнообразные титулы соотносятся с территориальными наименованиями. Тем не менее, следует помнить об индивидуальных особенностях каждого представителя нормандского социума: к примеру, если Гуго д'Авранш считал необходимым подчеркнуть важность своего английского титула графа Честера, то Роджер Монтгомери решил не называть себя графом Шрусбери, предпочитая упомянуть только титул (граф). Наконец, стоит учитывать и личные отношения с королем Англии и герцогом Нормандии: вполне вероятно, что то или иное этническое или социальное именование использовалось в зависимости от разной степени приближенности к главной политической фигуре страны / герцогства.

**ПРИШЕДШИЕ С ХОЛОДА:
ВОСПРИЯТИЕ «КАЗАКА» НАСЕЛЕНИЕМ ФРАНЦИИ
ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ 1814 года**

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории Нового и Новейшего времени
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается как в ходе военной кампании 1814 г. гражданское население Франции воспринимало «казаков», как эволюционировал образ «казака», какие следы оставили «казаки» в коллективной памяти французов и, что собственно имелось зачастую в виду под «казаками».

Ключевые слова: история Франции, наполеоновские войны, военная кампания 1814 г., казаки, образ «Другого», коллективная память.

**CAME IN FROM THE COLD:
THE PEOPLE'S PERCEPTION OF «COSSACK»
IN FRANCE DURING THE 1814 CAMPAIGN**

A.V. Gladishev

In the article discusses how the civilian population of France perceives «the Cossacks» during military campaign 1814; as changing the image of perception of the «Cossack»; what traces left of «Cossacks» in the collective memory of the French people and what was meant by term of «the Cossacks».

Key words: the history of France; Napoleonic wars; military campaign of 1814 year; «the Cossacks»; the image of «the Other»; the collective memory.

*Если бы я разбил коалицию, <...>
я обезопасил бы мир от казаков.*

Наполеон

В 1814 г. гражданское население Франции, мирные обыватели и провинциалы, впервые в таком массовом порядке были вынуждены контактировать с русскими. Далекая и полумифическая заснеженная Россия с ее легендарными «казаками» вдруг требовательно постучалась в двери их жилищ. Всякой встречи с «Чужим»

предшествует некое предзнание, будь оно неосознанным архетипическим, или же формируемым целенаправленно «сверху» и плохо отрефлексируемым «снизу» стереотипическим представлением о «Другом». Чем напряженнее это ожидание, тем потом резче и глубже в памяти остаются первые впечатления от этой встречи. Поэтому сначала бегло набросаем контуры образа казака, который мог сложиться у французов к 1814 году.

Западноевропейцы были давно знакомы с казаками. С XVI в. казаки свободно ездили в Европу и, в том числе, и в качестве наемников. С середины XVII в. в Италии, Германии, Англии и Франции выходили книги, посвященные военному искусству казаков¹, Европа переживала определенную моду на «казачьи» (нерегулярные) части. Были свои «казаки» и в Польше, и «пандуры» в монархии Габсбургов. Что касается «русского казака», то его образ в западных источниках давно стал синонимом насильника и грабителя, варвара и убийцы. Литература «об ужасающих поступках московитских калмыков и казаков» печаталась на Западе, по крайней мере, со времен Северной войны Петра I. Иррегулярные войска – казаки, калмыки, башкиры, татары – представлялось одной дикой, плохо управляемой массой, «нецивилизованными воинами», т.е. варварами². Тому способствовало то, что казачество, столь долгое время и столь упорно настаивавшее на своей *особости* в административно-правовом отношении и ставшее со времен Петра Великого *отдельным* сословием, не могло (да и не хотело) в один день отказаться от своих привычек. Не случайно даже регулярные части не брезговали, время от времени, уходить в «поиск и разорение». Когда же дело касалось обеспечения повседневной жизни воинской части (фуражом или провиантом), то и начальство часто смотрело на казачьи экспроприации сквозь пальцы, а то и поощряло их. Со временем «казаки» приобрели такой имидж (насколько заслуженный, а насколько выдуманный вражеской пропагандой – другой вопрос), что их стали использовать и как фактор психологического устрашения, особенно местного населения, обывателей.

Все войны, которые вела Россия и в которых ее западные противники могли столкнуться с российскими иррегулярными час-

¹ «История войны казаков с Польшей» (1663) П. Шевалье, «Истинное происхождение казацкого восстания в Польше» (1674) П. Линажа и др.

² «Варвар» в просветительском дискурсе символизировал одновременно и тиранию, и невежество.

тиями, добавляли и усиливали этот образ казака, который стал непременной составляющей образа России в целом. Спустя какое-то время с той поры, как европейские государства осуществили переход от ополчения к регулярной армии, использование нерегулярных войск стало постепенно признаком «нецивилизованности». Из книги Левека³, читатели могли узнать, что казаки – страстные любители свободы, ненавидящие любое принуждение, а из переведенной на французский язык и изданной в 1786 г. книги Кокса, что свободу они любят настолько, что никого не слушаются и их даже «невозможно объединить в эскадроны»⁴.

Но русское командование, несмотря на то, что некоторые генералы, состоящие на российской службе, относились к казакам и вообще нерегулярным частям с высокомерным пренебрежением, все же продолжало использовать такие части в эпоху революционных и наполеоновских войн.

Что касается собственно французов, то поначалу пресса времен Директории, описывая армию России, вступившей в 1798 г., во 2-ую антифранцузскую коалицию, ни о каких ужасах не повествовала. В беглой характеристике русской армии нашлось несколько слов и для казаков: «Что касается настоящих уральских казаков, то это люди, оторванные от своих привычных полевых работ в надежде жить всегда за счет других. Они не имеют военной формы и носят одежду крестьян. Если это сборище браконьеров (*braconniers*) не блещет своими одеждами, то оно может, однако, убедить, что является самым лучшим войском в Европе. Почти все они вооружены дамасскими саблями и английскими пистолетами»⁵.

Через пару недель та же газета в «сообщении из Праги» возвращается к теме уральских казаков: «Авангард и арьергард русской дивизии, которая прибыла сюда 23 мессидора, состоят из уральских казаков, вышедших с берегов Яика, с западных границ

³ *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Yverdon, 1783. 6 v. T. 4. P. 152-164.*

⁴ *Coxe W. Voyage en Pologne, Russie, Suede, Danemarc et etc. Geneve, 1786. 2 v. T. 1. P. 40-41. Ср.: [Кокс] Путевые записки от Москвы до Санкт-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии. М., 1837; [Он же] По России и Польше в исход XVIII века. Путевые впечатления англичанина. 1779-1785 // Русская старина. 1907. № 8. С. 291-307; № 9. С. 617-642; № 10. С. 175-202; № 12. С. 663-675.*

⁵ *Le Compilateur des nouvelles nationales, politiques et littéraires. VII an. 7 thermidor. № 11.*

Сибири. Они очень красивые (beaux) мужчины. Густая борода покрывает большую часть их лица и часть груди. Их костюм, немного восточный, состоит из своего рода полукафтана с широкими рукавами, длинных матросских брюк, а также широкого пояса, на котором висит кривая сабля. Они носят очень тяжелые ботинки и очень высокие красные шапки. У них крупнокалиберные ружья и очень длинные пики с короткими квадратными наконечниками из железа; они очень ловко и умело используют это оружие. Их лошади маленькие, худые, но живые и энергичные. Эти животные настолько привыкли плавать, что казакам не нужен мост, чтобы пересечь самые быстрые реки. Когда идет дождь, казаки укрываются войлочным пальто с капюшоном и выглядят в таком диковинном наряде как вооруженный капуцин на лошади. Их полковник Бородин, более 6 футов роста и прекрасного телосложения. Одежда его из белой и очень тонкой шерстяной ткани. Вокруг талии – богато расшитый широкий пояс, на груди – бриллиантовый крест на малиновой ленте. На боку висит кривая турецкая сабля, чья рукоять и ножны украшены драгоценными камнями. На голове – шапка, так же украшенная камнями. За этим полком последовали полки драгун Гудовича и Свечнина. Мужчины не так красивы как казаки. Их форма свидетельствовала о проделанной дороге в 700 миль...»⁶. Казаки изображаются хоть и «браконьерами», готовыми жить «за счет других», но эти характеристики могут вообще рассматриваться как явления чисто исторические, относящиеся к прошлому.

Но победы Суворова в Италии вновь оживили архетипический страх французов перед варварами Севера. Все заговорили о «казаках» и их ужасном предводителе Суворове, который называл казаков «глазами армии». Из уст в уста передавались почерпнутые из газет рассказы, как несколькими годами раньше эти самые «русские казаки вырезали 16.000 жителей одного варшавского предместья, которых они захватили врасплох безоружными»: «Этот был подвиг в духе их вождя Суворова, невежественного и свирепого маньяка, храброго лишь, когда он напьется водки», – пугал читателей официальный «Moniteur». Клерикал и роялист, заклятый враг Французской революции граф Жозеф де Местр потрясенный зрелищем русских войск, вступающих в Падую, писал: «Я видел их, и какие мысли они мне внушили! Казаки больше похо-

⁶ Le Compilateur des nouvelles nationales, politiques et littéraires. VII an. 21 thermidor. № 17.

жи на разбойников, чем на солдат. Так вот они, скифы и татары, явившиеся из полярных стран, чтобы сразиться с французами!». Страх простых французов перед казаками порой принимал фантазмагорические формы. Некоторые, например, были всерьез уверены, что эти «бородатые с длинными пиками люди» являются в буквальном смысле людоедами. Когда Суворов появился в Швейцарии и Италии, гласит словарь французских предубеждений, то распространился слух, что «русские едят на ужин детей, как мы едим котлеты. И так думал самый просвещенный народ»⁷.

В 1799 г. Франция благополучно избежала иноземного нашествия. Но потрясение было слишком сильным. «Русская угроза», внезапно в самом конце XVIII в. ставшая реальностью, полностью соответствовала выработанному архетипу сознания. Французы на протяжении XIX столетия (особенно в период Крымской войны) будут постоянно варьировать предсказание Ж.-Ж. Руссо об азиатской угрозе, сатирически изображать русских в виде диких казаков.

Попытки Наполеона во время потепления русско-французских отношений создать позитивный образ России не давали заметных результатов. К тому же дружелюбные заявления скоро сменились враждебностью, и антирусская пропаганда возобновилась. Информация о России доходила до французов не только посредством печатного слова, но и в устной форме: в виде рассказов очевидцев, побывавших в России и вернувшихся на родину: будь то эмигранты из корпуса принца Л.Ж. Конде, или столичные модистки⁸.

Поход в Россию 1812 г. дал новую пищу для развития образа казака. Рассказы очевидцев, вырвавшихся из рук смерти, вернувшихся из заснеженных просторов России, живописали почти inferнальную картину. Даже благосклонная к России мадам де Сталь нагоняла страху на обывателей. Вот каким увидела она в 1812 году нерегулярные казачьи части на одной из станций в России: «Казачьи, не дожидаясь приказа и не получив мундиров, шли на войну в серых одеяниях с широкими капюшонами, с длинными

⁷ Chesnel de la Charbouclais L.P.F.A. Dictionnaire des superstitions, erreurs, préjugés et traditions populaires. Paris, 1856. P. 934.

⁸ Казаки при этом заслужили отдельного внимания, например, Антонио Луиджи Романо. См.: Romano A.L. de. Coup d'oeil philosophique sur le pays occupé par les Cosaques du Don: Ancienne communication découverte entre la mer Caspienne, celle d'Azow et la mer Noire. Description des moyens employés pour préserver Tscherkask, capitale de ces Cosaques, des gros débordemens du Don. Milan, 1807.

пиками в руках. Я совсем иначе представляла себе казаков. Живут они, как я и думала, за Днепром, ведут независимый образ жизни на манер дикарей, однако во время войны беспрекословно исполняют приказы командиров. Обычно самыми грозными кажутся воины, облаченные в яркие мундиры. Тусклые тона казацкого платья внушают страх совсем иного рода: кажется, будто в бой идут призраки»⁹.

Насколько невероятны были слухи, распускаемые о казаках и, вообще, о нерегулярных частях в составе русской армии можно судить по рассказу некоего Гусселя «Первые русские в Лейпциге»: «Наибольшее волнение у всех вызвали башкиры, о которых можно было услышать самые невероятные вещи и которые по слухам имели только один глаз на лбу, длинные морды и огромные клыки вместо зубов. Каково же было удивление, когда они увидели правильные черты лица и совершенно пропорциональное телосложение...»¹⁰.

Таким образом, к 1814 г. лекала, по которым кроился образ казака, уже были готовы. Французы уже познали «великий страх» 1789 г., поколение революционеров прекрасно помнило интервенцию во Францию войск антифранцузской коалиции. Но тогда в этих войсках шли роялисты-эмигранты, а теперь...

Смятение обывателей перед любым вторжением усиливало наличие среди «войск царя» страшных «казаков», с которым жителям севера и северо-востока Франции¹¹ предстояло познакомиться самым непосредственным образом: первыми, кого с января 1814 г. могло лицезреть население этого региона, были так называемые «летучие отряды», состоящие, преимущественно, как раз из казаков¹². Один вид непривычных для французов костю-

⁹ *Сталь Ж. де* Десять лет в изгнании, М., 2003. С. 205. Ср.: *Pissot N.-L. Précis historiques sur les Cosaques, nation sous la domination des Russes.* Paris, 1812.

¹⁰ См.: URL: <http://karabai96.livejournal.com/37147.html> (дата обращения: 23.02.2013).

¹¹ Театром военных действий зимой 1814 г. была в первую очередь Шампань.

¹² «Летучие отряды» использовались и до Отечественной войны 1812 года. В 1812 г. летучими отрядами командовали Ф.Ф. Винцингероде, А.И. Чернышев, А.Н. Сеславин, А.С. Фигнер, И.С. Дорохов, Н.Д. Кудашев, М.С. Воронцов, Д.В. Давыдов и др. О целях и функционировании подобных отрядов можно судить из инструкций М.И. Кутузова Д.В. Давыдову: «Предпри-

мов мог вселить страх перед великим нашествием варваров¹³: рассказы ветеранов, видевших в 1807 г. под Фридландом башкир и калмыков – всадников, чье вооружение и обличье заставляли вспомнить кочевников средневековья – вот-вот должны были стать реальностью. Французы, ждали «казака», который придет мстить, жечь их города, грабить и убивать.

Война, которая велась уже более 20 лет где-то «там», снова приближалась к их очагам: сначала через городки и деревушки потянулись колонны военнопленных. Но вызывали они не воодушевление, а, деморализующий эффект. А. Уссэ (Гуссэ) указывал, что первые партии военнопленных союзников проводили по парижским улицам с середины февраля: это было олицетворение побед под Шампобером и Монмиралем (10 и 11 февраля), вид военнопленных должен был вдохновить парижан. Но, тот же А. Уссэ оговаривается: у провинциальных жителей северных и восточных департаментов вид военнопленных вызывал другие чувства¹⁴. Если парижане могли гордиться славой французского оружия, наблюдая за пленными, напоказ водимыми по столичным мостовым, то провинциалы видели не только спектакль, но и

сываю вам взять все меры, дабы беспокоить неприятеля и стараться забирать их фуражиров не с фланга его, а в середине и в тылу, расстраивать обозы и парки, ломать переправы и отнимать все способы. <...> Что же касается до продовольствия команды вашей, вы должны сами иметь о том попечение». Использовались «летучие отряды» и в «заграничных походах» русской армии 1813–1814 годов. Состояли как правило из нескольких казачьих полков или полков национальной конницы (башкир, калмыков) и нескольких эскадронов регулярной кавалерии (гусар, улан, драгун). В 1813–1814 г. действовали отряды А.Х. Бенкендорфа, А.И. Чернышева, М.И. Платова, И.А. Тильмана, Э. Менсдорфа, В.А. Пренделя, Д.В. Давыдова, А.С. Фигнера, В.И. Левернштерна, Ф.К. Гейсмара. Еще в 1813 г. летучие отряды Ф.К. Теттенборна и К.Х. Бенкендорфа вступили в пределы Французской империи и заняли крупные торговые города Гамбург и Любек. См.: *Желтобородов А.Н.* Партизанские действия легкой кавалерии русской армии в ходе кампаний 1813 // URL: http://mozhblog.prihod.ru/stranicy_istorii_razdel/view/id/39222 (дата обращения: 23.02.2013).

¹³ Пластические модели изображения казака рассмотрены в статье Г. Кабаковой «Свечкоед: Образ казака во французской культуре XIX века» (НЛО. 1998. № 34).

¹⁴ *Houssaye H.* 1814. Paris, 1900. P. 38–39.

саму жизнь и больше волновались из-за опасности подхватить, какие-нибудь болезни и эпидемии¹⁵.

Вслед за колоннами пленных появились обозы раненых соотечественников: «В течение двух месяцев января и февраля 1814 г., наш Компьен постоянно наблюдал днем, а, иногда, и ночью длинные колонны заключенных <...>. Картина военнопленных предшествовала появлению разношерстных остатков наших войск. Это были грустные и печальные останки великих армий, которые были съедены в России, жертв недавних боев по ту сторону Рейна»¹⁶. Память о недавней военной славе и раненая гордость недавних победителей могли только ухудшить ощущение безнадежности. «Сколько раз сжимались от боли сердца комьпенцев, которые совсем недавно видели многие из этих красивых тел, полных сил, здоровья и энтузиазма, в полной амуниции марширующими через город под красивую музыку»¹⁷.

Еще один момент усиливал напряженность ситуации – это скорость вторжения. Настроения колебались от «смутного беспокойства» до «большого испуга»; страх – массовое явление и его питательная среда – слухи. В начале 1814 г. слухи о приближающихся врагах распространялись так же быстро, как и в июле-августе 1789 года. Но эти слухи не стали массовым явлением: часто конница их опережала. Были города и деревни, для которых появление иностранных солдат было настоящей неожиданностью. Оттого-то паника в них была еще сильнее. А. Шюкюэ на основании анализа многочисленных свидетельств писал о *внезапном* появлении

¹⁵ О том же писал позднее и М. Бланкпен: парижане иначе воспринимали колонны военнопленных, нежели провинциалы. М. Бланкпен указывал, что тиф, распространившийся в приграничных территориях Франции, внушал страх и вызывал угнетенное чувство у местного населения. См.: *Blancpain M. La vie quotidienne dans la France du nord sous les occupations (1814-1944)*. Paris, 1983. P. 15-16. О том, что опасность эпидемий была реальна, свидетельствует случай Немура, где среди раненых начался тиф, грозивший распространиться и на гражданское население города. См.: *Dumesnil A.J. Les Cosaques dans le Gatinais en 1814*. Paris, 1880. P. 13.

¹⁶ *Escuyer. Compiègne en 1814, d'après un manuscrit du temps // Carnet de La Sabretache 1898*. Т. 6. № 61. Переиздано: 1814-1815. *Souvenirs des régions envahies. Extraits du Carnet de La Sabretache, années 1898, 1908, 1914-1919, 1920*, Paris, 1999. P. 54. Практически о том же писал А. Дри относительно реймского региона. См.: *Dry A. Reims en 1814 pendant l'invasion*, Paris, 1902. P. 49.

¹⁷ *Escuyer. Op. cit.* P. 55.

войск союзников¹⁸. Большинство населения все же не ожидало, увидеть врага на своих землях. Или, по крайней мере, не ожидало увидеть его «сейчас». Из воспоминаний ученика колледжа в Жюлли: «Враг быстро приближается к Парижу <...> Наивность наших профессоров и беззаботность, свойственная нашему возрасту, позволили нам проигнорировать его приближение...»¹⁹. Со ссылкой на А. Де Виньи («Кабала военных») Л. Пиньо описывал, каким сюрпризом было появление русских войск у стен Реймса²⁰. Не ждали союзников и парижане: «Мы были уверены из газет, что союзные армии были не слишком страшными <...>, что Бонапарт маневрировал»²¹. Вера французов в свою силу была высока, они не теряли надежду: «В Париже, – вспоминала Жюли Мале, – мы не могли поверить, что мы увидим врага в наших стенах»²². Поэтому-то скорость продвижения войск неприятеля и стала большим сюрпризом²³.

Движение союзников по французской территории, как писал А. Гуссэ «вначале представляло собой подобие военного парада»²⁴. Неукрепленные города сдавались по первому требованию, а укрепленные войска союзников обходили, прикрывая их заслонами. С 2 по 6 января русские заняли Порт-Луи (Port-Louis) и Агно (или Хагенау) (Hagueneau), австрийцы – л'Экюз (l'Écluse) и Монбельяр (Montbéliard), баварцы – Колмар (Colmar), пруссаки Треве (Trèves). С 6 по 25 января австрийцы установили контроль за Жу (Joux), Шамбери (Chambéry), Везулем (Vesoul), Бургом

¹⁸ *Chuquet A. L'Alsace en 1814. Paris, 1900. P. 79.*

¹⁹ *Laforet A. Un Souvenir de collègue. Les cosaques a Juilly en 1814 // Revue de Marseille et de Provence. 1866. T. 22. P. 242.*

²⁰ *Pingaud L. Les français en Russie et les russes en France: l'ancien régime, l'émigration, les invasions. Paris, 1886. P. 389.*

²¹ *Jouvencel de. Les Alliés à Versailles. (1814–1815). Exposé des événements qui ont eu lieu dans la Ville de Versailles, à la fin de mars et dans les premiers jours d'avril 1814, à l'époque mémorable de l'entrée des armées des puissances alliées // Revue de l'histoire de Versailles et de Seine-et-Oise. Versailles, 1914. P. 152.*

²² *Mallet (Melle). Extraits des souvenirs // Le Carnet historique et littéraire. Revue mensuelle rétrospective et contemporaine. T. 2. Juillet-décembre. Paris, 1898. P. 875.*

²³ Там же Ж. Мале вспоминала: «20 декабря 1813 одна армия союзников вступила в Бале, 1 января 1814 другая перешла Рейн; и очень скоро (курсив мой. – А. В.) враг был под стенами Парижа». См.: *Mallet J. Op. cit. P. 74.*

²⁴ *Гуссэ А. Кампания во Франции и крушение империи // История XIX века / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. М., 1938. Т. 2, ч. 2. С. 320.*

(Bourg), Лангром (Langres), Дижоном (Dijon), Шалон-сюр-Саоном (Châlons-sur-Saône), Бар-сюр-Обом (Bar-sur-Aube). Со своей стороны, русские оккупировали за это время еще и Колонь (Cologne), Нанси (Nancy), Туль (Toul), вюртенбержцы – Эпиналь (Epinal), пруссаки – Форбак (Forback) Вокулёр (Vaucouleurs), Коммерси (Commercy), Сен-Мишель (Saint-Mihiel), Жуанвиль (Joinville) и Сен-Дизье (Saint-Dizier)²⁵.

Таким образом, к 25 января едва ли четвертая часть Франции по линии, проходящей через Шарлевиль-Мезьер, Сен-Дизье и Дижон была в руках союзников. На этом так называемая «пассивная» фаза кампании 1814 г. закончилась, впереди ждали сражения с самим Наполеоном, и первое из них произошло 27 января при Сен-Дизье.

Одним из актуальнейших вопросов был вопрос о том, окажет ли гражданское население Франции массовое сопротивление интервентам. В 1792 г. французы в целом охотно откликнулись на призыв «Отечество – в опасности!», быть «патриотом» было тогда модно. Наполеон пытался в 1814 г. возбудить среди населения чувство патриотизма, поднять французский народ на борьбу с оккупантами. Наполеоновская пропаганда противопоставляла цивилизованные народы «нецивилизованным» и стремилась использовать архетипический страх французов перед «нашествием варваров», «дикарей». Инфернальный образ «казака» – насильника, грабителя, убийцы – использовался для запугивания обывателей. Генералы и префект прямо указывали мэрам, в чьих городах останавливались на постой казачьи части, что бы они отправили в Париж делегации с адресами, а которых бы описывались чинимые, якобы, казаками бесчинства и насилия. И не важно, как там было на самом деле: разнообразные «новости с мест», «адреса», «письма из армии», напечатанные в «Journal de l'Empire», должны были задеть чувства французов и подтолкнуть их к активному сопротивлению²⁶.

С другой стороны, не ограничиваясь одной пропагандой, Наполеон предпринял ряд шагов по подготовке партизанского движения. В штабе каждой французской армии были определены ответственные за подготовку вооруженного восстания в каждом конкретном департаменте.

²⁵ Dumesnil A.J. Les Cosaques dans le Gatinais en 1814. Paris, 1880. P. 8.

²⁶ Иногда французские историки сетуют, что Наполеон тогда не рискнул обратиться, как это ему «многие советовали», к революционным традициям 1793 года.

Но реакция французов на интервенцию начала 1814 г. не шла ни в какое сравнение с 1792 г. и весьма разочаровала Наполеона. Кто-то радовался неудачам Наполеона, кто-то застигнутый врасплох остался безучастным, кто-то стал готовиться к самозащите вне зависимости от возможностей сопротивления и реальности угрозы. А кто-то (в том числе и многие гражданские функционеры) в испуге ретировались в столицу²⁷.

В Париж бежали чиновники, не верящие в возможности своих городков к сопротивлению, сюда стекались жители окрестных сел и деревень, пытаясь сберечь свое добро: улицы запружены телегами со всяким скарбом, скотиной. Испуганные беженцы несли одну неутешительную новость: враг идет за ними по пятам. Конечно, это повлияло на общую атмосферу столицы. Даже воспоминания роялистов, которые должны были бы только радоваться наступлению союзников, указывают на большую тревогу и озабоченность парижан²⁸. «Предупреждения» властей о «вторжении» и «нашествии варваров», вне зависимости от того, насколько те или иные французские обыватели им верили, дополняли общую гнетущую атмосферу.

Реакцию местного населения на появление у их порогов войск союзников вообще и казаков в частности, по-видимому, лучше рассматривать в динамике, различая «пассивную» и «активную» фазы кампании, с учетом конкретных обстоятельств места и времени.

Многие мемуаристы (как французские, так и русские) описывая события января 1814 г. обращают внимание на любопытство, с которым французы на первых порах встречали диковинных воинов. Генерал-лейтенант князь Д.В. Голицин так описывал появление его отряда перед французами: «едва лишь крестьяне и крестьянки узнавали, какой он национальности, как тут же все они выбегали поглазеть на русского и казаков его сопровождающих. По очереди поселяне высказывали похвалу в наш адрес, но особенно восхищались казаками и немало дивились той манере, с которой наши люди с ними обращались. Все жители остаются в своих городах и деревнях, и только супрефекты и префекты сбежали»²⁹.

²⁷ *Escuyer*. Op. cit. P. 56.

²⁸ *Marigny* [M.-A.-F. de Chateaubriand, C-tesse de]. Paris en 1814. Journal inédit de Mme de Marigny augmenté du journal de T.-R. Underwood. Paris, 1907. P. 50-51.

²⁹ *Петерс Т.* С полей сражений. 1812-1815 гг. С. 275.

А, вот как описывает вступление казаков в Шомон профессор местного колледжа пылкий республиканец Дарденн: «К полудню город охватил большой страх. Отряд казаков, направляясь к Лангр, зашел и в наш город. При их приближении толпа выстроилась вдоль дороги, чтобы наблюдать их проход: среди толпы было много детей в военных костюмах, в касках, с патронными сумками из бумаги и деревянными саблями <...>. Некоторые из этих грабителей, без сомнения, думая, что то была пародия на русские или австрийские войска, направили на них опущенные пики, пугая. Толпа детей бросилась через поля врассыпную. Вслед за детьми испугались и взрослые, бросившись с криками, кто куда. Поспешил ретироваться и я. Один казак пустился по моим следам, потрясая пикой, в которой было 6 футов длины. Я остановился, как бы позволяя ему проехать. Он был уродлив, как дьявол и в лохмотьях, как нищий. Он меня спросил на плохом жаргоне, который я больше уловил, чем понял, остались ли французские солдаты в Шомоне. После моего отрицательного ответа он пустился галопом по улице, подражая примерно двадцати своим товарищам, которые пустили своих лошадей с большой скоростью»³⁰.

Робер Дюваль в специальной статье по истории лотарингского Нёфшато обильно цитирует анонимный «l'Annuaire de Neufchâteau»³¹ – записки, которые предположительно принадлежат перу страстного бонапартиста, профессора местного колледжа Николя Хеннекена (Hennequin).

Автор «l'Annuaire de Neufchâteau» указывает, что 15 января 1814 г. около 4 часов дня у стен города появились казаки, «о которых нас столь долго предупреждали»³². Их было 32 человека. Два из них оторвались от общей массы и на полном скаку ворвались в город. Они покружили по площади, выпили по стаканчику поднесенной им водки и вернулись к ожидавшим их товарищам. Покидая город, они кричали «Да здравствует король!», но этот клич

³⁰ *Steenackers F.F.* L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868. P. 233, note.

³¹ *Duval R.* Chroniques villageoises. L'occupation de Neufchâteau par les armées coalisées en 1814 // URL: http://www.histoire-empire.org/chroniques/neuchateau/neuchateau_1814.htm (дата обращения: 23.02.2013). См. также по истории этого города: *Digot A.* Essai sur l'histoire de la commune de Neufchâteau. Nancy, 1847 (переизд. 1990, 2004); *Digot A.* Histoire de Lorraine. Nancy, 1856 (переизд. 2002).

³² В направлении Нёфшато в январе 1814 г. действовали части атамана Платова.

не привлек большого внимания, ибо имя короля не называлось. Жители города подумали было, что на этом «визит» и закончится, однако к 8 вечера все три десятка казаков расположилось бивуаком на слегка уже запорошенной снегом улице Сен-Жан. Командовал ими офицер, который отлично говорил по-французски и даже делал вид, что этого его родной язык. Он встретился с помощниками мэра (сам мэр умер в прошлом месяце, а новый еще не был назначен), просмотрел кое-какие городские бумаги, а потом приказал своему отряду ретироваться в соседнюю коммуны Жиронкур (Gironcourt), где находился их штаб, предупредив, что на следующий день в город войдут части донских казаков под командованием Платова.

Так и случилось. На следующий день 1.200 казаков разбили лагерь на равнине, в близлежащих от города виноградниках, в то время как их командир с несколькими казаками из личной охраны вступил в сам город. «Командир был настолько пьян, что был вынужден войти в первый же попавшийся дом, чтобы здесь проспаться». Когда ему стало немного лучше, он обнаружил, что его месторасположение не подходит для начальника штаба, и он перенес штаб-квартиру к вдове Кордые. Охрана расположилась в соседних домах, и всю ночь стоял невероятный гам. На следующий день, расположившийся вне черты города отряд, сменил диспозицию и встал бивуаком между дорогами на Лангр (Langres) и Ламарш (Lamarche).

Затем около двух часов дня по дороге из Мерикур прибыл отряд донских казаков в 8.000 человек. Двигались они колонной по три человека в шеренге. Впереди под звуки военной музыки, издаваемые дудкой и двумя маленькими барабанами, ехали три казака, «три наиболее отвратительных монстра Сибири». Следующие 12 казаков пели «варварскую песню, которая вселяла страх и ужас». Автор повторяет «монстры», «монстры»: словно «стая саранчи» прилетела из далекой Азии на обильные французские нивы. За этими 12-ю казаками ехали офицеры, затем везли около 50 различных флагов и штандартов, затем остальное войско. Замыкали колонну шесть артиллерийских орудий. Этот кортеж, «в котором не найдешь и двух людей одетых одинаково», прошел через город и встал лагерем на дороге на Лангр. Платов и его начальник штаба расположились у господина Гоше, а офицеры по другим домам местных буржуа. В течение следующей ночи разразилась небывалая гроза, сопровождаемая резкой оттепелью, из-за чего все магазины по дороге на

Лангр оказались подтоплены. Равнина выглядела из-за паводка как море... На следующий день казаки выдвинулись на Коммерси и Шомон, но разлившиеся воды мешали их продвижению...³³.

Как мы видим, автор хоть и именуется казаков раз пять «монстрами», но шокирован он в большей степени их внешним видом: одеждой, прическами, музыкой, песнями³⁴. Автор лишь вскользь упоминает казачьи попойки, и без подробностей и имен отмечает, что «казаки, да и другие, предавались неслыханным излишествам. Они грабили и били крестьян, изнасиловали несколько девушек и женщин, ничего не оставив нетронутым»³⁵. И эти последние замечания выглядят как «дань жанру», как воспоминание скорректированное годами, штампами других мемуаристов и идеологическими разворотами во внешней политике.

³³ *Duval R. L'occupation de Neufchâteau par les armées coalisées en 1814 // URL: http://www.histoire-empire.org/chroniques/neuchateau/neuchateau_1814.htm (дата обращения: 23.02.2013). Кстати, Нёшато стал конечным жизненным пунктом для двух казаков отряда Платова. Среди актов гражданского состояния Роббер Дюваль обнаружил два свидетельства о смерти: погибшего 21 января 1814 г. казацкого старшины А. Самохина и погибшего 22 января 1814 г. рядового И. Малдезина.*

³⁴ Свидетельства автора «l'Annuaire de Neufchâteau» Р. Дюваль дополняет свидетельством Ш. Шартона (Ch. Charton), который присутствовал при въезде авангарда этого же казачьего отряда в Эпиналь (Epinal) и которого так же в наибольшей степени поразили внешний облик казаков: «Эти люди, которых, как мне кажется, я еще и сейчас вижу, были среднего роста и восседали на небольших лошадках татарской породы. Плохо одетые и плохо вооруженные они носили панталоны из серой грубой ткани, а верхнюю одежду и шапки из овчины; вооружены они были саблей, парой пистолетов, кнутом (le knout) и длинным копьем с острым железным наконечником» (см.: Ibid).

³⁵ *Duval R. L'occupation de Neufchâteau par les armées coalisées en 1814 // URL: http://www.histoire-empire.org/chroniques/neuchateau/neuchateau_1814.htm (дата обращения: 23.02.2013). Когда мемуарист описывает прибытие в город и его округу 24.000 баварцев, он отмечает: «Они распространяли повсюду террор и ужас. Напрасно их офицеры старались завоевать сердца наших дам, те были словно из мрамора». Во-первых, по всей видимости, когда упоминаются «изнасилования», то имеются в виду простолоудинки: сердца «дам» приходилось все же завоевывать. Во-вторых, баварцы оказались едва ли не хуже, чем казаки: «террор и ужас». Мемуарист упоминает так же прибытие в Нёшато в сопровождении 40 казаков «графини Платовой, или, скорее, армейской шлюхи». Ее разместили в доме у мадам Музон. Ей здесь понравилось, и она выказала желание задержать на некоторое время в этом городе. Только 23 марта «мадам Платова» со своими казаками отбыла из города.*

О том, что встречали казаков как раз «по одежке» свидетельствует и Ж. Годэ: «В основном небольшого роста, казаки имели малоприветливый вид, всклокоченную бороду, никогда нечесанные волосы. Они были грязные и часто настолько покрыты пылью и насекомыми, что становились отталкивающими. Их прожорливость почти невероятна, они едят даже сало, пьют самую отвратительную сивуху, и ламповое масло доставляет им наслаждение как будто это водка»³⁶. При этом автор, отдавая дань казакам как «прекрасным стрелкам и кавалеристам», оговаривается, что они «любят войну и грабеж». Со слов Ван Дейса, оставившего несколько замечаний о пребывании казаков в 1814 г. в Генте (Gand)³⁷, Ж. Годэ пишет о том, что казаки «пьют все, что попадется под руку», склонны к мародерству и грабежам. Повторяя замечания Е. Матьё³⁸, он утверждает, что казаки оставили после себя «плохую память» и в Энгийене³⁹. Вывод Ж. Годэ: «В Бельгии казаки оставили после себя минимальные разрушения. Они не разрушали религиозных или гражданских памятников, но вот в памяти местных жителей сохранились их brutальность, грабежи, насилия, мародерство»⁴⁰. Так «тяга казаков к грабежу» становится во французской историографии практически этнографией – чертой национального характера «Чужого».

...17 января 1814 г. в 5 часов вечера Ла Морльер, комендант крепости Лангра (Langres) подписал капитуляцию⁴¹. Через час в

³⁶ Godet J. Cosaques et Baskirs ou les Alliés en Hainaut en 1814 P. 100–101 // URL: http://www.fleurustourisme.be/documents_pdf/codex1/341_Cosaques_et_Baskirs_ou_les_alli%C3%A9s_en_Hainaut_en_1814.pdf (дата обращения: 23.02.2013).

³⁷ Duysel H., van. Miette de l'Histoire de Gand: Les Cosaques. 1814. Gand, 1896.

³⁸ Matthieu E. Histoire de la ville d'Enghien. Mons, 1876.

³⁹ 6 февраля в Энгийен прибыл авангард пруссаков, а вслед за ними появились казаки, которые остановилась здесь на один день отдохнуть. Вечером они разожгли большие костры, вокруг которых расположились на ночлег в ногах у своих лошадей, намотав на руку уздечку, как если бы враг был где-то рядом. Но они как и пруссаки оставили после себя плохую память: единственным средством для местных жителей укрыться от их brutальности было бегство. См.: Matthieu E. Histoire de la ville d'Enghien. Mons, 1876. Цит. по: Godet J. Op. cit. P. 103.

⁴⁰ Godet J. Op. cit. P. 108.

⁴¹ Подробности о сдаче Лангра см.: Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868; Piépage L. Histoire militaire du pays de Langres et du Bassigny. Langres, 1884; Changey Ch. Souvenirs d'un notable Langrois en 1814 // URL: histo52.blogspot.ru/2010/04/souvenirs-dun-notable-langrois-en-1814.html (дата обращения – 30.12. 2013).

город вошли войска союзников: «Наступившая ночь добавила ужаса к положению города, загроможденного голодными и замерзшими войсками. У ворот города, через которые входили войска союзников, распростерся труп одного несчастного жандарма, убитого вопреки капитуляции – грустный спектакль, предвестник того, что можно ожидать от военной оккупации»⁴². Но, ни о каких эксцессах непосредственно последовавших за занятием города мемуарист не пишет⁴³. Разве что казаки, пронесшись по соседним деревням, устроили у городских ворот торговлю с горожанами награбленным. Ну, так разве можно осуждать лангрцев за стремление извлечь прибыль из чужой беды?⁴⁴

Большое впечатление на автора «Истории Лангра» произвели иррегулярные войска. Подле места для прогулок горожан под названием Блашн-Фонтен, писал Станислас Минер, был разбит «лагерь тех диких орд, которые русские всегда таскали за собой. Вид этих варваров, вооруженных луками и стрелами и восседающих на дромедарах позволял думать, что вернулись старые времена, эпоха, когда Аттила командовал разрушением города лингонов»⁴⁵.

⁴² *Mignere S. Précis de l'histoire de Langres. Langres, 1836. P. 257.*

⁴³ Порядок в городе косвенно объясняется мемуаристом тем, что через неделю, 22 января сюда прибыли император России, император Австрии и король Пруссии. Город поделен на три зоны оккупации с тремя комендантами: на юге – русские, в центре – пруссаки, на севере – австрийцы. Александр I оставался в городе 5 дней и покинул его 29 января, когда на совещании союзников было решено начать мирные переговоры с Наполеоном.

⁴⁴ *Mignere S. Op. cit. P. 257.*

⁴⁵ *Ibid. P. 258.* В 1812–1814 гг. в рядах русской армии воевало 20 башкирских, 2 мишарских, 2 тептярских, 4 крымско-татарских, 2 калмыцких (астраханских) пятисотенных полков и один тысячный полк ставропольских (крещённых) калмык. Например, 1-й Тептярский полк участвовал в сражениях, стычках и «набегах» на территории Франции в январе-феврале 1814 г. Вместе со 2-м Тептярским полком – при взятии 18 марта Парижа. С конца марта по май тептярские казаки в составе отряда генерал-майора П.С. Кайсарова содержали цепь по демаркационной линии вверх по течению Сены от Корбейля до Монтеро, а оттуда по Ионе до границ Ионского департамента. За свои луки и стрелы в купе с экзотическим обликом башкиры тогда получили прозвище «северные амурь» или «злые купидоны». (*Рахимов Р.Н. Башкирская конница под Тильзитом: Краткая встреча – долгое эхо. (К проблеме участия иррегулярной кавалерии в наполеоновских войнах) // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): Материалы междунар. науч. конф. С.-Петербург, декабрь 2007 г. СПб., 2008. С. 184; См. также: Он же. История тептярских конных полков. 1790–1845. Уфа, 2008).*

Теодор-Жозеф Прюньо (Prunieu), который был мэром Шарлеруа (Charleroi) с 1814 по 1824 гг. оставил нам воспоминания о пребывании в этой резиденции каролингов казаков и башкир⁴⁶. С его слов, сначала 29 января в город вошел отряд казаков, а 7 февраля пришли уже другие казаки и башкиры: «При виде башкир вооруженных луками и стрелами вспоминались Средние века»⁴⁷. Так башкиры, казаки, калмыки, крымские татары русского императора, – стали вдруг составной частью повседневной жизни Европы...

До поры до времени резонансных конфликтов с местным населением не было. Князь Д.В. Голицын пишет из деревни Ла Карт (возле Лангра) 8 (20) января: «что до жителей, то невероятно, как они нас встречают <...> они смотрят на нас как на освободителей и не просят ничего взамен»⁴⁸.

Есть свидетельства о том, что казаков население встречало не только со страхом, но и с надеждой. Многое зависело от конкретной местности. Теодор Жюст (Juste) писал, что бельгийцы с большим энтузиазмом встречали казаков как освободителей. Например, в Анвере (Anvers) толпа восторженно рукоплескала и кидала вверх шляпы при въезде в город казачьего авангарда. Фламандские крестьяне, ненавидящие французских агентов и инспекторов, приходили к русским или пруссакам и просили у них оружие, чтобы сражаться на их стороне⁴⁹.

Но, естественно, так было далеко не везде. Жан Годэ, собравший в своей статье различные свидетельства о пребывании ка-

⁴⁶ Prunieu Th.J. Notice de la ville Charleroi. Bruxelles, 1852.

⁴⁷ Цит. по: Godet J. Op. cit. P. 102.

⁴⁸ Петерс Т. С полей сражений. 1812–1815 гг. М., 2012. С. 277.

⁴⁹ Juste Th. Le soulèvement de la Hollande en 1813 et la fondation du royaume des Pays-Bas. Bruxelles, 1870. Неслучайно, прибыв в 16-й военный округ 7 января 1814 г., чрезвычайный комиссар Ж.-П. Виллеманзи издал манифест: «Французы! Враг решил нарушить наши границы и вторгнуться в наши пределы. Больше не требуется защищать наши завоевания, но защищать целостность и независимость нашей территории. Поспешите исполнить эти благородные цели и примкните к вашим батальонам. Если же среди вас смогут найтись подлые бунтовщики, что будут пытаться вас сбить с толку, помешать слушаться голосу ваших магистратов, остерегайтесь их вероломных советов. Это чудовища (как только они могут называться французами?) которые думают только о преступлениях, о наживе, вскорости станут убийцами вас, ваших жен и детей. Если найдутся такие, не давайте им исчезнуть. Или лучше, скорее донесите на них, что бы предать немедленно карающему мечу правосудия». См.: Дыбов С.В. Комиссар // URL: <http://severr.livejournal.com/552595.html?thread=7173011> (дата обращения: 23.02.2013).

зачьих частей на территории Голландии и Бельгии⁵⁰, в частности, склонен считать, что в Валлонии, например, в Хэно (Hainaut), казаков встречали более прохладно, чем во Фландрии⁵¹.

В целом же население встречало неприятеля, как указал на это еще А. Шюкюэ, равнодушно. Так, вступление русских улан в Хагенау (Haguenau)⁵² «не вызвало ни малейших эмоций, и жители продолжали заниматься своими обычными делами, как будто ничего не случилось. <...> Так же, было в Верхнем Саоне: префект общал, что население поразил ступор»⁵³. О подобных настроениях писали и А. Уссэ, и А.И. Михайловский-Данилевский, и Ж. Тюлар и многие другие. Это онемение, этот ступор неоднократно констатировали и современники, и историки⁵⁴. «Усталость от патриотизма» была характерной чертой настроений большинства провинциалов. Интервенция 1792 г. была воспринята, по словам

⁵⁰ С середины декабря кавалерийские отряды союзников хозяйничают на территории Голландии. 15 декабря казачья сотня заняла Льерр (Lierre), 19 декабря отряд улан занял Лувен (Louvain). 29-го казачьи разъезды уже в окрестностях Гента (Gand) и т.д.

⁵¹ См.: *Godet J.* Op. cit. Хотя, конечно, такая разница может отражать не реальность, а лишь точки зрения авторов, используемых нарративных источников.

⁵² Эта коммуна в департаменте Нижний Рейн, в районе Эльзаса. Основана еще отцом Фридриха Барбароссы. В 1789 г. насчитывала 4,5 тыс. жителей.

⁵³ *Chuquet A.* Op. cit. P. 77-78.

⁵⁴ См., напр.: *Steenackers F.-F.* L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868. P. 153, 155-156. Или: «Французы равнодушно внимали голосу правительства, и при нашем вступлении говорили только о мире. Они ходили с мрачным, потупленным взором, с холодной вежливостью принимали постояльцев, и слышны были только их общие желания, чтобы скорее кончилась война» (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание похода во Францию в 1814 году. СПб., 1836. Ч. 1. С. 60-61). В итоге, как отмечает Жан Тюлар, «в целом неприятель встретился с апатией и даже пособничеством». Встречаются и вполне удобные для французской национальной гордости объяснения. Сегодня на сайте «Живописная Франция» в редакционной заметке по истории департамента Эн читаем: «Департамент Эн вновь лицеизрел врага в 1814 и 1815 годах; поведение его жителей тогда отвечало всему тому, что можно было ожидать от национального и патриотического духа, который всегда воодушевлял их отцов; но рельеф местности (курсив мой. – А. Г.), которая представляла собой по преимуществу обширные равнины, пересекаемые неширокими речками, был мало пригоден для партизанской войны – последней надежды завоеванной страны» (*Histoire du département de l'Aisne // URL: <http://www.france-pittoresque.com/spip.php?article2028> [дата обращения: 23.02.2013]*).

А. Соболя, как «оскорбление нации», а интервенция 1814 г. – как избавление нации от «узурпатора». Но это *общее настроение*, естественно, не означало, что союзникам вообще не оказывалось никакого сопротивления со стороны местного населения.

А. Уссэ указывал, что еще в конце января – начале февраля оккупационные войска союзников население встречало как освободителей, а те со своей стороны проявляли уважение к собственности и старались соблюдать строгую дисциплину⁵⁵. Но положение вещей изменилось в феврале: Наполеон с 10 по 18 февраля одержал ряд побед над войсками Блюхера и Шварценберга. Ситуация была не простой, войска союзников вынуждены совершать многочисленные марши и контрмарши, а население испытывало на себе все последствия этих маневров. Вскоре оккупированные города были обложены налогом, часто австрийские, прусские или русские интенданты занимали места наполеоновских функционеров. По всей оккупированной территории шли реквизиции (хлеб, мясо, водка, картофель, фураж и т.д.). И, естественно, в мемуарах отражена эта материальная составляющая: из города (Лангра), вытерпевшего перемещение большого количества войск, многочисленными контрибуциями были «выдавлены все соки», деревни были разорены⁵⁶.

И все же даже в феврале-марте не все было так однозначно, сам же А. Уссэ признавал, что в одних деревнях при крике: «Казачки!» население предпочитало убегать в лес, унося с собой пожитки и угоняя скотину. Другие же, доверяя прокламациям союзников, обещавшим неприкосновенность собственности и поддержание строгой дисциплины, оставались в своих жилищах⁵⁷. В дворянской среде, как полагал А. Уссэ, с меньшим страхом, чем в народе, ожидали прихода «реставраторов трона», а некоторые женщины, судя по донесениям полиции, вообще рассуждали следующим образом: казаки не такие уж скверные, как их изображают в газетах. Войдя в Макон, союзники устроили праздники и потратили много денег. Очень скоро они придут в Париж, где не пожалуют ни су, чтобы отдать должное удовольствиям и богатству столицы⁵⁸.

⁵⁵ Houssaye H. 1814. Paris, 1900. P. 47.

⁵⁶ Duval R. L'occupation de Neufchâteau par les armées coalisées en 1814 // URL: http://www.histoire-empire.org/chroniques/neuchateau/neuchateau_1814.htm (дата обращения: 23.02.2013).

⁵⁷ Houssaye H. 1814. Paris, 1900. P. 15-16.

⁵⁸ Ibid. P. 26.

Один русский мемуарист вспоминает, что в Реймсе, местные роялисты, оставаясь преданными Бурбонам, видели в русских «желанных гостей»⁵⁹. Другой, что местные жители, благодарные русским за то, что они предотвратили разграбление Реймса «безмерно злыми» на французов пруссаками, охотно провели экскурсию по местному собору⁶⁰.

Нередко местное население уживалось с русскими частями вполне лояльно и даже радушно. В частности, А.М. Баранович пишет: «В 1814 г., по замирении с французами, когда нашей артиллерийской роте велено было остановиться в Еперне (Эпернэ, на р. Марне), провинции, славящейся шампанским вином, то в шестинедельном квартировании наши солдаты успели ознакомиться [так], с хозяевами своею честностью и услугою, что [те] стали употреблять их на работе в виноградниках, [для работ] полевых, при домашнем очаге»⁶¹.

А. Уссэ, утверждал, что в феврале-марте повсюду от Нанси до Дижона умножились случаи грабежа, ряд городов был буквально опустошен. Союзники выпустили ряд прокламаций и приказов, гарантировавших неприкосновенность имущества населения и строжайшую дисциплину, но, с сарказмом отмечал А. Уссэ, казаки, башкиры, калмыки, – не были членами Тугендбунда и эти прекрасные прокламации и суровые приказы или вообще не дошли до сознания этих неграмотных дикарей или были очень скоро забыты⁶². Чтобы пробудить гнев населения по отношению к интервентам, мало было самого факта вторжения, понадобился, как писал

⁵⁹ *Левенштерн В.И.* Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1901. № 8. С. 199.

⁶⁰ *Петров М.М.* Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 257. «...Граждане стали сами рубить палисад внутри города возле ворот сделанный и забрасывать ров выкопанный в воротах. Когда же мы вошли в город, то увидели что во всяком доме, на каждом окне поставлено по две свечки, и так мы прошли торжественно 'освещенной улицей до главной площади, где расположились покойно спать на соломе принесенной гражданами» (*Отрощенко Я.О.* Записки генерала Отрощенко. (1800–1830). М., 2006. С. 57).

⁶¹ *Баранович А.М.* Русские солдаты во Франции в 1813–1814 гг.: Из записок арт. офицера А.М. Барановича / публ. К. Сивкова // Голос минувшего. 1916. № 5/6. С. 153–154.)

⁶² *Houssaye H.* 1814. Paris, 1900. P. 47.

А. Уссэ, «брутальный факт оккупации со всем ее кортежем зла: грабежами, изнасилованиями, убийствами и пожарами»⁶³.

Действительно, особенно часто французские мемуаристы сетуют на грабежи со стороны казаков. Кюре Жана-Пьера Бобе (Bobe) именуется казаков, вошедших в Шамай (Chamaille)⁶⁴ 15 февраля «мародёрами (pillards) русской армии»⁶⁵. Утро «прошло мирно», но в три часа по полудни «эти кровожадные люди, разогретые вином, бросились в дома, забирая все, что им понравится; всю ночь продолжались грабежи, изнасилования и прочие преступления»⁶⁶. Но это, писал кюре, была лишь «прелюдия» к тем бедам, которым подвергся Шамай и соседние коммуны в течение марта и апреля, когда здесь появились прусские части генерала Йорка: «лютеране разграбили церковь, где они осквернили святые просвиры, забрали всю материю, разломали и сожгли часть деревянных панелей и почти все скамейки, разбили солнце и крест для церемониальных процессий, забрали мантии священников и ризы, которые потом блестели на их биваках»⁶⁷. Наконец, кюре жалуется не столько даже на казаков с их склонностью к грабежу, сколько на общее «опустошение» региона, произведенное «французскими и иностранными войсками»; «к счастью регулярные войска не вели здесь никаких сражений и хотя бы дома остались стоять»⁶⁸. Конечно, для него казаки – «разновидность монстров (monstres), которые не способны воспринимать доводы разума», но «больше всего жители горевали об украденных из церкви потире и дароносице, которых так и не удалось найти»⁶⁹.

⁶³ Houssaye H. 1814. Paris, 1900. P. 47.

⁶⁴ Коммуна Шамай (Chamaille) расположена в департаменте Эна (Aisne), округ Суассон, кантон Ульши-ле-Шато.

⁶⁵ [Bobé J.-P.] Souvenirs de l'invasion de 1814 à Chamaille et Saponay // Revue de Champagne et de Brie. Arci-sur-Aube, 1900. P. 618–620. В начале Революции Бобе занимал пост мэра в Шамай. Затем женился и тайно на гумне окрестился. Затем попал в разряд «подозрительных», но местный прокурор заступился за него пред эмиссарами Конвента, дав заверения в его цивилизме.

⁶⁶ Ibid. P. 618. Отметим, что, по свидетельству того же кюре, часть жителей Шамай (да и соседних коммун Сапоне, Розуар и Ульши) предпочла покинуть свои жилища и спрятаться в лесу: «оставив всю свою мебель и провизию за спасибо грабителям и, в частности, казакам».

⁶⁷ Ibid. P. 619.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ [Bobé J.-P.] Souvenirs de l'invasion de 1814... P. 620.

Выпускник колледжа в Жюлли, которому в 1814 г. было 13 лет, Огюст Лафоре вспоминает, какой страх вселился в души юных воспитанников колледжа, когда накануне переправы союзников 20 марта через Марну они услышали отдаленную канонаду: «прекратились даже игры <...> Тишина и шепот по углам». Поскольку Жюлли находилась в стороне от главной дороги, то полагали казаки обязательно к ним заглянут, но, «надеялись, что вывеска «Учебное заведение», написанная на всех известных языках, защитит от мародеров»⁷⁰.

В день взятия соседнего с Жюлли Мо преподаватель колледжа отец Сонне собрал у себя всех учеников. После непродолжительной речи о такой добродетели как бережливость, «которая, впрочем, встретила в сердцах воспитанников некоторое сопротивление», он раздал им их денежное содержание: пусть каждый сам позаботится о своих деньгах, как считает нужным. Автор мемуаров получил тогда 40 франков! За один раз он и денег-то таких в руках до этого не держал. Ученики принялись прятать свое нехитрое имущество, но... «Несколько часов спустя, эти прекрасные билеты по пять франков перешли из моих рук в руки безобразного калмыка»⁷¹.

Огюст Лафоре описывает, как после волнений по укрыванию имущества он было вздремнул, но его разбудили шум и крики дежурного: «Казаки – в колледже! Они всё грабят, они всех убивают!»... «Шум и крики приближались <...> Вдруг занавески у моей постели распахнулись, мужчина – его голос показался мне рыком дикого животного – сдернул покрывала, под которыми я свернулся клубочком. Я его увидел: густая и грязная русая борода ниспадала на его грудь; овчина, стянутая на пояснице кушаком, за которым торчали два пистолета, прикрывала одну часть его тела, а другую – несколько разноцветных лохмотьев; увеличивающая его рост папаха дополняла облик этого дикаря» <...> «Деньги!», – крикнул он голосом, который еще стоит в моих ушах <...> Я бросил в протянутую ко мне руку 8 билетов по 5 франков. Он тотчас же изменился. На его лице появилось подобие улыбки, «если конечно, это слово применимо к казакам». Он показал, что доволен, задернул занавески и удалился...⁷².

⁷⁰ *Laforet A. Un Souvenir de collège. Les cosaques a Juilly en 1814 // Revue de Marseille et de Provence. 1866. T. 22. P. 243.*

⁷¹ *Ibid. P. 245.*

⁷² *Ibid. P. 246.*

Насколько это соответствовало действительности? Во-первых, относительно вороватости своих подчиненных не заблуждались сами русские командиры. Н.Б. Голицын описывая, как он под Парижем защищал милых путешествующих француженок от своих же казаков, проговаривается: увидев, что казаки остановили дилижанс, он поспешил на «выручку», «зная склонность их к добыче»⁷³. Русские генералы вспоминали о грабежах как о нечто само собой разумеющимся: «Потеряв из вида графа Палена, и так как было уже слишком поздно, что бы можно было отыскать его, я быстро поскакал в Бельвиль, который солдаты грабили (курсив мой. – А. Г.) и приказал разломать дверь прехорошенького загородного домика, и расположиться в нем на ночь»⁷⁴.

Во-вторых, военные действия зимой в условиях, когда войска снабжались за счет местного населения, неизбежно имели следствием не только официальные реквизиции, но и «неофициальные». И как некогда разграбившие Яффу французские солдаты наутро продавали местному населению у них же награбленное, так и русские казаки устраивали у стен городков импровизированные базары, где сбывали горожанам украденное в соседних коммунах. Воспоминания прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Михайловича Казакова: «...чистый, систематически организованный разбой и грабеж, которого нет возможности избежать. Когда армия наша проходила Шампань и Эпернэ, фуражиры нередко прикапывали, вместо воды, бочки с вином. Скот был брошен по полям и деревням, так что мяса иногда бывало очень много, и резались такие коровы красавицы, которых трудно нарисовать; а начальники, от которых поступали строжайшие приказания — не жечь и не грабить, — преспокойно кушали чудную говядину, сваренную в хорошем вине. Вот неизбежные плоды войны, всею тягостью лежащиеся на несчастных жителей, на поля которых приводят армию по научным, тактическим и стратегическим распоряжениям. Это есть великая война, а разбойничанье — малая»⁷⁵.

⁷³ Голицын Н.Б. Офицерские записки... М., 1838. С. 86. Австрийские генералы так же не испытывали особых иллюзий относительно нравственных качеств мадьяр и хорват, полагая их склонными к грабежам.

⁷⁴ Левенштерн В.И. Указ. соч. С. 202.

⁷⁵ Казаков И.М. Поход во Францию 1814 г. По (неизданным) запискам прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Михайловича Казакова // Русская старина. 1908. Т. 133. № 3. С. 529.

В-третьих, формированию образа казака – насильника и грабителя – немало поспособствовала наполеоновская пропаганда. В ходе военной кампании 1814 г. власти Франции пытались возбудить среди населения чувство патриотизма, поднять французский народ на борьбу с оккупантами. Генералы и префекты прямо предписывали мэрам городков, в которых побывали казаки, отправить в Париж для публикации в прессе адреса с описанием «злодеяний» казаков вне зависимости от того были эти «злодеяния» или нет на самом деле. Усилия по экзальтации общественного духа, возбуждению патриотического подъема оказались тогда в целом тщетны, а вот в памяти обывателей этот образ остался, оживая время от времени под пером то мемуариста, то историка.

Л. Пиньо попытался в свое время как-то обелить в общественном мнении французов, ставших союзниками русских, и сформулировал концепцию «наши друзья-враги»: «Более того, воспоминания об оккупации свидетельствуют, что пороховой дым мешал нам видеть; здесь и там мемуары нам описывают кражи в деревнях, посягательства на частную собственность, на жизнь безоружных людей, на честь женщин, но в то же время они говорят о превосходстве дисциплины русских на другими армиями союзников⁷⁶. Пиньо вся вина за «эксцессы» была возложена на «казаков»: «эксцессы были результатом деятельности нерегулярных казачьих частей; докучливые хозяевам и наивно свирепые они более высмеивались, нежели проклинались своими жертвами», о других же «солдатах царя можно сказать: наши враги-друзья»⁷⁷.

Конечно, оценивая точку зрения Пиньо, мы должны учитывать, что одно дело оккупация в ходе военных действий, другое – режим оккупации. В памяти французов остались казаки – вороватые и диковатые члены летучих отрядов, и русские части периода оккупации с их строгой дисциплиной. Но и история отдельных летучих отрядов, и история режима оккупации, еще требуют пристального изучения. И начинать это изучение представляется оправданным с изучения той памяти, какую оставили по себе

⁷⁶ Об этом писали: *Barbat L. Histoire de la Ville de Chalons-sur-Marne, depuis son origine jusqu'à l'époque actuelle (1854). P. 599; Pougiat (F.E.). 1814–1815. Invasion des armées étrangères dans le département de l'Aube. Troyes; Paris, 1833. P. 119, 145, 369; Fleury É. Le département de l'Aisne en 1814. Laon, 1858. P. 112.*

⁷⁷ *Pingaud L. Les français en Russie et les russes en France: l'ancien régime, l'émigration, les invasions. Paris, 1886. P. 390–391.*

«казаки», с учетом функций коллективной памяти, путей ее формирования, закономерностей эволюции.

...Казаки глубоко врезались в коллективную, фамильную и коммунальную память французов. Сочинения о них выделялись даже на фоне интереса ко всему русскому вообще. Казаки оставили после себя как ментальные, так и вполне материальные «места памяти», они оказали влияние на французскую моду⁷⁸, на язык⁷⁹, упоминание о присутствии казаков давно уже стало местной достопримечательностью. Французы умеют гордиться даже тем чем, казалось бы, гордиться и нечего: коммунальные сайты современных французских деревушек напоминают путешественникам о присутствии здесь некогда казаков. Даже если кроме самого факта этого присутствия мало что еще известно: а у нас тоже были казаки⁸⁰.

Образ казака-варвара время от времени активизируется в зарубежной историографии: будь годы Крымской войны, 1960-е⁸¹ или 2010-е⁸². Страх перед казаком и спустя 200 лет все еще почти осязаем физически: как гласит сохранившаяся до наших дней надпись на часовне в одной из малюсеньких бельгийских деревушек: «Святой Петр защити нас, как ты защитил нас от казаков в 1814 г. и от Блюхера в 1815 г.».

⁷⁸ «С незапамятных времен мы думали, что сапоги предназначены для того, чтобы уберечь панталоны от грязи и с какой поспешностью мы признали свою ошибку, когда увидели, что русские носят свои широкие панталоны поверх сапог! Внезапно распространилась мода на широкие русские панталоны <...>. Русские офицеры носили форму в сильно зауженной талией от чего их грудь выгибалась колесом», а поскольку это привлекало внимание женщин, то и французские офицеры переняли эту моду. Табакокурение было известно в Париже среди различных классов общества еще до появления здесь казаков, но дым от трубок русских заполнил парижские улочки и «столица элегантности и хороших манер превратилось в одну большую табачную лавку» (*Chesnel de la Charbouclais L.P.F.A. Dictionnaire des superstitions, erreurs, préjugés et traditions populaires. Paris, 1856. P. 934*).

⁷⁹ Любопытно, что в течение некоторого времени после 1814 г. в деревнях на востоке Франции (в Арденнах) не говорили, что женщина была изнасилована, а говорили: «оказачена» (*cosaquée*). См.: *Railliet G. Les mauvais souvenirs de l'histoire dans le langage populaire // Le Grive (Mezieres). 1957. № 95. P. 31*. Подробнее о слове «казак» и его производных во французском языке см.: *Кабакова Г. Указ. соч. С. 62–63*.

⁸⁰ Напр., см.: URL: <http://www.picardie1418.com/fr/transversales/albert-dans-la-grande-guerre.php> (дата обращения: 23.02.2013).

⁸¹ *Sangnier G. Le Brigandage dans le Pas-de-Calais de 1789 à 1815. S.p., 1962.*

⁸² *Arcq A., Gaillara P. Les années cosaques: 1813-1814. Belgique, Hollande et Nord de la France dans la tourmente. Allonzier-La-Caille, 2010.*

Но, рассуждая об образе «казака», отложившимся в памяти французов, необходимо учитывать, кого именно понимали мемуаристы под «казаками». Во-первых, французы, в общем-то, понимали, что «казаки» – в этническом отношении понятие собирательное. Появившееся в 1814 г. анонимное издание переведенной с русского «военной песни» сопровождается заметкой о «различных племенах (курсив мой – А. Г.), из которых состоят нерегулярные русские войска, известные под именем казаков»⁸³.

Во-вторых, французы, в общем-то, понимали, что «казаки» далеко не всегда имели отношения даже к России. Известный генерал и военный писатель Ж.Б.А. Марбо свидетельствовал: «По мере продвижения союзных армий множество бродяг и мерзавцев, особенно пруссаков, переодевались казаками и, толкаемые надеждой на грабеж, мародерствовали, бросаясь на все, что принадлежало французской администрации. Они даже не брезговали захватом вещей, принадлежавших мирным жителям. <...> Многочисленная банда таких ненастоящих казаков переправилась через Рейн и рассеялась по департаментам левого берега»⁸⁴. В 1815 г. вышло анонимное сочинение, автор которого так же говорил о фальшивых казаках: «Радость роялистов по поводу важной победы, одержанной отрядом ложных казаков, прибывших вдруг в один из городов Франции, и о манере их обхождения с трехцветным знаменем»⁸⁵. Писали и о «немецких казаках», и о «голландских казаках», и о «бельгийских казаках». Ж. Годэ полагал, что под такими казаками следует подразумевать «отдельных индивидов, которые из-за ненависти к французам или из-за своего грабительского духа присоединились к настоящим казакам»⁸⁶. Более того, сам Наполеон упоминал в переписке 1814 г. своих «польских казаков» (*cosaques polonais*)⁸⁷.

⁸³ D**** M.P. *L'Élan Parisien, chant national, suivi d'un chant guerrier, traduit du russe, et d'une notice sur diverses peuplades qui fournissent à la Russie les troupes indisciplinées, connues sous le nom de Cosaques*, par M. P. D****. Paris, 1814.

⁸⁴ Марбо М. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005. С. 710 // URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Marbot/Marbot.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

⁸⁵ *La Grande joie des royalistes, au sujet d'une victoire importante remportée par un detachment des faux cosaques arrivées tout-a-coup dans une ville de France, et de la manière dont ils ont aité le drapeau tricolore*. Paris, 1815.

⁸⁶ Godet J. *Cosaques et Baskirs ou les Alliés en Hinaut en 1814...* P. 100.

⁸⁷ *Correspondance de Napoléon I-er publiée par ordre de l'empereur Napoléon III*. T. 27: 1-er janvier 1814–26 février 1815. Paris, 1869. P. 266, 284, 353.

В-третьих, казаки представлялись и символом всего «русского», и чем-то совершенно отличным от «настоящего русского». Бернардин де Сен-Пьер в своих заметках о России напишет, что «русский народ состоит из смешения разнородных наций, проживающих от окраин Азии до Финского залива. Еще недавно это было множество небольших орд, живших независимо и разбойничавших. В Москве около двадцати тысяч фамилий бывших князьков – глав народов, которых христианская религия сблизила и подчинила. <...> Я знаю ливонцев, финнов, казаков, запорожцев, калмык, бухарских татар и, собственно говоря, русских»⁸⁸.

Но при этом даже с понятием «русские» оказывается все не так однозначно. Известный французский исследователь фольклора Альберт Буассье на протяжении 50 лет собирал воспоминания, легенды и предания области Фирмини (Firminy), которая в свое время была оккупирована австрийскими войсками. Речь идет об историях, которые передаются в семьях из поколения в поколение. Крепость воспоминаний о, казалось бы, для нас сегодня мало значимых событиях свидетельствует об их значимости для современников и того сообщества, которое хранит эту память⁸⁹. Понятно, что такие истории отражают и степень народного воображения, и стремление прославить свою «малую родину». Но обращает на себя внимание другое: довольно часто в этих историях австрийских солдат называют термином «русские». Так местные жители рассказывали историю некоего Лавурея (Lavourey) – хозяина постоялого двора, оставшегося в памяти людей за его богатырскую силу. Остановившиеся на постоя солдат его сильно донимали, и однажды он предложил «русским» прогуляться с ним, обещая показать им нечто любопытное. Он привел их в район Разе (Razes), где были старые, глубокие шахты, подвел их к одной из них, схватил троих мужчин и бросил шахту: «больше никто о них никто ничего не слышал»... Тут некий паромщик Пертюизе (Pertuiset) затопил свой паром вместе с оккупантами по середине Луары, а сам

⁸⁸ *Bernardin de Saint-Pierre J.H. Observations sur la Russie // Bernardin de Saint-Pierre J.H. Œuvres complètes. Paris, 1818. 12-v. T. 2. P. 284.*

⁸⁹ Оккупанты в Firminy расположились в землях, которые принадлежали г-ну де Шамбарлаку (Chambarlac). Они организовали бивуак рядом с колодцем, где росла ива. Под ней солдаты занимались своей стряпней. Войска также расположились между Сен-Морисом и Фонтклоз в местечке называемом Калуар (Caloire). Некоторое число австрийцев, в первую очередь офицеры, были размещены на фермах. И сохранились, указывает А. Буассье, воспоминания, у кого именно из местных жителей тогда они жили.

спасся вплавь, там некий безымянный крестьянин закопал австрияка в навозной яме... Буассье свидетельствует, как в местном фольклоре сохранились упоминания о незаконном ребенке «от русского» или о том, как некая вдова из Фирмини вышла замуж за «русского», о том как «русские» украли корову, или осквернили церковь...⁹⁰. А русские к этим историям отношения и не имели.... Так, что историку надо еще научиться отличать «русского» от русского, а «настоящего казака» от «ненастоящего».

⁹⁰ *Boissier A. Carnets d'un folkloriste, 1910-1953. Firminy, 1995 // URL: <http://www.forez-info.com/encyclopedie/histoire/71-les-occupations-autrichiennes-de-1814-1815.html> (дата обращения: 23.02.2013).*

**ПАМЯТЬ О ДАЛЁКОМ И БЛИЗКОМ.
«РУССКОЕ» В ПАРКАХ ГЕРМАНИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века***

А.В. Ананьева

Университет Эберхарда Карла (Тюбинген),
кафедра истории Восточной Европы;
Университет Иоганна Гутенберга (Майнц),
кафедра истории искусств.
E-mail: anna.ananieva@uni-tuebingen.de

В центре внимания статьи находятся ранние образцы садово-парковой архитектуры в «русском стиле», сохранившихся по сегодняшний день. Потсдамские ансамбли Никольское и Александровка строились в тесном диалоге с самобытным образом русской бревенчатой избы, находящимся в то время в России в стадии разработки. Рассматриваемая в данной статье русская деревянная архитектура в Потсдаме демонстрирует осознанное обращение к элементам чужой культуры, которые оцениваются как характерные национальные черты и при этом не только гармонично интегрируются в местный садово-парковый ландшафт, но и занимают в нём видное место.

Ключевые слова: садово-парковое искусство, архитектура, культурная память, трансфер, Германия, Россия.

**RECALLING THE NEAR AND THE FAR. «RUSSIANNESSE»
IN THE GERMAN GARDENS IN THE FIRST HALF
OF THE XIXTH CENTURY**

A.V. Ananieva

The article focuses on early examples of «Russian style architecture» in the parks near Potsdam. Nikol'skoye and Aleksandrovka were built in an elaborated exchange with the distinctive image of Russian wooden architecture which was being invented in Russia at that time. These rural garden projects refer to the

* Впервые данная статья была подготовлена для публикации в сборнике ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН к юбилею Ростислава Юрьевича Данилевского под редакцией О.Э. Карпеевой (СПб., 2013) и сопровождалась иллюстрациями. Автор статьи благодарит М.Ю. Кореневу и А.Ю. Веселову за правки и предложения после внимательного прочтения первоначального текста и выражает особую признательность членам редколлегии сборника «История и историческая память» за предоставленную возможность представить эту работу дополнительно и их читателям.

elements of a foreign culture, which are estimated as specific national characteristics, not only integrating harmoniously into the local landscape, but also occupying a prominent place in it.

Key words: garden history, architecture, cultural memory, transfer studies, Germany, Russia.

*А вот только русским ничем
не наделят, разве из патриотизма
выстроят для себя на даче избу в
русском вкусе.*

Н.В Гоголь

Путеводитель по пейзажному парку на Павлиньем острове 1837 г.¹ рекомендует своим читателям начать садовую прогулку с его юго-западной части. Именно здесь, вдоль дороги, ведущей от дома садовника ко дворцу-псевдоруине, с вершины холма вблизи швейцарского домика открываются посетителю парка один за другим живописные виды предместий города Потсдама. Достигнув дворцового бельведера, можно насладиться полной панорамой потсдамского садово-паркового пространства, удивляющего современного читателя обилием русских реминисценций в пейзаже, описанном автором путеводителя XIX в.: «С правой стороны покоится в тихо текущих водах [реки Хафель] полуостров Сакров. Чуть далее виднеется Мраморный дворец в Новом саду, на холме за ним – зеленый купол греческой церкви в русском поселении под Потсдамом. Напротив [Павлиньего] острова с южной стороны на возвышенности рядом с недавно возведенной (1835–1837) церковью [просматривается] деревянная крыша и фронтоны фасада *Никольского*, дома, построенного целиком из дерева в стиле лучших русских сельских строений»².

¹ *Fintelmann G.A. Wegweiser auf der Pfaueninsel. Kommentierter Nachdruck der Ausgabe von 1837 / Hg. v. Michel Seiler. Berlin, 1986. S. 4.*

² *Ibid. S. 4–5: «Zur rechten tritt eine Halbinsel (Sakrow) in das ruhig fließende Wasser. Weiterhin sieht man «das Marmor-Palais» im Neuen Garten, auf dem Hügel dahinter die grüne Kuppel der griechischen Kirche in der russischen Colonie bei Potsdam. Der Insel gegenüber, gegen Süden, auf der Höhe neben der neu (1835–1837) erbauten Kirche, das hölzerne Dach und den vorderen Giebel von *Nikolskoë*, im Stile der besseren russischen Landhäuser ganz von Holz gebaut». Здесь и далее все переводы, кроме специально оговоренных, принадлежат автору статьи, а все текстовые выделения – автору цитируемого источника.*

Автор путеводителя, придворный садовник Густав Адольф Финтелман (Gustav Adolph Fintelmann, 1803–1871), не случайно придает большое значение видовой взаимосвязи находящегося в его ведении Павлиньего острова с окружающим ландшафтом. К моменту выхода книги уже несколько лет ведется интенсивная работа над объединением отдельных потсдамских садов и парков в единый ландшафтный ансамбль. Идее восприятия потсдамского пригорода как единого садово-паркового пространства подчиняется и садовая графика конца 1830 годов. Так, в частности, одна из литографий этого периода отображает взгляд с противоположного берега Хафеля, точно корреспондируя с описанным Финтелманом видом, и визуализирует перспективу, открывающуюся с балкона русского дома Никольское на дворец-руину Павлиньего острова³.

Общая реализация проекта ландшафтной перепланировки является заслугой П.И. Ленне (Peter Joseph Lenné, 1789–1866), директора садов прусского двора,⁴ состоящего с середины 1820 гг. на службе у Фридриха Вильгельма III (Friedrich Wilhelm III. von Preußen, 1770–1840) и позже у его наследника, Фридриха Вильгельма IV (Friedrich Wilhelm IV. von Preußen, 1795–1861). Ленне, по поручению прусского короля, не только разрабатывает общий план «украшения предместий Потсдама»,⁵ но и отвечает за переустройство отдельных, давно существующих садов. В том числе под его руководством значительно увеличивается архитектурное убранство парка на Павлиньем острове. Так, в период между 1824 и 1834 г. к двум постройкам в стиле готических псевдоруин – дворцу на юго-западной и молочне на северной стороне острова-парка, существующих здесь с конца 1790 гг., добавляются кавалерский дом, павильон «Храм Луизы» с колоннадой дорического ордера,

³ «Ansicht der Pfaueninsel von der Gallerie zu Nikolskoë. Mit 18 Randdarstellungen», 29,7 x 35,8 см, 1830-е гг. (Надпись справа снизу: «nach der Natur gezeichnet von Möllendorf»), Kupferstichkabinett Berlin. См.: Potsdam und seine Umgebung seit dem Beginn des 18. Jahrhunderts. Gemälde, Grafik, Kunstgewerbe. (Ausst.-Kat. Berlin Museum) / Hg.v. Irmgard Wirth. Berlin, 1980. S. 40, № 194. Недавняя публикация литографии: *Борисова Е.А.* «Русские избы» эпохи романтизма в Германии и России // Пинакотека. 1999. № 10–11. С. 50.

⁴ Подпр. см.: *Dehio L.* Friedrich Wilhelm IV. von Preußen. Ein Baukünstler der Romantik. München, 1961. S. 87; *Hinz G.* Peter Joseph Lenné. Landschaftsgestalter und Städteplaner. Zürich, 1977.

⁵ Ср. его одноименный плановый проект 1833 г. («Verschönerungsplan der Umgebung von Potsdam»). Цит. по: *Maier-Soljk F., Greuter A.* Landschaftsgärten in Deutschland. Darmstadt, 1997. S. 149.

пальмовая оранжерея в ориентальном вкусе⁶ и катальная гора. Именно у этой катальной горы, носящей название «*montagne russe*» (русская гора), предлагает завершить прогулку по острову автор вышеупомянутого путеводителя, обещая читателю – посетителю парка очередной живописный вид на дворец и окружающий его преобразенный сад⁷.

Следует отметить, что две, из перечисленных новых построек, наделены подчеркнуто мемориальным характером. Таким образом, они как бы подхватывают семантику прошлого, нашедшую ранее яркое выражение в готических формах парковых строений на Павлиньем острове конца XVIII века. Архитектура XIX в. расставляет, однако, новые акценты и развивает тему прошедших дней в рамках приватной истории владельцев парка. На месте искусственных руин появляются руины реальные – фрагменты биографического прошлого. Так, здание кавалерского дома украшается в память об эвакуации двора королевы Луизы в Восточную Пруссию в 1806–1809 гг. оригинальным позднеготическим фасадом, привезенным из Гданьска, а «Храм Луизы», чествующий память прусской королевы, наделен портиком, доставленным во время строительства павильона в 1829 г. в Потсдам из берлинской резиденции в Шарлоттенбурге. Новейшей истории династии Гогенцоллернов посвящен проект «русской деревни». Она упомянута в путеводителе по Павлиньему острову среди видов, открывающихся взору воображаемого посетителя парка и перечисленных выше. Проектировка и строительство этого нового ансамбля близ Потсдамом, получившего название «Александровка», было поручено венценосным заказчиком садовому директору Ленне в начале 1826 года.

В период с 1819 по 1829 г. в пригородном ландшафте Потсдама возводится целый ряд строений в «русском стиле» (часть из них сохранилась до наших дней, часть была недавно восстановлена). Эти постройки, а именно: дом в ареале *Никольское*, расположенный напротив парка Павлиньего острова на северо-востоке от города, ансамбль русской деревни *Александровка*, лежащий к западу от Нового сада, и непосредственно примыкающий к деревне комплекс Александровой или Часовой горы с *церковью св. Александра Невского* и деревянным домом, будут объектом авторского внимания в данной статье. В первой части статьи воссоздается хронология проектов и построек крестьянских домов в русском стиле, имевших место в пер-

⁶ Построена в 1831 г. архитектором А. Шадовым по проекту К.Ф. Шинкеля.

⁷ См.: *Fintelmann G.A.* Op. cit. S. 26–28 (катальная гора просуществовала до 1935 г. см.: *Ibid.* S. 55).

вые три десятилетия XIX в. как в российском, так и в немецком садо-строении. Во второй части статьи реконструируется специфика «культуры памяти», отличающей развитие европейского садово-паркового искусства на рубеже XVIII–XIX века. Широкое применение принципов разнообразия и характерности по мере распространения эстетики пейзажного парка привело к строительству мемориальных павильонов, и к постепенной индивидуализации выразительного языка садо-строения, к утончению техники субъективного восприятия садового ландшафта через призму собственных воспоминаний. В заключение статьи предпринимается попытка обобщения художественных особенностей потсдамской садово-парковой архитектуры в «русском стиле».

I.

В последнее десятилетие потсдамские «русские» постройки все чаще привлекают внимание как отечественных, так и немецких исследователей. В истории садово-паркового искусства Никольское у Павлиньего острова и ансамбль Александровка занимают особое место по ряду причин. В первую очередь, они представляют собой уникальные образцы ранних архитектурных форм «русского стиля», не сохранившихся на территории России. Историческое значение этих построек заключается в том, что они, основанные на российских проектах, были впервые реализованы на «чужой» территории, в Пруссии.

Отличительной чертой потсдамских деревянных построек в «русском стиле», первой из которых стал рубленый дом в Никольском, выстроенный в 1819 г. как чайный салон для прусского короля, был поиск нового образа русской бревенчатой избы, находящегося в это время в России в стадии разработки. Причем формальный и декоративный язык этого самобытного образа изобретается по отношению к пригородной и садово-парковой архитектуре Павловска (Карло Росси, 1815 г.; Леоне Адамини, после 1818 г.) и Царского села (Огюст Монферран, 1819).

1. Деревня Глазова в Павловске

Обращение к русскому деревянному зодчеству в начале XIX в. принято традиционно рассматривать как попытку создания собственного национального стиля, обретающего в России конкретные формы в рамках художественной системы эпохи романтизма. История возникновения «русских изб» в этом аспекте наиболее

подробно рассмотрена в исследованиях Е.А. Борисовой⁸. Изучению архитектурно-исторических деталей первого русского проекта, разработавшего идеализированный образ бревенчатой избы для ансамбля деревни Глазовой в Павловске, посвящены публикации Е.Е. Анисимовой и Г.В. Семеновой⁹.

На существующую взаимосвязь между российскими парковыми проектами и немецкой архитектурой в русском стиле впервые указала Е.И. Кириченко¹⁰. Во второй половине 1990 гг. были начаты реставрационные работы в Александровке, давшие значительный импульс восстановлению архитектурно-исторического контекста потсдамских построек¹¹. Так, было впервые предпринято детальное сравнительное исследование русского и немецкого материала, осуществленное А. Хекер в рамках её дипломной работы¹². Критический обзор исследований, начиная с публикаций XIX в., и разбор неопубликованных исследовательских материалов содержит журнальная публикация А. Хекер, напи-

⁸ Борисова Е.А. Русская архитектура в эпоху романтизма. СПб., 1997 (о русском стиле: С. 118–135); Она же. «Русские избы» эпохи романтизма в Германии и России. С. 50–55.

⁹ Название деревни (Глазова / Глазово) варьируется в исследовательской литературе. См.: Анисимова Е.Е. К истории создания деревни Глазово под Павловском. От проектов Карло Росси к созданию Леоне Адамини 1815–1822 // *Quaderni La Ricerca*. № 4 / A cura di A.M. Redaelli. Montagnola, 1997; Она же. К истории создания деревни Глазово под Павловском // *Павловские чтения* / научн. ред. Н.С. Третьяков, Л.В. Коваль. СПб., 1998. С. 20–26; Семенова Г.В. Деревня Глазова в Павловском парке // *Пространство и время воображаемой архитектуры*. Царицынский науч. вестник. № 7–8 / науч. ред. Б.М. Соколов. М., 2005. С. 139–146.

¹⁰ Кириченко Е.И. Из истории русско-немецких связей в области архитектуры // *Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры*. М., 1980. С. 314–315. Здесь было впервые высказано предположение об участии К. Росси в проектировании изб в русском поселении в Потсдаме.

¹¹ В связи с этим было составлено экспертное заключение, оставшееся неопубликованным. См.: Köhler M. Die Potsdamer Kolonie Alexandrowka und ihr Beitrag zur Entstehung des «russischen Stils». (Gutachten im Auftrag des Oberbürgermeisters der Landeshauptstadt Potsdam, Amt für Denkmalpflege). Berlin, 1996. См. также неопубл. исслед.: Kapp Gabriele, Markowski Jutta, Sander Tomas. Untersuchung zur Bau- und Sozialgeschichte der Kolonie Alexandrowka: Dokumentation und Auswertung aus den Aktenbeständen des Brandenburgischen Landeshauptarchivs. (Typoskript). Potsdam, 2003.

¹² Hecker A. Glasowo bei Pawlowsk. Carlo Rossis Projekt eines russischen Parkdorfes – Vorbild für die Alexandrowka in Potsdam? (Diplomarbeit an der Technischen Universität Berlin). Potsdam, 2002.

санная в соавторстве с А. Калессе¹³. В ней представлены и некоторые фрагменты предпринятого Хекер сравнительного анализа архитектурных и декоративных форм проектированных и реализованных парковых построек в русском стиле в России и в Германии.

Результаты всех вышеперечисленных исследований позволяют довольно точно реконструировать хронологию проектирования, авторство и ход реализации построек образцовых крестьянских домов и увеселительных павильонов в «русском стиле» в садово-парковом пространстве предместий Санкт-Петербурга и Потсдама в первой половине XIX века.

Первый проект, в котором «обобщались композиционные приемы и декоративные формы северного новгородского крестьянского жилища»¹⁴, датируется 1815 годом. Речь идет о новом районе пейзажного парка в Павловске, который должен был возникнуть благодаря перепланировке поселения Глазова, перенесенного ранее, в 1797–1799 гг., на окраину парка к северу от Красной Долины, по соседству от Фермы¹⁵. План расположения деревни Глазовой и два эскиза фасадов ее домов, выполненные К.И. Росси (Carlo Rossi, 1775–1849), позволяют проследить работу главного архитектора Павловска над новым заказом владелицы парка, вдовствующей императрицы Марии Федоровны¹⁶.

¹³ Hecker A., Kalesse A. Die russische Kolonie Alexandrowka in Potsdam: Zum Forschungsstand // Jahrbuch für Brandenburgische Landesgeschichte. № 54 / Hg. v. Felix Escher, Eckart Henning. Berlin, 2003. S. 200–218. (О ходе реставрации и ее документации: S. 203, примеч. 14). Следует, однако, отметить, что здесь не учтены в достаточной степени указ. исследования Е.А. Борисовой, в особенности касающиеся работ О. Монферрана в Екатерингофе, вследствие чего авторы статьи ошибочно исходят из того, что его проект русской избы не был реализован. См.: *Op. cit.* S. 206.

¹⁴ Борисова Е.А. «Русские избы» эпохи романтизма в Германии и России. С. 51. См. также: Кириченко Е.И. Русская деревянная застройка как социально-исторический феномен // Типология русского реализма второй половины XIX века. М., 1990.

¹⁵ Подр. о переселении деревень Линна и Рис-Кабачок в процессе увеличения садово-паркового ансамбля в Павловске см.: Анисимова Е.Е. К истории создания деревни Глазово под Павловском. С. 12–14; Семенова Г.В. Деревня Глазова в Павловском парке. С. 140–141.

¹⁶ См. о заказе: Курбатов В.Я. Павловск. СПб., 1912; Тарановская М.З. Карл Росси. Архитектор. Градостроитель. Художник. Л., 1980. С. 160–161. Графические источники: 1) Карло Росси «Генеральной План девяти крестьянским дворам с расположением» 1815, 63,5 x 94,1 см, ГМЗ Павловск, о.гр. Ч-171 (публ.: Тарановская М.З. Карл Росси. С. 160; Hecker A., Kalesse A. *Op. cit.* S. 210);

Еще до начала строительства новой деревни Глазовой¹⁷, в Павловске уже существовал целый ряд павильонов сельского типа. Причем только один из них – Пиль-Башня – был устроен с эффектом контраста между пасторально-руинным внешним видом и богатым внутренним убранством садовой постройки, служившей библиотекой. Остальные сельские стаффажи, возникшие в основном в 1780 гг., в частности, Молочня и Старое Шале, использовались владельцами парка в соответствии с их сельской семантикой. При Молочне, расположенной в дворцовой части парка, разводили птицу и хранили молоко, а на другом берегу Славянки, в садике, прилегающем к Шале, занимались садовыми работами¹⁸. Старое Шале представляло собой уже в начале XIX в. пример обжитой парковой архитектуры, что подтверждает автор литературного описания парка 1802 года¹⁹. В этом состоит существенное отличие павловских пейзажных построек от большинства подобных придворных парковых стаффажей XVIII века.

В первые годы XIX в., с увеличением территории парка, в Краснодолинном районе создается еще один сельский ансамбль, упомянутый уже комплекс Фермы. Этот проект, выполненный А.Н. Ворониным (1759–1814), демонстрирует новый вариант парковой архитектуры с утилитарными функциями, а его художественное

2) Карло Росси «Фасад деревни Глазово» 1815, 52,3 x 136,2 см, ГМЗ Павловск, о.гр. Ч-168 (публ.: *Пилявский В.И.* Зодчий Росси. Л., 1951. С. 28; *Анисимова Е.Е.* К истории создания деревни Глазово под Павловском. С. 30–31; *Hecker A., Kalesse A.* Op. cit. S. 211); 3) Карло Росси «Проект деревни Глазово» 1815, НИМАХ, Н-87, 16/350 (публ.: *Тарановская М.З.* Карл Росси. Л., 1978. С. 54–55; *Hecker A., Kalesse A.* Op. cit. S. 211).

¹⁷ Ср. сроки: *Семенова Г.В.* Деревня Глазова в Павловском парке. С. 142 и *Анисимова Е.Е.* К истории создания деревни Глазово под Павловском. С. 20–21.

¹⁸ *Семевский М.И.* Павловск. История и описание. 1777–1877. СПб., 1877 (переизд.: СПб, 1997). С. 310–311. О семантике сельских павильонов Павловска ср.: *Ananieva A.* Erinnerung und Imagination. Der Landschaftspark von Pawlowsk im europäischen Gartendiskurs zwischen 1777 und 1828 // *Krieg und Frieden – eine deutsche Zarin in Schloß Pawlowsk.* (Ausst.-Kat. Haus der Kunst München). Hamburg, 2001. S. 240–242.

¹⁹ *Storch H.* Briefe über den Garten zu Pawlowsk, geschrieben im Jahr 1802. St. Petersburg, 1803. Переиздание в составе каталога выставки: *Krieg und Frieden – eine deutsche Zarin in Schloß Pawlowsk.* (Ausst.-Kat. Haus der Kunst München). Hamburg, 2001. S. 281–306 (сопровод. статья: *Ananieva A.* Parkbeschreibung und Gartenerlebnis: einführende Bemerkungen zu Heinrich von Storchs «Briefe über den Garten zu Pawlowsk» // *Ibid.* S. 307–312). Рус. пер. Ю.А. Ходосова. СПб., 2004. С. 31–32 (Молочня), 54–56 (Старое Шале).

решение соответствует образцам русского деревянного строительства. Особенно показателен в этом отношении художественный язык архитектуры Птичьего Двора, выходящий за принятые границы общеевропейской иконографии пасторального толка²⁰. Новшество проекта деревни Глазовой, представленного Росси в 1815 г., однако, заключается в поиске крупномасштабного решения целого крестьянского поселения, специфические черты которого определяются в рамках художественной системы деревянного зодчества в «русском стиле»²¹.

План поселения и эскизы фасадов домов деревни Глазовой адаптируются архитектором Леоне Адамини (1789–1854), вероятно после 1818 года²². Последующая реализация архитектурного проекта на границе Павловского парка происходит уже без участия Росси, который в это время занимается преобразованием центральных районов столицы. Изменения, внесенные Адамини, касаются, в первую очередь, общей пространственной планировки деревни. Её изначально шестиугольный план, включавший три вписанных в него треугольника, приобретает форму круга. Именно внешняя круговая дорога, которая обрамляла деревню, состоявшую в XIX в. из шести крестьянских дворов и не сохранившуюся до наших дней²³, прочитывается на территории сегодняшнего населенного пункта в Павловске. Единственным известным графическим документом, фиксирующим облик реализованного проекта деревни 1820 г., является одна литография, вид для которой был снят с

²⁰ Воронихин А.Н. (мастерская) «Фасад Птичьего Двора» после 1805, 28 x 47,1, ГМЗ Павловск, о.гр. Ч-136. Краткий обзор деревенских мотивов в европейском садово-парковом искусстве содержится в статье Соколова: Соколов Б.М. Деревня (URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=23> [дата обращения: 28.11.2008]).

²¹ Можно предположить образцовый характер проекта деревни Глазовой в «русском стиле», если учитывать, что немногим ранее (1809–1812) К.И. Росси уже принимал участие в составлении альбомов «образцовых проектов» жилых домов.

²² Адамини Л. «План деревни Глазова» б.г., ГМЗ Павловск, о. гр., Ч-1239. Ср.: Анисимова Е.Е. К истории создания деревни Глазово под Павловском. С. 19–20.

²³ Ср.: «Сметы на строительство крестьянских домов деревни Глазовой в Павловском парке» // РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 147. Л. 1–10; Переписка павловского городского правления с подрядчиками // Там же. Оп. 2. Д. 9947. Л. 1–10. Ср. также: Анисимова Е.Е. К истории создания деревни Глазово под Павловском. С. 20–21, 27.

берега Славянки недалеко от Елизаветинского павильона в Красной долине²⁴.

2. Чайный салон Никольское близ Потсдама и ансамбль русского поселения Александровка

В период между заказом проектировки деревни Глазовой и предполагаемым началом строительства первых домов в «русском стиле» в политической сфере создаются те благоприятные условия, которые в последующие десятилетия приводят к интенсивным контактам между правящими домами Гогенцоллернов в Пруссии и Романовых в России. Династические узы между Санкт-Петербургом и Берлином, возникшие благодаря помолвке вел. кн. Николая Павловича (1796–1855) с прусской принцессой Луизой Шарлоттой Вильгельминой (1798–1760) в 1815 г. и закрепленные состоявшимся в 1817 г. бракосочетанием, связали два поколения. Политически-дружеский настрой правящих персон, недавних союзников в войне против Наполеона, Фридриха Вильгельма III и Александра I (1777–1825), находит продолжение и положительное развитие в отношениях прусского престолонаследника Фридриха Вильгельма с русской семьей его сестры, будущей императрицы Александры Федоровны. Наличие многосторонних личных контактов, которые, несмотря на ограничения, накладываемые условиями придворного церемониала, активно поддерживались благодаря регулярным перемещениям членов царской семьи между Пруссией и Россией, значительно повлияло на трансфер идеи «русского дома» в паркостроении.

Обозначим несколько ключевых фактов: после свадебных торжеств в июне – июле 1817 г. великокняжеская чета Николая Петровича и Александры Федоровны проводят лето и осень в Павловске. В это время В.А. Жуковский, занимавший до того должность чтеца при Марии Федоровне в Павловске, назначается преподавателем русской словесности при великой княгине. Летом 1818 г. на крестины новорожденного вел. кн. Александра Николаевича (1818–1881) в Россию приезжает прусский король Фридрих Вильгельм III. Во время пребывания в Санкт-Петербурге он гостит в Петергофе. Вероятно именно из этой поездки был

²⁴ Литография впервые упомянута Г.В. Семеновой. Деревня Глазова в Павловском парке. С. 143, 146 (примеч. 14): «Вид деревни Глазовой в Павловском парке» 1820-е гг. // Альбом «Виды города Павловска». РНБ. ОЭ. Л. 35.

привезен в Берлин один из листов проектной серии, выполненной Карло Росси для павловской деревни Глазовой²⁵. Спустя два года вел. кн. Александра Федоровна отправляется в заграничное путешествие и проводит летнее время 1820 г. в загородных резиденциях Потсдама²⁶. Здесь прусский король демонстрирует своей дочери новый «русский дом», отстроенный напротив Павлиньего острова, и вспоминает о проведенных в России днях: «Взгляни, русский срубленный дом! Это точная копия той избы, которая тебе так нравилась и в которой мы были так веселы, когда я гостил у вас в Петербурге. Ты пожелала тогда для себя такой же дом,

²⁵ Hecker A., Kalesse A. Op. cit. S. 215. – Carlo Rossi (1775–1849): «Bauern Hof in Rußland» (rechts unten: «Rossey architecte»), 1815 (?), Tusche, aquarelliert, 97,5 x 64,1 cm. SMBPK Kupfersichkabinett, Berlin, Mappe Top Russland ZM. (Публ.: Königliche Visionen. Potsdam: Eine Stadt in der Mitte Europas. Ausst-Kat. Potsdam-Museum. Potsdam, 2003, Kat. Nr. 5.4.11 [с датировкой ок. 1820]. S. 253).

²⁶ В поездке за границу, продлившейся до зимы 1822 г., в свите великой княгини находится В.А. Жуковский. Можно предположить, что как раз один из его первых педагогических экспериментов, немецко-русский альманах «Für Wenige. Для немногих» 1818 г., составленный им для вел. кн. Александры Федоровны в качестве учебного пособия для обучения русскому языку, в некоторой степени предупредил или даже подготовил ту поэтическую модель игры в «свое» и «чужое», которая нашла архитектурное воплощение в русских парковых домах Потсдама и готических постройках Петергофа (см.: Жуковский В.А. Für Wenige. Для немногих. СПб., 1818). Ср.: Винницкий И.Ю. Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М., 2006. С. 144–147. По поводу стихотворения В.А. Жуковского «Горная песнь», представляющего собой переложение стихотворения Ф. Шиллера «Berglied» (1804): «В соответствии с композиционным принципом сборников „Для немногих“, немецкий и русский тексты „Горной песни“ помещались параллельно друг другу. Напомним, что цель сборников была прежде всего педагогической, точнее эстетико-педагогической: немецкая принцесса открывала для себя русский язык в его эстетических (в том числе и музыкальных) возможностях. Еще раз заметим, что „случайным результатом“ эстетико-педагогического проекта Жуковского было создание эффекта зеркального отражения немецкой поэзии в русском языковом и психологическом сознании. В известном смысле билингвизм сборников „Для немногих“ иконически передавал сам процесс осуществления оригинала в переводе, путь „чужого“ к „своему“ (а для немецкой принцессы от „своего“ к „чужому“). „Для немногих“ – своеобразный поэтический мост, соединяющей две культуры. При этом „свое“ оказывается здесь равноправным „чужому“» (Там же. С. 144).

считая, что в нем можно жить с неменьшим удовольствием, чем в царском дворце»²⁷.

Рубленный двухэтажный дом *Никольское* был возведен в потсдамском предместье летом 1819 г. в преддверии приезда вел. кн. Александры Федоровны в Берлин.²⁸ Этот парковый павильон использовался с самого начала в качестве чайного салона прусского короля. Сегодня на месте уничтоженного при пожаре оригинала существует «русский дом» *Никольское* в восстановленном виде²⁹. По мнению Е.А. Борисовой, за основу в свое время был взят один проект деревенского дома Огюста Монферрана (1786–1858)³⁰. Хекер и Калессе, однако, сравнивая основные объемы и декоративные элементы отделки фасада, склоняются к мнению, что строительство велось по вышеупомянутому рисунку Карло Росси, привезенному из поездки в Россию и хранящемуся в Берлинском кабинете эстампов³¹.

С проектом образцовой избы в «русском стиле», выполненным Монферраном, потсдамские исследователи однозначно связывают другую потсдамскую постройку – *сельский дом прусского короля* на Александровской (Часовенной) горе, примыкающей к ансамблю деревни Александровка. Именно эта постройка, возникшая параллельно с начатым в 1826 г. строительством русской деревни и служившая вторым чайным павильоном, является на сегодняшний день единственным полностью сохранившимся образцом парковой архитектуры в «русском стиле»³². Сельский дом короля, ныне так назы-

²⁷ «Siehe, ein russisches Blockhaus! Es ist die vollkommene Kopie des Blockhauses, das Dir so gut gefiel, und in welchem wir froh waren, als ich euch in Petersburg besuchte. Du wünschtest damals ein solches und meinstest, man könne darin ebenso vergnügt sein wie in einem königlichen Palaste». Цит. без указания исторического источника: Hecker A., Kalesse A. Op. cit. S. 215 (со ссылкой на неопубл. исслед.: Borchardt W.-R., Engel H., Seiferth R. Das Blockhaus Nikolskoe – Geschichte, Zerstörung, Wiederaufbau. Berlin, 1987. S. 8, 11).

²⁸ Hecker A., Kalesse A. Op. cit. S. 215.

²⁹ См.: Borchardt W.-R., Engel H., Seiferth R. Op. cit.

³⁰ Борисова Е.А. «Русские избы». С. 51.

³¹ Hecker A., Kalesse A. Op. cit. S. 206, 215. См. также: Altendorf B. Friedrich Wilhelm III und die Russische Kolonie Alexandrowka in Potsdam // Königliche Visionen. Potsdam eine Stadt in Mitte Europas. Potsdam, 2003. S. 253.

³² Ibid. S. 206. Примечательно, что расположенный на холме ансамбль церкви и королевского дома как бы возвышается над лежащей у его подножия деревней. Ландшафтная планировка двухчастного комплекса Александровки (пейзажная нерегулярность холмовой части и геометрический порядок самой деревни) следует, на первый взгляд, природным особенностям местности. Очевидное эстетическое разграничение двух районов ансамбля, однако, наво-

ваемый «дом настоятеля», образует холмовый ансамбль потсдамской Александровки вместе с церковью св. Александра Невского, выстроенной по проекту архитектора В.П. Стасова (1769–1848). Выполнив проект этой церкви в 1826 г., В.П. Стасов предварил опыт по созданию «византийского стиля», позже связанного в российской истории архитектуры с именем К.А. Тона³³. Строительство церкви в Потсдаме было, однако, осуществлено не Стасовым, а ведущим немецким архитектором того времени К.Ф. Шинкелем в 1829 году.

Вернемся к «русской избе» Монферрана. Начиная с 1817 г. в Царскосельской государевой вотчине начинается переустройство дворцовых деревень³⁴. Монферран, назначенный придворным архитектором, разрабатывает в 1819 г. проект образцового дома в «русском стиле», известный под названием «De Paysan, route de Petersbourg a Moskou dans la 3 village près de Tzarskoesello»³⁵. Здесь архитектор предложил вариант фасада, приближенного к народному жилищу, с галереей нижнего яруса, к которой обращены окна первого этажа и вход³⁶. Остается не до конца выясненным, велось ли последующее переустройство изб сел Редкое, Верхнее (Большое?) Кузьмино и Александровка на Царскосельской дороге исключительно по образцу Монферрана или, например, по ранее выполненным проектам Росси³⁷. Однако, спустя

дит на мысль о реализации в этом проекте идеи патриархального патронажа в миниатюре – царь и церковь над народом. Ср. в этом контексте суждения А.М. Бакунина «О садах» (1804), развивающие идею патриархального украшения деревенского пространства: Письма А.М. Бакунина к Н.А. Львову / публ. Л.Г. Агамалян // Ежегодник Ручкописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 43–95.

³³ Борисова Е.А. Русская архитектура в эпоху романтизма. С. 120.

³⁴ Семенова Г.В. Деревня Глазова в Павловском парке. С. 142.

³⁵ Хранится в фондах НИМАХ (публ.: Борисова Е.А. Русская архитектурная графика XIX века. М., 1973. С. 134; Она же. Русская архитектура в эпоху романтизма. С. 122 [илл. 34]).

³⁶ Там же. С. 121.

³⁷ Г.В. Семенова отмечает сходство Большого Кузьмино с российскими проектами в композиции и элементах архитектурного декора, анализируя фотографии 1910–1920-х гг. из фондов КГИОП С.-Петербурга (см.: Семенова Г.В. Деревня Глазова в Павловском парке. С. 142, 146. Примеч. 13). См. также: Борисова Е.А. «Русские избы». С. 52: «Именно деревня Верхнее Кузьмино, построенная в 1823 году, послужила через несколько лет примером для проектов образцовых крестьянских изб, включенных в первый типовой альбом 1831 года „Планы для устройства селений“. Последние два листа альбома были включены в „Атлас“ позднее по распоряжению Николая I, как образец деревни, устроенной в чисто „русском вкусе“».

четыре года именно этот проект Монферрана был положен в основу русского комплекса, состоявшего из кафе и ресторана, для Екатерингофского парка в Санкт-Петербурге. Перепланировка этого садово-паркового ансамбля под новый публичный увеселительный парк была поручена Монферрану в 1823 году³⁸. Парк был открыт для публики 1 мая 1824 года³⁹. Популяризации нового увеселительного парка с его русскими постройками способствовали и литература, и изобразительное искусство⁴⁰. Анализируя развитие художественной системы первой трети XIX в., Е.А. Борисова приходит к заключению о том, что «именно успех этой первой крупной работы О. Монферрана, вышедшей за рамки классицизма, был одной из причин того, что осуществленная им схема русской избы, где он усовершенствовал приемы, намеченные К. Росси в деревне Глазово под Павловском, стала своего рода эталоном „русского стиля“»⁴¹.

Действительно, крупномасштабная реализация художественно-выразительных форм «русского стиля» состоялась впервые в рамках ансамбля русского поселения под Потсдамом, получившего название Александровка. Строительство комплекса из 12 крестьянских подворий, расположенных у подножия вышеупомянутой Александровской (Часовенной) горы, было начато в весну 1826 г. (первые сметы датируются мартом 1826 г.) и велось в течение нескольких лет. Проект всего ареала был подготовлен садовым директором П.И. Ленне, строительство велось, вероятно, под руководством полковника фон Рёдера (von Röder)⁴². Официальная грамота об основании поселения была подписана прусским королем 10 апреля 1826 года⁴³.

Иконографический анализ реализованных в Александровке типов домов и деталей декоративных украшений, проведенный А. Хекер, показал, что архитектурное исполнение деревенских построек опиралось на глазовские проекты К. Росси. В декора-

³⁸ Баторевич Н.И. Екатерингоф. История дворцово-паркового ансамбля. СПб., 2006. С. 106–107.

³⁹ Борисова Е.А. Русская архитектура в эпоху романтизма. С. 123. О переустройстве Екатерингофского парка в 1823–1824 гг. и позже, после наводнения 7 ноября 1824 г. см.: Баторевич Н.И. Указ. соч. С. 106–125, 148–150.

⁴⁰ Хвостов Д.И. «Ода на Майское гулянье в Екатерингофе 1824 года» и альбом гравюр с видами Екатерингофа «Nouvelle collection de quarante-deux vues der Saint-Petersbourg et de ses environs. Lithographiées par divers Artistes». (СПб., 1825). Ср.: Баторевич Н.И. Указ. соч. С. 106 и Борисова Е.А. Русская архитектура в эпоху романтизма. С. 124 (илл. 35).

⁴¹ Там же.

⁴² Подр. см.: Hecker A., Kalesse A. Op. cit. S. 204.

⁴³ Ibid. S. 205.

тивном устройстве фасадов изб, как большого, так и малого типа, прослеживаются идентичные элементы на уровне оформления крытых террас и балконов, подчеркивающих поэтажное деление, рамочных наличников, точеных и прорезных балюстрад, кронштейнов и карнизов⁴⁴. Главное отличие крестьянских домов деревни Александровка от первого потсдамского дома в «русском стиле» в Никольском состоит в том, что они все являются фахверковыми, а не рублеными постройками, и только симулируют бревенчатые срубы благодаря отделке фасадов.

Уже после того, как в потсдамском пригороде были реализованы вышеперечисленные постройки в «русском стиле», предпринимается строительство двух придворных изб в Луговом парке в Петергофе⁴⁵. *Никольский сельский домик*, построенный в 1835 г. по проекту А.И. Штакеншнейдера, расположен на перемычке у Большого Западного пруда и представляет собой «деревянный дом на каменном фундаменте в русском сельском виде»⁴⁶. Двухэтажный дом, срубленный из брёвен, и тесаные ворота украшены декоративными резными деталями. Постройка, связанная с пейзажным садом, который был распланирован под нее садовым мастером П.И. Эрлером, выполняла в XIX в. парадные функции⁴⁷. В 1847–1849 гг. была построена *Царская мельница* (архитекторы А.И. Штакеншнейдер и Э.Л. Ган). Это несохранившееся одноэтажное деревянное здание с мансардой было обшито тёсом и украшено «в сельском вкусе» резными наличниками, подзорами и карнизами. Мельница использовалась как для помола зерна, так и для отдыха «высочайших посетителей» во время садовых прогулок⁴⁸.

⁴⁴ Ср. результаты сравнительного анализа потсдамских построек и одного листа проекта павловской деревни Глазовой, привезённого очевидно Фридрихом Вильгельмом III из поездки в Петербург в 1818 г. и хранящегося в берлинском кабинете графики: *Necker A., Kalesse A.* Op. cit. S. 215, особенно илл. 13–16, S. 217–218.

⁴⁵ *Раскин А.Г., Архипов Н.И.* Петродворец // Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1985. С. 460–465.

⁴⁶ Там же. С. 462. В год издания этой монографии павильон, хотя и потерял декоративные элементы, еще сохранился.

⁴⁷ В начале XX в. ее внутренне убранство воспроизводило образцовую обстановку крестьянского хозяйства с уварью, кухонной и столовой посудой. Ср.: Путеводитель по Петергофу. СПб., 1909. С. 222.

⁴⁸ Там же. С. 464.

II.

Очевидно, что реализация проектированной для петербургских пригородов «русской» архитектуры в потсдамском ландшафте приобретает *a posteriori* исключительное значение на фоне формирования и постепенного укрепления концепции национальной культуры, происходящего в это же время как в германском, так и российском культурном пространстве⁴⁹.

Одна из ключевых составляющих новой идеи национального своеобразия – народные формы – находится в центре внимания всех перечисленных выше парковых построек в «русском стиле». Здесь «народное» служит в качестве ориентира для придворной культуры, которая трансформирует его признаки в двух направлениях: во-первых, использование форм деревенских построек обогащает выразительный язык пейзажного садоводства, привнося очередной элемент в систему разнообразия; во-вторых, элементы русского деревянного зодчества способствуют демонстрации собственной оригинальности⁵⁰. В ходе этой трансформации эстетическое требование характерной выразительности переосмысливается как выражение самобытного, что приводит к возрастающей значимости художественных форм, найденных внутри собственного культурного пространства. Эти «подлинные» элементы способны служить неким ориентиром для утверждения собственной оригинальности образа в глазах других и размежеванию «своего» и «чужого». Аналогичный процесс самоидентификации уже более широких групп потенциально имеет место в непосредственном контакте с «русскими» образами и в петербургском Екатерининском парке, и в потсдамской Александровке, поскольку «деревенские» постройки предстают здесь перед «чужой» в социальном плане го-

⁴⁹ Об этой тенденции, обозначившей в русской культуре, ср. суждение М.В. Нащокиной: «...в аспекте целеполагания вся русская архитектура с 1830-х до 1910-х годов может рассматриваться как единое культурное движение к постижению основ русской архитектурной специфики и созданию на их базе нового общенационального стиля, другими словами, как единый стилеобразующий процесс» (Нащокина М.В. Московский модерн. М., 2002. С. 35). См. также: Она же. «Ренессансоподобие» в русской архитектурной мысли середины XIX – начала XX вв. // Архитектура мира. М., 1994. Вып. 3. С. 108.

⁵⁰ В рамках придворной культуры конца XVIII в. подобное испытание декоративных приемов национального толка происходит в малых художественных формах, в частности в фарфоре. См.: Бубчикова М. Русская тема в немецком фарфоре // Пинакотекa. 1999. № 10–11. С. 206–211; Пахомова-Герес В. Фарфоровый гимн Семирамиде Севера // Там же. С. 229–233.

родской культурой и, в тоже время, представляют собой яркий ориентир для определения «своей» национальной культуры. Парковые постройки в «русском стиле» способны, таким образом, не только занять место очередного эффектного декоративного элемента, но и могут приобрести статус самостоятельной художественной формы-ориентира.

В образе русского деревянного зодчества парковой архитектуры происходит переплетение семантики «простого», «наивно-го», присущей классическому пасторальному топосу, со значением «самобытного», «народного», как составляющих специфику национального характера. Параллельно по-новому кодируется горизонт культуры памяти в саду, определявший многогранную технику восприятия пейзажной эстетики.

Ранее монументализация «собственного» через элементы общего, коллективного прошлого находила выражение в практике расположения в садово-парковом пространстве памятников, посвященных выдающимся личностям или событиям⁵¹. Так именно памятники победоносным свершениям новейшей русской истории определяют семантический фон новой, пейзажной инсценировки Царского Села в 70-х гг. XVIII века. Историческая семантика царскосельского ландшафта с его памятниками, посвященными событиям русско-турецкой войны, обогащается позже бюстами русских деятелей, установленными в Камероновой галерее. Теоретическое обоснование с прагматической подоплекой обнаруживается и в той аргументации, которую предлагает в своих

⁵¹ Интерес к собственному культурному прошлому, внимание к его древнейшим пластам и поиск источников настоящего получил оформление в художественной системе северного европейского культурного пространства в понятии «готики». Готические образы ассоциировались с архитектурой как западно-европейского Средневековья, так и с древнерусским зодчеством. Отсутствие строгого понятийного разграничения применительно к «готическому» наследию прослеживается вплоть до 1820-х годов. Проекты О. Монферрана, выполненные им для увеселительного ансамбля Екатерингофского парка в 1823 г. и реализованные годом позже, содержат как павильоны с декоративными формами лондонской готики (концертный зал «Воксал»), так и образы севернорусского деревянного зодчества (русские избы кафе и ресторан). См. *Борисова Е.А.* Русская архитектура эпохи романтизма. С. 96–118. *Хачатуров С.В.* «Готический вкус» в русской художественной культуре XVIII века. М., 1999.

статьях А.Т. Болотов, говоря о выборе языка садовых надписей и цитируемых писателей⁵².

Дифференцированный подход к возможностям «культуры памяти» пейзажного парка прочитывается в приходящихся на первые десятилетия XIX в. размышлениях Ф.Н. Глинки о создающемся новом саде П.И. Демьянова⁵³. Так, по мнению Глинки, изначально важно, что этот «снятый с природы» сад должен быть насыщен знаками прошлого. Причем, в первую очередь, семантика садовых стаффажей касается истории приватной: «*Остров Воспоминания* должен быть посвящен всему прошедшему. Там, на коре нескольких древних деревьев, изобразите вкратце достопамятнейшие случаи вашей жизни. <...> *Остров Напоминания* должен украшаться также памятниками милых вам особ, уже сошедших с земли. <...> Ветлы ивы, наклоненные к земле всеми ветвями своими, и ветерок, шепчущий с мохом и листьями, скажут: *здесь живые беседуют с прахом усопших!*»⁵⁴.

В полной мере «памятная» программа приватного пейзажного пространства, обозначенная Ф.Н. Глинкой, была реализована в Павловске, получив характер некой развернутой «интимной топографии» этого садово-паркового ансамбля⁵⁵. Некоторые рассуждения Глинки о садах прочитываются как универсальные наказы, снятые с натуры павловского садово-паркового ансамбля. В связи с павловским проектом деревни Глазовой следует подчеркнуть, что именно Ф.Н. Глинка описал для журнальной публики свои впечатления от парковой декорации, созданной Пьетро Гонзага в июле 1814 г. и представляющей живописную русскую деревню, которую некоторые исследователи считают художественным предшественником проектов К. Росси⁵⁶: «Что такое *сущность*

⁵² См.: Зарождение идеи «русского» сада и ее восприятие в России и Европе (конец XVIII – начало XIX вв.) // К истории идей на Западе: «Русская идея». Сб. статей. / под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 96–112.

⁵³ Глинка Ф.Н. Краткое известие о жизни Петра Ивановича Демьянова // Глинка Ф.Н. Письма к другу / сост., вступ. ст. и коммент. В.П. Зверева. М., 1990. С. 138–143. С. 142. Известно, что «Письма» Глинки печатались в журналах до того, как были опубликованы отдельными книгами. Так размышления о саде Демьянова содержало издание, вышедшее в Санкт-Петербурге в 1815 году (см.: Там же. С. 129, 508).

⁵⁴ Глинка Ф.Н. Несколько слов о садах // Там же. С. 134–135.

⁵⁵ Подр. см.: *Ananieva A. Erinnerung und Imagination. S. 260–264.*

⁵⁶ Ср. Семенова Г.В. Деревня Глазова в Павловском парке. С. 141 (цит. со ссылкой на: *Семевский М.И. Указ. соч. С. 148–149).*

и что такое *мечта*? – Я прошел за *розовый павильон* и увидел прекрасную деревню с церковью, господским домом и сельским трактиром. Я видел высокие крестьянские избы, видел светлицы с теремами и расписными окнами; видел между ними плетни и заборы, за которыми зеленеют гряды и садики. В разных местах показываются кучи соломы, скирды сена и проч. и проч. Только людей что-то не видно было: может быть, думал я, они на работе... Уверенный в существовании того, что мне представлялось, шел я далее и далее вперед»⁵⁷.

«Услаждаться прошедшим»⁵⁸ следует, по представлениям Глинки, располагая в саду памятники, отсылающие владельца или посетителя сада к памяти коллективной и напоминающие об истории сообщества, причем как далекой, так и близкой. Традиционно эту роль выполняют реминисценции из греко-римской античной культуры, обычно населяющие садово-парковое пространство в виде мифологических скульптур или архитектурных элементов в постройках. Однако, в качестве садостроительного новшества, которого «еще ни в одном саду доселе не бывало», автор предлагает своим читателям использовать арсенал «древних славянских богов»: «Нам ли, *русским*, гонятся за греческими богами, которые уже примелькались в глазах наших: ими загроможены все сады? Нам ли, говорю, пленяться чужим, тогда как баснословие наших предков славян так прекрасно! <...> На место Аполлона, Венеры, Флоры и зефиров поставьте в саду вашем *Бояна, Ладу, Зимстерлу*»⁵⁹. Вслед за программным призывом Глинка довольно подробно описывает ряд примеров таких садовых сцен,

⁵⁷ Глинка Ф.Н. О Павловске // Глинка Ф.Н. Письма к другу. С. 186–198 (здесь: С. 193–194). Этому фрагменту непосредственно предшествует описание прогулки к храму-мавзолею памяти Павла I в Новой Сильвии. В центре этой сцены помещено описание впечатления от скульптурной группы внутри павильона, подготавливающее эмоциональный контраст чувства скорби по усопшему со светлой фантазией сцены у Розового павильона. В качестве переходного элемента меж двух сцен выступает тема воспоминания и воображения (см.: Там же. С. 193).

⁵⁸ Глинка Ф.М. Несколько слов о садах. С. 135.

⁵⁹ Глинка Ф.М. Несколько слов о садах. С. 136. В конце XVIII в. «Храм Лады» (или «Le Temple de Venus») имелся и в усадебном парке А.Б. Куракина в Надеждино Саратовской губернии (Сердобский р-н Пензенской обл.) и представлял собой павильон с четырехскатной шатровой крышей. См. о Надеждино: Борисова Е.А. Русская архитектура эпохи романтизма. СПб., 1997. С. 37–41 (илл. 7, С. 40); Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003. С. 456–465; Schönle A. The Ruler in the Garden. Politics and Landscape Design in Imperial Russia. Oxford, 2007. P. 164–221.

устроенных в соответствии со славянской мифологией, «сокровища» которой до недавнего времени, «подобно многим природным русским драгоценностям, погребены были под спудом забвения»⁶⁰.

Размышления Глинки о садах демонстрируют осознанное обращение к художественным формам прошлого, которые понимаются как самобытные и поэтому ценные. Он ратует не только за припоминание прошлых символов, но и за создание новых монументов, заботясь о памяти будущих поколений: «Но чтобы сделать ваш сад совершенно отечественным, то вместо издержек на пустые беседки, <...>, постройте один хороший, но простой храм, ибо простота самая близкая родственница русским. Там соберите портреты или изваянные лики всех знаменитых россов. Тогда отец своего сына, а русский наставник воспитанника приведет в сей новый Пантеон для созерцания священных изображений *россиян-героев* и *россиян-благодетелей!*»⁶¹. Описанной здесь модели садового павильона соответствует решение павильона Храм Розы без шипов в садово-парковом ансамбле Александровой дачи под Павловском, прочтение которого дано в поэтическом описании сада, выполненного в 1793 г. С.С. Джунковским⁶². В тексте «Сказки о Царевиче Хлоре»⁶³, которая легла в основу инсценировки Александровой дачи, достижение Храма Розы без шипов представляет собой кульминацию повествования и подготавливает развязку садового путешествия. В описании садового ансамбля на этой сцене действительно заканчиваются стаффажи, имеющие отношение непосредственно к сказочному тексту Екатерины II. Однако само садовое пространство, так, как оно описано в поэме Джунковского, обещает повышение степени блаженства, достигнутого с обретением Розы-Добродетели в посвященном ей храме. Читателю-посетителю предлагается ряд разнообразных, последовательно открывающихся видов. Но сначала его взгляд обращается к потолку павильона, «чтоб больше возбудить сердца плененны»⁶⁴. Восторженная интонация, сопровождающая описание плодов

⁶⁰ Глинка Ф.М. Несколько слов о садах. Несколько слов о садах. С. 137.

⁶¹ Там же. С. 138.

⁶² Джунковский С.С. Александрова, увеселительный сад его императорского высочества благоверного государя и великаго князя Александра Павловича. СПб., 1793.

⁶³ [Екатерина II.] Das Märchen vom Zarewitsch Chlor // Neues St. Petersburgisches Journal. 1781. № 4. S. 75–92. Она же. Сказка о царевиче Хлоре. СПб., 1783.

⁶⁴ Там же. С. 13.

добродетели, намеченных образами российских правителей Петра I и Екатерины II в плафонной росписи павильона, достигает эмоционального пика в момент дешифровки имени последней. Интонационная пауза маркирует переход от уровня сельской игры к актуальности государственно-политической тематики и оборачивается в описании Джунковского прославлением дел и достижений страны:

Российской здесь ты действия Державы,
Хоть больше чувствуешь, как видишь, пой⁶⁵.

Линия истории страны, введенная Джунковским в текст описания, соединяя прошлое и настоящее, направлена в будущее, обозначенное в аллегорических изображениях великих князей Александра и Константина. Продолжателями этих славных дел должны стать внуки Екатерины, представленные в образе двух играющих ангелов – «тот узел Гордиев, тот Крест хранит»⁶⁶. Усиленное эмоциональное впечатление, сопровождающее восприятие павильона-храма, не противоречит аллегорическому характеру его росписи. Моральное воздействие аллегорических изображений славных фигур истории и современности достигается в ходе переплетения осознанного и прочувствованного переживания сцены в саду⁶⁷.

Подводя итог, следует отметить, что в ходе трансформации «культуры памяти» пейзажной эстетики, постепенно на место припоминания прошлого человеческой «цивилизации» и развития «культуры» по универсальным образцам приходит переживание «природы», «народности» и их прошлого, как самобытного источника происхождения нации. Дополнительный элемент, который прослеживается в описанных изменениях, – сознательная отсылка к «индивидуальной» памяти. Причем, припоминание прошлого, его актуализация в настоящем, подразумевается как на уровне личности, так и на уровне всей культурной формации – в данном случае в понимании ее общности как нации, трактуемой

⁶⁵ [Екатерина II.] Das Märchen vom Zarewitsch Chlor // Neues St. Petersburgisches Journal. 1781. № 4. S. 75–92. Она же. Сказка о царевиче Хлоре. СПб., 1783.

⁶⁶ Там же. С. 14.

⁶⁷ Подр. см.: *Ананьева А.В.* «Услада мысли и зренья» – поэтическое описание Александровой дачи в контексте дискуссии о рациональном и сенсорном восприятии пейзажного сада // *Гений вкуса: Н.А. Львов. Матер. и исслед. Сб. 3.* / научн. ред. М.В. Строганов. Тверь, 2003. С. 299–319.

в качестве неповторимой и отличной от всех других «индивидуальностей». Сами механизмы припоминания как бы строятся на поиске *отличия от других* и выработке идеи *общего*, объединяющего узкий круг *немногих*. В свете выше сказанного становится очевидной принципиальная разница между идеальными деревнями классицизма (с отсылками к палладианству или экзотике ориентального или пасторального толка) и образцовыми проектами крестьянских домов XIX в., выполненных в «русском стиле». Присутствие целого «русского» ансамбля в эстетизированном пространстве парка усиливает восприятие его выразительных средств как некоего цельного языка форм, характерного для конкретной локальной традиции. Деревенская семантика такого стаффажа, использующего новые для садового языка формы русского деревянного дома, подчеркивает в таком случае именно его специфический «народный», а не «всечеловеческий» характер⁶⁸. Такого рода «выработка национальных форм методом стилизации»⁶⁹ противостоит ранее принятой концепции многообразия приукрашенного сельского ландшафта в парке, наполненного разноплановыми культурными ассоциациями⁷⁰.

III.

Главная особенность потсдамских парковых построек в «русском стиле» состоит в том, что они выходят за рамки типичной презентации экзотичных архитектурных элементов в соответствии с

⁶⁸ Оппозиция, с которой работает Карамзин в оценке «собственных» и «чужих» элементов культурных пространств, занимающих его в «Письмах русского путешественника».

⁶⁹ *Нащокина*. Московский модерн. С. 35 (о значении русско-византийского стиля как способа освоения древнерусского зодчества).

⁷⁰ Ср., напр., описание сельских поселений вдоль петергофской дороги у А.К. Шторха: «Dieser in seiner Art einzige Weg nimmt seinen Anfang bey dem prächtigen rigischen Thor, <...>. Von hier bis zur siebenten Werst gleicht er eher einem Lustgarten als einer Heerstraße. Eine ununterbrochene Kette von Landhäusern reiht sich hier an einander. Pracht und Geschmack, Aufwand und Kunst haben sich hier vereinigt eine Wüste zu einem Paradiese umzuschaffen, dessen Reiz durch die abstechende Mannigfaltigkeit der Anlagen und Ideen erhöht wird. Prächtige Landsitze, holländische Dörfer, Einsiedeleyen, Teiche, Inseln, ländliche Aussichten wechseln unaufhörlich ab. Der überraschte Reisende, der sich aus den morastigen Wäldern Ingermannlands plötzlich auf diese Heerstraße versetzt sieht, glaubt sich in den Regionen einer Feenwelt, wo Natur und Kunst einen zauberischen Reihentanz um seinen Wagen tanzen» (*Storch H.* Gemählde von St. Petersburg. Bd. 1. Riga, 1794. S. 78–79).

принципом разнообразия, характерного для эстетики пейзажного садово-паркового искусства. Русская парковая архитектура в Потсдаме демонстрирует осознанное обращение к элементам чужой культуры, которые оцениваются как ее характерные национальные черты. Образцы русского зодчества, при этом, не только гармонично интегрируются в местный садово-парковый ландшафт, но и занимают в нём видное место.

Возникновение потсдамских построек в «русском стиле» обязательно, на первый взгляд, династическим связям между правящими домами Гогенцоллернов и Романовых. Именно к приезду в Потсдам в 1820 г. дочери Фридриха Вильгельма III и супруги Николая Павловича была приурочена постройка первого «русского дома» в немецком Никольском, а в начале 1826 г., лишь через несколько месяцев после кончины Александра I, было принято решение об устройстве «русского поселения» – деревеньки Александровка с церковью св. Александра Невского, которые, по идее прусского короля, должны были стать «вечным памятником дружеской связи»⁷¹.

Однако воспроизведение русских архитектурных элементов в парковом ландшафте Потсдама представляет собой больше, чем знак вежливости, отдающий должное династическим связям с Россией: изначально заложенный жест своеобразного «культурного обмена» подчеркивает, например, факт постройки одноимённой церкви в парке Александрия под Петергофом, выполненной на русской почве в готическом стиле (трактуемом, в свою очередь, в качестве немецкого национального). Об этом же говорят и другие примеры садово-паркового обмена, в том числе история скульптуры – двойника царскосельской «Молочницы», подаренной императрицей Александрой Фёдоровной для установки в парке Глинеке, одном из потсдамских садово-парковых ансамблей её брата⁷². Дополнительный аспект в анализе воспроизведения русских элементов в немецком парке и наоборот представляет собой наличие некой «культуры памяти», которая находит яркое выражение в садовой архитектуре и практикуется в непосредственном окружении в это же время: в частности, «русский садик» строится в веймарской рези-

⁷¹ Эта идея была прописана и для потомков на мемориальной доске церкви: «Ein bleibendes Denkmal der Erinnerung an die Bande der Freundschaft».

⁷² Две миниатюрные модели этой скульптуры находились в коллекции частных сувениров вел.кн. Марии Павловны в веймарском Бельведере. Ср.: Бубчикова М. Указ. соч. С. 211.

денции вел. кн. Марии Павловны⁷³. Интересно, что роль павловского садово-паркового ансамбля как образца или референта прослеживается как в случае с Веймаром, так и в случае с Потсдамом.

На фоне реализованных в пространстве пейзажного парка проектов «деревенок», программа которых колеблется между капризциозной игрой в культурные ассоциации и образцом деревенского хозяйства, в новом свете предстаёт специфика потсдамских «русских домов». Особое значение при этом приобретает взгляд на характерное развитие садового дискурса в России, нашедшего свое выражение в феномене усадьбы – пространства, объединяющего в себе бытовые и художественные функции.

Ансамбли Никольское и Александровка в Потсдаме, старейшие и единственные сохранившиеся примеры построек в так называемом «русском национальном стиле», выполненные не на территории России, свидетельствуют об изысканной игре «своего» и «чужого», далёкого и близкого, – игре, которая обращается к горизонту как «биографической», семейной, так и «культурной памяти». В свете истории стилей потсдамские «русские дома» характеризуют попытки формирования элементов национального стиля в рамках паневропейской эстетики пейзажного парка и намечают его последующее припоминание-развитие в усадебной и дачной архитектуре, отразившейся, в частности, в эстетике русского модерна.

⁷³ Подр. см.: *Ananieva A. Garten, Andenken und Erinnerungskultur zwischen Pawlowsk und Weimar // Von Petersburg nach Weimar: kulturelle Transfers von 1800 bis 1860 / Hg. v. Joachim Berger, Joachim von Puttkamer. Frankfurt am Main, 2006. S. 261–285.*

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 94(47).02

«ВСИХ НАС СТАРЕИ ОТЕЦЬ ТВОИ, НО С НАМИ НЕ УМЕЕТЬ ЖИТИ»: КНЯЗЬ, НОРМА И РЕАКЦИЯ НА ЕЁ НАРУШЕНИЕ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ*

А.В. Короленков

редакция журнала «Новая и новейшая история»

E-mail: sallust@list.ru

В статье рассматриваются соотношения княжеской власти и соблюдения ею норм и обычаев в домонгольский период в X – первой трети XII в., реакции на их нарушения со стороны других князей, а также дружины, веча и церкви. Автор отмечает, что на практике отношение князей к норме было достаточно вольным, и если на протесты по поводу её нарушения обращали внимание, то не столько в силу уважения самого князя к тем или иным ценностям, а из соображений выгоды, прежде всего учёта соотношения сил.

Ключевые слова: князь, дружина, вече, церковь, норма, Древняя Русь.

«YOUR FATHER IS THE ELDER OF ALL OF US, BUT HE DOESN'T KNOW HOW TO LIVE WITH US»: PRINCES, SOCIAL NORM AND REACTION TO ITS VIOLATION IN PRE-MONGOL RUS'

A.V. Korolenkov

The paper treats the relation of princes' power to norms and customs in the pre-Mongol period of Russian history (X – 1st third of XII cc.). Author traces to what degree the princes kept observance of social norms and how other princes, as well as retinue (druzhina), veche and the church reacted to the cases of violating the norm by some prince. It is noticed that, in practice, the princes' attitudes to the norm were rather free, and when they paid attention to the protests about their violations of norm it was not so much because of their respect to certain values, as because of their observance of their own benefit and balance of power.

Key words: prince, retinue (druzhina), veche, the church, social norm, Old Rus'.

* Автор выражает благодарность д.и.н. И.О. Князькому, к.и.н. Т.Л. Вилкул и В.Ю. Кацу за помощь, оказанную при работе над статьей.

В настоящей статье будет рассматриваться проблема соотношения княжеской власти и нормы в домонгольский период. Однако при этом оговоримся, что мы почти не затрагиваем Галич в силу особой специфики местных условий, нигде более на Руси не встречавшихся, и Новгород с 1136 г., когда бояре при участии веча закрепили порядок, при котором они по своему усмотрению приглашали и изгоняли князей. (Дата, разумеется, очень условная, поскольку, процесс формирования т.н. боярской республики начался до 1136 г. и закончился позже).

Верховная власть принадлежала князю¹ и имела сакрализованный (благодаря концепции Божьего и церковного благословения на княжение), но не сакральный характер. Если применительно к X в. летописи сообщают о князьях, не принадлежавших к династии Рюриковичей² (Мал у древлян, Рогволод в Полоцке), то в дальнейшем упоминаются исключительно Рюриковичи (хотя у вятичей, окончательно подчинённых лишь к середине XII в., были собственные правители), о них и пойдёт речь.

И в дохристианские, и особенно в христианские времена правитель не считался непогрешимым и не должен был обязательно рассматриваться как человек, намного превосходящий своих подданных способностями и достоинствами: его нормативно и открыто считали просто человеком, который вполне мог быть не чужд обычных человеческих слабостей. Ни этикет, ни сам князь не требовали от подданного отказываться от всякой критики в его адрес.

Каковы же были представления об идеальном князе? Его образ довольно чётко вырисовывается в «Поучении Мономаха». Настоящий князь должен заботиться об «убогых», о вдовах и сиротах, не давая «сильным погубити человека»; «при старых молчати, премудрых слушати»³; не убивать «ни права, ни крива»⁴; блюсти крестное

¹ По хазарскому образцу правителя ещё в середине XI в. именовали также и каганом (см. *Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати // Памятники литературы Древней Руси* (далее – ПЛДР). XVII век. Книга третья. М., 1994. С. 598), но уже в том же столетии закрепляется титулование его «князем» (*Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв.* СПб., 2003. С. 422).

² «Князь было общее, неотъемлемое название для всех членов Рюрикова рода» (*Соловьёв С.М. Сочинения.* М., 1988. Кн. II. С. 8).

³ Это слова Василия Великого, которые касаются, разумеется, младшего поколения князей.

⁴ Речь, по-видимому, о бессудных расправах наподобие убийства монахов Григория, Василия и Фёдора (*Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси.* Л., 1947. С. 172–175), о которых пойдёт речь ниже.

целование, кому бы оно ни было принесено⁵; чтить гостя; не доверять всё управление тиунам и отрокам, во всё вникать самому; то же и на войне, где князь не должен полагаться на одних воевод⁶; не следует ему предаваться обжорству, пьянству, блуду, слишком долгому сну; нужно любить свою жену, но не позволять ей руководить собой; и, конечно же, чтить Бога и церковь⁷.

Владимиру Мономаху вторит и Даниил Заточник: «Ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем»⁸; «Князь щедр отець есть слугам многиим»; «Не лиши хлеба нища мудра, ни вознесе до облак богат несмыслена»⁹.

Отсюда следует, каким представлялся современникам недостойный князь: ленивый, сластолюбивый, не блюдуший соглашений, не чтящий старших, не заботящийся о подданных, слишком доверяющий тиунам и отрокам, скупой и т.д.¹⁰ Причём, действительность давала больше примеров поведения князей, вопиющим образом не соответствовавшего идеалу. Каким же образом реагировали современники на их действия, противоречившие нормативным представлениям? И кто из них вообще мог высказывать критические суждения?

Прежде всего, сами Рюриковичи. Следует напомнить, что с IX по XIII в. заметно изменились социально-политические условия.

⁵ Любопытно, что сам Владимир нарушил клятву (роту), данную половецким предводителям Итларю и Кытану, и перебил их и пришедших с ними воинов. И хотя речь шла не о христианах, летописец, явно симпатизирующий этому князю, указывает (очевидно, стремясь хотя бы отчасти снять с него ответственность), что на клятвopреступлении настояли дружинники (Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2001. Т. I. Стб. 227–228; М., 1998. Т. II. Стб. 217–219).

⁶ Летописец так говорит об одной из причин падения боевого духа воинов во время распри за Киев в 1151 г.: «...зане не бяшетъ ту князя, а боярина не вси слушають» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 426; *Соловьёв С.М.* Соч. Кн. II. С. 7–8, 10). Впрочем, абсолютизировать это тезис не стоит: в 1135 г. на Ждане-горе суздальское войско в отсутствие Юрия Долгорукого разбило новгородскую рать во главе с Всеволодом Мстиславичем (см.: *Карпов А.Ю.* Юрий Долгорукий. М., 2007. С. 77).

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 243, 245–247.

⁸ Как замечает по данному поводу И.Н. Данилевский, «лучшим способом пользоваться имуществом считалась передача его другому человеку» (*Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 120).

⁹ Моление Даниила Заточника // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 392, 394.

¹⁰ См.: *Свердлов М.Б.* Указ. соч. С. 569–570. О конкретных проявлениях этих недостатков речь пойдёт ниже.

Во второй трети XII в. наступает период политической раздробленности – киевский князь *de facto* окончательно перестал признаваться главным среди Рюриковичей. Одной из причин этого являлось многократное увеличение числа последних. Поначалу со смертью киевского князя начиналась междоусобица, кончавшаяся истреблением всех или почти всех сыновей покойного правителя: из трёх сыновей Святослава Игоревича уцелел лишь Владимир, из отпрысков Владимира – Ярослав, Мстислав и Судислав, причём первый и второй после распри поделили владения по Днепру, а Судислав, в конце концов, оказался под арестом у Ярослава. Впервые передача киевского стола произошла лишь после кончины Ярослава. Последний во избежание усобиц узаконил нарождавшийся порядок передачи киевского стола не по наследству (т.е. от отца к сыну, по «отчине»), а по старшинству (от брата к брату). Это позволяло, по крайней мере, старшим сыновьям князя побывать на киевском троне¹¹. Хотя, это и не решало вопроса о старейшинстве после смерти Ярославичей. Данный вопрос их сыновьям пришлось уже решать самим¹², не говоря уже об их отношениях с кузенами и племянниками, очень скоро приведших к новым распрям¹³. В XII в. сыновья киевских князей не раз претендовали на главный стол Руси, не считаясь с правами дядьёв. При этом каждый, в зависимости от собственного положения, ссылался либо на старшинство, либо на отчинные права. Так что говорить о принципиальной позиции здесь не приходится. Более того, если в XI в. те князья, у которых отцы не княжили в Киеве, не могли уже претендовать на него, то в XII в. ситуация изменилась: Ольговичи, чей родоначальник Олег Святославич в Киеве не княжил, активно и успешно вели борьбу за «матерь городов русских». То же делали и племянники Олега, Давыдовичи, также не имевшие отчинных прав на Киев. Один из них, Изяслав, не раз «садился» там. Наиболее ярко ситуацию, сложившуюся к концу XII в., отражает заявление черниговских Ольговичей Всеволоду Большое Гнездо, который считал «матерь городов русских» отчи-

¹¹ Кац В.Ю. К вопросу о возникновении старейшинства в роду Рюриковичей // Новое в истории и гуманитарных науках. М., 2000. С. 88–94.

¹² Первым шагом в этом направлении стала внешне добровольная уступка Киева Владимиром Мономахом Святополку Изяславичу, старшему сыну старшего из Ярославичей (см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 217; Т. II. Стб. 208).

¹³ *Tolochko O.* «All the Happy Families...» The Rurikids in the Eleventh Century // *The Neighbours of Poland in the 11th Century.* Warsaw, 2002. P. 162–163.

ной одних лишь Мономаховичей¹⁴: «Мы есмы не угре, не ляхове, но единого деда (Ярослава Мудрого. – А. К.) есмы внуци. При вашем животе не ищемь его (Киева. – А. К.), ажь по вас кому Бог даст»¹⁵. Ни о каком порядке передачи киевского престола, как видим, речи не идёт, всё зависит от расклада сил¹⁶. Неудивительно, что едва ли не девять десятых того, что мы знаем об этих временах, по замечанию А.П. Толочко, – это повествования о княжеских распрях, которые были неотъемлемой чертой тогдашней политики¹⁷. «“Усобица” до того въелась в быт, что слово это стало обозначать всякую войну, в том числе и с “погаными”»¹⁸.

Нестабильной была ситуация и во Владимирском княжестве. Усобицы происходили после смерти князя между наследниками Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Всеволодовича. В то же время, относительно чётко был отработан механизм передачи престола по старшинству у черниговских Ольговичей¹⁹, что, кстати, серьёзно облегчало им борьбу за Киев.

Поводов для недовольства друг другом у князей было более чем достаточно. Одни возмущались нарушением их права старшинства, другие считали себя обойдёнными при наделении волостями, третьи заступались за родственников. Разумеется, наиболее действенным средством решения споров, при наличии необходимых сил и уверенности в них, князья считали Божий суд, как тогда называли войну²⁰. При этом, убийство самих князей и вообще физическое насилие над

¹⁴ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 112. При этом Мономаховичи ссылались на давний раздел Руси по Днепру между Ярославом Мудрым и Мстиславом Тмутороканским, пытаясь тем самым вопреки истине представить Ольговичей потомками Мстислава (см.: Котляр Н.Ф. Ярослав и его время в общественном сознании второй половины XI–XIII вв. // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 210–211; Мстислав ошибочно назван Ярославичем).

¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 689. Н.Ф. Котляр представляет дело так, что слова «при вашем животе не ищемь его» и далее читаются только в Воскресенской летописи» (ПСРЛ. СПб, 1856. Т. VII. С. 104; Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 211), но это недоразумение, ибо они есть и в Ипатьевской.

¹⁶ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 112. Примеч. 278.

¹⁷ Tolochko O. Op. cit. P. 158.

¹⁸ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 194.

¹⁹ См.: Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 103–109.

²⁰ Соловьёв С.М. Соч. М., 1988. Кн. I. С. 335. В таких случаях князья обычно говорили: «Бог промежи нами будеть», «како бог розсудит», «бог за всимь», «како ми с вами, Бог даст», «како Бог дасть» и т.п. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 230; Т. II. Стб. 180, 220, 410, 430, 462, 474 и др.).

ними, иначе как в бою, со 2-й трети XI в. считалось недопустимым. Когда в 1097 г. Святополк Изяславич и Давыд Игоревич ослепили Василько Теробовльського²¹ из желания захватить его земли, враждовавшие до той поры Владимир Мономах и Олег Святославич (а также брат Олега Давыд) объединились и потребовали наказания виновных, заявив, что «оже верже[н] в ны ножь», ибо «сего не было в роде нашем», «ни при дедех наших, ни при отцах». В результате трёхлетней усабицы Давыду, на которого свалили всю ответственность, пришлось признать своё поражение. Князя не допустили его на общий ковёр во время съезда («снима») в Уветичах и лишили княжения во Владимире-Волынском, дав взамен ему несколько менее значительных городов и 400 гривен²². Но речи об убийстве Давыда, или его ослеплении по принципу талиона не шло. Как позднее скажет Святослав Всеволодович, «ряд наш таков есть: оже ся князь извинить, то в волость, а моужь оу головоу»²³. И «муж» не всегда отвечал головой, князь же этого не должен был делать по представлениям Рюриковичей в любом случае (за исключением битвы). Лишение какой-либо волости, т.е. понижение статуса князя, считалось вполне достаточным наказанием²⁴.

Естественно, не раз звучали из уст Рюриковичей взаимные упрёки. Так, сын Владимира Мономаха Вячеслав говорил в 1151 г. своему брату Юрию Долгорукому, претендовавшему на киевский престол в обход его, Вячеслава, прав как старшего из Мономаховичей: «Аз уже бородат, а ты ся еси родил»²⁵. Их брат Андрей, когда Всеволод Ольгович в 1139 г. потребовал, чтобы тот убирался в Курск из отчего Переяславля, ответил: «Леплее (лучше. – А. К.) ми того смерть, а с своею дружиною на своей вотчине и на дедне взяти, нежели Курской княжене... А жив не иду из свое волости»²⁶. Любопытно, что когда попытка выгнать Андрея из Переяславля силой провалилась,

²¹ Общественное мнение, похоже рассматривало ослепление как эквивалент убийства (см.: *Щавелёв А.С.* Формы мести и наказания в отношениях Рюриковичей // *Средневековая Русь*. М., 2009. Вып. 8. С. 55, 57).

²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 262, 273–274; Т. II. Стб. 236, 249–250.

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 603–604 (смысл: князь за провинность отвечает волостью, «муж» – головой).

²⁴ См.: *Щавелёв А.С.* Указ. соч. С. 56–63.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 430 (т.е. Вячеслав был уже бородат, когда Юрий родился).

²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 307; Т. II. Стб. 305. Даниил Заточник приводит эти же слова, ссылаясь почему-то на князя Ростислава – вероятно, сына Юрия Долгорукого («лепше бы ми смерть, ниже Курское княжение»); слова эти стали почти крылатыми (Моление Даниила Заточника. С. 390; *Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 107–108).

князя договорились о мире, которое Всеволод должен был утвердить на следующий день, но в ночь перед этим в городе произошёл пожар «не от ратных»²⁷. Последний мог захватить беззащитный Переяславль, но «исполнился страха Божия и не посла к городу никого же», а потом принёс крестное целование Андрею²⁸. Можно, конечно, счесть, что на деле это был тонкий политический ход. Но тонкость его в том и состояла, что Всеволод решил не примитивно взять то, что «плохо лежит», а действовать в соответствии с самыми высокими нормами – ведь Божий суд (т.е. сражение) решился не в его пользу, захват же сгоревшего города выглядел бы заурядным разбоем, а сам он – «яко тать в ночи».

В 1155 г. Юрий Долгорукий заявил севшему в Киеве Изяславу Давыдовичу, чей отец там не княжил: «Мне отчина Киев, а не тебе»²⁹. Не менее афористично выразился и Олег Святославич, который во время распри в 1096 г. потребовал от Изяслава, сына Мономаха, чтобы тот покинул Муром, ни ему, не его отцу не принадлежавший: последний «мя выгнал из города отца моего (Чернигова. – А. К.), а ты ли ми zde хлеба моего же не хочещи дати». Летописец не без сочувствия пишет, что Изяслав «надеяся на множество вои, Олег же надеяся на правду [свою]»³⁰. Впоследствии Владимир Мономах признавал неправильность поведения сына (см. ниже). Однако, он упрекал и Олега, который, разгромив Изяслава и убив его в бою, пошёл на Ростов, который ему не принадлежал³¹. Другой сын Владимира, Мстислав (позднее прозванный Великим), также указал дяде, захватившему Суздаль, к его владениям не относившийся: «Иди ис Суждаля Мурому, а в чюжеи волости не седи»³².

Таким образом, покушение на волость, не принадлежавшую ни самому князю, ни его предкам, в принципе осуждалось, но не во всех случаях – в 1127 г. сын и преемник Владимира Мономаха киевский

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 308.

²⁸ Там же. Т. II. Стб. 306.

²⁹ Там же. Т. I. Стб. 345; Т. II. Стб. 478.

³⁰ Там же. Т. I. Стб. 237; Т. II. Стб. 227. Противопоставление весьма характерное, тем более что надежда на численность в любом случае в глазах летописца выглядит малопохвально (*Żmudzki P. Władca i wojownicy. Narracje o wodzach, drużynie i wojnach w najdawniejszej historiografii Polski i Rusi. Wrocław, 2009. S. 48*).

³¹ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 254; *Пресняков А.Е.* Указ. соч. С. 50–51; *Żmudzki P.* *Op. cit.* S. 48.

³² ПСРЛ. Т. I. Стб. 237; Т. II. Стб. 227.

князь Мстислав Великий захватил Полоцк, который обособился от Киева ещё во времена Владимира Святославича. И хотя летописец помнит об этом, он никак не осуждает Мстислава³³. Очевидно, в его глазах - это последний «самовластец» Русской земли, который лишь осуществлял свои права над нею.

Любопытна ситуация 1174 г., когда на киевский престол сел Ярослав Изяславич Луцкий, у которого было соглашение с черниговским князем Святославом Всеволодовичем: тот из них, кто завладеет Киевом, должен наделить другого несколькими городами Киевской земли. Святослав ехидно напомнил о договоре Ярославу: «Ныне же ты сел еси, право ли, криво ли, надели же мене»³⁴. Вряд ли речь всерьёз шла о сомнениях в династических правах последнего на киевский стол³⁵, ибо там княжил его отец Изяслав Мстиславич – Святослав иронизировал над тем, что Ярослав, поначалу державший сторону Ольговичей, переметнулся затем к Ростиславичам и благодаря их поддержке сел в Киеве³⁶. Но звучали слова Святослава именно как насмешка над правами Ярослава, которые к тому же интересовали его лишь постольку, поскольку могли быть выгодны для него самого. Однако речь шла не о династических правах, а о том, достоин ли не в меру ловкий Ярослав сидеть в Киеве.

Важнейшее влияние на действия князей оказывали бояре, а в более широком смысле – дружина³⁷. Её влияние³⁸ подтверждается бесчисленными упоминаниями летописей о том, что князья принимали решения, «сдумавше» с боярами, или всею дружиной³⁹. Это налагало на последних серьёзную ответственность: «Князь не сам впадает в вещь (ошибку. – А. К.), но думци вводят», – утвер-

³³ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 296–301.

³⁴ Там же. Т. II. Стб. 578.

³⁵ См.: Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 208.

³⁶ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 577–578.

³⁷ Стоит заметить, что древнерусские источники употребляют это слово в различных смыслах, а не как термин с вполне определённым значением (см.: Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 185–262).

³⁸ Любопытно, что по частоте употребления слово «дружина» как социальный термин в русских источниках применительно к IX–XIII вв. уступает только слову «князь» (см.: Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Stuttgart, 1985. S. 94).

³⁹ См. ПСРЛ. Т. I. Стб. 45–46, 71–72, 108, 126, 219, 259–260, 307, 341, 342, 347, 349, 473, 495; Т. II. Стб. 35, 94, 111, 210, 233–234, 305, 355, 469, 513, 522, 538, 607, 624, 638, 676, 683 и др.

ждает Даниил Заточник⁴⁰. Олег Святославич отказывается ехать в Киев для заключения договора со Святополком Киевским и Владимиром Мономахом, «послушав злых светник»⁴¹. На бояр Давыда Игоревича Лазаря и Василя возлагается вина за ослепление Василько Теробовльского: «Ти бо суть намолвили Давыда»⁴². Подобные примеры можно умножить. При этом, если князь советовался лишь с узким кругом (обычно с более молодыми дружинниками)⁴³, это оценивалось отрицательно⁴⁴. Так, автор ПВЛ с горечью пишет о том, что в конце жизни в целом симпатичный ему Всеволод Ярославич «нача любити смысл уных»⁴⁵; Святополк Изяславич, «не здумав с болшею дружиною отнею», принял неверное решение о войне с половцами⁴⁶; Владимир Мономах, объясняя, почему его сын Изяслав не захотел вернуть Олегу Муром (см. выше), пишет: «Научиша бо и паропци»⁴⁷. Святослав Всеволодович, «сдумав» только с княгиней и милостником своим Кочкарём, атаковал Рюрика и Давыда Ростиславичей и потерпел поражение⁴⁸. Отсюда, кстати, следует, как отмечал В.О. Ключевский, что

⁴⁰ Моление Даниила Заточника. С. 394.

⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 230; Т. II. Стб. 220.

⁴² Там же. Т. I. Стб. 268; Т. II. Стб. 242.

⁴³ «Средневековые авторы, стараясь объяснить дурное поведение молодого героя, возможно, даже непреднамеренно возлагали вину на его равное по возрасту окружение» (*Żmudzki P. Op. cit. S. 138*).

⁴⁴ *Вилкул Г.Л.* «Людьє» и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. Киев, 2007. С. 336 и примеч. 80.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 217; Т. II. Стб. 208. Это, по мнению У. Хальбаха, самый ранний пример подобного пренебрежения старшей дружиной (см.: *Halbach U. Op. cit. S. 100. Anm. 230*) – если, конечно, именно так трактовать выражение «дружины своя первая», что не очевидно; вероятно, имеются в виду просто более достойные, мудрые и опытные дружинники (*Стефанович П.С.* Указ. соч. С. 237–239).

⁴⁶ Всего несколькими строками выше описывается, как Владимир Мономах решает отдать Киев Святополку Изяславичу: «нача размышляти река» и т.д., но ни о каких боярах и «лучших мужах» не упоминается (ПСРЛ. Т. I. Стб. 217; Т. II. Стб. 208). Возможно, конечно, что летописец, ведя речь о Мономахе, просто забыл упомянуть о боярах, но не исключён и двойной стандарт, особенно если учесть благосклонность автора ПВЛ к этому князю. Допустим и третий вариант – стремление приписать заслугу мудрого и справедливого поступка всецело Владимиру.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 254. Д.С. Лихачёв переводит «паропци» как «слуги» (Поучение Владимира Мономаха // ПЛДР. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 413), однако точнее, очевидно, говорить о *молодых* (*Żmudzki P. Op. cit. S. 138*) советниках и/или слугах.

⁴⁸ ПСРЛ, Т. I. Стб. 217, 218; Т. II. Стб. 208, 209, 614–615.

«совещание с боярами было не *политическим правом* бояр или обязанностью князя, а *практическим удобством* для обеих сторон, не условием взаимного уговора, а средством его исполнения»⁴⁹.

Что же могли сделать дружинники⁵⁰, если были недовольны князем? Самый радикальный из дозволенных методов выражения недовольства – отъезд на службу к другому князю. Такое право в дошедших до нашего времени княжеских договорах прямо не оговаривается⁵¹. Вероятно, в силу его самоочевидности. Специальное же упоминание последнего в документах более позднего времени свидетельствует о начавшемся его ограничении⁵². О ростовском князе Василько Константиновиче, попавшем в плен к монголам в битве на Сити в марте 1238 г. и убитом ими, сказано, что «от бояр, кто ему служил и хлеб его ел... тот никакож у иного князя можаше быти за любовь его»⁵³, а стало быть, мог уйти, хотя этим правом и не воспользовался⁵⁴. Боярин Шварн служил Изяславу Мстиславичу, Изяславу Давыдовичу, а затем Ростиславу Мстиславичу или Глебу Юрьевичу⁵⁵. Боярин Жирослав Иванович побывал на службе и у Вячеслава Владимировича, и его племянника Глеба Юрьевича, и Святослава Ольговича, и даже посадничал в Новгороде⁵⁶. Разумеется, переходы от одного князя к другому могли быть вызваны разными причинами, и нет сведений, чтобы какой-то боярин покинул в те времена князя в знак протеста против нарушения тем каких-либо норм. Другое дело, что такие мотивы могли подразумеваться, когда дружинники, решали оставить его (чаще всего коллективно), и это побуждало

⁴⁹ Ключевский В.О. О государственности в России. М., 2003. С. 56–57. Курсив автора.

⁵⁰ Точности ради отметим, что слова «дружинник» древнерусские источники не знают, это уже конструкт нового времени (см.: Стефанович П.С. Указ. соч. С. 260).

⁵¹ См.: Соловьёв С.М. Соч. Кн. II. С. 18.

⁵² См.: Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 256, 268.

⁵³ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 467. Достоверность конкретных деталей этого пассажа, вызывающая справедливые сомнения (Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины. С. 562), в данном случае значения не имеет – важна сама его идея.

⁵⁴ См.: Флоря Б.Н. Правитель и знать в древнерусском летописании XII века // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. 8. С. 70.

⁵⁵ См.: Стефанович П.С. Князь и бояре. С. 250–251 (с указанием источников).

⁵⁶ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 83 (с указанием источников и литературы).

князей к гибкости⁵⁷. В то же время за осуществление права «отъезда» подчас принимают обыкновенную измену, когда бояре переходили на сторону князя, враждебного их собственному⁵⁸.

Между тем, и сами князья могли избавиться от дружинников, что, кстати, летописцы преподносят как событие неординарное⁵⁹. Так, Андрей Боголюбский изгнал «мужей передних» своего отца Юрия Долгорукого, «хотя самовластец быти всеи Суждальской земли»⁶⁰. В 1169 г. Владимир Мстиславич⁶¹, недовольный строптивостью «мужей своих», т.е. бояр, с которыми даже не посоветовался, призвал «детских» и заявил: «А се будуть мои бояре», тем самым давая «отставку» прежним боярам (за что едва не поплатился головой, оставшись без дружины)⁶². Причины (или поводы) таких действий могли быть и неполитического свойства: Мстислав Изяславич изгнал из дружины Петра и Нестера Бориславичей, чьи холопы украли княжеских коней⁶³. Первые два случая явно были нарушением нормы со стороны князей – Андрей изгнал «мужей передних» отца как минимум без должных оснований (трудно себе представить, что изгнанные бояре провинились все как один), а Владимир дал понять, что не признаёт за боярами права на неповиновение, хотя, вопреки обычаю, предварительно даже не

⁵⁷ См.: Стефанович П.С. Князь и бояре. С. 258–261.

⁵⁸ Как, напр., в случае с киевскими боярами Улебом и Иваном Войтишичем, которые присягнули Игорю Ольговичу, а затем перешли на сторону его врага Изяслава Мстиславича (см.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 324–326, 344–345; Горский А.А. Древнерусская дружина: (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. С. 47; иначе см.: Стефанович П.С. Князь и бояре. С. 216).

⁵⁹ См.: Стефанович П.С. Князь и бояре. С. 213.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 520.

⁶¹ У. Хальбах ошибочно пишет о Владимире Андреевиче (см.: Halbach U. Op. cit. S. 100. Anm. 230).

⁶² См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 536. Поэтому вряд ли верно привлекать данный эпизод вслед за В.Т. Пашуто как пример того, что младшие дружинники выслуживались до бояр (см.: Пашуто В.Т. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 12, 16. Примеч. 13).

⁶³ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 541. Похоже, Бориславичи не отъехали сразу же к другому князю, как можно было бы подумать (см.: Стефанович П.С. Князь и бояре. С. 214).

спросил их мнения: «А собе еси княже замыслил, – говорят ему бояре, – а не едем по тебе, мы того не ведали»⁶⁴.

Первый случай, когда дружина оказала на князя давление, считая, что он не проявляет должной заботы о ней, относится к полуполюгендарным временам. Если верить летописи, в 945 г.⁶⁵ воины Игоря заявили Игорю: «Отроки Свенльжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши, и мы. И послуша их Игорь»⁶⁶. Т.е. они сочли несправедливым, что «отроки» Свенельда обогатились больше их, а потому князь должен позаботиться о них. Игорь, как известно, удовлетворил пожелание дружинников⁶⁷.

Общеизвестен ответ Святослава Игоревича его матери Ольге, когда она спросила его, почему он не обратится в христианство: «Дружина [моа] смеяться начнутъ». Правда, летописец даёт понять, что дело было в позиции самого Святослава, ибо в случае крещения князя дружина последовала бы его примеру⁶⁸, однако это, во-первых, лишь мнение автора ПВЛ, а во-вторых, важна в данном случае продекларированная Святославом значимость и самостоятельность позиции дружинников⁶⁹.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 536.

⁶⁵ Так в ПВЛ. В действительности, вероятно, не ранее 946 г. (см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 262–263).

⁶⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 54; Т. II. Стб. 42–43. За год до этого Игорь принял решение по совету дружины, заключив мир с Византией, но здесь князь сам поставил вопрос на обсуждение (см.: Там же. Стб. 45–46; Т. II. Стб. 42–43).

⁶⁷ Но в своей гибели Игорь всё равно виноват сам, ибо именно он принял решение повторить сбор дани уже после удовлетворения пожеланий своих воинов, да ещё и «с малом же дружины» (см.: Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 181). Любопытно, что летописец сочувствует убийцам и даже, как полагает И.Н. Данилевский, «легитимирует право не подчиняться правителю, который нарушает негласный “общественный договор” о размерах и сроках дани» (Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 153). Стоит, однако, заметить, что к убийству князя язычника язычниками же летописец вообще относится совершенно иначе, нежели когда речь идёт о христианах (см.: Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...» Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 94).

⁶⁸ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 63; Т. II. Стб. 51–52; Соловьёв С.М. Соч. Кн. I. С. 151.

⁶⁹ Впрочем, под дружиной в данном случае могли иметься в виду просто ближайшие советники и сподвижники князя, чьим мнением он дорожил (См.: Стефанович П.С. Бояре, отроки. дружины. С. 209).

В 1018 г. Ярослав, прозванный позднее Мудрым, хотел уйти из Новгорода за море и там набрать варяжскую дружину, чтобы вести её против Святополка Окаянного и польского короля Болеслава Храброго, изгнавших его из Киева. Тогда дядя Ярослава по материнской линии Константин Добрынич «с новгородьци расекоша лодье Ярославле рекуще: хотим ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомъ»⁷⁰. Князь подчинился, хотя впоследствии такое самоуправное поведение, возможно, повлияло на судьбу Константина, арестованного, по некоторым сведениям, а затем умерщвленного по приказу Ярослава⁷¹.

В 1102 г. имел место инцидент, когда новгородские бояре сумели настоять на своём уже перед киевским, а не собственным князем. Святополк Изяславич вознамерился посадить на новгородский стол своего сына вместо правившего там Мстислава, сына Владимира Мономаха. Однако новгородские бояре, прибывшие в Киев с Мстиславом, выступили против этого, так обосновав свою позицию: «Не хотим Святополка, ни сына его; аще ли две главе имеет сын твой, то пошли и. [А] сего (Мстислава. – А. К.) ны дал Всеволод⁷². А въскормили есмы себе князь, а ты еси шел от нас». Святополк, «многу прю имев с ними», в итоге вынужден был согласиться с мнением новгородцев⁷³.

В 1161 г. сын Святослава Ольговича Черниговского Олег вступил в союз с врагом своего отца Изяславом Давыдовичем, считая, что главный союзник родителя киевский князь Ростислав Мстиславич хотел схватить его, когда тот был в Киеве, и предлагал Изяславу Чернигов, который после смерти Святослава Ольговича рассчитывал получить Олег. Святослав пожаловался боярам, что сын заключил союз с Давыдом по своей воле, не узнав мнения отца. Бояре отвечали, что Святослав виноват сам, добавив к изложенным выше причинам: «Уже еси, княже, и волость свою погубил, держася по Ростислава, а он ти всяко лениво помогаеть».

⁷⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 143; Т. II. Стб. 130.

⁷¹ См.: Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 186–187 (с указанием источников).

⁷² Киевский князь Всеволод Ярославич (1078–1093).

⁷³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 275–276; Т. II. Стб. 251. Правда, материалы раскопок позволяют предполагать, что в отместку киевский князь отрезал пути подвоза в Новгород (*Ianin V.L. Medieval Novgorod // Cambridge History of Russia. Cambr., 2006. Vol. I. P. 194*).

Святославу «нужею» пришлось вступить в союз с Изяславом Давыдовичем, который в итоге овладел Киевом, хотя и ненадолго⁷⁴.

Естественно, боярин мог бросить упрёк и чужому князю. В этом смысле общеизвестен случай нарушения крестоцелования Владимирко Галицким, который обещал Изяславу Мстиславичу Киевскому и Гезе II Венгерскому отдать часть своей волости как плату за заключение мира. Владимирко поклялся в этом на кресте св. Стефана, крестителя Венгрии. Однако когда Геза увёл войска, галицкий князь отказался выполнять условия мира. К нему прибыл киевский посол боярин Пётр Бориславич (см. о нём выше), предлагая вернуть Изяславу согласно уговору приграничные города Бужск, Шумск, Тихомль и др., угрожая в противном случае войной. Владимирко отказался и в свою очередь пригрозил отомстить Изяславу за перенесённое унижение. Возмущённый Пётр воскликнул: «Княже, крест еси к брату своему к Изяславу и к королеви целовал, ...уже еси съступил крестного целования!» «Сии ли крестец мал?» – насмешливо отвечал Владимирко⁷⁵. «Аще крест мал, но сила велика его есть... А съступиши, то не будеши жив!» Князь выгнал Петра (тот в ответ положил перед князем изяславовы грамоты, что означало войну), даже не дав ему подвод и корма для лошадей. Вечером того же дня Владимирко внезапно скончался – по видимому, от сердечного приступа. Сын его Ярослав («Осмомысл» «Слова о полку Игореве») велел возвратить посла с дороги, принял с честью, заново заключил мир с Изяславом на его условиях, но... обещанных городов, в конце концов, так и не вернул⁷⁶.

История Руси знает и экстраординарную акцию дружинников в ответ на нарушение князем нормы – убийство Андрея Бого-

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 512–514. Летописец изображает дело так, что бояре нарочно рассорили князей, чтобы разрушить союз Ростислава и Святослава («злии чловеци не хотяче добра межи братьею видити»), тогда как сами князья ничего не подозревали. (Вообще в этой истории много неясного, ибо летописец, будучи весьма осведомлённым лицом, о многом, однако, умалчивает – возможно, сознательно: *Dimnik M. The Dynasty of Chernigov. 1146–1246. Cambr., 2003. P. 96–97.*) Но для нас сейчас важна не мотивация поведения бояр, а то, что они упрекнули Святослава за неразумную политику и заставили его переменить союзника.

⁷⁵ Возможно, Пётр указал на свой нательный крест, который естественно, был небольшого размера (см.: *Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. С. 289.*)

⁷⁶ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 461–465; *Соловьёв С.М. Соч. Кн. I. С. 470–471.* Очевидно, многие детали рассказа – результат литературной обработки.

любского⁷⁷. Как известно, поводом для него стала казнь последним непоименованного брата одного из приближённых князя, Якима Кучковича. Тот, получив весть о гибели брата, пришёл к пировавшим друзьям и заявил: «Днесь того казнил, а нас завтра. А промыслимы о князе семь», и ночью произошло убийство⁷⁸. Поскольку Яким назван «слуга възлюблены» Андрея, то можно почти не сомневаться, что речь идёт о боярине⁷⁹. Да и вряд ли люди более низкого положения решились бы на такой отчаянный шаг⁸⁰. Даже если за спиной заговорщиков стояли другие князья, например, племянники Андрея - Мстислав и Ярополк Ростиславичи или Глеб Рязанский⁸¹, - обращает на себя внимание то обстоятельство, что участник Komplota, андреев ключник Анбал, не давал Кузьмищу Киевлянину прикрыть тело князя и заявлял, что бросит тело покойного на съедение псам⁸². Можно усмотреть в этом несдержанность Анбала (про главарей заговора Якима и

⁷⁷ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 367–371; т. II. Стб. 580–595.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 585. Причины казни брата Якима неизвестны. В ранних летописях на сей счёт ничего не говорится. Московский книжник неопределённо сообщает, что брат Якима «некое зло створи» (ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 83). Однако вполне возможно, что мы имеем дело лишь с предположением летописца. Тем не менее, наряду с прочим это дало Ю.А. Лимонову основания предполагать, что Андрей казнил одного из заговорщиков, а остальные поспешили в целях самосохранения умертвить князя (Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 89–90). Но это не более чем допущение.

⁷⁹ Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 94; Горский А.А. Древнерусская дружина. С. 55.

⁸⁰ По этой причине трудно согласиться с мнением, что Яким не принадлежал к числу дружинников (см.: *Halbach U.* Op. cit. S. 187) или, более конкретно, бояр (см.: *Кривошеев Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского. Историческое расследование. СПб., 2003. С. 59), а был дворянином (см.: *Свердлов М.Б.* Указ. соч. С. 595, 624). Правда, новгородский летописец говорит, что убили князя «милостьници» (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 23, 334), а одним из убийц был «Анбал ключник» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 586). Отсюда делается вывод, что умертвили Андрея не бояре, а «министерялы» (*Тихомиров М.Н.* Условное держание на Руси в XII в. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 101; без ссылки на эту работу: *Лимонов Ю.А.* Указ. соч. С. 86). Но этот термин вполне мог обозначать просто людей из ближайшего окружения князя, в т.ч. бояр и младших дружинников (см.: *Горский А.А.* Древнерусская дружина. С. 55; с другой стороны, отказ Ю.В. Кривошеева (Указ. соч. С. 60–61) этому сообщению НПЛ в достоверности представляется неосновательным).

⁸¹ Напрю., см.: *Лимонов Ю.А.* Указ. соч. С. 91–93.

⁸² См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 590.

Петра Кучковичей ничего более не сообщается – не исключено, что они благоразумно отошли в тень), а можно – и отсутствие какой-либо необходимости скрывать причастность к содеянному.

Перейдём теперь к вопросу о взаимоотношениях князя и веча⁸³. В историографии, подчас, чётко разграничивается деятельность бояр и веча, особенно если в летописи неопределённо говорится «княне», «новгородьци» или «володимерци»⁸⁴. Однако, очевидно, что за этими терминами могут во многих случаях стоять бояре и их сторонники, а не куда более многочисленные участники народных собраний⁸⁵. Это просматривается в упоминавшемся выше случае с Константином Добрыничем, который действует совместно с новгородцами. Поэтому, когда дальше мы будем говорить о взаимоотношениях князя и веча, данное обстоятельство следует иметь в виду⁸⁶.

Общеизвестен случай свержения Изяслава Ярославича в результате народного собрания⁸⁷, переросшего в восстание в 1068 г., когда он потерпел тяжёлое поражение на р. Альте от половцев⁸⁸. Любопытно, что летописец оценивает случившееся, как результат нарушения Изяславом и его братьями крестного целования за год до этого⁸⁹. Интересно, однако, что сами киевляне, хотя и поставили у себя Всеслава Полоцкого, при свержении Изяслава на факт клятвоступления не ссылались, а возмущались тем, что он не даёт оружия и коней и не ведёт их на половцев. Обращает на себя также внимание то, что вече в принципе сочло себя вправе сменять князей.

В 1097 г. Володарь Перемышльский и Василько Теробовльский подступили к Владимиру Волынскому, требуя от правившего там Давыда выдать его советников Туряка, Лазаря и Василя, которых

⁸³ Не раз высказывалась точка зрения, что участниками веча могли быть и сельяне, но она представляется неубедительной (см.: *Лукин П.В.* Вече: социальный состав // Горский А.А. и др. Древняя Русь. С. 34–35, 37, 69, 93 и др. (с указанием литературы).

⁸⁴ *Гранберг Ю.* Вече в древнерусских письменных источниках. Функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. М., 2006. С. 6.

⁸⁵ *Лукин П.В.* Указ. соч. С. 65–72.

⁸⁶ В то же время ограничиваться одними только прямыми сообщениями о вече, игнорируя косвенные, как это делает Ю. Гранберг (Указ. соч. С. 7), вряд ли верно (см.: *Вилкул Т.Л.* Указ. соч. С. 31–37, 107–108).

⁸⁷ Это первое упоминание веча в Киеве (см.: *Черепнин Л.В.* Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь. С. 34).

⁸⁸ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 170–172; Т. II. С. 160–162.

⁸⁹ См.: *Стефанович П.С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 88–89.

обвиняли в том, что именно они подали Давыду совет ослепить Василько (см. выше). Когда горожане узнали, что других требований не выдвигается, они собрали вече и поставили князю ультиматум: «Выдай мужи сия, не бьемся за сих, а за тя битися можем, аще ли то, отворим врата граду, а сам промышляи [о] собе»; вскоре они повторили требование: «Выдай кого ти хотят, аще ли то предаемься». Давыду пришлось подчиниться – «и неволя бысть выдать я» (их. – А. К.)⁹⁰.

В 1132 г. Всеволод Мстиславич отправился из Новгорода княжить в Переяславль, но, вскоре изгнанный оттуда Юрием Долгоруким и его братом Андреем, вернулся, в конце концов, в Новгород, откуда его также изгнали – на сей раз сами новгородцы («бысть въстань велика в людьх») вместе с псковичами и ладожанами, но, «съдумавъше», возвратили его⁹¹. Это было предвестием событий 1136 г., когда Всеволод, не сделавший из случившегося выводов, будет изгнан из Новгорода уже навсегда. В летописи не сказано, за что в 1132 г. князю «указали путь». Но, если вспомнить, что он обещал княжить в городе на Волхове до смерти («хоцю у вас умерети»), а также то, что ему поставили в вину уход в Переяславль в 1136 г., то можно с большой долей уверенности предполагать, что именно эти обвинения Всеволоду теперь и предъявили⁹².

В 1138 г. Всеволод Ольгович, воюя с киевским князем Ярополком Владимировичем, оказался в трудном положении, когда тот двинул против него мощное войско из русских, венгров и берендеев. Всеволод «убояся, и людие черниговци въспиша к Всеволоду: "Ты надеешися бежати к половце, а волость свою погубиши... Останися (оставь. – А. К.) високоумья своего и проси мира"». Князь так и сделал⁹³. В «черниговцах» в данном случае можно с достаточной уверенностью видеть вече⁹⁴.

Особую активность проявляли киевляне в середине XII в., когда шла борьба за Киев между коалициями князей во главе с Изя-

⁹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 268; Т. II. Стб. 242. По мнению Ю. Гранберга, здесь ничто не указывает на то, что вече... принимало решение или действовало от имени населения» – всё определяла «городская политическая элита» (Гранберг Ю. Указ. соч. С. 32–33). Но ничто не указывает и на обратное, тем более что население было заинтересовано в прекращении осады.

⁹¹ См.: НПЛ. С. 22–23, 207; ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 196.

⁹² См.: Соловьёв С.М. Соч. Кн. I. С. 410; Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. С. 67–68.

⁹³ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 301–302; Т. I. Стб. 306.

⁹⁴ Багалеи Д.И. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1882. С. 192.

славом Мстиславичем и его дядей Юрием Долгоруким. «Кыяне» не раз собирались на вече и выражали симпатии или антипатии тому или иному из соперников. Нужно иметь в виду, что зачастую киевляне вообще не указывали причин выступления против того или иного князя – Игоря Ольговича, которого они в конце концов убили⁹⁵, Вячеслава Владимировича⁹⁶ или его брата Юрия Долгорукого⁹⁷. Возможно потому, что причины в их глазах были самоочевидны: Игорь – представитель ненавистного племени Ольговичей⁹⁸; Вячеслав, позволивший безо всякого сопротивления согнать себя с киевского стола Всеволоду Ольговичу в 1139 г., – слаб (если, конечно, точны сведения летописца о неприязни к нему киевлян)⁹⁹; Юрий же вёл себя слишком самовластно¹⁰⁰.

Нельзя не отметить, что в одних случаях князей – по крайней мере, частично – оправдывали тем, что им навязали свою волю, или подали дурной совет бояре (или вся дружина). В других случаях оправданием могло послужить давление со стороны веча, или в более широком смысле – горожан, которых обычно представляла их верхушка (другие значения слова «вече» здесь не рассматриваются). Так, в 1155 г. Юрий Долгорукий, как уже упоминалось, потребовал от Изяслава Давыдовича оставить Киев, который не является его отчиной. Тот отвечал: «Ци (разве. – А. К.) сам есм сел Кыеве? Посадили мя кыяне»¹⁰¹.

В 1177 г. владимирцы – «людье вси и бояре» – потребовали от только что вступившего на владимирский престол после ожесточённой усобицы Всеволода (прозванного впоследствии Большое Гнездо) ослепить попавших в плен его врагов – племянников

⁹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 315–318; Т. II. Стб. 344–354.

⁹⁶ «Кыяне же... рекоша Изяславу: [...] Вячеслав седить ти в Кыеве, а мы его не хотим» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 396). Впрочем, это сообщение может отражать не столько действительное положение дел, сколько мнение летописца, весьма благоволящего Изяславу (напр., см.: *Вилкул Т.Л.* Указ. соч. С. 187, 291).

⁹⁷ «Нам с Гюргем не ужити» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 383).

⁹⁸ Отказываясь воевать с Юрием, киевляне, если верить летописи, добавляли, однако, что против ненавистных им Ольговичей, готовы идти в поход «и с детми» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 344), что, естественно, не стоит понимать буквально (см.: *Лукин П.В.* Указ. соч. С. 116–117).

⁹⁹ См.: *Вилкул Т.Л.* Указ. соч. С. 187, 291.

¹⁰⁰ См.: *Карпов А.Ю.* Юрий Долгорукий. С. 231.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 345; Т. II. Стб. 478. Это, конечно, как минимум преувеличение, но поддержку Изяславу киевляне, действительно, оказали значительную (см.: *Вилкул Т.Л.* Указ. соч. С. 196–197).

Мстислава и Ярополка Ростиславичей. В итоге Всеволод сделал так, как хотели владимирцы, и ослепил Ростиславичей¹⁰². Между тем, этот рассказ явно отражает официальную версию владимирского князя, тогда как в НПЛ ни о каком давлении на Всеволода не говорится. Зато сообщается о том, что Ростиславичи, отпущенные после расправы, «прозреста» в церкви свв. Бориса и Глеба¹⁰³.

В историографии значение веча нередко преувеличивается¹⁰⁴. Как показывают приведённые примеры, вече могло заявить о себе лишь в тех случаях, когда положение князя было недостаточно устойчивым¹⁰⁵. Недаром пик вечевой активности киевлян приходится на середину XII в., когда за город шла ожесточённая борьба между Изяславом Мстиславичем, Юрием Долгоруким и их союзниками. Любопытно, в последующий период эта активность по источникам не прослеживается, хотя и во второй половине столетия многие князья сидели на киевском столе не очень крепко¹⁰⁶. Впрочем,

¹⁰² ПСРЛ. Т. I. Стб. 385–386 (но в месте, где должна идти речь об ослеплении Ростиславичей под напором толпы, изложение странным образом прерывается, об этом сообщают иные летописи, см. ниже); Т. II. Стб. 605–606; Т. XV. Стб. 263–264 и др.

¹⁰³ НПЛ. С. 35, 225. В связи с этим иногда считается, что это была лишь инсценировка ослепления (см.: *Соловьёв С.М.* Соч. Кн. I. С. 538, 702. Примеч. 344; *Щавелёв А.С.* Указ. соч. С. 59). Это «чудо о прозрении» независимо от его историчности являлось для новгородского летописца «и подтверждением “правды” Ростиславичей, и способом осуждения Всеволода» (*Вилкул Т.Л.* Указ. соч. С. 123). Тверской летописец сочетает обе версии, сообщая, будто Всеволод не смог сдержать толпу, которая-де «разметаша порубь» и ослепила Ростиславичей вопреки его воле (такого нет даже в провсеволодовской Лаврентьевской летописи), но тут же рассказывает, что они позднее «прозреста» в церкви свв. Бориса и Глеба (см. ПСРЛ. Т. XV. Стб. 264).

¹⁰⁴ Напр., см.: *Фроянов И.Я.* Указ. соч. С. 150–184; *Лимонов Ю.А.* Указ. соч. С. 117–149; *История России с древнейших времён до конца XVII века.* М., 1997. С. 134–135 и др.

¹⁰⁵ «В критический момент князь во всём (sic! – А. К.) зависел от решения городского веча», – пишет Ю. А. Лимонов и на следующей странице постулирует зависимость князя от «коммунального строя города» (иллюстрируя это опять-таки *чрезвычайной* ситуацией, в которую попал Юрий Всеволодович после разгрома в Липицкой битве) (*Лимонов Ю.А.* Указ. соч. С. 123–124). Очевидно, следовало бы задаться вопросом: а зависел ли правитель от веча в нормальной обстановке? Да и не всякая критическая ситуация приводила князя к такой зависимости. И уж того менее оснований говорить здесь о «коммунальном строе города» из-за отсутствия материала (*Лукин П.В.* Указ. соч. С. 103. Примеч. 324).

¹⁰⁶ См.: *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 35; *Вилкул Т.Л.* Указ. соч. С. 326–327.

такое положение может объясняться и тем, что летописцы сообщали о вече далеко не во всех случаях – преимущественно, когда речь шла о чужих и/или не симпатичных им князьях¹⁰⁷. Ибо при «хорошем» правителе для вече просто не оставалось места¹⁰⁸.

И, наконец, определённую роль в острых ситуациях играло духовенство. Под 996 г. в ПВЛ рассказывается о том, что «умножишася разбоиници», и епископы обратились к Владимиру Святославичу с вопросом: «Почто не казниши их?» Очевидно, эти епископы были греками и исходили из норм византийского уголовного права, предусматривавшего вместо штрафов (вир) смертную казнь за такие преступления. Князь поддался нажиму иерархов и «отверг виры, нача казнити разбойники», но вскоре по настоянию «старцев» (очевидно, бояр) и епископов¹⁰⁹ возвратился к прежнему порядку – взиманию вир, что было более рационально ввиду больших расходов на военные нужды. Таким образом, епископы добились лишь временного успеха, и, к тому же, именно они по русским понятиям оказалась в роли нарушителей местных норм, по-видимому, не предусматривавших в данном случае смертной казни¹¹⁰. Недаром летописец подчёркивает, что после отказа от предложенных иерархами мер Владимир вернулся к установленному предками порядку: «И живяше Володимир по устроенью отъню и дедню»¹¹¹. С.М. Соловьёв видел в случив-

¹⁰⁷ См.: *Вилкул Т.Л.* Указ. соч. С. 326–327.

¹⁰⁸ См.: *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 326.

¹⁰⁹ Неясно, тех же, что выступали за введение смертной казни (*Соловьёв С.М.* Соч. Кн. I. С. 179) или других; возможно, упоминание о них во втором случае – позднейшая вставка, первоначально же речь шла только о старцах (*Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997. С. 302 и примеч. 412 со ссылкой на А.А. Шахматова).

¹¹⁰ В.О. Ключевский предложил иное толкование летописного текста, считая, что речь шла о наказании вообще, а не смертной казни, и о том, кому платить штраф – князю или общине (*Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 433–435). Это мнение поддержал А.Е. Пресняков (Указ. соч. С. 433–434). Теоретически такая трактовка возможна, но всё же сомнительно, что внимание летописца, освещающего лишь наиболее яркие эпизоды княжения Владимира, привлекли бы подобные детали.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 126–127; Т. II. Стб. 111–112; *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. С. 302. Любопытно, что новгородский автор пишет «по устроению божию и дедню и отъню» (НПЛ. С. 167), а московский летописец XVI в. изменяет текст ПВЛ и в соответствии со своими теократическими установками утверждает, будто Владимир выражает готовность казнить разбойников «по божественному закону» (ПСРЛ. Т. IX. М., 2000. С. 67; *Kaiser D.H.* The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1980. P. 225. N. 100), а о его отказе от казней вообще не говорится.

шемся доказательство большого влияния церкви, раз Владимир советовался с иерархами о делах гражданских¹¹². Однако, совершенно не обязательно думать, будто князь специально «советовался» с епископами. Они могли войти с таким ходатайством, например, после разграбления разбойниками церкви и/или убийства священников.

В 1073 г. Святослав и Всеволод Ярославичи выгнали своего брата Изяслава из Киева, и на главном престоле Руси утвердился Святослав. Однажды он пригласил на пир игумена Печерского монастыря Феодосия, но тот отказался, «разумевь, еже неправдъно суще изгънание» (Изяслава) «и причаститися брашьна (пищи. – А. К.) того, испълнь суца крѣви и убийства». С большим трудом удалось князю наладить отношения с Феодосием, хотя, конечно, отказываться от киевского стола он не стал¹¹³.

Полулегендарная история приводится в «Киево-Печерском патерике». В 1093 г. войска Владимира Мономаха и его брата Ростислава шли в поход на половцев. Княжеские отроки увидели старца Григория, вышедшего к Днепру за водою, и начали издеваться над ним, «метающе словеса срамнаа». Старец отвечал, что воинам следовало бы всех просить молиться за них, они же «паче злое» творят, «яже Богови неугодна суть». Однако, добавил он, им следует каяться в грехах, ибо всем им вместе с князем суждено утонуть. Ростислав возмутился, заметив, что умеет плавать, и, «страха Божиа не имеа», велел утопить Григория в Днепре, да ещё отказался посетить монастырь, как собирался. Однако, вскоре предсказание старца сбылось – в битве на Стугне русские потерпели поражение от половцев, и Ростислав, и многие его воины утонули во время бегства¹¹⁴. Предсказание Григория, скорее всего, является позднейшим домыслом, обычным примером пророчества зад-

¹¹² Соловьёв С.М. Соч. Кн. I. С. 179, 245, 250.

¹¹³ Житие Феодосия Печерского // ПЛДР. Начало русской литературы. С. 376, 378, 380. Нельзя, впрочем, исключить, что обличения Феодосием Святослава приписаны ему составителем «Жития».

¹¹⁴ Киево-Печерский патерик // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 536. Любопытно, что в «Патерике» Ростислав противопоставляется Владимиру, который был благочестив и потому спасся при Стугне. В ПВЛ же описывается попытка последнего спасти Ростислава, причём он «мало не утопе сам» и «плакася по брате своем» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 220; Т. II. Стб. 211), зато в «Поучении» Владимир о нём, кажется, не упоминает вовсе (Вилкул Т.Л. Володимир Мономах: тексти и версії // Український історичний журнал. 2004. № 1. С. 54–55) – о причинах остаётся только догадываться.

ним числом. Однако, сама ситуация, когда княжеские отроки стали насмехаться над монахом, а в ответ на его обличения князь приказал утопить инока, представляется вполне реальной.

В 1101 г. Святополк Изяславич взял в плен и заключил в оковы своего племянника Ярослава Ярополковича. К нему обратились с ходатайством митрополит и игумены. В результате Ярослав был освобождён¹¹⁵.

В 1134 г. новгородский князь Всеволод Мстиславич задумал выступить в поход на Суздальскую землю. Киевский митрополит Михаил лично прибыл туда и предсказывал поражение новгородцев: «Не ходите на Суздаль, мене бог послушает». Но это не помогло, война состоялась, Всеволод Мстиславич потерпел тяжёлое поражение на Ждане-горе и был окончательно изгнан из города на Волхове¹¹⁶.

В 1156 г. Юрий Долгорукий собрался выдать претендента на галицкий престол Ивана Берладника, которого схватил в своё время в нарушение крестного целования, его заклятому врагу Ярославу Владимировичу. Митрополит Константин и киевские иерархи выступили с протестом: «Грех ти есть. Целовавши к нему хрест, держиши в толице нужи, а ещё хочещи выдати на убиство». Юрий не решился послать узника на верную смерть и велел отправить Ивана в Суздальскую землю, откуда того и повезли под стражей, но по дороге люди Изяслава Давыдовича Черниговского освободили пленника¹¹⁷.

В 1177 г. Святослав Всеволодович Киевский отправил по просьбе Мстислава Ростиславича Храброго и жены рязанского князя Глеба черниговского епископа Порфирия и настоятеля св. Богородицы Ефрема просить отпустить Глеба, сидевшего в «порубе» (тюрьме) у Всеволода Большое Гнездо. Тот продержал столь

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 275; Т. II. Стб. 250.

¹¹⁶ Там же. М., 2000. Т. VI, ч. 1. Стб. 222; НПЛ. С. 23, 208; Пг., 1917. Т. IV, ч. 2. С. 147–148. Согласно Никоновской летописи, ещё перед этим Михаил будто бы даже наложил на весь Новгород «запрещение» (епитимью) за то, что новгородцы собрались разорвать мир с киевским князем Ярополком Владимировичем. Они «послаше к Михаилу митрополиту в Киев с челобитьем, просяше прощения» (ПСРЛ. Т. IX. С. 158–159). Однако все эти подробности могут быть домыслом московского книжника.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 488.

авторитетных иерархов¹¹⁸ у себя два года (!) и согласился, в конце концов, отпустить пленного князя только в том случае, если он уйдёт «в Русь» (в южнорусские земли), т.е. откажется от рязанско-го княжения, от чего тот отказался и вскоре умер в заточении¹¹⁹.

Как видим, позиция церкви и отдельных её представителей далеко не всегда влияла на действия князей, а сами священнослужители, несмотря на призывы чтить церковь, могли стать жертвами самого грубого насилия¹²⁰. Кроме того, как мы видим в случае с Вячеславом и Ольговичами в 1139 г., церковные иерархи лишь «озвучивали» мнение других князей: посольские миссии являлись для них обычным делом¹²¹. Удивляться этому не приходится: самостоятельной роли древнерусская церковь в политике не играла¹²².

Подведём некоторые итоги. Определённые виды критики князя в рамках нормы домонгольской Руси считались допустимыми и оправданными. Формализованные механизмы вынесения решений о силовых санкциях в адрес правителя отсутствовали¹²³, но норма, *de facto*, признавала «право на мятеж» в чрезвычайных ситуациях (в том числе в случае достаточных нарушений прави-

¹¹⁸ Речь шла о настоятелях главных храмов Черниговской и Владимиро-Суздальской земли (*Вилкул Т.Л.* «Людые» и князь... С. 122)! Если бы не оставался вакантным престол митрополита, то именно сей последний мог быть отправлен к Всеволоду (*Dimnik M.* Op. cit. P. 138) – любопытно, постигла ли бы его та же участь, что и Порфирия?

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 606.

¹²⁰ См. также историю монахов Феодора и Василия, которых пытал, а последнего даже убил Мстислав Святополкович: Киево-Печерский патерик. С. 583, 585 (сюжет имеет черты сходства с рассказом о Григории: *Вилкул Т.Л.* Володимир Мономах. С. 55).

¹²¹ *Щанов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 14–18.

¹²² Церковь на Руси X–XIII вв.: Проблемы, задачи итоги исследования в советской историографии (60–80-е гг.). Науч.-аналит. обзор. М., 1988. С. 32. Этому, по мнению М.С. Грушевского (Указ. соч. С. 364), способствовало то, что почти все митрополиты в то время были греками.

¹²³ Исключая тот факт, что в течение небольшого времени княжеский съезд мог лишать того или иного князя его «стола» за преступления против нормы междукняжеских отношений, но и при этом не мог вовсе отстранить его от власти, а должен был заменить ему один «стол» на другой: как член рода Рюриковичей, князь, пока он не постригся в монахи, как Святослав Давыдович (и пока он монахом оставался – Рюрик Ростиславич при первой же возможности отказался от иноческого чина, который ему навязали: ПСРЛ. Т. I. Стб. 426), сохранял неотъемлемое право на долю власти в качестве обладателя того или иного «стола».

телем нормы). Без точной формализации состава подобных ситуаций, и общественная практика знала подобные случаи. Достаточно вспомнить такой известный пример, как освобождение в результате восстания 1068 г. Всеслава Полоцкого и посажение его на киевский стол после изгнания Изяслава Ярославича, которое не вызвало ответных действий со стороны других Ярославичей. Напротив, они просили брата проявить милосердие, когда тот вернётся в Киев¹²⁴. Хотя верность князю стояла на первом месте, всё же в принципе понятие об «уважительных причинах» восстания и вине правителя существовало¹²⁵.

На практике отношение князей к норме было достаточно вольным. Если на протесты по поводе её нарушения обращали внимание, то не столько в силу уважения самого князя к тем или иным ценностям, а из соображений выгоды, прежде всего, учёта соотношения сил. В этом контексте чрезвычайно любопытен упоминавшийся выше знаменитый эпизод, когда в 1096 г. Святополк Изяславич и Владимир Мономах пригласили Олега Святославича в Киев: «Поряд положим о Русьстеи земли пред епископы, и пре игумены и пред мужи отец наших и пре людми градьскими». Олег же, по словам враждебного ему летописца, «въсприим смысл буи и словеса величава реч сице: “Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом”»¹²⁶ и отказался явиться в Киев¹²⁷. Этот случай прекрасно иллюстрирует и фактическое наличие в культуре домонгольской Руси двух «норм», и то, что выбор, какой из них следовать, каждый раз определялся особенностями конкретной ситуации.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 170–173; Т. II. Стб. 160–163.

¹²⁵ *Вилкул Т.Л.* «Людьє» и князь... С. 325.

¹²⁶ Подобное именование свободных горожан («людей градских»), естественно, звучало как оскорбление (см.: *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 117).

¹²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 229–230; Т. II. Стб. 220.

УДК: 94(470.44–25).07

**ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ
НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВА В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX в.
(по данным административно-полицейского учета)**

М.В. Булычев

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра историографии, региональной истории и археологии
E-mail: bulychev.m@yandex.ru

М.В. Зайцев

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории России
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

В статье рассматривается динамика численности и социальный состав населения Саратова в период от утверждения города в статусе губернского центра до реформы 1870 года. Основным источником служат официальные данные о количестве городских жителей, собиравшиеся в указанный период административно-полицейскими органами и публиковавшиеся в виде статистических таблиц и сборников. Авторы пытаются выявить важнейшие факторы, влиявшие на демографические и социальные процессы, происходившие в Саратове.

Ключевые слова: История России, историческая демография, русский город в XVIII–XIX вв., история Саратова.

**THE NUMBER AND THE SOCIAL COMPOSITION
OF THE POPULATION OF SARATOV
AT THE END OF XVIII – THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY
(according to the administrative and police records)**

M.V. Bulychev, M.V. Zaytsev

The article discusses the dynamics of the size and social composition of the population of Saratov in the period from the approval of the status of the provincial center to the reform of 1870. The main sources are official data on the number of urban residents which were gathered by administrative and police authorities in that period and published in the form of statistical tables and collections. The authors attempt to identify the most important factors influencing the demographic and social processes taking place in Saratov.

Key words: History of Russia, historical demography, Russian city in XVIII–XIX centuries, history of Saratov.

Специалисты, занимающиеся изучением истории Саратовского края, неоднократно обращались к вопросам, связанным с населением данного региона. Иногда в этих случаях затрагивался и вопрос о численности городских жителей в Саратовской губернии. Однако пока не существует специальных работ, в которых динамика населения губернского центра была бы предметно и подробно рассмотрена. Кроме того, изучение этой темы в некоторых случаях сопровождалось крупными неточностями и ошибками. Так «Военно-статистическое обозрение Российской империи» в томе о Саратовской губернии, изданном в 1852 г., сообщает, что на 1810 г. в Саратове было 15.000 жителей (очевидно, что это приблизительная цифра), а на 1830 г. – 49.664¹. В обоих случаях составитель обозрения, прикомандированный к Генеральному штабу подполковник Безносиков, не поясняет какого рода население (наличное или приписное) учитывалось в эти годы и не указывает источники, откуда заимствованы цифры. Но далее он сопоставляет численность населения города в 1810 и 1830 гг. с численностью наличного населения в 1850 г., следовательно, признает эти данные однородными. Нам удалось установить источник, из которого «Военно-статистическое обозрение» заимствует указанные цифры – это изданная в 1839 г. А. Ф. Леопольдовым работа «Статистическое описание Саратовской губернии»².

В первой части своего сочинения Леопольдов поместил таблицу, из которой мы узнаем, что в 1830 г. в городе Саратове насчитывалось жителей 19.254 мужского и 16.410 женского пола³, что в сумме дает 35.664. Во второй части книги, где содержатся более подробные сведения о городах, в частности о губернском центре, говорится: «Жителей в Саратове считается всего 49.664 души»⁴. В числе жителей указаны духовенство и дворяне, следовательно, речь идет о наличном населении. Далее автор сообщает (текст приводится в точном соответствии с оригиналом, включая

¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V. Ч. 4. Саратовская губерния. СПб., 1852. С. 168.

² Что, в частности, подтверждает дословное цитирование сочинения Леопольдова, а также его упоминание при описании «Военно-статистическим обозрением» ранней истории Саратова на с. 169.

³ Леопольдов А.Ф. Статистическое описание Саратовской губернии. СПб., 1939. Ч. 1. С. 37.

⁴ Там же. Ч. 2. С. 12.

авторские ссылки): «В 1810 году жителей в Саратове было только 15 тысяч⁵. Следовательно в 20 лет народонаселение оно умножилось до 25.644 душ, включая впрочем в сие число умерших холерою, ибо сей случай смертности был сверхъестественный»⁶.

Хотелось бы отметить крайнюю запутанность сведений Леопольдова. Во-первых, его подсчет «умножения народонаселения в 20 лет» явно связывает показатель 1810 г. с 1830-м: $15.000 + 25.644 = 40.644$. Но в таблице из первой части сумма населения составляла 35.664?! Кроме того, к какому году относится цифра 49.664? Из контекста можно предположить, что это число саратовцев на момент публикации труда, значит в 1839 г. Между прочим, настораживает совпадение трех последних цифр (1830 г. – 35.664, 1839 г. – 49.664), косвенно указывающее на возможность опечатки. Кроме того, авторское примечание в конце абзаца гласит «Число жителей здесь и везде показано по 7-й ревизии», тогда как седьмая ревизия в Саратовской губернии проходила в 1815–1816 гг., а проверка ее данных окончилась к 1824 годом⁷. Тогда при чем здесь 1830 и, тем более, 1839 год?

Также не отличается точностью ссылка Леопольдова на труды Е.Ф. Зябловского и И.А. Гейма, где, судя по всему, мы можем найти цифру 15.000 применительно к населению Саратова на 1810 г. Зябловский действительно в своем труде сообщает о Саратове (правда не на той странице, которую указал Леопольдов): «Число жителей простирается до 15 тысяч, между коими до 6250 душ купцов и мещан»⁸. Ни прямо, ни косвенно Зябловский не указывает источник этих цифр.

Таким образом, не стоит опираться при изучении динамики населения Саратова на указанные выше работы (в особенности на труд Леопольдова). Данные же «Военно-статистического обозрения» надежны только в той части, которая относится к 1850 г., поскольку были собраны непосредственно автором этого сочинения.

⁵ «См. Землеописания Зябловского и Гейма, изданные в 1810 году, в первом на 153, а во втором на 50 страницах».

⁶ Леопольдов А.Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 13–14: «Число жителей здесь и везде показано по 7-й ревизии».

⁷ См.: Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год. С. 141–143.

⁸ Зябловский Е.Ф. Землеописание Российской империи для всех состояний. СПб., 1810. Ч. 4. С. 220.

В более поздних трудах по истории Саратова и Саратовского края, в основном приводятся фрагментарные, извлеченные из разнотипных источников, сведения об общей численности и составе населения города в разные годы указанного периода⁹. Только в коллективной монографии «Местное самоуправление Саратова: история и современность» можно найти сведения о населении города в 1833, 1856 и 1861 годов¹⁰. Очевидно, что вопрос нуждается в дальнейшем, более глубоком изучении. Причем, на наш взгляд, следует опираться на сопоставимые по характеру источники, естественно, со всеми возможными уточнениями относительно их достоверности.

Данная статья будет посвящена анализу динамики населения Саратова с 90-х гг. XVIII в., когда за городом был окончательно закреплен статус губернского центра, до 1870 г., в котором произошла реформа городского самоуправления, радикально повлиявшая на развитие города.

В рассматриваемый период в России использовалось три метода учета населения: ревизии, церковные исчисления (исповедные и метрические ведомости) и сбор сведений полицией. Причем в XVIII в. жители городских и сельских поселений регистрировались исключительно ревизским и церковным путем, так как административно-полицейский учет в масштабах всей страны был организован только в начале XIX столетия¹¹. Для решения основной задачи в нашей работе будут использоваться только данные ревизского и административно-полицейского учета населения, тем более, что последний до 40-х гг. XIX в., по мнению специалистов, в основном, базировался на результатах ревизий¹².

Сведения о численности и социальном составе населения Саратова в конце XVIII в. содержатся в одном из документов фонда «Экономические примечания к Генеральному межеванию» Рос-

⁹ См.: Твои четыре века, город. Саратов, 1990. С. 28–46; Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. Т. 1. С древнейших времен до отмены крепостного права. С. 152; Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Саратов, 1995. Т. 2. Ч. 1. С. 104–106.

¹⁰ Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2005. С. 29.

¹¹ Кабузан В., Пуллат Р. Обзор статистических источников о численности и составе городского населения России XVIII – начала XX в. (1719–1917 гг.) // Изв. АН Эстон. ССР. Т. 24. Общественные науки. 1975. № 2. С. 150.

¹² Там же. С. 161.

сийского государственного архива древних актов (далее – РГАДА). Это статистические данные о состоянии Саратовской губернии на 1830 г., но сведения о населении, в том числе городов, приведены по V ревизии 1795 г. (см. табл. 1).

Табл. 1

**Социальный состав населения Саратова в 1795 г.
(в душах мужского пола)¹³**

Социальная группа	Численность
Дворяне	475
Духовенство	127
Купцы	913
Мещане и цеховые	8.923
Разночинцы	2.162
Служащие и неслужащие	2.938
Кзаки	254
Колонисты	356
Казенные крестьяне	296
Удельные крестьяне	34
Дворовые	2.204
Раскольники	3.698
Итого	22.380

Данные, приведенные в табл. 1, нельзя считать абсолютно полными. Установлено, что ревизии, призванные фиксировать в первую очередь, податное приписное население, не охватывали (или учитывали не полностью) такие категории как дворяне, иностранцы, части регулярной армии, крестьяне и дворовые, т. е. тех, кто проживал в городе временно, или был зарегистрирован ревизиями в других населенных пунктах¹⁴. В данном случае, возможно, был недоучет военнослужащих, размещенных в городе. Следовательно, общая цифра мужской части населения Саратова, скорее всего, занижена. В то же время, некоторое сомнение может вызывать выделение в особую группу городского населения раскольников. По отложившимся в этом же документе сведениям в составе жителей других городов Саратовской губернии они за-

¹³ РГАДА. Ф. 1355. Д. 1258. Л. 1-2.

¹⁴ Кабузан В., Пулат Р. Указ. соч. С. 150.

фиксированы только в Аткарске (8 душ) и Вольске (2019 душ). Эти же цифры указаны в итоговых поуездных сведениях о городских и сельских жителях. В графах других городов или уездов такая выделенная группа вообще не фиксируется. Поэтому можно предположить, что эти сведения учитывают раскольников в составе всего населения (городского и сельского) данных уездов. Сведения, возможно, не полны, так как раскольники, кроме Саратовского, Аткарского и Вольского уездов, несомненно, были и в других.

Так или иначе, если предположить, что женское население Саратова уступало мужскому (из-за размещенных в городе войск и других факторов), и даже вычесть учтенных особо раскольников, то все равно уже в конце XVIII в. город насчитывал не менее 35 тыс. жителей, а значит входил в число крупнейших городов империи¹⁵.

С 1811 г. формируется административно-полицейский учет населения в общероссийском масштабе. В структуре Министерства полиции Российской империи появляются Департамент полиции исполнительной и связанное с ним Статистическое отделение. Теперь данные о населении, собираемые местными полицейскими органами, поступают в центральное ведомство, обобщаются и публикуются. В 1819 г. Министерство полиции было ликвидировано, а Департамент полиции и Статистическое отделение вошли в состав Министерства внутренних дел. Отделение в 1852 г. превратилось в самостоятельное структурное подразделение МВД – Статистический комитет (с 1863 г. – Центральный статистический комитет). Именно этот орган в дальнейшем занимался сбором, проверкой и обработкой поступающих из губерний статистических материалов.

Публикации Статистического отделения (затем комитета) в виде таблиц о населении городов, дополненные некоторыми, близкими по происхождению, архивными документами, позволяют проследить динамику численности населения Саратова (см. табл. 2.).

¹⁵ Даже в середине XIX в. российские города с населением более 25 тыс. чел. отечественные статистики относили к разряду крупных. См.: Статистические таблицы Российской империи, за 1856-й год, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел статистическим отделом Центрального статистического комитета. [Вып. 1]. Спб., 1858. С. 298.

**Численность населения Саратова в 1825–1870 гг.
по данным административно-полицейского учета¹⁶.**

Год	Население Саратова					
	Наличное			Приписное		
	муж. п.	жен. п.	об. п.	муж. п.	жен. п.	об. п.
1825	19.941	18.339	38.280	---	---	---
1830	19.254	16.410	35.664	---	---	---
1833	---	---	---	18.150	15.491	33.641
1840	21.374	20.797	42.171	---	---	---
1841	21.218	21.019	42.237	---	---	---
1845	28.657	23.480	52.137	---	---	---
1847	26.939	25.390	52.329	---	---	---
1850	---	---	55.396	22.103	21.153	43.256
1856	38.753	35.440	74.193			
1858	31.086	32.182	63.268	---	---	---
1859	36.482	33.178	69.660	---	---	---
1861	44.503	39.324	83.827	17.836	20.555	38.391
1863	45.449	38.942	84.391	---	---	---
1870	45.016	40.204	85.220	---	---	---

¹⁶ См.: [Штер М.П.]. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829. С. 68; РНБ. Ф. 550. F. IV. Оп. 1. Ед. хр. 584. Л. 134; Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 г. СПб., 1834. С. 40; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении совета Министерства внутренних дел. СПб., 1840; С. 40; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в статистическом отделении совета Министерства внутренних дел. СПб., 1842. С. 34; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1897. Л. 149об.; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении совета Министерства внутренних дел. СПб., 1852. С. 26; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 4. Саратовская губерния. СПб., 1852. С. 168; Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864. Т. 4. С. 424; Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 38. Саратовская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1862. С. 1; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч. 2. Саратовская губерния. С. 4; Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Вып. 1, отд. 1. С. 128; То же. Сер. 2. СПб., 1875. Вып. 10, отд. 1. С. 100.

Прежде чем переходить к анализу этих данных, необходимо сказать несколько слов о степени их точности. Уже в ту эпоху, когда издавались указанные источники, сотрудники статистического подразделения МВД сами прекрасно понимали, что сведения о населении, собираемые не путем переписи, а «полицейским порядком», в силу разных обстоятельств «имеют достоверность лишь приблизительную»¹⁷. Позднее, специалисты, обращавшиеся к этому предмету, пришли к выводу, что в разные годы при сборе демографической информации применялись различные методы¹⁸. Такой крупный исследователь истории русского города второй половины XVIII – первой половины XIX в. как Б.Н. Миронов пишет по этому поводу: «Полицейский учет 1823–1825 гг. зарегистрировал в большинстве городов наличное, т. е. все фактическое, население, хотя в некоторых случаях постоянное население. Исчисления 1826 и 1833 гг. фиксировали только коренных жителей, последующие исчисления 1840–1860-х гг. – преимущественно наличных жителей. Весьма существенно, что до 1858 г. жителей пригородных слобод и предместий относили к сельскому населению, а с 1858 г. – к городскому»¹⁹. Исходя из этого, Миронов вообще признал данные административно-полицейского учета этого периода несопоставимыми, и в своих работах анализирует динамику численности городского населения России на основе другого источника – исповедных и метрических ведомостей.

Не отрицая правомерности подобных выводов, мы полагаем, что использовать данные административно-полицейского учета для изучения динамики населения Саратова все же можно и нужно. Во-первых, уровень погрешности при определении количества жителей одного Саратова будет гораздо ниже, чем когда речь идет обо всех городах Российской империи. Во-вторых, полученные результаты в дальнейшем можно будет сопоставлять с данными иных источников, что только способствует повышению объективности наших представлений об изучаемом предмете. В-третьих, в Саратове, как и других крупных городах Среднего и Нижнего Поволжья, проживали в значительном количестве не

¹⁷ Статистический временник Российской империи. Сер. 2. СПб., 1875. Вып. 10. Отд. 1. С. 1.

¹⁸ См.: *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 191–196; *Кабузан В., Пуллат Р.* Указ. соч. С. 163–165.

¹⁹ *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 30.

только православные, но и представители иных конфессий (как например, старообрядцы), которых не охватывали исповедные и метрические книги православного духовенства.

Сопоставление данных табл. 1 и 2 на первый взгляд свидетельствует, что за период с 1795 по 1825 г. мужское население города несколько уменьшилось. Однако, вероятно, в сведения 1825 г. не были включены некоторые группы городского населения. С другой стороны, причинами негативной демографической динамики могли быть и различные объективные факторы, в том числе часто происходившие в городе крупные пожары.

Наиболее сильные пожары в Саратове между 1795 и 1825 гг. произошли в 1800, 1806 и 1811 годов²⁰. Вряд ли эти бедствия сопровождались многочисленными человеческими жертвами, однако сама ситуация кризиса, связанная с уничтожением большого количества городских построек, приводила к оттоку населения из города. Местный житель К.И. Попов в своих мемуарных записках рассказывает (стилистика и орфография сохранены): «После частых и больших пожаров, бывших в Саратове, в особенности после пожаров 1811 года, в которые погибло много домов и разных зданий, многие жители из центра Саратова стали выселяться; а преимущественно помещики, чиновники, мещане, лица разных ведомств, а также иностранцы, прибывавшие в Саратов из разных колоний Саратовской губернии и других мест по торговым делам и ремеслам». Автор поясняет, что такие люди заселяли местность поблизости от городской черты, но вне ее пределов²¹. (Кстати, о том, что часть саратовцев, официально числясь горожанами, предпочитала жить на хуторах, свидетельствует и описание губернии 1807 г.)²². Кроме того, некоторую часть жителей Саратова уже тогда составляли крестьяне, стекавшиеся сюда каждый сезон в поисках заработка, найти который «на пепелище» было значительно труднее, в связи с чем они возвращались в свои села и деревни.

Выселение из города некоторых категорий иногда происходило по распоряжению администрации. Так, в 1797 г., в ходе Генерального межевания, были выселены ранее проживавшие в Саратове отставные казаки и казенные крестьяне, а в 1815 г. на окраину

²⁰ К 300-летию юбилею Саратова. (История края) // Памятная книжка Саратовской губернии (Саратовский календарь) на 1890 год. Саратов, 1889. С. 24.

²¹ Попов К.И. Записки о Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 157–158.

²² РГБ ОР. Ф. 68. Д. 229. Л. 58-61.

принадлежавших городу земель (на р. Гуселку), были выведены пахотные солдаты и бобыли, занимавшиеся рыболовством²³.

Впоследствии те, кто оказывался вне городской черты, уже не попадали в поле зрения полицейского учета как городские жители, тем более что, как отмечалось выше, до конца 1850-х гг. жители предместий не фиксировались в числе населения городов²⁴. Помимо этого, общая экономическая конъюнктура развития Саратова в последние десятилетия XVIII – начала XIX в. не способствовала интенсивному притоку населения. Довольно низкий уровень хозяйственной активности саратовского купечества фиксируют топографо-статистические описания губернии этого времени²⁵.

За 1825–1870 гг. население Саратова выросло в 2,2 раза, почти на 47 тыс. чел., что составляет среднегодовой прирост в 1.044 чел. При этом в 1825–1850 гг. темпы роста были ниже (в среднем на 685 чел. в год), чем в 1850–1870 гг. (в среднем на 1491 чел. в год). Негативные факторы продолжали действовать и в данный период. Огненная стихия наносила большой ущерб Саратову в 1834 и 1855 гг., а в 1830, 1847–1848 и 1866 гг. случались эпидемии холеры²⁶. Возможно, именно последствиями первой из указанных крупной эпидемии и слабым пополнением населения города извне можно объяснить тот факт, что в 1830 г. количество жителей в городе было меньше, чем в 1825 г. Тем не менее, бедствия лишь замедляли, но не препятствовали постоянному росту населения. Во второй половине XIX в. один исследователь так описывал этот процесс: «Холера, посетившая Саратов в 1830 г., унесла в один мес[яц] до 10 тыс. чел.; население за это время положительно обезумело; торговля, промышленность, административная деятельность – все на время заглохло... Но жизнь в Саратове и вообще в Саратовском крае около этого времени была такая дешевая и привольная, что чрез несколько лет, вследствие не прекращавшегося наплыва иногородних, население Саратова возросло до очень почтенной цифры, превзойдя цифру 1830 г.»²⁷.

²³ Саратовская летопись // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. С. 53, 59.

²⁴ С другой стороны, в течение следующих десятилетий, по мере своего роста город поглощал пригородные слободы и таким образом городское население «искусственно» увеличивалось.

²⁵ См.: Саратовский крытый рынок. Очерки истории. Саратов, 2006. С. 6–8.

²⁶ Саратовская летопись // Саратовский край. С. 65–85.

²⁷ К 300-летию юбилею Саратова. С. 24.

В последующие десятилетия, особенно с 1840-х гг., известность Саратова, как крупного экономического центра Поволжья, быстро возрастает²⁸. Очевидно, что постоянное увеличение населения стимулировали объективно-исторические причины, так как, начиная с 1830-х гг. темпы урбанизации растут не только в Саратовском крае, но и во всей Российской империи. Рост численности городского населения в стране был вызван, согласно Б.Н. Миронову, в первую очередь механическим движением из села в город, тогда как естественный прирост оставался на низком уровне²⁹. Саратов в этом отношении не представлял собой исключения.

В первой половине XIX в. Саратовская губерния являлась одной из наиболее активно заселявшихся территорий. Государственная и вольная колонизация обеспечивала постоянный приток в основном крестьянского контингента в Нижнее Поволжье из центральных губерний России. Несмотря на льготы по уплате податей и выполнению повинностей, которые получали «официальные» мигранты от правительства, для многих из них переселение в далекий степной край становилось тяжким испытанием. Еще больше проблем возникало у самовольных переселенцев³⁰. В результате многие из них были вынуждены осесть в городах (чаще всего в губернском центре). Крестьяне шли в города как наемная сезонная рабочая сила, которая требовалась для обслуживания торговли, промышленности и транспорта. Известно, что в начале 1850-х гг. в Саратове каждый сезон осенью могли найти себе работу до 22 тыс. грузчиков, а зимой на перевозках рыбы было задействовано до 80 тыс. одноконных или 40 тыс. двухконных подвод³¹. Со временем многие из сезонных работников становились постоянными жителями города.

Масштабный рынок свободной рабочей силы создавал благоприятную почву для развития торговли и промышленности в городе, которые, в свою очередь, давали дополнительный стимул для крестьянской миграции в губернский центр.

²⁸ Булычев М.В. Развитие сети ярмарочной торговли Саратовского края в первой половине XIX века // Саратовское Поволжье в панораме веков. История, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 160–161.

²⁹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 67.

³⁰ Подр. см.: Булычев М.В. Социально-экономическое развитие Саратовского края в первой половине XIX века. Саратов, 1990; *Он же*. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004.

³¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. IV. С. 158.

Интересно сопоставить динамику численности населения Саратова с аналогичным показателем других центров юго-восточных губерний европейской части России (см. табл. 3). Для сравнения избраны те города, которые имели общие с Саратовом объективные условия развития: административный статус губернского города, ярко выраженная сельскохозяйственная направленность экономики данной губернии или области, интенсивная колонизация региона в указанный период за счет притока из центральных районов страны.

Табл. 3

Численность населения крупнейших городов юго-востока европейской части России в 1825–1870 годах³²

	1825	1842	1861 ³³	1870
Саратов	38.280	42.237	83.827	85.220
Астрахань	37.320	45.938	44.716	48.220
Воронеж	20.384	43.800	39.515	44.955
Екатеринослав	8.412	8.475	18.881	24.167
Казань	36.963	41.304	59.409	86.262
Нижний Новгород	15.965	31.921	38.065	44.190
Новочеркасск	8.535	17.623	---	18.611
Пенза	13.128	19.479	27.567	30.462
Самара ³⁴	5.199	13.732	27.598	51.947
Симбирск	14.994	17.739	24.494	26.822
Тамбов	18.354	16.789	33.829	26.403
Уфа	7.589	16.501	15.296	20.917

Очевидно, что темпы роста населения Саратова опережали аналогичные показатели других крупных городов юго-востока

³² [Штер М.П.]. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в статистическом отделении совета Министерства внутренних дел. СПб., 1842; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч. 1–2; Статистический временник Российской империи. СПб., 1875. Сер. 2, вып. 10. Отд. 1.

³³ Данные по Пензе – на 1862 г.

³⁴ Центр губернии с 1851 г., до этого – уездный город Симбирской губернии.

России. Уже к началу 1860-х гг. он оставил далеко позади большинство из них (даже такие древние центры как Нижний Новгород и Астрахань) и к 1870 г. являлся одним из двух крупнейших наряду с Казанью. Выше чем в Саратове темпы роста численности жителей были только в Самаре, которая за тот же отрезок времени увеличилась в десять раз. Очевидно, причиной такого быстрого развития именно Саратова и Самары (по сравнению со старыми центрами Поволжья) был более масштабный в первой половине XIX в. колонизационный поток в эти губернии, более масштабный в первой половине XIX в., чем в Нижегородскую или Казанскую, поскольку интенсивная русская колонизация Среднего Поволжья состоялась в более ранние исторические эпохи. Астраханский же край, лежащий в малопригодных для земледелия сухих степях и полупустынях, вообще не мог быть объектом массовой крестьянской колонизации.

Табл. 4

Численность населения десяти крупнейших городов Российской империи в 1825–1870 годах³⁵

	1825	1842	1861	1870 ³⁶
Санкт-Петербург	438.112	470.202	---	666.963
Москва	241.514	349.068	---	601.969
Варшава	---	140.471	---	297.090
Одесса	40.562	60.055	---	139.462
Кишинев	---	42.636	93.395	102.427
Рига	38.794	59.960	---	99.892
Казань	36.963	41.304	59.409	86.262
Ташкент ³⁷	---	---	---	86.233
Саратов	38.280	42.237	83.827	85.220
Харьков	17.424	29.395	50.301	81.028

³⁵ Источники см. указанные к табл. 3. В табл. 4 учтены крупнейшие по численности населения города в 1870 году.

³⁶ Данные по Москве – на 1871 г., по С.-Петербургу – на 1869 г., по Варшаве – на 1872 год.

³⁷ В составе Российской империи с 1865 года.

В масштабах всей Российской империи Саратов вошел в этот период в десятку крупнейших городов (см. табл. 4). Конечно, столицы – Санкт-Петербург и Москва – были здесь вне конкуренции, также выделялись центр Царства Польского и стремительно развивавшаяся Одесса. Среди остальных городов (которыми, как не трудно заметить, были преимущественно центры национальных окраин), Саратов имел сопоставимое по численности население. Необходимо также помнить, что в рассматриваемую эпоху значительную часть городских жителей составляли военные, и количество размещенных воинских частей в столицах, в приграничных Варшаве и Кишиневе, в завоеванном лишь недавно (1865 г.) Ташкенте, естественно, было гораздо выше, чем в расположенных в центре страны Казани или Саратове.

Анализировать динамику социальной структуры саратовского населения в указанный период достаточно сложно по нескольким причинам. Во-первых, в большинстве использованных для нашего исследования источниках социальный состав жителей города не приводится. Во-вторых, некоторые социальные категории тогда подвергались существенным изменениям с точки зрения их законодательного оформления. Так мещане окончательно приобрели определенный статус лишь после утверждения Свода законов 1832 г., который также ввел новую категорию – почетных граждан.

Наиболее четкими атрибутами сословного статуса весь этот период обладало купечество. Поскольку правительство именно в нем видело своего рода основу социально-экономического развития города, данные о купечестве в сведениях ревизий и административно-полицейского учета всегда фиксировались особо. В задействованных нами источниках вплоть до 40-х гг. XIX в. почти нигде нет данных о численности каждой сословной категории жителей Саратова (за исключением сведений 1795 г.). А вот количество купцов указывалось везде. Согласно этим источникам численность купцов мужского пола в Саратове составляла: в 1795 г. – 913, 1825 – 575, 1833 – 332, 1842 – 414 человек³⁸.

Только в рукописи саратовского губернатора А. М. Фадеева (данные за 1845 г.) и «Статистических таблицах» на 1847 г. приводится численность основных социальных категорий (см. табл. 5).

³⁸ Источники см. указанные к табл. 1 и 2.

Социальный состав населения Саратова в 1845 и 1847 году³⁹

На 1845 г. (данные А.М. Фадеева)			На 1847 г. («Статистические таблицы»)		
Социальная группа	Чел.	%	Социальная группа	Чел.	%
Дворяне	729	1,4	Духовенство	557	1,1
Чиновники и разночинцы	2.432	4,7			
Священники, церковно- служители и члены их семейств	608	1,2	Дворяне и чиновники	1.491	2,8
Почетные граждане	70	0,1	Почетные граждане	104	0,2
Купцы	1.906	3,6	Купцы	835	1,6
Мещане	28.258	54,2	Мещане и посадские	31.807	60,8
Дворовые, крестьяне, казаки и прочие	18.134	34,8	Статус не указан	17.535	33,5
Всего жителей	52.137	100	Всего жителей	52.329	100

К сожалению, в этих данных не конкретизирован (или смешан) статус целой трети городского населения, да и градация указанных социальных групп не одинакова, что делает невозможным их детальный анализ. Можно лишь отметить, что мещанство в 1840-е гг. составляло более половины всех саратовцев.

Наиболее полные и детализированные сведения о населении Саратова мы имеем на 1856 г., в котором Академия наук разослала по губерниям запросы о населении городов. В октябре делопроизводитель саратовского губернского статистического комитета коллежский асессор Н.И. Костомаров (известный историк, отбывавший ссылку в Саратове) представил в губернское правление требуемые сведения, где население Саратова почему-то было обозначено круглой цифрой 60.000 человек. Потребовались уточнения и лишь 10 января 1857 г. саратовский старший полицмейстер представил подробные сведения о горожанах, которые и были признаны чиновниками губернского правления наиболее достоверными (табл. 6)⁴⁰.

³⁹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1897. Л. 151об.-152; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделе совета Министерства внутренних дел. СПб., 1852. С. 26–27.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3417. Л. 22–29.

Социальный состав населения Саратова на 1856 год⁴¹

Социальная группа	муж.	жен.	всего	%
Дворяне потомственные	653	558	1.211	1,63
Дворяне личные	623	524	1.147	1,55
Духовенство	209	271	480	0,65
Почетные граждане	47	64	111	0,15
Купцы 1-й гильдии	27	29	56	0,08
Купцы 2-й гильдии	80	97	177	0,24
Купцы 3-й гильдии	713	729	1.442	1,94
Мещане	16.047	18.790	34.837	46,96
Ремесленники и цеховые	1.413	1.450	2.863	3,86
Государственные крестьяне	2.939	2.849	5.788	7,80
Удельные крестьяне	657	346	1.003	1,35
Помещичьи крестьяне	6.105	3.957	10.062	13,56
Колонисты	1.370	399	1.769	2,38
Иностранцы	107	101	208	0,28
Разночинцы	851	745	1.596	2,15
Служащие гражданские чиновники	1.143	1.124	2.267	3,06
Отставные гражданские чиновники	381	339	720	0,97
Штаб- и обер-офицеры	114	140	254	0,34
Военные чины служащие	4.455	1.033	5.488	7,40
Военные чины отставные	686	704	1.390	1,87
Кантонисты	133	---	133	0,18
Вдовы солдатки и их дочери	---	1.191	1.191	1,60
Всего	38.753	35.440	74.193	100

К середине 1850 гг. мещане уже не составляли абсолютное большинство жителей, сохранив за собой лишь большинство относительное. Вторым по удельному весу социальным слоем были крестьяне разных категорий (более 22% горожан), далее шли военные и члены их семей.

Данные общей численности населения за 1856 г. заметно превышают показатели за 1858 и 1859 гг., выбиваясь из динамического ряда (см. табл. 2). Возможно, в подсчетах следующих лет не были учтены некоторые категории горожан. Можно также предположить, что в связи с подготовкой крестьянской реформы в конце 1850-х гг. произошел отток части помещичьих крестьян из города в свои села, поскольку они рассчитывали при ликвидации крепостного права получить землю в собственность. Как видно из табл. 6, в Саратове эта категория крестьян со-

⁴¹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3417. Л. 29.

ставляла 13,56% населения. Забегая вперед, скажем, что в определенной степени это предположение подтверждается показателями табл. 7, где в составе населения Саратова за 1861 г. мы видим всего лишь 8,9% всех крестьян (включая бывших дворовых и вольноотпущенных), тогда как в 1856 г. они насчитывали 22,71% всех жителей⁴². По-видимому, в дальнейшем потребуется отдельное изучение причин колебания численности населения Саратова в предреформенные годы.

Довольно подробную картину социального состава населения города содержит издание «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг.», хотя и оно не смогло отнести более четверти жителей ни к одной определенной страте (см. табл. 7).

Табл. 7

Социальный состав населения Саратова в 1861 г.⁴³

Социальная группа	Чел.	%
Духовенство	591	0,7
Дворяне и чиновники	3.531	4,2
Почетные граждане	129	0,2
Купцы (включая иногородних)	1.490	1,8
Мещане (включая иногородних)	32.738	39,1
Цеховые	3.863	4,6
Крестьяне государственные, удельные и временно-обязанные	5.303	6,3
Колонисты	2.961	3,5
Бывшие дворовые люди и вольно-отпущенные	2.218	2,6
Воинские нижние чины (включая семьи и отставных)	5.839	7,0
Иностранные подданные	74	0,1
Воспитанники разных учебных заведений	2.261	2,7
Лица не принадлежащие к вышеуказанным разрядам (в основном, временно-проживающие)	22.829	27,2
Всего жителей	83.827	100

Данные таблиц 5, 6 и 7, несмотря на расхождения в ряде показателей все же дают возможность увидеть, что наиболее крупной группой населения города в предреформенные десятилетия были мещане. Правда, их удельный вес постепенно понижался: если в 1840-е гг. их было более 50% (сведения табл. 5, очевидно,

⁴² По-видимому, дворовые в показателях за 1856 г. были учтены в категории помещичьих крестьян.

⁴³ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч. 2. Саратовская губерния. С. 4.

приводят количество мещан вместе с цеховыми ремесленниками), то в 1861 г. уже лишь 39,1%. С другой стороны в 1850-е гг. динамично нарастало количество городского крестьянства – вместе с колонистами оно составляло четверть населения города. Заметной в губернском центре была и численность военнослужащих, которых в 1856 г. (считая воинских нижних чинов, служащих и не служащих, с членами их семейств) было 11% от общего количества жителей. В губернском городе всегда наблюдалась повышенная, в сравнении с уездными городами, концентрация дворян (в основном офицеров и гражданских чиновников) и чиновников недворянского происхождения. По данным 1856 г. в структуре жителей Саратова они составляли около 7,6%. Удельный же вес купечества, которое доминировало в экономической жизни города, на протяжении всего рассматриваемого периода (как это видно из данных таблиц 1, 5–7) был незначительным. Саратов, как и многие другие крупные экономические центры России, по социальному составу населения в предреформенный период был преимущественно мещанско-крестьянским городом (около 76% в 1856 г. и более 56% в 1861 г). В дальнейшем, в условиях динамичного развития экономики города и массового разорения деревенского населения, крестьяне потянутся в Саратов в поисках лучшей жизни. По итогам переписи 1897 г. уже 49,5% жителей города будут числиться в крестьянском сословии⁴⁴.

Анализ данных административно-полицейского учета населения убеждает, что Саратов, по меньшей мере, с конца XVIII в. всегда входил в число наиболее крупных городов Российской империи. Разные причины вызывали колебания численности горожан, особенно в первые десятилетия XIX в. Но уже с 1840-х гг., когда в регионе сложился крупный специализированный экономический комплекс, а Волга окончательно стала мощной транспортной системой, соединявшей край со многими частями государства и зарубежьем⁴⁵ (не случайно на Волге находилось несколько крупных городов – см. табл. 3 и 4), намечается устойчивая тенденция роста населения Саратова – признанного центра обширного нижневолжского края.

⁴⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи в 1897 г. Т. 38. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 49.

⁴⁵ Более подробно см.: Булычев М. В. Эволюция транспортной системы Поволжья в конце XVII – начале XX века // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12. С. 59–60.

ИДЕОЛОГИЯ КАК «МЕСТО ПАМЯТИ»

УДК 94(37)+255+81'371(=1.3)-058.1

ГЕНЕАЛОГИЯ ПОНЯТИЯ «ЛИБЕРАЛИЗМ»:

I. ЛИБЕР И ЛИБЕРТИНЫ

М.В. Калашников

Саратовский государственный технический университет,
социально-гуманитарный факультет,
кафедра истории Отечества и культуры
E-mail: kalash.mv@mail.ru

В статье на материале древнеримской истории исследуется генеалогия понятия «либерализм». Рассматриваются социальные практики, связанные с фаллическим культом Либеры (Вакха, Диониса). Проанализирован реальный социальный статус и положение древнеримских либератинов (отпущенников). Для анализа этимологически исходных понятий использован метод историко-семантического анализа.

Ключевые слова: Понятие «либерализм», Древний Рим, Либер (Вакх, Дионис), либертины, свобода, фаллос, щедрость.

THE GENEALOGY OF THE CONCEPT OF "LIBERALISM":

I. LIBER AND LIBERTINES

M.V. Kalashnikov

The article examines the genealogy of the concept of "liberalism" on the basis of the history of Ancient Rome. It reviews social practices related to the phallic worship of Liber (Bacchus, Dionysus). The article studies the real social status and position of the Ancient Roman libertines ("freedmen"). It uses the methods of historical semantics to explore the etymologically initial concepts.

Keywords: the concept of "liberalism", Ancient Rome, Liber (Bacchus, Dionysus), libertines, freedom, phallus, generosity.

Традиционное предметное понимание либерализма телеологично и трактует его историю как историю развития свободы, как историю освобождения человека, как непрерывное движение (развитие) от несвободы к свободе, причем, полагая это некой

объективацией¹. Однако, если отбросить телеологическую ангажированность, выясняется, что в истории различных человеческих сообществ со временем изменяются только формы принуждения, а реальный контроль над действиями и поведением человека только усиливается, становясь тотальным.

Эпоха Современности закончилась «победой» либерализма, а «царство свободы» не наступило. Возникает закономерный вопрос – почему? И что же такое тогда либерализм как историческое явление? Анализ метафизических конструкций, в рамках которых отождествляются свобода и либерализм, ответа на эти вопросы дать не может. Для того чтобы на них ответить, необходимо подвергнуть критическому анализу не современный метафизический конструкт либерализм, и не некую предметность, называемую сегодня либерализмом, а понятие «либерализм» в его исторической ретроспективе. Такую критику, в том числе и понятий, М. Фуко, отталкиваясь от опыта Ф. Ницше, назвал генеалогической².

Подвергнуть понятие генеалогической критике – это значит подвергнуть анализу исторически менявшиеся дискурсы, социальные и политические практики в их связи с историческими событиями. Только выявив складки, узлы и разрывы на смысловой ткани понятия «либерализм», образовавшиеся на пересечениях дискурсов, социальных и политических практик и исторических событий, мы увидим его дискретность, изменчивость и историчность. Соответственно, действительный анализ понятия возможен только в рамках определенного метода – метода историко-семантического анализа³.

Анализ генеалогии понятия «либерализм» необходимо начать с этимологии слова либерализм, которое восходит к имени

¹ Очень показательны: «Либерализм мы рассматриваем как стадийный тип цивилизации, рано или поздно приходящий на смену традиционным обществам» (Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М., 2000. С. 156).

² См.: Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Ницше и современная западная мысль: Сб. ст. / под ред. В. Каплуна. СПб.; М., 2003. С. 532–559; Фуко М. Что такое Просвещение? // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Статьи и интервью 1970–1984. М., 2002. Ч. 1. С. 352–353.

³ Об особенностях авторского подхода см.: Калашников М.В. Историко-семантический анализ в историческом исследовании: от истории понятий к истории общественного сознания // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 368–390.

древнеримского бога Либера⁴, аналога древнегреческого Вакха (Бакха, Бахуса, Диониса), бога вина и веселья⁵. В соответствии с этим и родословная понятия «либерализм» далеко не безупречна.

Э.Ф. Володин совершенно справедливо писал: «Этимология, понятая как археология образа, прекрасно показывает, насколько важна роль именно образа в образовании слова, насколько, вместе с тем, понятие подчиняет себе образ, заменяя общим конкретно-чувственное содержание слова»⁶. Этимология слова либерализм «прекрасная» иллюстрация данного тезиса.

Слово либерализм относится к интернациональной лексике и имеет в своей основе исходное латинское слово *liber*. Выражая общепринятую точку зрения, А. Вежбицкая писала: «Как отмечалось Виршубским и другими авторами, латинское слово *libertas* “исходно обозначает статус ‘liber’, т. е. лица, не являющегося рабом”; и оно подразумевает “отрицание ограничений, налагаемых рабством”»⁷. (Выделено в публикации. – М. К.).

Вместе с тем, Э. Бенвенист отмечал: «Хотя для всех индоевропейских народов характерно противопоставление “свободный человек – раб”, общее обозначение понятия “свобода” у них отсутствует. Различие способов, какими формируется обозначение этого понятия <...> лишь подчеркивает специфичность его содержа-

⁴ Первым, вероятно, на это обратил внимание еще в 1914–1915 гг. П.А. Флоренский. В библиографических выписках к «Философия культа» он записал: «“Либералии. Название праздников, в честь Вакха установленных и отправлявшихся 17 марта на открытом поле, в продолжение целого месяца <...>. В сей день ели публично и каждый имел свободу говорить что хотел”. <...>. Б<ыть> м<ожет>, таково именно происхождение слова либеральный (*liberalis*). Либеральный, *libertas* – свобода имеет, б<ыть> м<ожет>, значение культовое: тот, который относится к Либеру, когда “каждый имеет свободу говорить что хочет”» (подчеркнуто П.А. Флоренским. – М. К.) (Флоренский П.А. Собр. соч. Философия культа: (Опыт православной антропологии) / сост. игумен Андроник (Трубачев); ред. игумен Андроник (Трубачев). М., 2004. С. 82).

⁵ Штаерман Е.М. Либера // Мифологический словарь. М., 1990. С. 311. «...италийский Либера, бог оплодотворения и роста растений и животных. Позднее, но неизвестно когда, он стал богом виноградников и вина...». (Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима / отв. ред. Е.С. Голубцова. М. 1987. С. 86).

⁶ Володин Э.Ф. Границы и роль логического в языке художественного произведения // Логика и язык: Сб. науч. тр. М., 1985. С. 40.

⁷ Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М., 2001. С. 213.

ния». И далее: «...понятие “свобода” формируется на основе социализированного понятия “роста” – роста определенной социальной категории людей, развития определенного коллектива». Латинское понятие «свободный», согласно Э. Бенвенисту, имеет социальные истоки: «Первоначальным оказывается не значение “освобожденный, избавленный от чего-либо”, на первый взгляд, казалось бы, исходное, а значение принадлежности к этнической группе, обозначенной путем растительной метафоры»⁸.

Латинское *liber* (из **lubro-*) (**luber*) первоначально означало «кора», «луб»⁹, «лыко», «испод или внутренняя часть коры молодых деревьев», позднее – «книга», «сочинение», «свиток» (ср. превращение русского «луб» в «лубок», или просто – «береста»). Все эти значения покрываются абстрактными понятиями «рост», «растительность», «растение», которые, впрочем, являются скорее последующей метафоризацией более конкретных, объединяющих меньшие группы предметов, понятий. В этом отношении, однако, как считает Э. Бенвенист, латинское *liber* может восходить к индоевропейскому корню **leudh-* – «расти», «произрастать из земли», «развиваться» (славянское – люд, люди)¹⁰.

⁸ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 212–214.

⁹ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1986. Т. 2: (Е – Муж). С. 526–527. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: в 2 т. М., 1999. Т. 1: А – Пантомима. С. 493–494. Луб. Общеславянское индоевропейского характера (лит. *lúobas* «кора, лыко», алб. *labë* «кора», лат. *liber* «лыко, книга»).

¹⁰ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. С. 213. Э. Бенвенист, проанализировавший этимологию латинского слова *liber*, писал: «...рассмотрим термин *liberi* ‘дети’. Здесь мы видим две своеобразные черты: во-первых, это слово употребляется только во множественном числе, во-вторых – и это самое главное, – оно обозначает детей только по признаку возраста, а не по признаку социальной принадлежности. Тем не менее по форме *liberi* ‘дети’ – просто множественное число прилагательного *liber*» (Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. С. 214.) А. Гелий писал: «Древние ораторы и авторы исторических сочинений или стихов даже о единственном сыне или дочери говорили *liberi* (дети) во множественном числе» (Гелий А. Аттические ночи / пер. с лат. под общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер. СПб., 2007. Кн. I–X. С. 121). Пытаясь объяснить связь понятий «свободный» и «дети», Э. Бенвенист апеллирует к латинским юридическим текстам и формулам, терминология которых, заметим, заимствована из естественного языка и поэтому всегда производна – метонимична или метафорична. Вместе с тем первоначальное значение латинского

Каким же образом «liber» в значении «кора», «луб», «лыко» или «растительность», «растение» превращается в «liber» в значении «свободный» в отношении «лица, не являющегося рабом»? Впрочем, исторически более точным было бы говорить не «свободный», а «вольнотпущенник» («отпущенник»), то есть «переставший быть рабом по воле хозяина»¹¹.

В раннереспубликанском Риме, как пишет со ссылкой на Т. Моммзена Л.А. Ельницкий, «...фактическое положение [либертинов] определялось отнюдь не их юридическим, а экономическим и социальным состоянием. <...> Во всяком случае, со времен ранней республики, <...> новоявленный гражданин (либертин или отпущенник. – М. К.) продолжал оставаться клиентом своего прежнего владельца со всеми вытекающими из этих отношений последствиями, вплоть до возвращения в рабское состояние <...> Отмечается также (Т. Моммзеном. – М. К.), что в юридических и эпиграфических источниках либертины нередко сохраняют обозначение *servi* (или *servo...*)». Либертины не порывали связи со своими бывшими владельцами, и даже акт отпуска раба на волю «...не прекращал фактической зависимости либертина от его бывшего владельца». Следует отметить также, что «обязательства

liberi (дети) более адекватно объяснить как «растущие», «ростки», «поросль», «посевы» «отпрыски», «стебли», которые действительно могут расти совершенно свободно. Что, кстати, не противоречит и выводу Э. Бенвениста об изначальности растительной метафоры в латинском *liber* (свободный). Ср: У одного из племен папуасов Папуа – Новая Гвинея «...женщина является “священным предметом” в центре “ботанической концепции” семьи. Когда женщина становится матерью, ее начинают называть “основой” семейного дерева. Ее дети – “черенки” или “саженцы”. Ее братья – их дядья – называются “корневыми людьми”. Отец не имеет кровной связи с семьей, и его называют словом, которое значит буквально “место, где я провожу большую часть времени”» (Александров В.Е. «Семиосфера» Лотмана и разновидности человеческой личности // Звезда. 1998. № 10. С. 190. Со ссылкой: Seth Mydans. When the Bartered Bride Opts Out of the Bargain // The New York Times. May 6. 1997. P. A 4).

¹¹ Работая в 1742 г. в Париже над русским переводом посланий Горация, римского поэта I в. до н. э., А.Д. Кантемир перевел латинское «*libertinus*» как «свобожденник». В примечаниях к переводу XX послания Горация «К своей книге» А.Д. Кантемир писал: «Свобожденник, слово от меня вновь употребленное, которым изображаю латинское *libertinus*. Либертины назывались рабы, на волю пущенные» (Кантемир А.Д. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 493).

либертина в отношении своего патрона являлись наследственными и переходили на его детей...»¹².

В целом, как бы подводя итог, Л.А. Ельницкий пишет: «Формально в эпоху древней республики лицо рабского происхождения могло становиться *ingenius* в третьем поколении <...>, а позднее уже и во втором. Однако нахождение “свободнорожденных” в одних коллегиях с рабами и на тех же самых должностях показывает, что это формальное различие раба и потомка раба по своему социально-бытовому эквиваленту сводилось к нулю»¹³.

Не изменилось реальное положение отпущенников и в императорском Риме. Е.М. Штаерман пишет: «Во времена империи закон проводил резкую разницу между рабами, “отпущенными по милости господина” и обязанными патрону повиновением, работками и платежами, и выкупившимися за свой счет, обязанными лишь весьма условной “почтительностью” и узаконенной частью наследства». Также Е.М. Штаерман сделала важный, в контексте нашей работы, вывод: «Экономическая и социальная зависимость либертинов от патронов не дает права полностью причислять их к свободным, что, кстати сказать, не делали и сами римляне»¹⁴.

Не изменился двойственный статус либертинов и в раннем средневековье. С одной стороны, они считались свободными людьми и в документах того времени именовались *libertas*, *ingenuitas*. С другой стороны, по своему юридическому статусу и общественному положению либертины существенно отличались от свободнорожденных (*ingenui*)¹⁵.

Сама процедура отпуска раба на волю в римской традиции должна была продемонстрировать «кто в доме хозяин», то есть патрон. «В завершение римского формального акта отпуска раба на волю (*manumissio vindicta*) хозяин в присутствии третьего лица <...> перед магистратом (претором, консулом или проконсу-

¹² Ельницкий Л.А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III вв. до н. э. М., 1964. С. 136. Примеч. С. 152, С. 171–172. Римский писатель и ученый М.Т. Варрон в I в. до н. э. писал: «...ut nominantur libertinis orti publicis servis Romani...» (*Varronis M.T. De Linguae Latinae Quae Supersunt*. Ed. G. Goetz, F. Schoell. Leipzig, 1910. P. 145–146).

¹³ Ельницкий Л.А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III вв. до н. э. С. 233.

¹⁴ Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 146, 152.

¹⁵ См.: Корсунский А.Р. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969. С. 123–134.

лом), взяв раба за руку, поворачивал его вокруг себя и давал ему пощечину»¹⁶. Отпускаемый на волю раб, брил голову и надевал колпак¹⁷ или *pileus*, круглую войлочную шапку.

У каждого либертина был свой патрон, которым становился бывший господин. Патрон покровительствовал либертину, но, с другой стороны, имел в отношении него определенные права. Французский историк П. Гиро писал: «Обязанности вольноотпущенника были выражены в двух словах: *reverentia* и *obsequium*, т. е. почтение и повиновение. <...> Особа патрона должна была быть для вольноотпущенника “такой же почтенной и священной, как особа отца”. <...> Закон не определял понятия *obsequium*, но мы знаем, что это слово обозначало подчинение чужой воле. Вольноотпущенник обязан был подчиниться воле своего господина, преклоняться перед ней, повиноваться и следовать ей во всем. <...> отпуск на волю не давал независимости. Раб, становившийся по отношению к обществу свободным человеком, по отношению к своему бывшему господину оставался подчиненным. <...> господин сохранял известные права на личность и в особенности на труд своего бывшего раба. Патрон мог даже отдать своего вольноотпущенника внаймы кому-нибудь другому. Вольноотпущенника ссужали, дарили, отказывали по завещанию. Его могли заложить <...> Он составлял часть приданого, наследства, и естественно переходил к наследнику, как всякий другой объект владения»¹⁸.

Юридический статус либертинов и их реальное социальное положение также значительно различались. В середине второй половины II в. древнеримский писатель и филолог А. Гелий в «Аттических ночах» писал: «Мазурий Сабин¹⁹ написал, что даже либертины по закону могут быть усыновлены свободнорожденными; но он говорит, что это не допускается и полагает, что никогда не должно быть допущено, чтобы люди из сословия либертинов через усыновления входили в права свободнорожденных»²⁰.

¹⁶ Эпиктет. Беседы Эпиктета / пер. с древнегреч. и примеч. Г.А. Тароняна. М., 1997. С. 283. Примеч. 7.

¹⁷ Петроний. Сатирикон / пер. с лат. В. Амфитиатрова-Кадашева; под ред. Б. Ярхо // Библиотека всемирной литературы. М., 1969. Т. 7. С. 257.

¹⁸ Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян / пер. с фр. СПб., 1995. С. 130–132.

¹⁹ Мазурий Сабин – римский юрист первой половины I века.

²⁰ Гелий А. Аттические ночи. Кн. I–X. С. 283.

Еще одной обязанностью либертинов в отношении своих патронов был пассивный гомосексуализм по первому их требованию²¹. Французский писатель и знаток античности П. Киньяр в эссе «Секс и страх» приводит сентенцию консула Квинта Атерия начала I в: «*Impudicitia in ingenuae crimen est, in servo necessitas, in liberto officium*» («Пассивность есть преступление для свободнорожденного гражданина, неизбежная необходимость – для раба и долг для вольноотпущенника, который он обязан уплатить своему патрону») ²². Гомосексуальный акт с либертином – это акт двойного освобождения: патрон освобождался от спермы и изливал свою щедрость либертину, а либертин сам, одновременно, освобождался от спермы.

То есть свобода либертинов (отпущенников) была какой-то ненастоящей, или, говоря метафорически, «лубяной» (если совсем по-русски – липовой). И говорить так есть все основания. Отпущенники, то есть рабы ставшие «свободными» по воле хозяина, впрочем, как и рабы, поклонялись Либери и Либере²³.

Культ Либера появился в Риме в первые десятилетия существования республики. Сам культ элевсинских божеств, а вместе с ним и элевсинские мистерии, был заимствован Римом из Сицилии. В. Буркерт среди греческих праздников Диониса различал «по меньшей мере, четыре типа», назвав один из них «крестьянскими "дионисиями"», для которых было характерно принесение в жертву козла и фаллические процессии²⁴. Именно такой вари-

²¹ Williams C.A. Roman Homosexuality: Ideologies of Masculinity in Classical Antiquity. New York; Oxford, 1999. P. 358.

²² Киньяр П. Секс и страх: Эссе / пер. с фр. И. Волевич. М., 2000. С. 10.

²³ Сохранилась надпись на предмете поднесенном Коре (Либере) от коллегии, объединяющей государственных и частных рабов и отпущенников (см.: *Ельницкий Л.А.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III вв. до н. э. С. 265).

²⁴ См.: *Буркерт В.* Греческая религия: Архаика и классика / пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб., 2004. С. 269; *Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев, 2009. С. 119–121. Греческий софист III в. Афинеи в «Пире мудрецов» приводит рассказ Калликсена Родосского о праздновании Дионисий в Александрии в III в. до н. э. На этом праздновании в ходе шествия в честь Диониса везли «на отдельной повозке – золотой фаллос в сто двадцать локтей, разрисованный и обвитый золотыми лентами; на конце его была золотая звезда окруженностью в шесть локтей» (*Афинеи.* Пир мудрецов: В 15 кн. / изд. подгот. Н.Т. Голинкевич и др. М., 2003. Кн. 1–8. С. 260). Локоть у древних греков – 46,3 см. П.А. Флоренский, детство и ранняя юность которого прошли в Грузии, в небольшой заметке, опубликованной в 1908 г., писал: «Среди окру-

ант греческих дионисий утвердился в Риме как культ Либера. М. Элиаде, впрочем, полагал, что «Повсеместно распространенная в мире и по существу архаичная, “фаллофория”, безусловно, старше культа Диониса»²⁵.

жающего Котахеви (Кватахеви. – М. К.) населения (например, в селе Кавтысхеви) (Кавтысхеви, недалеко от Тбилиси. – М. К.) бывают иногда фаллофории. Во время засухи грузинские крестьяне пекут слепленную из теста куклу, изображающую человека и имеющую фалл, размерами превосходящий самую куклу (величина последней – около 0,5 м). Хлебную куклу носят по селу, имея в виду вызвать этими фаллофориями дождь – всемирно распространенное представление о дожде как о небесном семени, оплодотворяющем землю...» (Флоренский П.А. Фаллический памятник Котахевского монастыря // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. игумен Андроник (А.С. Трубачев); ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). М. 2000. С. 50).

²⁵ Элиаде М. История веры и религиозных идей: В 3 т. / пер. с фр.; 2-е изд., исправл. М., 2002. Т. 1: От каменного века до Элевсинских мистерий. С. 328. Истоки элевсинского культа, как и культа Диониса, вероятно, относятся ко времени индоевропейской (арийской) общности. В русской (славянской) традиции известен культ Ярилы, божества (ритуального персонажа) весны, производительных сил природы и связанного с идеей плодородия, размножения и половой любви, который отправляли в апреле. Ярила (Ярило) мог выступать и как старик, и как юный русоволосый мужчина готовый к любви. В «Жизнеописании Тихона Задонского» описано празднество в честь Ярилы проходившее в Воронеже в середине XVIII в., на котором Ярилу представлял «юноша в бумажном колпаке, украшенном бубенцами, лентами и цветами, с набеленным и нарумяненным лицом...» (Иванов В.В., Топоров В.Н. Ярила // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 398). Ср.: В трагедии Еврипида «Елена» хор поет «И звучали при движенье / Погремушки Диониса / И пронзительно и ярко!», а Киклоп в одноименной трагедии все того же Еврипида говорит: «Я вам не Вакх, и здесь не погремушки / Из меди и не бубны вам...» (Еврипид. Трагедии: В 2 т. М., 1999. Т. 2 / пер. И. Анненского / изд. подгот. М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо. С. 131, 536). «Изображение Ярилы как мужчины часто характеризовалось подчеркнутыми мужскими атрибутами...». Имя его произведено от корня «яр-», с которым соотносятся представления о яри как высшем проявлении производительных сил. Культ Ярилы, который «любовь очень одобрял», носил ярко выраженный фаллический характер (см.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974. С. 180–193, 212–213). Ср.: «В идеализирующих изображениях VII и VI вв. Дионис предстает в виде старого, бородатого бога <...>. В середине V в. <...> происходит омолаживание Диониса; теперь <...> его изображают юным и в большинстве случаев обнаженным» (Буркерт В. Греческая религия. С. 274). Либер – молодой безбородый мужчина (см.: Тертуллиан. О зрелищах // Тер-

В 494 г. до н. э. в Риме на Авентинском холме диктатор Авл Постумий построил греческий храм для греческого культа с соблюдением греческой обрядности – храм, посвященный *Cereri Libero Liberae*, который стал одним из культурных центров плебса, в том числе и рабов²⁶. Храм был построен на том месте, где «...римский плебс с давних пор проводил торжества в честь аграрного культа»²⁷. В I в. до н. э. Дионисий Галикарнасский писал: «...Постумий сам принял решение о сооружении этих храмов (Храма Церере, Либери, Либере. – М. К.). <...> Кассий, другой консул, оставшийся в Риме <...> освятил храм Цереры, Либера и Либеры, которые расположены в конце Большого цирка, прямо над стартовой площадкой. Авл Постумий, диктатор, дал клятву посвятить этот храм богам от имени государства, собираясь вступить в битву с армией латинов...»²⁸.

Построенный Постумием по обету «“ради блага города”, т. е. всех граждан», храм Цереры, Либера и Либеры стал центром организации и архивом плебеев, а Спурий Кассий первым из знати стал популяром²⁹. Построенный Постумием храм был сожжен в 31 г. до н. э., но восстановлен Августом и вновь посвящен Тибери-

туллиан. Избр. соч. / сост. и общ. ред. А.А. Столярова. М., 1994. С. 290). Собор епископов Русской Церкви, состоявшийся во Владимире в 1274 г., в своем определении, хотя и в рамках святоотеческой традиции, прямо заявлял о языческих празднествах на Пасху: «Видим людей, придерживающихся бесовских обычаев треклятых эллинов: бесовские творящих позоры в божественные праздники со свистом и с кличем и с воплем, созывающих скаредных пьяниц, <...> И се слышахом: в субботу вечер собираются вкупе мужи и жены и играют и пляшут бестудно, и скверну деют в ночь святого воскресения, яко Дионисов праздник празднуют нечестивии елини, вкупе мужи и жены, яко и кони вискают и ржут, и скверну деют» (Выделено в публикации. – М. К.) (Из древних монашеских уставов // Скоморохи в памятниках письменности. СПб., 2007. С. 424).

²⁶ М.Т. Цицерон писал: «Согласно старинному верованию, <...> о котором свидетельствуют древнейшие греческие писания и памятники, остров Сицилия весь был посвящен Церере и Либере» (см.: Цицерон М.Т. Речь против Гая Вереса («О предметах искусства») // Цицерон М.Т. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. М., 1994. С. 132). См. также: Ельницкий Л.А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III вв. до н. э. С. 236; Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 2: От Гаутамы Будды до триумфа христианства. С. 113–118; Штаерман Е.М. Либера. С. 311; Грейвс Р. Мифы Древней Греции / под ред. и с послесл. А.А. Тахо-Годи. М., 1992. С. 63–68.

²⁷ Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 2. С. 113–114.

²⁸ Дионисий Галикарнасский. Римские древности: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 78, 134.

²⁹ Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. С. 85–87.

ем в 17 году. Это был храм в тосканском стиле, с широкими межколонными пространствами, а его фасад был украшен статуями из терракоты и золоченой бронзы³⁰.

Во второй половине I в. до н. э. римский архитектор и инженер Витрувий, отдавая дань уже сложившейся традиции, писал: «...если Юноне, Диане, Отцу Либеру и другим сходным с ними божествам будут строить ионийские храмы, то это будет соответствовать среднему положению, занимаемому этими божествами...». Согласно Витрувию при строительстве новых городов храмы «Отца Либера», также как и Аполлона, должны были возводиться «близ театра»³¹.

Такое местоположение храмов Либера имело определенные последствия. В конце II – начале III в. раннехристианский писатель и теолог К.С.Ф. Тертуллиан, выражая негодование по поводу языческих культов, писал: «...театр еще и дом Венеры и Либера. Некоторые сценические игры даже назывались *Либералиями*, потому что были посвящены Либеру, как *Дионисии* у греков, и даже Либером учреждены. И впрямь, сценическим искусствам покровительствуют Либер и Венера. Характерными для сцены изнеженными телодвижениями стараются угодить расслабленной от распутства Венере и расслабленному от пьянства Либеру»³² (выделено в публикации. – М. К.).

Заимствование Римом культа элевсинских божеств имело свои последствия. Римская Церера (*Ceres* – пища, плоды) была отождествлена с греческой Деметрой (матерью-землей). Ее дочь – Персефона или Кора³³ в буквальном переводе с греческого на латинский стала Либерой (отождествлялась с Прозерпиной). «...но кто такой Либер?», задавался вопросом в работе 1922 г. Ф.Ф. Зелинский, и сам же на него отвечал: «Это слово значит “сын” – сын Деметры, надо полагать, коль скоро Либера – ее дочь; но римляне во все времена разумели под ним Вакха-Диониса»³⁴. То есть в каком-то смысле латин-

³⁰ Planter S.B. The topography and monuments of ancient Rome. Boston, 1911. P. 409–410.

³¹ Витрувий. Десять книг об архитектуре: Пер. с лат. Ф.А. Петровского / репринт. изд. 1936 года. М., 2006. С. 22–23, 34.

³² Тертуллиан. О зрелищах. С. 284.

³³ Кора – (греч. *kore* – дева, девушка) 1) в греческой мифологии культовое имя богини Персефоны. 2) В древнегреческом искусстве статуя прямо стоящей девушки в длинных одеждах. Ср. русское – кора и «стройная березка», как метафора молодой девушки.

³⁴ Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996. С. 26.

ские Либера и Либер – это греческие Кора и, производный от нее, Корень (с несомненной коннотацией фаллоса³⁵), то есть растительные метафоры³⁶, которым присуща функция роста³⁷.

Праздник в честь Либера и Либеры (Либералии) отмечался в Риме 17 марта, в последний день Вакханалий, и носил характер ярко выраженного фаллического культа и половой оргии. На празднике проходили обряды очищения воздухом, во время качания на качелях³⁸, и водой. Сделанный из зелени и цветов фаллос «возили по городу, а затем водворяли в храм»³⁹. П. Киньяр более конкретен: «...во время церемонии приапеи (шествие бога Liber Pater). <...> жрецы воздымали вверх фасцинус (фаллос. – М. К.), отгоняя всеобщую invidia (злобу, зависть. – М. К.)»⁴⁰. В жертву Либеру (Вакху) приносили козла⁴¹. Одной из особенностей Вакханалий было использование масок из коры, точнее луба или лыка. По крайней мере Вергилий в 20-х гг. I в. до н. э. в «Георгиках» писал:

³⁵ Фаллос был символом Диониса (см.: *Нильссон М.* Греческая народная религия / пер. с англ. и указ. С. Клементьевой; отв. ред. проф. А.И. Зайцев. СПб., 1998. С. 50).

³⁶ М. Элиаде писал: «...на тесную связь растительности и сексуальности указывает сакральное Майское дерево...» (*Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения / пер. с англ.; отв. ред. В.Я. Петрухин. М., 1999. С. 326). Майское дерево в европейской традиции – высокий украшенный столб (символ фаллоса), который устанавливался ежегодно на 1 мая на центральных площадях деревень и городов. В.Н. Топоров также отмечал: «...противопоставление мужской – женский в рамках темы плодородия разыгрывается не только на уровне образов Р<астений> как таковых, но и в связи с плодами этих Р<астений>, их цветами, семенами и т. д.» (*Топоров В.Н.* Растения // Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы: В 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 437–438).

³⁷ М.Т. Цицерон писал: «...так как родившихся от нас мы называем liberi (“дети”), то рожденные Церерой были названы Либер и Либера; за Либерой сохранилось это имя, за Либером – нет» (*Цицерон М.Т.* О природе богов // Цицерон М.Т. Эстетика. С. 410–411).

³⁸ «В римском культе раскачивание на качелях сопровождалось действиями, типичными для ритуала плодородия: смехом, развязностью, раскачиванием фаллосов» (*Чепель Е.* Статуэтка из Агия-Триады и праздник качелей («Эоры») в Афинах // Новый Гермес. № 3. 2009. С. 28).

³⁹ *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии Древнего Рима. С. 43–44.

⁴⁰ *Киньяр П.* Секс и страх. С. 37.

⁴¹ См.: *Вергилий.* Буколики; Георгики; Энеида: Пер. с латин. / вступ. статья М. Гаспарова; коммент. Н. Старостиной и Е. Рабинович. М., 1979. С. 99; *Гиро П.* Частная и общественная жизнь римлян. С. 349.

У авзонийских селян – троянских выходцев – тоже
Игры ведут, с неискусным стихом и несдержанным смехом,
Страшные хари надев из долбленной коры, призывают,
Вакх, тебя и поют, подвесив к ветви сосновой
Изображенья твои, чтобы их покачивал ветер⁴².

Вполне логично, что отпущенников, поклоняющихся Либеру и Либере и надевающих при этом маски из коры (луба, лыка), называли именно либертинами. Маска выступала как символ божества, поэтому, одевший маску как бы сливался с ним. Об исходной греческой традиции В. Буркерт писал: «Внешним атрибутом и инструментом совершаемого богом (Дионисом. – М. К.) преобразования была маска <...> при подобном преобразении почитатель и бог сливались в одно; и тот, и другой назывались словом “bacchos”». В греческой традиции Дионис не только бог вина, но «одновременно и бог масок»⁴³.

У Либера были и высокопоставленные поклонники. Первым, вероятно, стал римский триумвир М. Антоний, провозглашенный Дио-

⁴² *Вергилий*. Буколики; Георгики; Энеида. С. 99. В Древней Греции хороводы и хоровое пение были обязательными элементами дионисий. Песнь оргиастического «непристойного» характера в честь Диониса (Вакха), которую исполнял хор вакхантов, называлась дифирамб. Дифирамб также одно из метонимических имен Диониса (Вакха). «Дионис сам именовался дифирамбом. Этимология этого слова, принадлежащего к Эгейскому субстрату древнегреческого языка, неясна. Может быть, *tityr – ambos («в четыре шага»), т. е. четырехстопный размер...» (*Платон*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; ат. ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. С. 739. Примеч. 42.) Отметим, что четырехстопный хорей – обычный размер русской частушки. В статье 1909 г. П.А. Флоренский писал: «Вечно-юная, вечно-кипучая частушка есть бродящее вино народной жизни. Тут, быть может, мы имеем пред собою нечто аналогичное зачаткам древней комедии и трагедии. И это делается особенно ясно, если мы вспомним, что частушки нередко распеваются антифонно (т. е. двумя полухорами поочередно вторящими друг другу. – М. К.), что в лице гармониста, быть может, повторяется древний протагонист. Самый ритм частушки несколько напоминает ифифаллический (итифаллический. – М. К.) стих (versus ithyphallicus), а “похабные частушки” можно было бы уподобить ифифаллам, т. е. фаллическим песням греческих дионисий». (*Флоренский П.А.* Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда / *Флоренский П.А.* Соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. С. 678).

⁴³ *Буркерт В.* Греческая религия. С. 268, 410. «...Вакх – имя почитателя бога и второе имя самого бога...». И далее: «Дионисийское посвящение находило выражение в буйстве, bakheia, принимающий его делался bakchos» (Там же. С. 269, 501).

нисом, который был прототипом Либера. Великий греческий историк, философ, литератор и жрец Плутарх описывает триумфальное вступление М. Антония в 41 г. до н. э. в Азию: «Когда Антоний въезжал в Эфес, впереди выступали женщины, одетые вакханками, мужчины и мальчики в обличии панов и сатиров, весь город был в плюще, в тирсах, повсюду звучали псалтерии, свирели, флейты, и граждане величали Антония Дионисом – Подателем радостей, Источником милосердия». В 38–39 гг. до н. э. уже в Афинах М. Антоний «...укладом жизни подражал Дионису <...> даже именовался “новым Дионисом”»⁴⁴. В 34 г. до н. э. М. Антоний во время празднеств в Александрии, когда в нем разгорался «пожар любви к Клеопатре и вместе с ним все те пороки, которые обычно питаются возможностями произвола, лестью, могуществом; <...> приказывал называть себя новым Отцом Либером и разъезжал по Александрии, подобно Отцу Либеру, обвитый плющом, в золотой короне, с тирсом в руках, обутый в котурны»⁴⁵.

Император Калигула (12–41 гг.) будучи «либертином» (развратником), также представлялся Либером. Римский историк IV в. Секст Аврелий Виктор писал о Калигуле: «...обесчестил трех своих сестер. Он выступал, нарядившись каким-либо из богов: на распутство он ходил Юпитером, в хоре вакхантов был Либером. <...> В своем дворце он подвергал публичному бесчестию знатных матрон»⁴⁶. Совсем юный римский император Марк Аврелий Антонин Гелиогабал (Элагабал) (204–222 гг.) запрягал «в свою колесницу <...> тигров, принимая имя Либера...»⁴⁷.

Отметим, что само представление о внешнем облике Либера, как культового героя, в этот период идентично представлению об облике царской особы. Гай Юлий Солин, римский автор III в., описывая в своем компендиуме население Цейлона, писал: «Царь

⁴⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. М., 1964. Т. 3. С. 239, 262. См. также: Смыков Е.В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // Античный мир и археология. Межвуз. науч. сб.: Саратов, 2002. Вып. 11. С. 80–106.

⁴⁵ Веллей Патеркул. Римская история / пер. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой // Малые римские историки. М., 1995. С. 69.

⁴⁶ Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров: Пер. с лат. В.С. Соколова // Римские историки IV века = *Scriptores rerum romanorum saeculi IV*: Пер. с греч. Е.В. Дарк, М.Л. Хорькова; Пер. с лат. А.И. Донченко, В.С. Соколова / ст. и коммент. М.Ф. Высокого и др.; отв. ред. М.А. Тимофеев. М., 1997. С. 127–128.

⁴⁷ Элий Лампридий. Гелиогабал // Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V вв. М., 1964. С. 307.

одевается в иную, чем у остальных, сирму⁴⁸, то есть в платье, в которое, как мы знаем, был одет отец Либер»⁴⁹.

Самоотождествление верховных властителей Рима с Либером своим основанием имело подсознательное отождествление власти с мужским началом, символом которого и был Либер. В.С. Елистратов вполне справедливо заметил: «Рим, очевидно, олицетворяет собой чисто мужское начало <...> Он – хозяин, монополия, грозный “отец семейства”, воин, <...> Его эмблемой в равной мере могут служить как меч, так и фалл. За его плечами явно мужское божество»⁵⁰.

Само существование культа Либера свидетельствует о фаллоцентричности всей системы представлений характерных для римской культуры. Впрочем, это же было характерно и для античности в целом, в рамках которой фаллос выступал как привилегированное означающее⁵¹, и не только желания или бессознательного, как писал Ж. Лакан, но самой жизни, источником которой и выступало отцовство, как главная мужская функция.

А. Шопенгауэр, выявляя на символическом уровне тождество гениталий с властью, понимаемой в самом широком смысле как функция воли, еще в конце 1810 гг. писал: «...гениталии – настоящий фокус воли и поэтому противоположный полюс мозга, представителя познания, т. е. другой стороны мира, мира как представления. Они – животворное начало, обеспечивающее времени бесконечную жизнь; <...> они служат, следовательно, символом утверждения воли»⁵².

⁴⁸ Длинная одежда со шлейфом.

⁴⁹ Солин Г.Ю. Собрание достопамятных сведений: Пер. и примеч. И.И. Маханькова // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV вв. / сост. и общ. ред. И.Т. Касавина. М., 1996. С. 210.

⁵⁰ Елистратов В.С. Послесловие. Евразийский Рим или Апология московского мещанства // Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Около 7000 слов и выражений. 2-е изд., испр. М., 2004. С. 777–778.

⁵¹ Ж. Лакан писал: «Среди означающих, которым в потустороннем желания, то есть во всем поле, расположенном по ту сторону требования, предстоит появиться, фаллос занимает привилегированное место» (Лакан Ж. Образование бессознательного (Семинары: Кн. V [1957 / 1958]) / пер. с фр. А. Черноглазова. М., 2002. С. 455).

⁵² Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление / пер. с нем. М., 1993. Т. 1: Критика кантовской философии. С. 429.

Следует отметить, что позднее в латинском языке от «liber» возникла еще одна производная форма – «liberalitas» («щедрость»)⁵³. Щедрость, как некое действие, направленное во вне, изъясняется и изливается. Щедрость, соответственно, была неотъемлемой функцией «отца Либера» («Liber Pater»). (Заметим: щедрость является и неотъемлемой функцией власти как таковой.) Либер, то есть корень, он же фаллос выступал первоначально метафорой отца как такового. Позднее, когда понимание Либера (корня) как фаллической метафоры отца стирается и метафорическое прозвище становится самостоятельным именем божества, к нему добавляется второе метафорическое имя – «Pater» («Отец»), напрямую указывающее на фаллическую природу Либера⁵⁴. Бога и божественный разум, пишет Л.А. Сенека, «разумели наши и (под именем) отца Либера <...> отца Либера, потому что Он отец всего, потому что им впервые открыта сила семян, которая может производить нас чрез чувственное удовольствие...»⁵⁵.

В середине I в. до н. э. М.Т. Цицерон писал: «...мы склонны к благодеяниям и щедры вовсе не для того, чтобы требовать благодарности (ибо благодеяния своего мы в рост не отдаем, но по натуре своей склонны к щедрости)...»⁵⁶.

Согласно М.Т. Цицерону любовь, возникающая в семье, постепенно распространяясь, объединяет весь род человеческий.

⁵³ «Другой «частью», или стороной, социальной добродетели следует считать благотворительность (beneficentia), которую еще можно определить как доброту (benignitas) или щедрость (liberalitas)» (Утченко С.А. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях / [пер. с латин. и коммент. В.О. Горенштейн]. М., 1974. С. 171).

⁵⁴ Ж. Лакан писал: «Метафора <...> это означающее, которое заступает место другого означающего. <...> А что же представляет собою символический путь? Это путь метафоры» (Лакан Ж. Образования бессознательного. С. 200, 201).

⁵⁵ Сенека Л.А. О благодеяниях // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост., подгот. текста В.В. Сапова. М., 1995. С. 80. Ср. другой перевод: «Бога можно правильно называть любыми именами, которые передают некую силу и значимость небесных вещей: у бога может быть столько имен, сколько дел. Поэтому наши считают его и Отцом Либером, и Геркулесом, и Меркурием. Отцом Либером, – потому что он – прародитель всех вещей, впервые явивший семенную силу, способную поддерживать жизнь с помощью наслаждения» (Фрагменты ранних стоиков / пер. и коммент. А.А. Столярова. М., 2002. Т. 2. Ч. 2. С. 197).

⁵⁶ Цицерон М.Т. О дружбе // Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. С. 39.

«Среди всех проявлений *достойного*, – писал М.Т. Цицерон, – о котором мы говорим, нет ничего более замечательного и более важного, чем объединение людей друг с другом в некое сообщество, взаимопользительный обмен и сама любовь, объединяющая род человеческий, начинающаяся прежде всего с того, что дети любимы своими родителями, и весь дом объединен узами супружества и потомством. Мало-помалу любовь эта распространяется все шире, сначала на родичей по мужу, потом – по жене, потом – на соседей, потом – на сограждан и тех, кто является *союзником и другом* государства, а потом – на весь человеческий род. Такое состояние духа, проявляющееся в том, чтобы воздавать каждому свое, щедро и благожелательно блюсти общечеловеческое сообщество, о котором я говорю, называется *справедливостью* (*iustitia*), за которой следуют благочестие, доброта, щедрость, доброжелательность, любезность и прочее в том же роде. Все это неотъемлемо от справедливости и является общим для всех остальных добродетелей»⁵⁷ (выделено в публикации. – М. К.). То есть, «*liberalitas*» («щедрость»), как функция и атрибут любви, оказывается семантически связана с растительной метафорой «*liberi*» («дети») и оплодотворяющей функцией Либера.

Через сто лет, в середине I в., Л.А. Сенека уже писал: «Щедрость называется у нас “свободностью” – “*liberalitas*” – не потому, что должна быть обращена только на свободных, а потому, что ее источник – свободный дух»⁵⁸. Необходимо отметить, что в этот период имя Либера стало ассоциироваться с освобождением от норм и запретов. В конце I в. в риторических «Римских вопросах» Плутарх спрашивал: «Отчего Вакха называют *Liber Pater*?». И сам же предлагал на него несколько вариантов ответа, один из которых был следующим: «Оттого ли, что он отец свободы для пьющих вино? Ведь многие опьянев, становятся дерзки и необузданны на язык»⁵⁹.

⁵⁷ Цицерон М.Т. О пределах блага и зла // Цицерон М.Т. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков / пер. с лат. Н.А. Федорова; вступ. ст. Н.П. Гринцера, коммент. Б.М. Никольского. М., 2000. С. 228–229.

⁵⁸ Сенека Л.А. О блаженной жизни // Сенека Л.А. Философские трактаты / пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. СПб., 2001. С. 34. Ср. другой перевод: «...щедрость, которая называется *liberalitas* не потому, что на нее имеют право свободные люди, а потому, что она исходит из свободного сердца» (Сенека Л.А. О счастливой жизни // Римские стоики. С. 187).

⁵⁹ Плутарх. Римские вопросы / пер. Н.В. Брагинской // Плутарх. Застольные беседы / изд. подгот. Я.М. Боровский и др. Л., 1990. С. 218.

Но вернемся на сто лет назад. По мнению М.Т. Цицерона, «...готовность творить добро», тесно связанную со справедливостью, «дозволяется называть либо добротой, либо щедростью». Из всех качеств человека благотворительность и щедрость, как полагал М.Т. Цицерон, «наиболее свойственны натуре человека», однако «...щедрым может быть только законное действие»⁶⁰.

С представлением о законности действий было связано и появившееся юридическое понимание свободы. В римской правовой традиции была выработана приписываемая М.Т. Цицерону формула: «*Libertas est potestas faciendi id, quod jure licet*» («Свобода – это возможность делать то, что дозволено правом»). М.Т. Цицерон также писал: «Свобода – это зависимость от законов». Однако необходимо учитывать, что у М.Т. Цицерона «*libertas*» («свобода») имеет значение «отсутствие вожделений». То есть человек, ограничивающий свои желания рамками закона не вообще или абстрактно свободен, а свободен конкретно – от вожделений. То есть правовой запрет является основанием общественной нравственности или морали. Характерно, что именно М.Т. Цицерон ввел в латинский язык сам термин «*moralis*» (моральный).

Заметим, что сакраментальный лозунг Современности – «Дозволено все, что не запрещено законом» («Все, что не запрещено законом, то дозволено...»), включенный в Декларацию прав человека и гражданина, принятую 26 августа 1789 г. Национальным Учредительным собранием Франции, не только был направлен на разрушение системы морали, но и на оправдание этого разрушения правом. Если в Древнем Риме общественная нравственность формировалась законом, то в революционной Франции общественная нравственность разрушалась законом.

Е.М. Штаерман совершенно справедливо заметила: «... вряд ли трактовка связи Либера и “свободы” была современна сооружению храма “плебейской триады”. Ее главным значением были функции входивших в нее божеств стимулировать плодородие и цементировать единство общин, воздававших им культ на перекрестках»⁶¹.

Древнеримское «*libertas*» («свобода») могло возникнуть только из определенных обстоятельств, так или иначе связанных с отправлением культа Либера, которые стали следствием опреде-

⁶⁰ Цицерон М.Т. Об обязанностях // Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. С. 63, 69.

⁶¹ Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. С. 86.

ленного исторического события имевшего вполне конкретные правовые последствия. Таким историческим событием в середине 80-х гг. II в. до н. э. стало дело о Вакханалиях. К этому времени по Риму и Италии широко распространились тайные обряды в честь Вакха⁶², которые проводились не в установленное для них время года, а несколько раз в месяц, превратившись в развратные оргии с человеческими жертвоприношениями⁶³.

Вследствие доноса дело было раскрыто. В 186 г. до н. э. Сенат принял закон «*Senatus consultum de bacchanalibus*» («Постановление сената о вакханалиях»), по которому тайные Вакханалии были запрещены, а их активные участники репрессированы. Основным мотивом запретов и репрессий было развращение нравов женщин и юношей – будущих воинов⁶⁴. Запрещалось совершать тайные обряды в честь Вакха

⁶² «...После римского завоевания Великой Греции эзотерические общества мистов стали быстро возникать на полуострове, особенно в Кампании...» (*Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 2. С. 116–117*).

⁶³ В. Буркерт писал: «...в некоторых игровых формах дионисийского посвящения, как впоследствии и в гностических сектах, судя по всему, действительно имело место самое настоящее половое сношение – в особенности, педерастия при посвящении мистов» (*Буркерт В. Греческая религия. С. 192*).

⁶⁴ Консул [Спурий] Постумий, обращаясь к народному собранию в Риме, сказал: «С давних времен по всей Италии, а теперь уже и у нас в Городе, справляют в разных местах вакханалии: не сомневаюсь, что об этом вы знаете не по слухам, но по грохоту и завываниям, которые по ночам оглашают весь Город; но я совершенно уверен, что никто из вас и не знает, что такое вакханалии. Одни думают – это обряд богопочитания, другие в них видят дозволенные игры и увеселения, но как бы то ни было, по общему мнению, участвуют в них немногие. Что касается числа их участников, то оно измеряется уже многими тысячами, но чтобы вас не слишком пугать, поясню, кто эти люди. Большую часть их составляют женщины, с которых, собственно, и началось это зло. Затем – уподобившиеся им мужчины, растленные и растлители, иступленные, обезумевшие от ночных оргий и попоек, грохота барабанов и собственных воплей. <...> Если бы вы знали, в каком возрасте юношей приобщают к этим нечестивым таинствам, то вы бы не только пожалели их, но вам было бы и стыдно за них. Неужели, квириты, вы полагаете, что, дав такую клятву, юноши могут служить в вашем войске? Им ли, прошедшим школу разврата, вы захотите доверить оружие? Неужели, покрытые позором и бесчестьем, они будут отстаивать на поле брани честь ваших жен и детей? <...> за последние несколько лет не было такого преступления или обмана, источником которому не служили бы вакханалии. <...> язва разрастается с каждым днем; она уже слишком велика для того, чтобы ей могли противостоять частные лица, и грозит уже государству в целом» (*Ливий Т. История Рима от основания города: В 3 т. / отв. ред. Е.С. Голубцова; ред. пер. М.Л. Гаспаров, Г.С. Кнабе; ред. коммент. В.М. Смирин. М., 1993. Т. 3. С. 329–330*).

за городом с участием более трех женщин и двух мужчин без разрешения претора и сената. Сами праздники Либеры (Вакха-Диониса) не запрещались, но вводились в определенные рамки, чтобы не страдали «добрые нравы» и не создавались тайные организации⁶⁵.

Вследствие этих событий и появляется «libertas», которое исторически следует понимать скорее как право, а не как свободу. То есть конкретное право отправлять обряд вакханалий (либералий) в рамках определенных законом. М.Т. Цицерон в середине 50-х гг. I в до н. э. был проконсулом провинции Ахайя (Эллада), где находился Элевсин. Именно к нему обращался его издатель Тит Помпоний Атик советуя «...освободить Элевсин от действующего повсюду в Римском государстве запрета на ночные культы, причем не просто смотреть сквозь пальцы на их отправление, но отменить запрет официальным распоряжением»⁶⁶.

Неотъемлемым атрибутом Либеры (Диониса, Вакха) было вино. Раннехристианский богослов Арнобий Старший на рубеже III – IV вв. упрекая язычников, писал: «Вы включили в число богов Либеры [Диониса, Вакха] за открытие [технологии] вина...»⁶⁷. В сознании римлян вино было настолько связано с Либером, что на него метонимически переносили имя божества (обоожествляемого культового героя). М.Т. Цицерон писал: «...то, что порождено богом, называли именем самого бога, например плоды полей – Церерой, вино – Либером, отсюда известное место из Терренция: Без Цереры и Либеры зябнет Венера»⁶⁸. Во II в. А. Гелий писал: «В древних комедиях можно найти, что и хорошие вина <...> упоминались как *Liberi bellaria* (десерты Либеры)»⁶⁹ (выделено в публикации. – М. К.).

⁶⁵ См.: Ливий Т. История Рима от основания города. Т. 3. С. 324–332; Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. С. 125–126.

⁶⁶ Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии / пер. с нем. Н. Федоровой. М., 1996. С. 42–43.

⁶⁷ Арнобий. Против язычников / пер., введ., указ. Н.М. Дроздова; под ред. А.Д. Пантелеева. СПб., 008. С. 146.

⁶⁸ Цицерон М.Т. О природе богов // Цицерон М.Т. Эстетика. С. 410. П. Теренций писал: «...verbum hercle hoc verum erit “sine Cerere et Libero friget Venus”» (*Terenti P. Evnuchvs // Terenti P. Comoediae / G. Wagner relegit et emendavit. Cambridge, 1869. P. 75*). Ср.: «...верна пословица: Без Вакха и Цереры и в Венере жару нет...» (*Теренций. Евнух // Теренций. Комедии: пер. с лат. А.В. Артюшкова / вступ. статья и коммент. В. Ярхо. М., 1985. С. 246*).

⁶⁹ Гелий А. Аттические ночи: пер. с лат. под общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер. СПб., 2008. Кн. XI – XX. С. 93.

Христианская критика культа Либера и социальных практик связанных с ним началась практически сразу после проникновения новой идеологии в Рим. В конце II – начале III в. К.С.Ф. Тертуллиан, негодуя по поводу римской *массовой культуры* и, в частности, театра, как дома Венеры и Либера, писал: «...эти демоны тесно сплелись друг с другом на общей основе пьянства и похоти»⁷⁰.

Вместе с тем в IV – начале V вв. в рамках митраизма под влиянием идей монотеизма Либер отождествлялся с целым рядом богов в образе единого бога – Солнца. В начале V в. римский грамматик-митраист А.Ф. Макробий, для которого Солнце – это «ум мира», а все римские, греческие и египетские боги – проявления одного бога – Солнца, писал: «...Аполлон и солнце есть одно и то же, и после того как потом было сказано, что [оно] само есть Либер-отец, который является Аполлоном, нет никакого сомнения, что солнце и Либер-отец должны считаться одним и тем же божеством...». И далее: «То, что сказано о Либере-отце, показывает, что Марс – он же и солнце, поскольку многие, доказывая, что есть один бог, связывают Либера с Марсом. <...> Так как, следовательно, Либер-отец есть также и солнце, а Марс – также и Либер-отец, кто стал бы сомневаться, что Марс является солнцем?»⁷¹.

Одновременно с А.Ф. Макробием во времена поздней империи Рима (410–420-х гг.) на основании трудов М.Т. Варрона епископ Иппонийский А. Августин (Блаженный Августин) в труде «О граде Божиим», назвав Либера и Либеру богами-плебеями, писал, что Либер заведует мужским семенем, а Либера – семенем женским. Далее, А. Августин, рассматривавший римскую религию с точки зрения христианской теологии и морали, писал: «...Либер назван так от освобождения (*liberamentum*), потому что по его милости мужчины освобождаются от семени, когда выпускают его при совокуплении; по отношению к женщинам <...> ту же роль исполняет Либера, которую они считают еще и Венерой. Поэтому в храме Либера выставляется мужеский член, а в храме Либеры – женский. Либеру, сверх того, предлагают и женщин, и вино для возбуждения похоти. Поэтому вакханалии отправляются с величайшим безумием»⁷².

⁷⁰ Тертуллиан. О зрелищах. С. 284.

⁷¹ Макробий. Сатурналии: пер. с лат. и греч., примеч. и словарь В.Т. Зверевича. Екатеринбург, 2009. С. 79, 82.

⁷² Августин Блаженный. О Граде Божиим. Минск.; М., 2000. С. 177, 293.

Описывая Либералии, А. Августин писал: «...до какой мерзости дошел культ Либера, которому <...> приписывают власть над жидкими семенами, а потому не только над жидкостями плодов, между которыми своего рода первое место занимает вино, но и над семенем животных <...> на перекрестках Италии некоторые частности культа Либера совершаются с такой отвратительной свободой, что в честь его почитается срамной мужской член, – почитается не с сохранением сколько-нибудь стыдливой тайны, а с открытым и восторженным непотребством. Так, этот гнусный член, положенный в тележки, в дни праздника Либера с великим почетом вывозится сначала в деревнях на перекрестки, а затем ввозится и в город. В городке же Лавинии Либеру посвящен был целый месяц, в продолжение которого у всех на языке были похабнейшие слова, пока этот член не провозили через площадь и не прятали в своем месте. На этот почтенный член почтеннейшая из матрон должна была открыто возложить корону!»⁷³.

Вполне очевидно, что культ Либера, в том виде как его описал А. Августин, относится к периоду ранее 186 г. до нашей эры. Августин писал: «Сам Варрон сознается, что подобные вещи могли твориться совершающими вакханалии не иначе, как при умственном иступлении. Впоследствии, впрочем, вакханалии вызвали против себя справедливое неодобрение здравомыслящего сената, и он повелел их уничтожить»⁷⁴. Несмотря на это уже в раннем средневековье, во многом благодаря авторитету А. Августина, в европейской христианской традиции понятие «либертин» (отпущенник – поклонник культа Либера) закрепляется в значении «безнравственный, развратный, распущенный человек, распутник».

⁷³ Августин Блаженный. О Граде Божиим. С. 333–334.

⁷⁴ Там же. С. 293.

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

А.В. Баранов

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: baranovav@mail.ru

Статья посвящена анализу теоретической концепции «Исламской революции», предложенная Имамом Хомейни для трактовки событий в регионе Ближнего Востока под влиянием революции в Иране. На основе исследования высказываний Хомейни, анализируются теоретические основы внешнеполитической доктрины Исламской Республики Иран на современном этапе по вопросам региональной системы безопасности и панисламского сотрудничества.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, «Арабская весна», «Исламское пробуждение», «Исламская революция», внешняя политика Ирана, Хомейни.

PERSIAN TUNES OF THE «ARAB SPRING»

A.V. Baranov

This article analyzes the theoretical concept of "Islamic revolution," proposed by the Imam Khomeini for the interpretation of the events in the Middle East after the revolution of 1979th year in Iran. Based on the study of statements Imam Khomeini, analyzes the theoretical basis of the doctrine of foreign policy of the Islamic Republic of Iran at the present stage for regional security cooperation and pan-Islamic.

Key words: the Middle East, Iran, Arab Spring, Islamic awakening, Islamic revolution, Imam Khomeini, foreign policy of Iran.

25 января 2014 г. арабский мир отметил третью годовщину начала «финиковой» или «египетской революции», ставшей знаковой для событий, с легкой руки журналистов, получивших название «арабской весны». Прокатившись по всему региону в виде «цунами революций»¹ – от Марокко на западе до Йемена на востоке – «весна» инициировала начало глубинной структурной трансформации сложившейся региональной политической системы.

¹ Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 2–18.

Естественно, что данные события не могли пройти незамеченными для исследователей, специализирующихся на данном регионе мира. Библиография данной проблемы четко подразделяется на два этапа. На первом этапе, падение авторитарных режимов воспринималось мировым сообществом, как наступление в арабо-исламском мире новой эры его политического развития. Были сильны ожидания, что и страны Ближнего Востока вступают в полосу демократического развития, которому будут присущи все атрибуты свободного гражданского общества, уже долгие годы существующего в странах Запада. Этой эйфории были подвержены не только «западные»², но и целый ряд отечественных востоковедов³.

Однако, дальнейшее развитие ситуации в регионе привело к росту влияния сторонников критического восприятия природы и вероятных последствий этого движения не только для стран региона, но и для всей системы современных международных отношений. Причем, и западные⁴, и отечественные спе-

² См.: *Affaya M.N.* The 'Arab Spring': breaking the chains of authoritarianism and postponed democracy // *Contemporary Arab Affairs*. 2011. Vol. 4, Iss. 4. P. 463–483; *Jones, Clive.* Europe, globalization and the coming universal caliphate // *Middle Eastern Studies*. 2011. Vol. 4, Iss. 1. P. 141–144; *LustE.* Opposition Cooperation and Uprisings in the Arab World // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2011. Vol. 38, Iss. 3. P. 425–434; *Aliboni R.* The International Dimension of the Arab Spring // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2011. Vol. 46. № 4. P. 5–9.

³ См.: *Агаев Р.* Ближний Восток: лжереволуция // *Вестник аналитики*. 2011. № 2. С. 37–47; *Аксененок А.* Восстание арабов: к чему ведет пробуждение Ближнего Востока // *Россия в глобальной политике*. 2011. Т. 9. № 1. С. 8–15; *Дергачев В.* Геополитическая перезагрузка Арабского Востока // *Вестник аналитики*. 2011. № 2. С. 21–30; *Манойло А.* «Финиковые революции»: стихия или «управляемый хаос»? // *Международная жизнь*. 2011. № 5. С. 63–78; *Подцероб А.* Восстания арабов в XXI веке: что дальше? // *Международная жизнь*. 2011. № 10. С. 66–76; *Лукьянов Ф.* Весна без конца и края // *Россия в глобальной политике*. 2012. Т. 10. № 4. С. 13–19; *Нечитайло Д.А.* Аль-каида и «Арабская весна» // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 10.

⁴ *Al-Rasheed M.* The Arab Uprisings: the unfinished revolutions of the New Middle East // *Middle Eastern Studies*. 2012. Vol. 48, Iss. 4. P. 675–677; *Asef B.* Arab Revolts: Islamists aren't Coming! // *Insight Turkey*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 9–14; *Francis Ghilès.* A New Deal for Arab People // *Insight Turkey*. 2012. Vol. 14. № 1. P. 13–27; *Moshe M.* The «Arab Spring» and the New Geo-Strategic Environment in the Middle East // *Insight Turkey*. 2012. Vol. 14. № 4. P. 13–23; *Inbar E.* The 2011 Arab uprisings and Israel's national security // *Mideast Security and Policy Studies*. 2012. № 95. February.

циалисты⁵ все больше стали выделять неоднозначность данного феномена для судеб всего региона, сходясь во мнении о кардинальной перекройке всей системы «баланса сил». Одним из основных выводов, вокруг которого объединяются многие исследователи, заключается в том, что на место «поверженных лидеров» – Египта, Ирака и Сирии, придут новые. Между ними неизбежно возникнет конкуренция за лидерство в регионе, которая может привести к непредсказуемым результатам. Целый ряд специалистов-востоковедов, в качестве реального претендента на роль регионального гегемона, рассматривают Исламскую Республику Иран. «Настоящий подвиг, беспрецедентный в истории Ирана: это персидское и шиитское государство, преодолев историческую неприязнь между арабами и персами, между суннитами и шиитами, смогло стать лидером того, что принято называть “арабским сопротивлением империализму и сионизму”». Ахмадинежад добился того, что не получилось у Саддама Хусейна – превратить свою страну в авангард “революционного Арабского Востока”», отмечает в своей статье Г.И. Мирский⁶. И с ним сложно не согласиться.

В мировых, главным образом в американских и израильских, СМИ, формируется негативный образ Ирана и его внешней политики. В качестве примера можно привести статью израильского политолога Эфраима Инбара «Арабские восстания и национальная безопасность Израиля»⁷. По мнению Инбара, все, что происходит в регионе, не несет ничего хорошего в плане укрепления стабильности и региональной безопасности. «Несмотря на вековое влияние западной культуры, ни одному арабскому государству не удалось построить стабильного демократического общества,

⁵ *Васильев А.М.* Иран как «шиитская сверхдержава»: реальные и мнимые вызовы // *Азия и Африка сегодня.* 2012. № 8. С. 3-7; *Иванов И.С.* Иранская ядерная программа: позиция России // *Азия и Африка сегодня.* 2012. № 8. С. 15-16; *Лукоянов А.* Шиизм и великодержавность: баланс двух культурных традиций определяет будущее Ирана // *Россия в глобальной политике.* 2011. Т. 9. № 3. С. 132-141; *Раку М.* США и ИРИ: от «Ирангейта» к вооруженному конфликту // *Международная жизнь.* 2011. № 9. С. 95-104; *Рогов С.М.* Роль Ирана в политике США на Ближнем Востоке // *Азия и Африка сегодня.* 2012. № 8. С. 1-3.

⁶ *Мирский Г.И.* Международные отношения на Ближнем Востоке // *Азия и Африка в современной мировой политике.* М., 2012. С. 93.

⁷ *Inbar E.* The 2011 Arab uprisings and Israel's national security // *Mideast Security and Policy Studies.* Ramat Gan: Bar-Ilan University Press. 2012. № 95. February.

основанного на идеях гражданских свобод, политических прав, системы всеобщего образования, гендерного равенства и экономического развития»⁸, отмечает он. «Демократические» выборы в Ливане 2005 г. и Палестине в 2009 г. привели к власти исламистов, что говорит о несовершенстве гражданского общества в арабском мире.

Общий вывод, сделанный Эфраимом Инбаром в своем анализе заключается в том, что, в нынешних обстоятельствах, исход которых еще трудно спрогнозировать, Израиль должен активнее укреплять свою обороноспособность и готовиться к серии «малых войн» против негосударственных акторов в лице палестинского ХАМАС'а и ливанской Хизбалла⁹, за спиной которых стоит Иран. Самый опасный вариант развития ситуации под влиянием «арабской весны», по мнению Инбара, – это ядерный Иран, который может выиграть время для завершения работ над своей ядерной программой и поставить мировое сообщество перед свершившимся фактом. Это может привести к «цепной реакции», когда и другие страны региона начнут развивать свои ядерные программы, что серьезным образом осложнит национальную безопасность Израиля, единственной ядерной державы в регионе¹⁰.

Притом, что происходит нагнетание ситуации вокруг Ирана, особо обращается внимание на внешние проявления внешнеполитической деятельности этой страны, из спектра изучения буквально выпадает идеологическая составляющая, на которой и строится внешнеполитическая доктрина Тегерана. До сих пор государственная политика страны направляется и руководствуется принципами, восходящие к учению Имама Хомейни. В данной статье будет предпринята попытка проанализировать одну из ключевых доктрин Хомейни – концепцию «исламской революции», легшую в основу современной теории «исламского пробуждения» нынешнего Лидера Исламской революции аятоллы Али Хаменеи. Анализ данных концепций поможет пониманию и прогнозированию дальнейших внешнеполитических инициатив Ирана по разрешению внутрирегиональных проблем.

Анализ мировоззрения Имама Хомейни (1900–1989) следует начинать с констатации того факта, что оно формировалось под мощным воздействием иранского национального движения, на-

⁸ *Inbar E.* The 2011 Arab uprisings and Israel's national security... P. 2.

⁹ *Ibid.* P. 21.

¹⁰ *Ibid.* P. 17.

правленного на освобождение страны из-под влияния иностранных держав, которыми попеременно являлись Российская Империя, СССР, Великобритания, а в конце – США. Как представитель высшего шиитского духовенства, получивший в начале 1960 гг. титул аятолла-оль-озма (Великий аятолла), Имам Хомейни изначально выступил жестким и принципиальным критиком политики тогдашнего шахиншаха Ирана Мухаммеда Реза-шаха, инициировавшего реформы «Белой революции шаха и народа» с опорой на всестороннюю помощь Соединенных Штатов. Именно в США Имам Хомейни видел главный «корень зла», когда произносил свои, ставшие знаменитыми слова: «Америка хуже Англии. Англия хуже Америки, а Советский Союз хуже их обеих. Каждый хуже другого, каждый ужаснее другого. Но сегодня мы имеем дело с таким злостным явлением, как Америка»¹¹.

По мнению Имама Хомейни, США своей политикой стремятся насаждать по всему миру послушные марионеточные правительства, которые будут сохранять узы колониальной зависимости своих стран от великих держав. «Одним из заговоров, который, к сожалению, оказал большое влияние на многие страны, в том числе и на нашу страну, и чьи следы еще в значительной степени сохраняются, было изменение идентичности колонизированных стран и переделывание их на манер Запада и Востока. Так, что они уже ни во что не ставили ни себя, не свою культуру, не свою мощь, а к Западу и Востоку относились как к высшей расе, считали их культуру более высокой, а сами эти две силы – оплотом, на котором держится весь мир. Зависимость же от одного из этих двух полюсов они выдавали за некую неизбежность»¹².

Шахиншах Ирана, по мнению Имама Хомейни, превратился в послушную марионетку американцев и их союзников в регионе Ближнего Востока – Израиля. Главная идея, которых заключается в том, чтобы превратить иранский народ в активного потребителя импортируемых из этих стран товаров (при этом Хомейни сокрушался¹³, что даже яйца Иран импортирует из Израиля!) в обмен на поставки сырой нефти. А вместе с импортными безделушками в страну проникают и все соблазны, которыми так славится Запад: «правители, которые ни во что не ставили наш народ, лишили нас

¹¹ Доктрина Исламской революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М., 2009. С. 33.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Хомейни Р.М. Путь к свободе. Речи и завещание. М., 1999. С. 195.

возможности трудиться на благо собственного прогресса. Ввоз всевозможных товаров из-за рубежа, разжигание страсти у женщин и мужчин, особенно у молодежи, к импортным товарам, таким, как косметика, украшения, предметы роскоши и детские игрушки, втягивание семей в соперничество за обладание ими. Насаждение потребительства, насаждение распутства и жажды развлечений среди молодежи, путем создания соответствующих увеселительных заведений и притонов и многое, многое другое использовалось для консервации отсталости наших стран»¹⁴.

Неужели иранский народ, вопрошал Имам Хомейни, смирится с подобной участью? Неужели Иран такая бедная страна, что не может существовать без «помощи» Запада? И сам же отвечает на эти вопросы: «Решительно выступайте за устранение всех форм зависимости и знайте, что арии и арабы ни в чем не уступают ни европейцам, ни американцам, ни русским. И если они обретут уверенность в себе, не будут поддаваться отчаянию и разочарованию, и не будут уповать ни на кого, кроме себя, то, в конечном итоге, они смогут сделать все»¹⁵. Страна, обладающая богатейшими природными ископаемыми, страна, обладающая талантливым и трудолюбивым народом, не может влачить нищенское существование. Однако и уповать на кого-то другого нельзя. «Наш повелитель – не Америка! Наш повелитель – не Британия, наш повелитель – не Израиль, наш повелитель – Бог. Следовательно, чего нам бояться? Зачем нам опасаться? Они не стоят нашего страха. Чем они нам грозят?»¹⁶

Иран не может, следовательно, развиваться в качестве самостоятельной и независимой страны, следуя по пути Запада (США) или Востока (СССР), так как первые – аморальны, а вторые – бездуховны, атеистичны. Отсюда у Имама Хомейни появляется его знаменитый лозунг: «Не Запад, не Восток, а исламская революция»!

Возможность возрождения мощи и влияния иранского народа Хомейни видел в обращении к богатому историческими событиями прошлому мусульманской уммы времен пророка Мухаммеда. Все преобразования, совершаемые в Иране после Исламской революции 1979 г., освящаются ссылками на деяния Праведных халифов. «Когда по Божьей милости, мощной рукой правоверного народа основана Исламская Республика и все, что осуществляется в этом исламском государстве, связано с исламом и его прогрессивными

¹⁴ Доктрина Исламской революции. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 16.

положениями и заповедями, великий народ Ирана должен стремиться к тому, чтобы их содержание раскрылось и осуществилось во всех своих аспектах»¹⁷. Однако Имам Хомейни, при этом, настойчиво повторяет: «Это не значит, что мы хотим вернуться к той жизни, что была тысячу четыреста лет назад. Мы хотим возродить справедливые законы, а не образ жизни наших предков. Разумеется, мы будем радостно приветствовать и примем любые достижения цивилизации, но никто нам их и не предлагает»¹⁸.

Хомейни провозгласил мессианскую роль, которую должен сыграть иранский народ в возрождении мусульманской уммы, возвращении ее к временам славного и победоносного прошлого, временам деятельности пророка Мухаммеда и первых халифов. «Я решительно заявляю, что в настоящее время народ Ирана, его многомиллионные массы более праведны и решительны, чем народ Хиджаза во времена Мухаммеда и народ Куфы и Ирака времен Али и Хусейна»¹⁹. Сама судьба предназначала иранскому народу первыми встать под знамена пророка и сокрушить врагов Ислама, превратившись в солдат. «Если победы мусульман, запечатленные в истории, не заметны большинству мусульман, то для воинственного народа Ирана, вооруженного верой, и движимого теми же мотивами, что и солдаты раннего ислама, они до сих пор стоят перед глазами»²⁰. Иранцы поднялись на защиту угнетенных масс и на поддержку арабов Кудса и Ливана, и будут бороться до тех пор, пока «Эль-Кудс и Палестина не вернуться под знамена Ислама»²¹.

Имама Хомейни не смущал тот факт, что Исламская революция произошла только в Иране и на его долю выпала роль в одиночку отстаивать принципы возрождаемого ислама и Исламской Республики в противостоянии с великими державами и региональными марионеточными правительствами. В его трактовке это было временное явление и в качестве примера, он ссылаясь на трудности первых дней пророчества Пророка Мухаммеда, который тоже поначалу был один. «Но он никогда не отчаивался и не говорил: “Я одинок”. Он стойко и решительно продолжал свой

¹⁷ Хаменеи А. Свет исламской революции. Речи и выступления. М., 2000. С. 21.

¹⁸ Доктрина Исламской революции. С. 86.

¹⁹ Имам Хомейни. Религиозное и политическое завещание. С. 33–34.

²⁰ Выступление Имама Хомейни по случаю Дня Иерусалима, 1981 // Аллах не любит Америку / под ред. А. Парфрея. М., 2003. С. 267.

²¹ Там же. С. 269.

путь и смог довести свою миссию от нуля до того, что есть сегодня, когда под его знаменем собрались семьсот миллионов человек»²².

Перед Ираном, вставшим на путь Исламской революции, как и у Пророка Мухаммеда, будет длительный период борьбы, как идеологической, так и силовой, так как надо будет отражать и разоблачать многочисленные заговоры врагов и завистников. Но, в конечном итоге, будут достигнуты основные цели, в которых раскрывается сущность концепции «Исламской революции». Это – «торжество ислама, независимость страны, наказание израильских агентов и объединение исламских стран»²³.

По мнению Имама Хомейни, современные богословы от религии далеко ушли от истинного понимания первоначального содержания ислама и учения Мухаммеда. Мало того, по словам Хомейни, некоторые «исламские» правители используют свою власть для дискредитации ислама. В качестве примера он указывал на деятельность саудовского короля Фахда ибн Абдель Азиза Ааль Сауда, правившего Саудовской Аравией с 1982 по 2005 год. «Фахд каждый год расходует большую часть народного достояния на печатание Священного Корана и финансирование пропаганды антикоранических идей; так он распространяет полное предрассудков учение ваххабитов, склоняет несведущие народы на сторону сверхдержав и использует ислам и Священный Коран для уничтожения того же ислама и Корана»²⁴, возмутился Хомейни.

Чтобы подобного рода извращения Священного писания не процветали в Исламском мире, Хомейни особые надежды возлагает на исламских богословов (факихов) священных городов ислама – Кума, Мешхеда, Неджафа и Кербелы. «Их ответственность очень велика, исключительно велика, в определенном отношении ответственность улемов, видимо, выше, чем кого бы то ни было. Это от них зависит представление ислама таким, каким они его знают, всему миру»²⁵. А это будет возможно только тогда, когда мнение факиха будет рассматриваться как предписание к действию для правителя. Поэтому Хомейни ратует за возвращение к традиционной трактовке роли и места факиха в исламе. «Установлено правило, что “факих выше правителя”. Если правитель слабо

²² Доктрина Исламской революции. С. 9.

²³ Там же. С. 23.

²⁴ Там же. С. 102.

²⁵ Там же. С. 40.

знаком с исламом, ему следует обратиться за разъяснением к факиху, чтобы соблюсти закон», – заявляет Хомейни²⁶.

Именно факих должен встать над исполнительной властью, но не заменять и не подменять ее. «Разве во времена пророка (да благословит Аллах его и род его) религия и политика не были едины? Разве существовали отдельно группы священнослужителей и оппозиционные им группы политических деятелей? Разве так было во времена халифов? Существовали ли все параллельные власти? Эти лозунги придуманы империалистами и их политическими агентами, чтобы помешать религии соблюдать порядок в огромном мусульманском обществе, чтобы расколоть исламское духовенство и ослабить борьбу мусульманских народов за свободу и независимость»²⁷, утверждает Хомейни, формулируя свое политическое кредо. И отвечая на свои же вопросы, он заявляет, что в Исламской Республике ислам не отделен от государства, также как и государство не отделено от ислама.

«Защита национальной независимости и свободы – прямое дело факихов. Именно факих отказывается подчиняться другим или попадать под влияние иностранцев, защищает права нации и свободу, независимость и территориальную целостность исламского отечества, даже ценой собственной жизни. Именно факих не сворачивает ни вправо, ни влево»²⁸. В связи с чем, Хомейни заявил, что после совершения Исламской революции в Иране в 1979 г. и провозглашения Ирана Исламской Республикой, страна заняла особое место в исламском мире.

Иран сегодня воспринимается как страна, успешнодвигающаяся к статусу региональной державы, стремящейся олицетворять собой весь мусульманский мир. Апелляция к сознанию мусульман как к единому целому сообществу людей, принадлежащих одной *умме* (общине), связанных общей историей, памятью и религией, стало основой внешнеполитической доктрины Ирана, провозглашенной «духовным отцом» исламской революции Имамом Хомейни. Ему принадлежат слова, обращенные ко всем мусульманам мира: «Мусульманские народы должны считать строй Исламской Республики и борющийся иранский народ образцом для себя. Ставьте на место свои правительства, когда они не прини-

²⁶ Доктрина Исламской революции. С. 68.

²⁷ Там же. С. 14.

²⁸ Там же. С. 1.

мают требований народа, являющиеся требованиями и иранского народа»²⁹.

Главной причиной, мешающей объединению и возрождению уммы, по мнению Хомейни, является факт оккупации исконных территорий исламских земель, входящих в так называемый *дар аль-Ислам* (Дом Ислама). И в первую очередь, Хомейни говорит об оккупации территории Палестины, где находится один из священных городов ислама – Эль-Кудс или Бейт-уль-Моккадас, он же Иерусалим.

Израиль, по мнению Хомейни, является порождением колониальной политики США, которые не ограничились только этим. «Империалисты» также внесли раскол в мусульманский мир, искусственно разделив его на «угнетателей и угнетенных», что также можно перевести с фарси как «обездоленные и высокомерные» (*мостазафин* и *мостакберин*)³⁰. В соответствии со взглядами Хомейни, в исламе нет различий между национальностями, есть только вот это искусственное разделение. «Наш долг спасти угнетенных и бесправных. Наш долг стать помощниками угнетенных и врагами угнетателей. Это не что иное, как долг, который Вождь правоверных (мир с ним) возложил на двух своих великих потомков в своем знаменитом завещании: “Будь врагом угнетателю и помощником угнетенному!”»³¹.

Одному Ирану, в одиночку, естественно, не решить подобных глобальных задач. По мнению Имама Хомейни это можно, и нужно, сделать только через консолидацию всего мусульманского мира. «Сегодня долг глав исламских стран, коронованных особ и президентов – отбросить мелкие разногласия, которые время от времени возникают между ними. Нет арабов и не арабов, турок и персов, есть только ислам и единство на основе ислама», подчеркивает он, и продолжает: «Они должны защитить собственные границы, каждый должен охранять границы и защищать территориальную целостность, чтобы потом вместе ударить по иностранному врагу, который наносит столько вреда»³².

В итоге должна будет сложиться организация, призванная объединить мусульманские государства на почве верности ис-

²⁹ *Имам Хомейни. Религиозное и политическое завещание. С. 37.*

³⁰ *Мамедова Н.М. Экономическая деятельность правительства М. Базаргана // Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989. С. 196.*

³¹ *Доктрина Исламской революции. С. 91.*

³² Там же. С. 38–39.

ламским принципам. Этот процесс займет определенное время, но цель интеграции будет достигнута. Заминка, по мнению Хомейни, будет вызвана не только сопротивлением со стороны великих держав, не желающих видеть объединенным исламский мир, но и со стороны некоторых «исламских» правителей. «Если бы руководители всех мусульманских государств выполнили волю Аллаха, объединили бы свои усилия в единый мощный кулак, тогда кучка несчастных евреев (агентов Америки, Британии и других зарубежных стран) никогда бы не смогла добиться того, что мы видим сегодня, ни при какой поддержке извне. Все это случилось по вине руководителей мусульманских стран»³³.

В данных условиях, когда Иран находится в ситуации внешней изоляции, окруженный враждебными странами, Хомейни, понимая бесперспективность силового распространения Исламской революции в регионе (и война с соседним Ираком это продемонстрировала), заявил о необходимости придерживаться мирных, пропагандистских методов. «Мы должны поднимать волну интеллектуального пробуждения (выделено автором. – А. Б.), проникать внутрь общества, постепенно формировать в умах просыпающихся религиозных масс образ исламского правления и, наконец, установить его»³⁴.

На практике это означало создание и поддержку исламских политических партий (наиболее яркие примеры – это ливанская Хизбалла и палестинский ХАМАС), которые должны были решать две краеугольные сверхзадачи – защиту идей ислама и противостояние сионистам Израиля.

* * *

Таким образом, подводя краткий анализ теоретической основы внешнеполитических взглядов ведущих государственных деятелей Ирана на примере Имама Хомейни, можно говорить о теоретической преемственности между поколениями иранских политиков. В основе определения основных стратегических внешнеполитических принципов ИРИ, на современном этапе ее существования, лежит сформулированная Хомейни концепция «правления факиха» (*вейайят-э факих*), являющейся краеугольной формулой Исламского правления.

Положив в основу принципы исламского мировосприятия, Хомейни вновь вернулся к традиционному делению мира на Мир Ислама (Дар-оль-Ислам) и Мир Войны (Дар-оль-Харб). Перенеся

³³ Доктрина Исламской революции. С. 62–63.

³⁴ Там же. С. 50.

это деление на современные международные отношения, он выдвинул концепцию «угнетателей и угнетенных» (*мостазафин* и *мостакберин*). При этом, лидеры Исламской революции исходили из принципа недопущения установления доминирования над мусульманами недружественного враждебного правления (*нафи-э сабиль*)³⁵. Данный подход нашел свое претворение в следовании концепции «Ни Запад, ни Восток, а исламская революция».

На практике это нашло воплощение в принципе «сердечного сближения мусульман», суть которого заключалась в том, что Иран рассматривал в качестве своего морального долга и обязательства помогать всем мусульманским общинам (государствам и организациям) в продвижении их на пути к Аллаху. Конечной целью данного процесса, обозначалось восстановление единой исламской уммы, которая будет строить свою политику на приверженности трем основным лозунгам: антиамериканизм (антизападничество), антисионизм (но не антисемитизм) и народность (исламская демократия).

«Арабскую весну», приведшую к серьезным трансформациям политических структур Ближнего Востока, в Иране восприняли как очередной этап Исламской революции, начавшейся еще в 1979 году. Однако, дабы избежать критики со стороны мирового сообщества, Хаменеи выдвинул концепцию «Исламского пробуждения», стремясь тем самым, продемонстрировать, что это не стремление иранских властей революционизировать мусульманский мир Ближнего Востока, а наоборот, процесс был вызван внутренними причинами и самим ходом развития данных обществ. Поддержав основные идеологические лозунги народных движений, которые сводились к требованию возрождения ислама, Тегеран стал активно проводить политику по поддержке данных движений, отрицая вмешательство со стороны внерегиональных держав. В качестве подобных шагов, можно привести пример возобновления дипотношений с Египтом и «иранскую инициативу» по урегулированию сирийского кризиса.

³⁵ *Entekhab, Shahrroud Amir*. Role of religious texts in shaping the foreign Policy of the foreign Policy of the Islamic republic of Iran // *Discourse: An Iranian Quarterly*. 2004. Vol. 6. № 2. P. 67.

ОТ ПОЛИТИКИ ЗАБВЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ: НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА

УДК 94(469).026

НЕПРЕРЫВНАЯ ПАМЯТЬ: ОПЫТ ПОРТУГАЛЬСКОЙ STUDIUM GENERALE (1288–1377)*

А.В. Русанов

Московский государственный университет,
НИУ – Высшая школа экономики,
Институт гуманитарных историко-теоретических
исследований им. А.В. Полетаева
E-mail: lather@mail.ru

В данной статье рассматривается проблема разрывов и преемственности в университетской истории. Анализ архива португальского университета показал цезуры в его институциональной истории, образованные несколькими переездами в Коимбру и Лиссабон. Но современные историки и члены университетского сообщества мыслят все эти разные университеты частями прошлого одного и того же университета. В статье показано, что основанием для этого служат документы об экономических привилегиях, дарованных разными правителями страны и римскими папами. Признание нового университета лишило бы его былых льгот. Исходя из этого соображения, коллективная память португальского университета подчинялась логике неразрывности.

Ключевые слова: университетская история, университет Португалии, королевские привилегии, архив, хозяйственная жизнь.

UNINTERRUPTED MEMORY: AN EXPERIENCE OF PORTUGAL STUDIUM GENERALE (1288–1377)

A.V. Rusanov

In the article author observes the problem of the gaps and continuity in the writing of the university history. Analysis of the Portuguese university sources demonstrates caesurae of its institutional history that were formed by some removal between Lisbon and Coimbra. But the historians and members of the university corporation interpret those

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в университетской истории России», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

«different universities» as parts of the past of the one Academia. The article shows that this interpretation is based on the documents of the economical privileges which were chartered by the rulers of the kingdom and by the Roman popes. The declaration of the «new university» would have deprived its benefits. So the collective memory of the university submitted to the continuity logic.

Key words: medieval universities, university history, university in Portugal, royal privileges, archive, medieval economy.

Суть проблемы

Преимственность или неразрывность истории – одна из актуальных проблем современных университетских исследований. Редкий университет может похвастаться спокойным течением его многовековой жизни, отсутствием разрывов, образованных войнами, пожарами, эпидемиями, студенческими волнениями, религиозными конфликтами и т.д. В данной статье основные контуры комбинированной теоретической рамки для анализа этой проблемы образованы теорией исторического конструктивизма и теориями «среднего уровня» – Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера об «изобретенных традициях», а также Юргена Остерхаммеля об историческом континууме. Я рассматриваю проблему континуитета на примере Португальского университета XIII–XIV вв. и, соответственно, применяю аналитический инструментарий к его, университета, архивным материалам.

Данный case представляется привлекательным для историка в силу наглядности разрывов прошлого, образованных его, университета, частыми переездами. В течение XIV в. португальский университет дрейфовал между Лиссабоном и Коимброй, четырежды меняя место обитания. В мою задачу входит показать, как, несмотря на эти переезды, а также на перипетии португальской истории того времени, университету удавалось выстроить и сохранять свою идентичность.

Как правило, внимание исследователей к Средневековью вызвано интересом к генеалогии современных университетов. При этом, у писателей, желающих связать единой нитью современность с прошлым, имеется устойчивое представление об *идее* (или *духе*) университета, которая «являет себя во все эпохи». В контексте этой логики, средневековый университет видится четко воплотившим ту самую *amor sciendi*, которую породила сама жизнь. Так, рассматривая в 1863 г. «университетский вопрос», профессор Н.И. Пирогов заявлял, что «первообразы университетов были ближе нашего к идеалу». А вот «с развитием гражданственности, с распространением просвещения в массы, – считал он, – не могла сохраниться первобытная чистота идеала. Правительство, церковь, общество

заявили свои требования. <...> И вот мы видим <...> университеты не чисто научными, а правительственными, церковными, учебно-просветительными и национальными учреждениями»¹. Разумеется, представление о «чистой научности» средневековых университетов, утраченной современными школами породили профессора эпохи модерна: потребности настоящего диктовали желаемый ракурс исследовательского описания университетского прошлого.

Очевидно, что при изменении или обновлении университетской идеи менялось и исследовательское понимание преемственности: конструировались новые разрывы и цезуры², ретушировались старые. Я постараюсь показать, что эти изменения образуют более сложную и насыщенную картину связей, чем может показаться на первый взгляд. Действительно, члены корпорации, как правило, смотрят и рассказывают о себе с разных позиций. При этом не обязательно, чтобы чей-то взгляд был доминирующим. Я исхожу из того, что возможна множественность университетских историй и, вероятно, что в данном случае к разным университетам уместнее употреблять понятие «семейного родства», взятое из поздних произведений Л. Виттгенштейна.

Сосуществование различных представлений об университетском идеале воплотилось, в том числе, в самоназваниях школяров Средневековья³. Как известно, применительно к высшей школе использовались два термина: *universitas*, подчёркивавшее корпоративное начало (не только университетское сообщество)⁴; и *studium generale*. Последний термин появился в начале XIII века. В конце XIX в. британский исследователь Х. Рашдолл (Rashdall) предложил различать общее (так могло, особенно в XIII в., называться любое крупное учебное заведение) и узкое значение этого слова. Во втором

¹ Пирогов Н.И. Университетский вопрос // Университетская идея в Российской империи XVIII – начале XX веков. М., 2011. С. 255.

² Пресечения, отделения – примеч. ред.

³ О соотношении этих названий см.: Cobban A.B. *The Medieval Universities: Their Development and organisation*. London, 1975; Classen P. *Studium und Gesellschaft im Mittelalter*. Stuttgart, 1983; Rüegg W. *Themes // A History of the University in Europe. Vol. I. Universities in the Middle Ages*. Oxford, 2003; Verger J. *Patterns // Ibid.*

⁴ См.: Michaud-Quantin P. *Universitas: expressions du mouvement communal dans le moyen âge latin*. Paris, 1970; Oexle O.G. *Die mittelalterlichen Gilden: ihre Selbstdeutung und ihr Beitrag zur Formung sozialer Strukturen // Miscelanea Medievalia. Bd. 12/1: Sociale Ordnungen im Selbstverständnis des Mittelalters*. Berlin; New York, 1979.

случае речь идёт о школе, выпускники которой получали *jus ubique docendi* – право свободного преподавания во всём христианском мире.⁵ Как отмечал ещё Х. Денифле (Denifle), с середины XIII в. ни один университет не был основан без санкции папы или императора.⁶ Отсутствие этой санкции лишило многие крупные учебные центры университетского звания (примерами могут служить школы в Лионе и Реймсе). Показательно, что во времена основания португальского университета (1288–1290) система дарования *jus ubique docendi* только складывалась. Университеты Болоньи и Парижа получили буллы, подтверждающие право обладателей их степеней на всеобщее признание, только в 1292 году.

Одним из объективов, через которые можно увидеть динамику корпоративных отношений, является хозяйственная жизнь. Для рассматриваемого периода такие проблемы, как аренда жилья и учебных помещений, выплата жалования преподавателям, закупка продуктов и строительных материалов были важными аспектами академической жизни. При смене местоположения школы или изменения экономической ситуации в стране происходила перестройка всего университетского организма, слом устойчивых связей и отношений, налаженных процедур взаимодействия. В то же время, каждый раз на новом месте профессора и служащие воспроизводили прежнюю модель хозяйствования, переподтверждали королевские привилегии.

В португальской историографии есть исследования, специально посвящённые этой теме⁷. В отличие от них, я не буду реконструировать формы хозяйствования и экономические связи университета. В данной статье меня интересует только один ас-

⁵ Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages. Oxford, 1895. Vol. 1. P. 8.

⁶ Denifle H. Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. B. I. Die Entstehung der Universitäten. B., 1885. S. 33.

⁷ Cruz Coelho M.H. da. As Finanças // História da Universidade em Portugal. Vol. I. (1290–1536). Coimbra, 1997. P. 39–68; Dias P. Espaços escolares // Ibid. P. 33–38; Nobre Veloso M.T. O quotidiano da academia // Ibid. P. 129–152; Braga T. História da Universidade de Coimbra nas suas relações com a instrução portuguesa. Lisboa, 1892. Vol. I. 1289 a 1555; Brandão M., Almeida M. Lopes de. A Universidade de Coimbra. Esboço da sua história. Coimbra, 1937; Moreira de Sá A. Dúvidas e problemas sobre a Universidade Medieval Portuguesa. Lisboa, 1964; Veríssimo Serrão J. História das universidades. Porto, 1983; Universidade(s). História, memória, perspectivas. Coimbra, 1991. Vol. 1–4; Gomes S.A. Escolares e a Universidade na Coimbra Medieval // Estudos a homenagem a João Francisco Marques. Lisboa, 2003. Vol. I.

пект – как финансовая документация образует связный рассказ о хозяйственной жизни *одного и того же* университета, несмотря на перемены в местах его обитания, смене состава преподавателей и студентов, смену правителей страны.

* * *

Как часто случается с исследованиями средневековых феноменов, мы не располагаем богатым и разнообразным кругом источников по интересующему нас периоду и региону. В основном это тексты привилегий, предоставленные университету королевской или папской властью. В архиве португальского университета отсутствуют ранние матрикулы, которые бы позволили точно определить состав его корпорации, или нарративные тексты, характеризующие академическую жизнь.

В связи с этим представляется проблематичным установить, каким образом данные привилегии, в том числе касающиеся экономических вопросов, использовались в реальной жизни. Некоторые соображения по этому поводу могут быть сделаны на основе прошений школяров, цитируемых в грамотах, но не дошедших до нас. В них отразились потребности учащихся. Об их удовлетворении можно судить по свидетельствам более поздних грамот, включающих в себя жалобы школяров на препятствия в использовании дарованных привилегий.

Подавляющее большинство данных текстов образуют единый корпус картулярия, получившего название Зелёная книга (*Livro Verde*)⁸. Он был создан во второй половине XV в. и восходит к первым книгам университетских привилегий, появившимся во второй половине XIV века. Важно отметить, что данный корпус юридических текстов, последний из которых датирован 1456 г., сохранял свою силу вплоть до реформ маркиза Помбала, осуществлённых в XVIII веке⁹. Так что он хорошо известен всем историкам университета, начиная, вероятно, уже с Ф. Брандана (F. Brandão), монаха-эрудита XVII в., в одном из томов «Лузитанской монархии» дос-

⁸ Факсимильное издание: *Livro Verde da Universidade de Coimbra: cartulário de século XV*. Coimbra, 1990. Об истории картулярия см.: Rodrigues M.A. *Introdução* // *Ibid.* P. I–XIV.

⁹ О реформах и изменении правовой системы университета см.: *O Marquês de Pombal e a Universidade*. Coimbra, 2000.

таточно подробно описавшего раннюю историю университета¹⁰. Некоторые документы из Зелёной книги публиковались университетскими историками в XVII и XVIII веках. Полностью Зелёная книга была издана в 1940 году¹¹. Впоследствии все её документы вошли в фундаментальное собрание «*Chartularium Universitatis Portugalensis*»¹². Но поскольку в этом издании все документы были систематизированы в хронологическом порядке, «Зеленая книга» растворилась среди других исторических источников.

Как правило, исследователи португальского университета интересуются копиями недошедших до нас документов, имеющимися в «Зеленой книге». Мне же важен данный картулярий как юридический кодекс, который, несмотря на долгую и запутанную историю формирования, воспринимался школярами, как единый источник университетских прав. Такой подход позволяет определить участие университета Лиссабона-Коимбры в общеевропейском процессе, названном J. Verger и Ch. Vulliez, «картуляризация» университетов и явившегося важным аспектом нового этапа институализации *studia generalia*¹³.

Основание и переезды университета

Португальский университет был основан в 1289–1290 гг. в Лиссабоне. Считается, что его основателем был король Диниш, хотя вероятно, что значительно бóльшую роль в этом деле сыграл клир. Документальных свидетельств о начале занятий в португальском университете обнаружить не удалось.

Лишь к концу XIV в. число преподавателей в нем превысило двадцатку. Невелико было в первое столетие его существования и число студентов. Значительной роли в образовательном пространстве средневековой Европы португальский университет тогда явно не играл. Для обретения высоких должностей в королевской канцеля-

¹⁰ Brandão F. *Monarchia Lusytana. Quinta Parte.* Lisboa, 1976. Fl. 163–167. (факсимильное издание книги 1650 г.).

¹¹ *Livro verde da Universidade de Coimbra (cartulário do século XV).* Ed. A. G. da Rocha Madahil. Coimbra, 1940.

¹² Практически все известные документы, связанные с историей средневекового Португальского университета изданы в монументальном собрании: *Chartularium Universitatis Portugalensis. Vol. I–XII (1288–1525).* Coimbra, 1968–1995 (далее – CUP).

¹³ Verger J., Vulliez Ch. *Cartulaires universitaires français // Les cartulaires: actes de la table ronde organisée par l'Ecole nationale des chartes et le G.D.R. 121 du C.N.R.S. (Paris, 5–7 déc. 1991).* P., 1993. P. 423–449.

рии необходимо было получить образование в Париже или Болоньи, куда, в основном, и отправлялись местные школяры.

Первый переезд университета из Лиссабона в Коимбру, а, возможно, и его переоснование, документально зафиксирован в 1308 году. Естественно, что готовился он несколько лет. Сам король причину переезда видел в противоречиях между университетской корпорацией и горожанами. Скорее всего, они были порождены конфликтами, связанными с наймом жилья и налоговыми привилегиями школяров и преподавателей.

Причина возвращения университета в Лиссабон для нас не столь очевидна, хотя она изложена в королевской грамоте от 17 августа 1338 года¹⁴. Воинственный король Афонсу IV объяснил необходимость переноса *studium generale* таким образом: «Поскольку я большую часть года провожу в городе Коимбра, <...> то постоянные дворы, расположенные в округе этого города, в которых обычно проживают школяры, обучающиеся в моём университете, который до сих пор был в указанном городе, могут сниматься моими официалами и теми, кто живет моей милостью. Так что из-за этих домов случается порой много серьезных столкновений и ссор между ними»¹⁵. И король не нашел ничего лучше, как перевести университет в Лиссабон.

Насколько можно судить по документальным свидетельствам, новый лиссабонский период жизни университета был нестабильным: занятия прерывались на целые годы. Причиной тому было экономическое могущество города, сократившего школярские свободы, а также отсутствие со стороны короля продуманных мер по адаптации университетского хозяйства к новому месту. Кроме того, не стоит забывать и о великой эпидемии чумы, разразившейся в конце 1340 гг. и уничтожившей более трети населения Португалии. Но в том, что в этот период привилегии продолжали считаться действующими, а также в том, что представление о необходимости их претворения в жизнь сохранялось, сомневаться не приходится.

Королевская грамота, провозгласившая третий переезд португальского университета, не сохранилась. Возможно, что её и не было. Во всяком случае, нам сложно точно датировать это собы-

¹⁴ *Carta de D. Afonso IV transferindo o Estudo Geral, de Coimbra para Lisboa* (Doc. 109) // CUP. Vol. I. P. 132–133.

¹⁵ «Como a mjm conuem de fazer morada gram parte do anon a Cidade de Coimbra<...> e como as pousadas que son dentro na çerca dessa vila em que sooem de pousar os scolares que stan no meu studo geeral que ata ora foy en essa vila aadur podem auondar pera os meus offizaaes e pera os que uiuem na mha merçee e como per Razom dessas pousadas recreçen aas uezes uoltas e peleias grandes antre eles» (Ibid. P. 131).

тие. Имеются лишь королевские грамоты, документирующие обустройство университета на новом месте, в Коимбре. Самая ранняя из них датируется 6 декабря 1354 года¹⁶. Она же подтвердила университетские привилегии.

При дефиците источников сложно судить как о причинах переезда, так и о роли в этом королевской власти, или каких-либо ещё сил. Учитывая слабое внимание короля к судьбе *studium generale*, можно предположить, что инициатором переезда была сама ученая корпорация, испугавшаяся чумы. Впрочем, на это университетских людей могли подвигнуть и новые конфликты с горожанами.

Итак, в начале 1350 гг. речь шла, скорее всего, о восстановлении университета. Видимо, его члены просили у короля разрешение вернуться в Коимбру, значение которой для Афонсу уже несколько снизилось. Король и его приближенные не интересовались жизнью университета. Это школяры напоминали королю о себе, просили Афонсу IV и его наследников подтвердить старые привилегии, восстановить которые после долгого отсутствия университета в столице было довольно трудно.

Наконец, четвёртый переезд университета почти на два века вернул *studium generale* в Лиссабон и прекратил его кочевую жизнь. О причине этого решения можно судить по грамоте короля Фернанду, выданной в Коимбре 3 июля 1377 года¹⁷. Развивая мысль о необходимости увеличить число знатоков права, король заверил: «Если бы наш университет <...> был перенесён в город Лиссабон, то в нашей земле могло бы быть больше летрадуш (letrados)¹⁸, чем имелось бы, если бы этот университет остался в городе Коимбра, ибо некоторые преподаватели, коих мы из других королевств распорядились позвать, не хотят читать лекции нигде, кроме как в Лиссабоне»¹⁹.

Таким образом, причиной перевода университета предстает государственная потребность в специалистах и качество их под-

¹⁶ *Carta de D. Afonso IV confirmando à Universidade todos os privilégios que anteriormente lhe haviam sido concedidos, quando esteve em Coimbra e na sua permanência em Lisboa* (197) // CUP. Vol. I. P. 209–210.

¹⁷ *Carta de D. Fernando transferindo o Estudo Geral, de Coimbra para Lisboa, redulamentando a sua instalação e confirmando-lhe os privilégios que tinha recebido* (Doc. 299) // CUP. Vol. II. P. 5–8.

¹⁸ Letrados (litterati) – социальная группа профессиональных юристов. На Пиренеях, как правило, становились основой королевской бюрократии.

¹⁹ «Se o nosso estudo <...> fosse mudado na cidade de Lisboa que na nossa terra poderia auer mais letrados que aueria se o dito estudo na dita cidade de coimbra steuesse por alguums lentes que de outros Regnos mandamos vijñr nom queriam leer se nom na cidade de Lisboa» (Carta... (Doc. 299). P. 5–6).

готовки. Впрочем, эти слова могут быть свидетельством и крайней непопулярности самого короля Фернанду, зафиксированной, в частности, знаменитым хронистом Фернаном Лопешем.²⁰ Кортесы в то время открыто обвиняли короля в растрате средств, дарованных папой на университет²¹.

Сложная внутривластная обстановка заставила короля дать университету новые привилегии. Едва ли преподаватели были против переезда из разоренной войнами Коимбры, где им так и не удалось в полной мере воспользоваться правами, дарованными Динишем. К осени 1377 г. переезд *studium generale* состоялся. Во всяком случае, современники называют университет Лиссабонским²². Если вспомнить, что грамота 3 июня 1377 г. только предписала переезд, то осуществился он намного быстрее, чем длившиеся не один год более ранние переезды XIV века. Показательно и то, что многочисленные королевские грамоты, появившиеся вскоре после упомянутой грамоты, регулировали самые разные стороны университетской жизни. Это позволяет считать 1377 г. новым основанием университета в Португалии.

Итак, что перед нами? Это либо картина последовательной смены в Португалии четырех разных университетов, либо прерывистая жизнь одного и того же университета, пунктирная линия его единой истории. Попробуем ответить на этот вопрос сквозь призму анализа хозяйственной документации из университетского архива.

Преимущество экономических льгот

Сегодня у португальского университета есть один единый архив, и он включает документы всех его периодов и мест существования.

В одной из булл 1308 г., подтверждающих первый перенос *studium generale* в Коимбру, есть предписание папы архиепископу Браги и епископу Коимбры о том, чтобы преподавателям выдавались доходы от приходов. Причём делалось это со ссылкой на по-

²⁰ См.: Lopes F. Crónica de D. Fernando. Lisboa, 2004.

²¹ Artigos das Cortes realizadas em Lisboa, onde se pede que a Universidade de Coimbra seja reformada nos seus lentes (276) // CUP. Vol. I. P. 296–298.

²² Напр.: Bula do papa Gregório XI dirigida aos Doutores, Mestres, e escolares do Estudo Geral de Lisboa, a conceder, a pedido de D. Fernando, a dispensa da obrigação de residirem nas igrejas onde tinham benefícios, durante em triênio, e de receberem, entretanto, todos os frutos, réditos e proventos dos ditos benefícios (302) // CUP. Vol. II. P. 11–12.

ручение короля, который в своём прошении, упомянутом в тексте буллы, точно определил нужное число приходов – шесть. Речь идёт только о церквях, которыми, как сказано в булле, обращённой к королю, он «по твердому закону владеет». В данном случае имеется в виду выплата на основе третин, части церковных десятин, получаемых королевской властью по соглашению с папами. Таким образом, все доходы данных церквей через короля шли на жалование преподавателям, за исключением, естественно, содержания викариев данных приходов²³.

Данная система, казавшаяся устойчивой, претерпела изменения ещё при жизни короля Диниша²⁴. Согласно грамоте от 6 мая 1322 г. два прихода, Pombal и Soure, служившие источниками доходов преподавателей, входя, очевидно, в число шести приходов, установленных папской буллой 1308 г., были переданы Ордену Христа, португальскому наследнику разгромленных тамплиеров²⁵. В грамоте 1323 г., посвящённой более детальному регулированию системы университетского обеспечения, указывается, что приходы были переданы по прошению магистра Ордена Христа Жуана Лоренсу (Johan Lourenço) и всего ордена, которому Диниш пожелал «оказать <...> милость и расположение», передав ему «плоды и доходы указанных приходов». При этом сам магистр, по свидетельству источника, предложил взять на содержание преподавателей и университетских официалов²⁶.

²³ «Studij <...> quod de Ciuitate vlixbonendi ad Ciuitatem Colimbriensi petiusti ex causa transferri redditus et prouentus Sex ecclesiarum parrochialium in solidum ius obtines patronatus statueret et deputaret ac etiam assignaret congrua sustentatione perpetuis vicarijs in ipsis ecclesijs seruituris» (*Bula de Clemente. V autorizando a concessão de seis igrejas paroquiais ao Estudo que ia ser trasladado para Coimbra* (Doc. 22) // CUP. Vol. I. P. 39–40).

²⁴ Диниш I Земледелец (1261–1325), король Португалии.

²⁵ *Carta de D. Dinis ordenando que as Igrejas de Pombal e Soure, pertencentes ao Estudo Geral de Coimbra, passem para a Ordem de Cristo* (Doc. 57) // CUP. Vol. I. P. 82–83. Важно отметить, что данный документ не был включён в Зелёную книгу.

²⁶ «Agora don Johan lourenço Meestre de Caualaria da Ordin de Jhesu christo Do Conuento dessa ordin nos disserom que estas Igrejas eram muy proueytosas a eles e a dicta ordin. E pediromnos por mercee que lhys leyxassemos auer os fruytos e rendas das dictas Igrejas. e que manterriam ende os dictos Meestres. e sayriam aos outros encarregos assi come o nos ataaqui fezeramos. E nos sobredicto Rej querendo lhys fazer graça e mercee teemos por ben leixar ao dicto Meestre os fruytos e rendas das dictas Igrejas» (*Carta de D. Dinis determinando ao Mestre da Ordem de Cristo o quantitativo a pagar aos professores do Estudo Geral de Coimbra* (Doc. 59) // CUP. Vol. I. P. 84–85).

Практически ничего неизвестно о финансировании университета после его переезда в Лиссабон в 1337 году. В 1345 г. Афонсу IV отправил папе Клименту IV прошение о предоставлении ему права использовать церковные доходы для содержания университетских лекторов²⁷. В ответ на это папа подписал буллу, обращённую к епископам Лиссабона и Эворы²⁸. В супплике в пункте, посвященном *studium generale*, предписывалось выплачивать из доходов церквей и монастырей, находящихся под «патронатом» короля (то есть третья часть с которых поступала государю), сумму в 3000 фунтов «в португальской монете, ныне имеющей хождение»²⁹. Она предназначалась для жалования докторам, магистрам, бакалаврам и для других университетских нужд.

Можно предположить, что есть временной зазор между подписанием распоряжения и появлением соответствующей практики. Лишь в декабре 1348 г. епископ Эворы Афонсу Диниш издал грамоту (*literas*)³⁰, в которой со ссылкой на буллу Климента VI³¹ перечислил приходы, отдающие доход университету.

В 1355 г. по прошению португальского короля папа Иннокентий VI издал буллу, предписывающую лиссабонскому и эворскому епископам выплачивать из церковных доходов жалование преподавателям и извещающую их о возвращении университета

²⁷ *Súplica de D. Afonso, pedindo ao papa Clemente VI autorização para aplicar 3.000 libras das rendas das igrejas do seu padroado nos salários dos Mestres, Doutores e Bachreís e bem assim noutras cousas necessários à Universidade de Lisboa* (Doc. 132) // CUP. Vol. I. P. 148-149.

²⁸ Bula de Clemente VI para os Bispos de Lisboa e de Évora autorizando, pedido de D. Afonso IV, a cosigação à Universidade de Lisboa de 3.000 libras de rendas das igrejas (Doc. 133) // CUP. Vol. I. P. 149-151.

²⁹ «Supplicat idem Rex <...> de fructibus, prouentibus, redditibus et omnibus alijs iuribus ecclesiarum in quibus tamen ipse Rex duntaxat ius obtinet patronatus per eum uel successores suos ad hoc assignandarum, cum rectores, priores seu Abbates in quibusdam locis uulgaliter nuncupantes mori contigerit, uel quouis modo alio vacauerint, usque ad summam trium milium librarum portugalís monete nunc currentis pro salarijs doctoribus, magistris, bacalarijs et alijs ad opus ipsius necessarijs» (*Súplica...* (Doc. 132). P. 148).

³⁰ *Letras do Bispo de Évora D. Afonso, relativas à anexação de igrejas do bispado de Lisboa à Universidade e dando execução à Bula de Clemente VI* (Doc. 162) // CUP Vol. I. P. 175-177.

³¹ *Ibid.* P. 175.

в Коимбру³². Епископы должны были стать патронами университета и помочь ему в обустройстве на новом месте³³. Данный документ исходит из наличия правопреемственности университета, континуитета его жизни в разных местах³⁴. Папа признает его одним и тем же учреждением и потому подтверждает прежние церковные обязательства по его содержанию³⁵.

Это признание и сохранение обязательств прослеживается и в целом ряде других распорядительных документов. Так, к 1376 г. относится булла³⁶, созданная в ответ на прошение Гонсалу Педру (Gonçalo Pedro), пожизненного викария одного из упомянутых в грамоте 1355 г. приходов – прихода Девы Марии в Обидуше (Óbidos)³⁷. Викарий жаловался, что содержание профессоров является чрезмерной обязанностью для его прихода. Она не позволяет ни делать выплаты епископу, ни удовлетворять нужды приходской церкви. Викарий просил лиссабонского епископа определить точную сумму, которую следовало бы отдавать университету³⁸.

³² Bula do papa Inocência VI a soma de três mil libras dos rendimentos de várias igrejas para pagamento de salários aos professores da Universidade de Coimbra (Doc. 201) // CUP. Vol. I. P. 213–215.

³³ «Venerabilis fratribus <...> vlixbonensi et <...>. Elborensi episcopis salutem etc^a <...>. Nuper uero pro parte dicti Regis nobis fuit expositum quod huiusmodi fructuum assignatio seu applicatio usque ad ad summam predictam eidem Vlixbonensi studio per vos seu alterum vestrum auctoritate dictarum literarum et iuxta earum formam facta dinoscitur...» (Ibid. P. 213–214).

³⁴ Ibid.

³⁵ «Oneramus translationem studij supradictam auctoritate nostra confirmetis dictaque assignationem de predictis fructibus prouentibus et redditibus usque in summam predictam eidem Vlixbonensi studio taliter assignatos prefato Colimbriensi studio» (Ibid. P. 214).

³⁶ Bula do Papa Gregório XI, diminuendo a contribuição para pagamento dos salários dos professores do Estudo Geral, por parte do pároco da Igreja de Santa Maria de Óbidos (288) // CUP. Vol. I. P. 307–308.

³⁷ «Sicut exhibita nobis pro parte dilecti filij Gundisalui Petri, vicarij perpetui parrochialis ecclesie sancte Marie de Obidos Vlixbonensis diocesis peticio...» (Ibid.).

³⁸ «Nos itaque huiusmodi supplicationibus inclinati, fraternitati tue per apostolica scripta mandamus... quod porcio que vicario ipsius ecclesie assignata existit, ad sustentacionem ipsius et ad supportandum onera ei incumbencia sufficiens non existat, eidem vicario porcionem congruam, unde ipse vicarius congrue sustentari valeat, episcopalia iura soluere et alia sibi incumbencia onera supportare de huiusmodi fructibus et prouentibus ipsius ecclesie sancte Marie auctoritate nostra assignare procures» (Ibid.).

Ярким подтверждением исторического единства португальского университета является практика содержания его учащихся. Во время первого пребывания университета в Коимбре в грамотах, обращенных к местным властям (алкайду, алвазилу, городскому совету) и к королевским представителям (алмошарифу, нотарию)³⁹, король даровал школярам особые экономические выгоды: собственных поставщиков (мясники, виноделы, пекари) и даже отдельных инспекторов мер и весов («almotaceens»). Таким образом, королевская власть обеспечила ученой корпорации автономность в пространстве городской жизни. И надо сказать, что сделала она это за счет сокращения привилегий у других городских сообществ. Например, для продовольственных лавок университета алмошариф и нотариус должны были выделить дома⁴⁰. Эти строения отбирались у других городских сообществ.

Будучи частью церкви, университет не платил королевские налоги, что, очевидно, не нуждалось в особом упоминании в грамотах. Кроме этого, профессора хотели освобождения от сборов, взимаемых городскими властями, а также от некоторых общих поборов, в частности, от дорожных и таможенных выплат за продукты, провозимых школярами для себя и своих слуг. Они этого добились, как свидетельствует грамота от 16 сентября 1310 года⁴¹.

После отъезда профессоров и школяров в Лиссабон все добытые права и привилегии на новом месте пришлось отстаивать заново. Видимо, удалось это не в полном объеме. После возвращения в Коимбру в 1354 г. университет с новой силой вступил в борьбу за обретение «привилегий Диниша». Речь шла не о новых, а о старых привилегиях, то есть о восстановлении того, что уже принадлежало тому же самому университету. Признание себя новым сообществом лишило бы профессоров и их студентов всей правовой и экономической защиты, которую добились их коллеги в прошлом.

³⁹ *Carta de D. Dinis* determinando que os escolares do Estudo Geral de Coimbra possam ter açougues, carniceiros, vinhateiros etc (Doc. 24) // CUP. Vol. I. P. 42–43.

⁴⁰ «E mando a uos meus almoxarife e ao meu scripuam se casas ouuerem pera os dictos açougues que uos lhas dedes» (Ibid.).

⁴¹ «...me enujarom dizer que em nossas villas e em nossos lugares que lhes[mestres e scolares] filham portagem e acostumagem das viandas do pam e do vinho e da carne e das outros cousas que mandam trager e comprar pera seu comer e pera sa gente E esto nom tenho eu por bem se assy he porque uos mando que uos nom lhes filhedes portagem nem costumagem das dictas cousas em uossas villas e em uossos lugares» (*Carta de D. Dinis* ordenando que os escolares do Estudo Geral de Coimbra não paguem portagem nem costumagem (34) // CUP. Vol. I. P. 56–57).

В 1360 г. появилась королевская грамота, в которой король Педру обещал восстановить в Коимбре университетские привилегии, в том числе и касающиеся ремесленников⁴². После почти двадцатилетнего отсутствия «праздношатающихся клириков» в городе местные власти, естественно, не желали делиться с приехавшими профессорами экономическими льготами. Они жаловались королю на притеснения, заверяли, что городской совет Коимбры «препятствует тому, чтобы школяры, их слуги и официалы указанного университета, пользовались привилегиями»⁴³. Школярам «не позволяют (иметь) булочников, мясников, виноделов и других своих официалов»⁴⁴.

В 1367 г. была подписана грамота короля Фернанду, подтверждающая и приводящая тексты привилегий, дарованных университету его предшественниками⁴⁵. Профессора добились восстановления университетских алмотасенов, что привело к серьезному конфликту с горожанами. Очевидно, это стало одной из причин переезда ученых в Лиссабон в 1377 году.

Но и на новом месте профессора утверждали свою преемственность и право на прежние льготы. И хотя прежние буллы и грамоты выделяли им экономические зоны в пространстве Коимбры, лекторы утверждали их универсальность, несмотря на место расположения университета в Португалии. В грамоте короля Фернанду 1377 г. упоминается о том, что в Лиссабоне у университета были мясники и другие ремесленники. Указан даже квартал (Ригейра), в котором они проживали. Если между ученой корпорацией и этими ремесленниками и были заключены договоры, то при отсутствии прямой поддержки со стороны королевской власти, их действие на льготных для университета условиях не могло быть восстановлено. Именно поэтому в грамоте Фернанду есть длинная фраза, обязывающая как нынешних, так и последующих городских официалов предоставлять университету поставщиков.

⁴² *Carta de D. Pedro recomendando o cumprimento dos privilégios concedidos à Universidade de Coimbra, que os oficiais do conselho não respeitavam* (Doc. 214) // CUP. Vol. I. P. 225–226.

⁴³ «Ellas [vnjuersidade] Reçebem grande agrauamento desse conçelho e de sseus oficiaaes porque prendem os escollares e seus sergentes E os ofiçiaaes do dicto estudo contra os priuilegios...» (Ibid. P. 225).

⁴⁴ «lhes tolhem e tiram as paadeiras e carneçeiros e vinhateiros E outros seus ofiçiaaes E que doestam e viltam os melhores dessa vnjuersidade...» (Ibid.).

⁴⁵ *Carta de D. Fernando confirmando e outorgando ao Estudo Geral de Coimbra os privilégios, cartas e mercês dos Reis suos antecessors, que transcreve* (Doc. 246) // CUP. Vol. I. P. 265–266.

Таким образом, мы имеем дело со своего рода контаминацией: «частным» договорам второго лиссабонского периода придаётся сила закреплённого королём порядка в Коимбре. Его грамоты юридически утвердили континуитет университетской жизни, во всяком случае, финансово-экономической жизни. Это отразилось на идентичности университетской корпорации, всеми силами поддерживающей идею преемственности преференций.

В это время экономические привилегии были распространены на лиц, связанные с университетом, но не участвующие в обучении. Если ранее эти привилегии затрагивали лишь официалов и слуг школяров и преподавателей, то теперь они распространялись на людей, имеющих отношение к собственности школяров и преподавателей, и даже на тех, которые не находились в городе, где расположено *studium generale*. Нужно отметить, что до этого ни те, ни другие не представляли как члены университетской корпорации. Поэтому особенно интересно указание королевской грамоты от 1 января 1378 г., чтобы мажордомов, управлявших владениями школяров, и арендаторов, ведущих хозяйство на этих землях, освободили от необходимости выполнения местных повинностей. В частности, от сооружения стен и канав, разграничивающих земельные участки (*alcarcovas*)⁴⁶. Такую привилегию они получили из-за ученых заслуг («*por honrra do studo*») своих нанимателей и арендодателей⁴⁷.

На новую организацию университетского сообщества также повлияли спады авторитета папской власти. Снижение ее авторитета во время Схизмы содействовало тому, что студенты и преподаватели стали ощущать себя не столько частью церкви, сколько членами общеевропейского интеллектуального пространства: сила и влияние университетских корпораций, находящихся под покровительством местных властей, выросла.

⁴⁶ «Outrossy diziades que alguuns leentes e scolares ham seus moordomos e serujdores casados em suas terras e suas igreias e posisões que lhas adubam e mandam adubar E seus beens e Recebem suas rendas de que ham seus mantijmentos em esse studo e que lhos constragem pera hir com presos e com dinheiros e a serviços de muros e alcarcouas e outras cousas semelhantes e pediades nos por mercee que uos desemos carta E mandasemos que estes taaes fossem qujtes e scusados de todos sobredictos encargos por honrra do studo» (*Carta de D. Fernando regulando, pedido do Estudo Geral de Lisboa, diversos assuntos e confirmando-lhe os privilégios até então recebidos* (Doc. 305) // CUP. Vol. II. P. 15).

⁴⁷ «...que esses moordomos e serujdores nom sejam besteiros do conto nem obrigados a serujrem nas galles nem dos apurados da guisa» (Ibid. P. 15-16).

Формирование в Португалии жёстко централизованной власти способствовало реализации большинства дарованных привилегий. Ранее они декларировались как система, но лишь частично претворялись в жизнь из-за частых переездов университета. С кодификацией права связано внутреннее развитие университетской корпорации с устойчивой административной структурой и едиными нормами профессионального поведения. Все вместе это коррелирует со становлением хозяйственной системы. Можно отметить сходство двух моделей: *studium generale* и соответствующей ему корпорации как учебного заведения, включенного в престижный общеевропейский континуум с его экономической системой. И в том, и в другом случае преобладают представления об университете как единой структуре, сохраняющей свою целостность даже во время вынужденных приостановок функциональной деятельности.

Уже в первой половине XV в. члены португальской ученой корпорации забыли о прерывистости прошлой жизни и череде переездов⁴⁸. Само по себе это свидетельствует о сопротивлении корпоративной памяти этим разрывам и о наличии механизма, порождающего представление о непрерывности собственной традиции, чрезвычайно важной для средневекового общества. Я полагаю, что многолетняя борьба за обретение и восстановление хозяйственных привилегий, а также наличие соответствующих текстов переписки между папской, королевской и университетской властью много способствовали легитимации права на длительную и единую традицию.

В данной статье лишь намечены подходы и аргументы для изучения темпоральных особенностей университетской жизни и факторов континуитета университетской истории. Правовые и хозяйственные льготы были явным фундаментом его поддержания университетскими людьми Португалии. Видимо, университет заинтересован в «длинном» и едином прошлом потому, что это обеспечивает его привилегированное положение в социуме.

⁴⁸ Так, в индексе Зелёной книги булла папы Климента V от 26 февраля 1308 г. указана как документ, обеспечивший переезд из Коимбры в Лиссабон, а не наоборот (Livro Verde da Universidade de Coimbra: cartulário de século XV. P. 27).

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
САМООРГАНИЗАЦИЯ РУССКИХ УЧЕНЫХ
(опыт просопографического анализа зоологической секции
на съездах русских естествоиспытателей и врачей
второй половины XIX – начала XX века)***

И.А. Лягушкин, Е.А. Вишленкова

НИУ – Высшая школа экономики,
Институт гуманитарных историко-теоретических
исследований им. А.В. Полетаева
E-mail: ivliag@gmail.com
E-mail: evishlenkova@mail.ru

Данная статья посвящена социальной истории науки и истории профессий в России второй половины XIX – начала XX века. Авторы представили результаты просопографического анализа участников зоологической секции тринадцати съездов русских естествоиспытателей и врачей. Созданная на основе протоколов съездов, их «Трудов», «Дневников» и справочных книжек база данных позволила представить географическую карту зоологических исследований в позднеимперской России, определить социальное представительство и уловить мотивацию докладчиков принимать участие в съездах. Эти данные дают возможность судить о специфике профессиональной автономизации в России исследуемого периода.

Ключевые слова: просопография; социальная история науки; история профессионального научного сообщества России; история российских университетов.

**PROFESSIONAL
SELF-ORGANIZATION OF THE RUSSIAN SCIENTISTS
(the prosopography's experience of the analysis of zoological section
at Congresses of Russians scientists and doctors at the second half
of XIX – the beginning of XX century)**

I.A. Lyagushkin, E.A. Vishlenkova

* Исследование выполнено в рамках софинансирования ЦФИ НИУ ВШЭ проекта РФФИ «Институционализация естественнонаучного знания в Западной Европе и Российской империи/СССР» (грант № 12-09-0071). Мы благодарим Н.А. Проскурякову и М.В. Лоскутову за идею, ценные предложения и консультации.

This article focuses on the social history of science and the history of professions in Russia in the second half of XIX – early XX century. The authors presented the results of the prosopography analysis of the participants of zoological section on the thirteen Congresses Russian naturalists and physicians. Built on the proceedings of the Congress, their «The Works», «The Diaries» and reference books database is allowed to submit a map of zoological research in late imperial Russia, determine the social representation and catch motivation speakers to take part in congresses. These data provide insight on the specifics of professional autonomy in the Russian study period.

Keys words: the prosopography; social history of science; history of Russian professional scientific community; the history of Russian universities.

Осознание своих особых профессиональных и общественно-политических интересов, а также своей организационной автономии от власти пришло к сообществу университетски подготовленных врачей в 1850 гг.¹, а к так называемым естествоиспытателям еще спустя десятилетие после этого. Оно порождалось, с одной стороны, процессами формирования нового понимания государственной власти и оформлением соответствующих ему запросов со стороны обладателей университетских дипломов; а, с другой – появлением слоя образованных экспертов, говорящих на языке универсальной европейской науки и социальной политики, но выполняющих задачи, поставленные Российским имперским государством. То и другое обстоятельство содействовали тому, что в интересующее нас время представители естественнонаучных дисциплин стали воспринимать себя, как независимое сословие с особой социальной миссией и квалификацией². Постепенно такие амбиции стали облекаться в институциональные формы, в создание «вольных» (то есть негосударственных) научных обществ и организаций.

Во второй половине XIX в. появилась целая сеть научно-технических обществ в России. В середине столетия их было 20–25, в начале 1880 гг. – почти 200, а в конце 1890 гг. – уже 340. Вместе с численным ростом расширялась их география: к середине 1890 гг. «своим» научным обществом могли похвастаться уже 100 городов Российской империи³. Сегодня этим

¹ Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // *Ab Imperio*. 2011. № 2. С. 47–82.

² Юбилей доктора Громова // *Друг здравия*. 1852. № 40. С. 183.

³ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 45.

научным организациям посвящена довольно обширная историография⁴.

Стремление участников вольных обществ к консолидации и взаимодействию воплотилось в широком размахе съездовской активности⁵. «Пироговское» общество проводило съезды русских врачей, Русское техническое общество – съезды деятелей по техническому образованию, Московское педагогическое общество – съезды учительских обществ⁶. Демократический принцип рекрутирования участников и открытость научных съездов способствовали преодолению локальной замкнутости и обособленности ученых, сотрудничеству представителей отдельных профессий и общественных организаций, а также популяризации и массовизации науки, как особой сферы деятельности, в целом.

В данной статье изучается состав участников съездов русских естествоиспытателей и врачей (13 съездов), которые проводились в России с 1867 до 1913 годы⁷. В общей сложности в них приняли участие более 23 тысяч человек: тысячи ученых и любителей науки. Участники не только обменивались друг с другом обретенным новым знанием, но и поднимали социальные проблемы: от необходимости высшего образования для женщин и до объединения сил земского «третьего элемента»⁸.

⁴ См. также: *Иванов А.Е., Степанский А.Д.* Общественные организации в академическом пространстве России XIX – начала XX в. // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011. С. 468–518; *Bredley J.* Voluntary associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Harvard Univ. Press, 2009; *Бастракова М.С.* Научное сообщество России во второй половине XIX века (становление, особенности, облик) // Архив истории науки и техники. М., 2007. Вып. 3; *Стереокопытов С.П.* История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX–XX вв.): Учеб. пособ. М., 2002; *Очерки русской культуры XIX века. Т. 1–3.* М., 2000–2001; *Савчук В.С.* Естественнонаучные общества юга Российской империи: вторая половина XIX – начала XX века. Днепрпетровск, 1994; *Общества естествоиспытателей при университетах дореволюционной России: к 125-летию начала деятельности.* Л., 1990; *Филиппов Н.Г.* Научно-технические общества России (1866–1917). М., 1975.

⁵ *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 137–138.

⁶ Там же. С. 45.

⁷ *Тихонович Н.Н.* Съезды русских естествоиспытателей и врачей // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 1. М., 1953. С. 95–119.

⁸ *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 104.

У съездов русских естествоиспытателей и врачей был довольно широкий социальный состав участников. Основную массу делегатов составляла высшая школа. Это профессора, доценты, преподаватели, студенты и выпускники университетов, академий и институтов. Значительную группу составляли профессиональные медики, инженеры, а также учителя средней школы⁹. Кроме того, заседания съездов посещали любители науки.

В качестве площадок для проведения заседаний съезды русских естествоиспытателей использовали разные, но главным образом университетские города. В организационном отношении съезды делились на секции или отделы, количество которых менялось в зависимости от специализации участников. Докладчиком мог быть любой желающий. Достаточно было лишь изъяснить желание председателю секции в день заседания.

Просопографический анализ участников отдельных секций (создание их коллективной биографии) подразумевает соединение в единой базе данных совокупности имеющихся идентификационных признаков и, затем, их обобщение на основе разработанных классификационных систем. Полученные благодаря этому статистические срезы дают возможность определить роль съездов в институциональной истории науки и в процессах создания экспертных сообществ. А соотнесение данных об участии в съездах конкретных ученых (в данном случае зоологов) с их научными биографиями позволяет делать выводы о новых практиках академической жизни, сформировавшихся в пореформенной России благодаря гражданской активности ученых.

Самоописания съездов

Деятельность научных съездов довольно хорошо задокументирована. Источниковой основой для данного исследования стали Труды съездов русских естествоиспытателей и врачей, отдель-

⁹ Подр. см: *Loskutova M.V. Public Science as a Network: The Congresses of Russian Naturalists and Physicians in the 1860s-1910s // Baltic Journal of European Studies, Journal Of Tallinn University Of Technology. 2011. Vol. 1. № 1(9). P. 201; Лоскутова М.В. Съезды русских естествоиспытателей и профессорско-преподавательский корпус университетов России (1860-1910-е годы) // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов 1884-1917 гг.: Исследования и документы / ред. М.В. Грибовский и С.Ф. Фоминых. Томск, 2012. С. 95-119.*

но изданные протоколы их заседаний, Дневники и Справочные книжки.

После завершения каждого съезда создавалась комиссия по изданию заслушанных выступлений. Иногда на это удавалось получить довольно большие деньги. Например, на проведение первого съезда из разных источников было собрано 6600 руб., 2905 руб. из которых пошли на публикацию¹⁰. В «Трудах» издавались протоколы общих (обычно их было три) и секционных заседаний, а также тексты сообщений.

Уже после первого съезда организаторам стало понятно, что своевременное полнотекстовое издание протоколов – необходимый, но весьма трудоемкий процесс. Поэтому при подготовке второго съезда его комитет принял решение «во-первых, усерднейше просить всех, желающих сделать какое-либо сообщение на заседании, излагать в извлечении письменно содержание для внесения в протоколы в том виде, как того желали бы сами авторы и, во-вторых, просить гг. заведующих секциями, равно как и гг. председателей и секретарей отдельных секционных заседаний, – озаботиться об аккуратном и своевременном доставлении извлечений из рефератов и составлении кратких отчетов о происшедших по поводу их дебатов»¹¹.

«Труды» не имели жестко закрепленной структуры. К тому же были годы, когда участники съезда не могли позволить себе такое издание по финансовым причинам. Например, протоколы и сообщения VIII съезда (Петербург, 1890 год) не были изданы в виде «Трудов». Вместо этого вышел «Дневник» съезда. Он был призван обслуживать насущные потребности конгресса непосредственно во время его проведения. Дневник выходил каждый день, или раз в два дня. Он позволял уточнять вопросы повестки дня, из него делегаты узнавали о заявленных на секциях докладах, о планируемых экскурсиях и т.д. В течение съезда вышло 10 номеров такого издания. Они имели сплошную нумерацию, что было удобно при сшивании этих изданий. I, II, IV, VI, VII и VIII съезды издали свои протоколы еще и отдельными брошюрами. Это были конспекты

¹⁰ Бекетов А.Н. Историческая записка об учреждении и ходе Первого съезда русских естествоиспытателей // Труды первого съезда русских естествоиспытателей в Санкт-Петербурге. СПб, 1868. С. 9.

¹¹ Труды второго съезда русских естествоиспытателей в Москве. М., 1870–1871. С. 11.

общих и секционных заседаний. Иногда в них включены списки членов съезда.

После изъявления намерения выступить с докладом, каждый ученый получал на руки специальный билет и справочную книжку. Первый содержал базовую информацию о месте и времени проведения съезда, льготах на проезд и проживание. Справочные книжки описывали деятельность предшествующих съездов, принятые на них решения и бюджете, приводили данные по численности участников и сделанных ими сообщениях.

На протяжении первых трех конгрессов, а также на V конгрессе, каждый выпуск «Трудов» открывался списком участников. Он представляет собой таблицу с сотнями имен. Кроме фамилии, имени и отчества список содержал сведения о месте жительства, должности, ученом звании и названии секции, в которой тот или иной делегат принял участие. Списки участников IV и VI съездов размещены в Протоколах, а список участников VII съезда опубликован не был.

В дальнейшем такие списки публиковались в Дневниках. Универсальная форма соблюдалась не всегда. С ростом числа участников, становилось все сложнее проводить их учет. В частности, список участников VIII съезда содержит только фамилии, имена и отчества, а также указание на место жительства (для жителей Петербурга с точным адресом). Списки делегатов IX и XI съездов содержат указания на секцию, но лишены сведений о профессии.

В целом, выявленные списки позволили установить профессиональную принадлежность 13102 из 23437 участников 13-ти съездов (около 56%), судить о географии их расселения в 22796 случаях из 23437 (97%) и о распределении ученых по секционным заседаниям (20582 делегатов, то есть 88%). Вместе с тем, мы убедились, что опубликованные списки членов съездов неполные. Многие делегаты не успевали заранее сообщить о своем намерении участвовать в съезде, другие не делали этого намеренно. Это особенно характерно для жителей тех городов, в которых съезды проводились. Они не нуждались в льготах на проезд и проживание, получить билет заранее им не было нужды.

Сопоставление имен докладчиков, которые указаны в протоколах секционных заседаний, с общими списками участников в целом ряде случаев позволило уменьшить погрешности. В ре-

зультате такой процедуры мы установили, что в списках участников нет каждого 10-го докладчика.

В настоящее время в историографии используются два разных подхода к изучению деятельности научных съездов. Один заключается в описании их научной направленности на основе первичного анализа протоколов заседаний и прочитанных сообщений¹². Второй подход состоит в анализе списков участников и проведении сопоставительного анализа персональных данных¹³. Он позволяет определить географию рекрутирования участников, их социальный состав, профессиональную принадлежность, корреляцию между социальной активностью ученого и его научной карьерой.

За исследуемые тринадцать лет съезды прошли в пяти университетских городах России. Несмотря на это, нельзя утверждать, что состав их участников вырос за счет расширения географии. В основном делегатов присылали одни и те же столичные и университетские города, а проведение съездов в провинциальных местах было чревато снижением интереса к съезду, падением численности делегатов. За все исследуемое время 80% участников были жителями университетских городов. Тем не менее, можно говорить о высокой интеграционной роли съездов. Они дали возможность обмениваться исследовательским опытом делегатам из 195 городов и сел.

Характеризуя профессиональную принадлежность делегатов съездов следует отметить определяющую роль высших учебных заведений в организации съездов. Именно ВУЗ'ы поставляли на съезды около четверти делегатов. 35% участников были практиками: врачи, инженеры, технологи. Их интересы побуждали съезды обсуждать насущные вопросы социальной и экономической жизни в Империи, а также оперативно внедрять научные достижения в производство и лечебную практику.

¹² См., напр.: *Тихонович Н.Н.* Съезды русских естествоиспытателей и врачей // *Очерки по истории геологических знаний.* М., 1953. Вып. 1; *Bradley J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia. Science, patriotism, and civil society. London, 2009.

¹³ См., напр.: *Петрова О.С.* Методы изучения массовых данных материалов археологических съездов (1864–1914 гг.) М., 2005; *Loskutova M.V.* Public Science as a Network: The Congresses of Russian Naturalists and Physicians in the 1860s–1910s // *Baltic Journal of European Studies, Journal Of Tallinn University Of Technology.* 2011. Vol. 1. № 1(9).

Статистика профессиональной принадлежности докладчиков заставила нас усомниться в историографическом тезисе о сравнительно позднем участии врачей в деятельности съездов – после 1871 г., когда в их структуре появились особые медицинские секции, а сами съезды обрели двойное название. В противовес этому данные, извлеченные из указанных источников, убедили нас в том, что даже на первом съезде врачи составляли доминирующую часть делегатов (около 20%). До открытия собственных медицинских секций они распределялись по секциям анатомии и физиологии.

База данных о зоологах

Статистика хороша для понимания представительности и репрезентативности съездов, но она не объясняет мотивацию участников, не позволяет установить актуальность и научную ценность их сообщений, роль конгрессов в решении конкретных проблем империи и определить влияние факта участия в нем на научную карьеру ученого. Отчасти ответы на эти вопросы содержатся в докладах участников, или их можно получить в результате сопоставительного анализа сообщений и других данных из совокупного «архива» съезда.

В данной статье сделана попытка получить такие ответы из материалов зоологической секции: из оглавления представленных на ней докладов и биографических сведений о докладчиках. Эта секция выбрана не случайно. Она была представлена на всех 13-ти конгрессах (на некоторых съездах проводились объединенные заседания зоологической, анатомической и антропологической секций). А показатели численности делегатов, записавшихся на эту секцию, а также количество выступлений, прочитанных на ней, на протяжении исследуемого периода оставалось ровным.

За изучаемое пятидесятилетие на секции зоологии выступили 230 человек. Они сделали более 600 сообщений. Работа с данными такого объема классическими методами исторической науки довольно трудоемка, поэтому для упрощения анализа они были помещены в базу данных. Она состоит из 10 столбцов и 574 строки.

Первые пять столбцов таблицы заполнялись данными из протоколов заседаний. Они озаглавлены «№ съезда», «город», «год», «секция» и «№ заседания». На втором и третьем съездах секция зоологии была объединена с секцией анатомии и физиологии; на пятом, девятом и одиннадцатом – с секцией сравнительной ана-

томии, а на седьмом – с секцией антропологии. Подобные слияния происходили по причине слабой представительности данной дисциплины в профессиональном сообществе естествоиспытателей и делалось это по инициативе самих участников. Так, на втором съезде председатель первого заседания секции зоологии Ф.В. Овсянников обратился к присутствующим с предложением объединить отделения зоологии и сравнительной анатомии, а также отделения анатомии и физиологии, на что получил согласие присутствующих¹⁴. На некоторых съездах автономно действующие отделения могли организовать несколько совместных заседаний. Так, на тринадцатом съезде в Тифлисе одно из шести заседаний секции зоологии (а именно – второе) прошло совместно со специалистами по анатомии и физиологии.

В пятом столбце доклады зоологической секции распределены по годам. Эта нехитрая процедура позволила увидеть, что на каждом съезде число заседаний зоологов было разным. На первом – их было всего четыре, а на одиннадцатом и двенадцатом (самых многочисленных, число участников которых превысило пять тысяч человек), чтобы прослушать все доклады зоологам пришлось собираться одиннадцать раз.

В шестое поле («ФИО докладчика») заносилось имя человека, прочитавшего доклад. Их извлечение из протоколов выявило большое число однофамильцев, фигурировавших в этих описаниях без имен и инициалов. Для их идентификации использовались списки участников съезда. В базе данных содержатся 232 фамилии зоологов и только пять из них не установлены.

Седьмое поле озаглавлено «Должность докладчика». В него вносились сведения о должности докладчика на момент его выступления. Но поскольку в списках VIII, IX и XI съездов нет данных о профессиональной принадлежности делегатов, а списки VII съезда не были опубликованы, для восполнения недостающих сведений использовались справочные издания, такие как «Биологи»¹⁵, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона¹⁶, Русский биографический словарь¹⁷, Биографический справочник М.А. Бло-

¹⁴ Труды второго съезда русских естествоиспытателей. М., 1869. Ч. 2. С. V.

¹⁵ Бабий Т.П., Коханова Л.Л. Биологи. Биографический справочник. Киев, 1984.

¹⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М, 2001.

¹⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1896–1918.

ха¹⁸, Биографический словарь деятелей естествознания и техники¹⁹ и др. В результате этого, остались не раскрытыми должностные позиции 38-ми делегатов из 232 участников (то есть 16%).

Восьмое поле включило данные о месте жительства докладчика. Дополнение данных из списков участников сведениями из справочных изданий здесь осложнялось мобильностью делегатов. Некоторые из них за время действия съездов несколько раз меняли место жительства. Нам не удалось установить его для 30 участников (9%).

В раздел таблицы «Тема выступления» вносились формулировки сообщений, которые зафиксированы в протоколах съездов. Раздел «Публикация в Трудах» содержит библиографические описания опубликованных сообщений. В рубрику «Примечания» мы помещали данные, которые не подпали в тематику иных разделов, например, о докладчицах, любителях, организационные обсуждения, а также подведение итогов съезда.

Просопография секции

Доклады на секции зоологии делали участники, прибывшие на съезд из 34 городов Российской империи и трех городов Германии. 193 доклада (33,6%) было сделано делегатами из Санкт-Петербурга. В десятку самых значимых для деятельности секции входили еще семь университетских центров: Москва, Варшава, Киев, Одесса, Харьков, Казань, Юрьев, а также Севастополь и Симферополь. В Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Одессе и Казани съезды непосредственно проходили.

Представительство Севастополя на съездах объясняется прежде всего работой биологической станции. Решение о ее создании было принято после выступления Н.Н. Миклухо-Маклая на II съезде. Станция была открыта в 1871 г. при активном содействии Новороссийского общества естествоиспытателей²⁰.

В 1874 г. экстраординарным профессором при кафедре зоологии Новороссийского университета стал А.О. Ковалевский, приехавший

¹⁸ Блох М.А. Биографический справочник. Выдающиеся химики и ученые XIX–XX ст. Л., 1929–1931.

¹⁹ Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1958–1959.

²⁰ Виноградов К.А. Очерки по истории отечественных гидробиологических исследований на черном море. Киев, 1958. С. 19–20.

из Киева. С этого времени деятельность Севастопольской биологической станции была тесно связана с его именем и он же был активистом съездов. С 1881 по 1891 г. станцией заведовала С.М. Переяславцева, которая пять раз выступала на съездах с докладами и четырежды избиралась в председатели зоологической секции. Тематика ее выступлений была посвящена фауне Черного моря и деятельности биологической станции в вопросах ее изучения.

Табл. 1

Распределение докладчиков по городам

Место жительства докладчика	Количество сделанных докладов	В проц.
С.-Петербург	193	33,6%
Москва	119	20,7%
Варшава	39	6,8%
Киев	38	6,6%
Одесса	36	6,3%
Харьков	25	4,4%
Казань	23	4,0%
Севастополь	14	2,4%
Юрьев	7	1,2%
Симферополь	6	1,0%
Ново-Александрия	4	0,7%
Владикавказ	3	0,5%
Иена	3	0,5%
Виллафранка	3	0,5%
Тифлис	3	0,5%
Уральск	3	0,5%
Екатеринодар	2	0,3%
Егорьевск	2	0,3%
Петровское-разумовское	2	0,3%
Майкоп	2	0,3%
Прочее	17	3,0%
Нет данных	30	5,2%
ВСЕГО	574	100,0%

На протяжении интересующего нас периода по одному докладу сделали делегаты из Екатеринославля, Александровска

(Архангельская губ.), Бугуруслана (Самарская губ.), Тороповца, Везенберга, Сухуми, Ставрополя, Гельсингфорса, Неаполя, Пскова, Омска, Карлсруэ, Николаева, Кишинева, Ярославля, Саратова. Интересна история появления в этом списке Пскова.

В 1871 г., на третьем съезде Л.А. Маровский, псковский врачебный инспектор, обратился к членам зоологической секции с просьбой помочь его губернии. Урожай льна в Пскове был под угрозой истребления гусеницей ночной бабочки. Делегаты съезда приняли активное участие в решении этой проблемы. Впрочем, это был единственный случай подобного обращения, что свидетельствует о слабости связей ученых с практиками и государственными структурами.

Делегаты от высшей школы имели разные ученые статусы: профессора, доктора наук, доценты, магистры, аспиранты, кандидаты, студенты, хранители музеев, библиотекари. Наиболее активными были профессора. Им принадлежат 189 докладов (33%) из 574.

По данным М.В. Лоскутовой университеты и высшая школа обеспечивали около четверти участников научных съездов²¹. Однако статистика докладчиков еще более радикальна. В ней университетских людей еще больше. Профессиональные учителя, по мнению Лоскутовой, представляли вторую стабильную профессиональную группу, которая насчитывала около 15% участников конгрессов²². Однако, среди докладчиков их менее двух процентов, что говорит о низкой активности учителей на съездах. Они приезжали туда набраться опыта и обрести новые профессиональные знания.

На протяжении всего периода деятельности зоологической секции съезда 232 докладчика прочитали 408 сообщений и 166 раз избирались в секретари и председатели секционного заседания. 123 делегата из 232 (51%) прочитали на секции всего 1 сообщение, однако, многие докладчики сделали по несколько сообщений, некоторые выступали по 2-3 раза на одном заседании. Мы выявили ядро активистов-зоологов на съезде.

²¹ *Loskutova M.V. Public Science as a Network: The Congresses of Russian Naturalists and Physicians in the 1860s-1910s // Baltic Journal of European Studies, Journal Of Tallinn University Of Technology. 2011. Vol. 1. № 1(9). P. 201.*

²² *Ibid. P. 201.*

Табл. 2

Активность разных профессиональных групп

Указанные в списках должности	Кол-во докладов	В проц.
Профессора	189	32,9%
Доценты	44	7,7%
Магистры	37	6,4%
Консерваторы, сотрудники музея или зоологического кабинета	27	4,7%
Студенты	20	3,5%
Магистранты	18	3,1%
Доктора зоологии	18	3,1%
Хранители музеев	17	3,0%
Сотрудники Севастопольской биологической станции	17	3,0%
Кандидаты университета	17	3,0%
Лаборанты	15	2,6%
Ассистенты в университете	15	2,6%
Доктора медицины	13	2,3%
Преподаватели гимназии	10	1,7%
Ректоры	8	1,4%
Члены научных обществ	8	1,4%
Врачи	6	1,0%
Заведующий энтомологическим кабинетом Таврического земства	6	1,0%
Аспиранты	5	0,9%
Преподаватели реальных училищ	4	0,7%
Слушатели университета	4	0,7%
Секретар физико-математического факультета МГУ	3	0,5%
Библиотекари	2	0,3%
Директора Высших женских курсов	2	0,3%
Ихтиологи	2	0,3%
Причисленные к университету	2	0,3%
Старший специалист Департамента земледелия по прикладной зоологии и охоте на Кавказе	2	0,3%
Старший специалист по рыбным и звериным промыслам	2	0,3%
Прочее	15	2,6%
Нет данных	46	8,0%
ВСЕГО	574	100,0%

Табл. 3

Активисты зоологической секции

ФИО	Кол-во докл.	Пред. засед. (раз)	Секр. засед. (раз)	Дата рожд.	Служебная позиция
Н.П. Вагнер	19	2		1829	профессор С.-Петербургского университета
Н.Ю. Зограф	13	2		1851	профессор Московского университета
Н.В. Насонов	10	2		1855	профессор Варшавского университета
Н.А. Холодковский	8	3		1858	профессор Военно-медицинской академии
А.О. Ковалевский	8	3		1840	профессор университета Св. Владимира
А.А. Тихомиров	8	3		1850	ректор Московского университета
А.Ф. Брандт	8	1	1	1844	профессор Харьковского университета
Ф.В. Овсянников	7	3		1827	академик, профессор С.-Петербургского университета
В.В. Заленский	7	1	1	1847	директор Зоологического музея Петербургской АН
В.М. Шимкевич	6	2		1858	Профессор, заведующий кафедрой зоологии Петербургского университета
А.А. Коротнев	6		2	1851	профессор Киевского университета
И.И. Мечников	6	1		1845	профессор Новороссийского университета
С.М. Переяславцева	5	4		1849	Заведующая Севастопольской биологической станцией
А.Н. Северцов	5	3		1866	профессор университета Св. Владимира
М.С. Ганин	5	3		1839	профессор Варшавского университета
К.К. Сент-Илер	5	1	1	1834	профессор Юрьевского университета

Г.А. Кожевников	5		2	1866	профессор, директор зоологического музея Московского университета
Н.В. Бобрецкий	3	4	1	1843	профессор университета Св. Владимира
А.Ф. Стюарт	3	1	3	1842	приват-доцент Новороссийского университета
К.С. Мережковский	2		5	1855	студент Петербургского университета, консерватор зоологического кабинета

Из них шестнадцать человек имели статус профессора, а остальные, так или иначе, были тесно связаны с университетами.

А.Ф. Стюарт получил звание магистра в Юрьевском университете в 1866 г., после чего переехал в Одессу и в конце 1860 гг. занимался организацией Новороссийского общества естествоиспытателей. В начале 1870 гг. он участвовал в создании Севастопольской биологической станции²³. Александр Федорович выступал на I, II, и III Съездах, а на остальных съездах был либо секретарем, либо председателем заседаний. Тогда он преподавал в Новороссийском университете и был президентом в Новороссийском обществе естествоиспытателей²⁴.

Стюарт не был постоянным членом университетской корпорации, преподавал он всего несколько лет, а после окончания работ по устройству Севастопольской станции уехал в Бессарабию, где занимался общественной работой и в съездах уже не участвовал. Возможно, что его активность в организации съездов была связана с намерением построить научную карьеру.

Владимир Владимирович Заленский был профессором Казанского (с 1871 г.), а затем Новороссийского (с 1882 г.) университетов. В 1897 г. он был избран ординарным академиком Императорской Академии наук, в которой вплоть до 1906 г. служил директором зоологического музея²⁵.

Софья Михайловна Переяславцева родилась в Воронеже, после окончания училища пробовала поступать в высшие

²³ Мечников И.И. Избр. произв. М., 1956. С. 408.

²⁴ Там же. С. 413.

²⁵ Русский биографический словарь. СПб., 1896–1918. Т. 7. С. 202.

учебные заведения Санкт-Петербурга, однако попытки были неудачны. Тогда она переехала в Харьков, где проживала с 1870 по 1872 г. и слушала лекции в Харьковском университете. В 1873 г. Переяславцева поступила в Цюрихский университет, который окончила через три года. В 1876 г. Софья Михайловна вернулась в Санкт-Петербург. Она сразу же приняла активное участие в работе зоологического отделения местного отделения общества естествоиспытателей.

Осенью 1878 г. Новороссийское общество естествоиспытателей предложило Софье Михайловне заведовать недавно основанной Севастопольской биологической станцией²⁶. Годы работы на станции ознаменовали расцвет ее научной карьеры. Именно в этот период она участвовала в работе съездов и была единственной ученой дамой на заседаниях зоологической секции. Невозможность построить академическую карьеру толкнула Переяславцеву к участию в неинституализированных научных обществах.

Константин Сергеевич Мережковский выступал только на одном съезде. Он приехал на VI конгресс вместе со своим учителем, Н.П. Вагнером, будучи студентом Петербургского университета и попал в список наиболее активных участников потому, что за время работы секции пять раз избирался секретарем заседания. После окончания университета Мережковский работал ассистентом Вагнера, а потом преподавал в Петербургском университете в должности приват-доцента. В 1886 г. он ушел из университета и уехал работать в Крым²⁷. В съездах участия он больше не принимал. В его случае также подтверждается наша гипотеза о функции съезда как своего рода саморегулирующегося профессионального рынка труда. Оставив надежды на университетскую карьеру, ученый перестал быть участником съездов.

Самым активным участником зоологической секции был Николай Петрович Вагнер. На I, II, V, VI и VIII конгрессах он сделал 19 докладов и два раза избирался в председатели секционного заседания. Николай Петрович родился в 1829 г. и приехал на

²⁶ Виноградов К.А. Указ. соч. С. 19-20.

²⁷ Мережковский Константин Сергеевич // Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890-1916. URL: <http://www.brocgaus.ru/text/065/078.htm> (дата обращения: 15.11.2012).

первый съезд после защиты докторской диссертации, в 38 лет, будучи профессором зоологии в Казанском университете²⁸.

Особенно активным Вагнер был в 1889 году. Тогда он перешел на службу в Санкт-Петербургский университет. На секции зоологии он прочитал восемь докладов. Вероятно, это был пик его исследовательской работы. В 1885 г. вышла его монография «Беспозвоночные Белого моря», завершившая кропотливый труд, который Вагнер проводил на основанной им Соловецкой биостанции²⁹. Примечательно, что как раз незадолго до съезда 1889 г. в его жизни произошли трагические события. В 1888 г. его сын Владимир попал в тюрьму за убийство жены. Дело сопровождалось не только личными переживаниями отца за сына, но и общественным скандалом³⁰. В этом контексте показательным, что на первом же секционном заседании Вагнер был избран коллегами почетным председателем, причем несменяемым на все время деятельности съезда. Такого ни разу не случилось с другими делегатами. Тем самым профессиональное сообщество выразило свою поддержку коллеге и уважение к его научному авторитету.

Николай Юрьевич Зограф был представителем другого поколения. Он был на 22 года моложе Вагнера. Естественно, что его поведение и его восприятие на съездах было иным. На VI, VII, VIII, IX и XII форумах он сделал 13 сообщений и дважды избирался председателем секционного заседания. Впервые Зограф приехал на съезд в 1879 г., в возрасте 28 лет. Тогда у него за плечами было только окончание Московского университета, начало преподавательской службы в нем и стажировки за границей от московского Общества любителей естествознания. Правда, кроме того, он принял участие в экспедиции на север европейской части России, в Канинскую тундру и на Канин полуостров, и совершил ряд поездок для раскопок курганов и антропометрических наблюдений³¹. Однако, несмотря на его высокую профессиональную подготовку и исследовательскую

²⁸ Горяшко А. Плохой хороший человек. Личность и судьба Н.П. Вагнера // Материалы науч. конф., посвященной 70-летию Беломорской биологической станции МГУ: Сб. статей. М., 2008. С. 13.

²⁹ Там же. С. 15.

³⁰ Там же. С. 16.

³¹ Зограф Николай Юрьевич // Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб, 1890–1916. URL: <http://www.brocgaus.ru/text/042/074.htm> (дата обращения: 15.11.2012).

активность, Зограф был внесен в списки участников съезда как «магистрант» и сделал всего одно сообщение³².

А вот через четыре года, на VII съезде он сделал уже восемь сообщений. В том же году он защитил магистерскую диссертацию и вскоре получил должность приват-доцента Московского университета. Его сообщения очень разнообразны по тематике: от антропологических исследований народов Сибири до описания многоножек. На VIII, IX и XII съезды Зограф приезжал будучи профессором. Таким образом вся его научная карьера оказалась сопряженной с деятельностью съездов.

На шестом заседании секции зоологии VII съезда Зограф обратился к врачам с просьбой оказать помощь в его работе со статистикой гельминтиазма (болезни, вызванной червями-паразитами). За всю историю секции таких воззваний к междисциплинарной кооперации было всего два. Автор первого – А.П. Вальтер, профессор Киевского университета, который на третьем съезде сообщил о предварительных результатах своих исследований в надежде на то, что коллеги помогут ему выяснить темные стороны вопроса «о животной теплоте».

Итак, создание базы персональных данных по участникам зоологической секции съездов русских естествоиспытателей и врачей позволило осуществить просопографический анализ. Его результатами стало выявление институциональных механизмов функционирования в России новой формы академической активности, которая выводила российских интеллектуалов из созданной для них государством «башни из слоновой кости». Выявленные нами данные по одному из сегментов российской науки продемонстрировали центричность научной жизни в России, ее сосредоточенность в столичных и университетских городах. Съезд и непосредственное общение представителей смежных дисциплин порождало ситуацию междисциплинарного обмена, что в условиях дисциплинарного бума второй половины XIX века явно стимулировало рождение новых наук и развития пограничных зон. Одновременно участники съезда становились инициаторами расширения географии научной жизни и создания новых для нее институциональных форм (примером тому Севастопольская станция).

³² Малахов В.В. Очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета. М., 2006. С. 19.

Что касается социальной функции, то довольно редко научные съезды прерастали в площадки взаимодействия ученых и государственных чиновников на вневедомственной основе, на основе обоюдной заинтересованности в устройении рационального государства. Соотнесение персональных биографий ученых с фактами их участия в деятельности съездов показывает, что возникшие форумы тяготели к тому, чтобы взять на себя функцию своего рода рынка академического труда. Это обстоятельство делало их привлекательными для участников с замыслами академической карьеры и непривлекательными для людей с этосом социального служения.

ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

И. Шиллер-Валицка

Институт истории Польской АН,
университет им. кардинала Стефана Вышинского
E-mail: rozprawy@ihnpan.waw.pl

В данной статье рассматриваются проблемы общественных и академических обстоятельств, которые в конце XIX в. поставили на повестку дня необходимость глубокой перемены университетского законодательства. Студенческие забастовки и большое недовольство российских профессоров по поводу законодательного положения российских университетов стали причиной приготовления многих проектов нового университетского устава со стороны как чиновников МНП так и профессоров. Борьба за академическую свободу и независимость от МНП заставили профессуру учредить во время первой российской революции собственный Профессорский академический союз, который подготовил наиболее демократический проект университетского устава в истории российских университетов. В статье указаны этот и другие проекты того времени, вместе с попыткой сравнительной их характеристики с точки зрения как государства так профессорской и студенческой среды.

Ключевые слова: университетское законодательство, студенческое движение, студенческие забастовки, университетская автономия, Профессорский академический союз.

THE REFORMS OF RUSSIAN UNIVERSITIES THE END OF 19TH - BEGINNING OF 20TH CENTURY

I. Schiller-Walicka

The article presents the social and academic conditions which necessitated in the end of 19th century the need of Russian universities law reforms. The student's strikes, the huge discontent of Russian professors of University Statute 1884 was the reason for preparing many propositions of new university statutes. The struggle for academic freedom and scientific independence inclined Russian professors to join the Union of Russian Universities Professors which prepared the most democratic university statute in its history. The comparative characteristic of this and other propositions of changing the university jurisdiction is the main topic of this article.

Key words: The university's jurisdiction, the student's strikes, the autonomy of universities, The Union of Russian Universities Professors.

Период конца XIX – начала XX в. стал поворотным в истории российских университетов. Правовые основы академической жизни тогда определялись «Общим уставом Императорских российских университетов» от 23 августа 1884 года¹. Этот закон, работа над которым началась почти сразу же после того, как министром народного просвещения был назначен Д.А. Толстой, получил негативную оценку. Причем, как современников, так и позднейших исследователей². Разработчикам ставили в вину беспрецедентное сокращение университетской автономии и превращение профессоров в чиновников, полностью зависимых от министерской бюрократии. Подобные упреки не лишены оснований: новый нормативный акт действительно резко ограничил самоуправление учебных заведений. Вместе с тем, необходимо признать, что на практике эти ограничения оказались меньше, чем предусматривалось первоначальным проектом.

По сравнению с Уставом 1863 г., в Уставе 1884 г. было радикально изменено распределение властных прерогатив между министерством, административным аппаратом учебных заведений и университетскими коллегиальными органами. Существенно расширились права министра просвещения и попечителей учебных округов, что полностью отвечало основной цели реформы – усилению контроля государства над университетами. Если раньше ректоры, деканы и профессора выбирались, то теперь их назначали: ректоров и профессоров по решению министра, а деканов – распоряжением попечителя учебного округа. Из куратора попечитель стал руководителем, следившим за тем, чтобы в учебно-методической работе университета точно выполнялись все действующие инструкции. Кроме того, попечитель оказался единственным посредником между учебным заведением и министерством³. Изменилась роль ректора, подлежавшего переназначению раз в четыре года – он сделался правой рукой попечителя, потеряв свой

¹ См.: Общий устав Императорских российских университетов 23 августа 1884 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1893. Т. 9. Стб. 985–1026.

² См.: *Соловьев И.М.* Университетский вопрос во вторую половину XIX века // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: историч. сб-к / под ред. В.В. Каллаша. М., 1913. С. 213–217; *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976; *Аврус А.И.* История российских университетов. Саратов, 1998; *Иванов А.Е.* Университетская политика царского правительства накануне революции 1905–1907 годов // ОИ. 1995. № 6. С. 93–105.

³ См.: Общий устав... Стб. 985–986.

прежний статус *primus inter pares*⁴. Совет университета, располагавший до той поры весьма широкими правами, почти не мог теперь принимать самостоятельных решений, не предполагавших утверждения попечителем или министром.

К числу немногих сохранившихся университетских привилегий относились утверждение ученых степеней, присуждение (по предложениям факультетов) степени доктора тем магистрантам, диссертации которых отличались исключительными научными достоинствами, а также установление числа медалей за письменные работы, присуждаемых студентам и вольнослушателям в очередном учебном году. Постановления совета по всем прочим вопросам, в том числе, об избрании почетных членов университета, о выдвигании кандидатов в профессора, о слиянии и разделении кафедр, об оплате труда приват-доцентов, об утверждении учебных планов, разрабатываемых факультетами, о распределении финансов между учебно-вспомогательными структурами – все это следовало через попечителя представлять на утверждение министра⁵.

Многие решения факультетов и правления вуза требовали санкции попечителя. В частности, подбор персонала учебно-вспомогательных структур и университетских клиник. То же касалось допуска приват-доцентов к преподаванию, оставления для подготовки к профессорскому званию и направления в зарубежные научные командировки⁶. Можно сказать, что все служащие университетов – от ректоров до самых младших технических сотрудников – зависели от властей.

Правление, состоящее из ректора, деканов и инспектора студентов, занималось хозяйственными вопросами, студенческой жизнью и поддержанием дисциплины. По предложениям ректора данный орган обсуждал прием студентов и допуск на занятия вольнослушателей, а также принимал решения об отчислении. При этом, если по уставу 1863 г. подобные вопросы находились в компетенции ректора, а основанием для принятия решений служили положения, разрабатываемые советом университета, то теперь правление обязано было следовать инструкциям, составленным в министерстве. К функциям правления относились также судебные разбирательства над студентами в установленном ми-

⁴ См.: Общий устав... Стб. 987–989.

⁵ См.: Там же. Стб. 992–995.

⁶ См.: Там же. Стб. 992.

нистерскими предписаниями объеме, а также назначение наказаний за дисциплинарные проступки. Университетский суд, состоявший из профессоров, был, соответственно, ликвидирован, а полномочия инспектора, назначаемого министром по предложению попечителя, значительно возросли⁷.

В Уставе 1884 г. ничего не говорилось о правах студенческой корпорации (впрочем, в уставе 1863 г. дело обстояло аналогично). Слушателям предстояло узнать об организации своей повседневной жизни из особых предписаний. Разработку этих предписаний Устав 1884 г. возлагал на министерство, чиновники которого подготовили инструкцию для инспекции, пересмотрели ранее действовавшие положения о приеме, оплате обучения, назначении стипендий и пособий, а также о правах, обязанностях и наказаниях студентов.

Новые правила, общие для всех действующих в рамках устава университетов, появились в мае 1885 года. Ключевой тезис документа состоял в том, что «студенты считаются отдельными посетителями университета, а потому не допускается никакое действие их, носящее на себе характер корпоративный»⁸. В развитие этого принципа воспрещалось подавать коллективные просьбы и обращения, выдвигать делегатов для представления общих интересов, вывешивать объявления без разрешения и письменной визы инспектора или его помощника. На территории университета категорически не допускались сходки, митинги, акции по сбору средств, театральные представления, концерты, балы и иные собрания, не имеющие научного характера. Запрещалось организовывать читальни, столовые, общественные кухни и кассы взаимопомощи, а тем более участвовать в тайных обществах и кружках, даже если таковые и не преследовали политических целей⁹.

Неудивительно, что Устав 1884 г. и новые правила для студентов академическое сообщество оценило как бесцеремонное вторжение властей во внутреннюю жизнь университета и удар по университетскому самоуправлению. Болезненнее всего было воспринято резкое снижение значения университетских советов. Не-

⁷ См.: Общий устав... Стб. 999–1001.

⁸ Правила для студентов университетов во время прохождения курса // ЖМНП. 1885. Ч. 340. Июль. С. 37.

⁹ См.: Правила для студентов университетов во время прохождения курса... С. 38.

согласие с этим вылилось в протесты, сила которых со временем нарастала. Особенно радикально протестовали студенты.

Студенческий протест к этому времени уже имел свою историю. На заре шестидесятых годов активное студенческое движение стало катализатором изменений в законодательстве о высшем образовании. Аналогичным образом, волна студенческих выступлений, поднявшаяся в конце XIX в., вынудила правительство обратиться к проблеме правового статуса российских университетов. По мнению А.А. Кизеветтера, до середины 80-х гг. XIX в. студенческие протесты не носили организованного характера¹⁰. Однако к концу того же десятилетия хаотичное и не имеющее руководства протестное движение стало организовываться. Основой для этого служили землячества, которые стремились наладить сотрудничество и создавали из своих представителей общероссийские органы, «Союзные советы соединенных землячеств» или «Исполнительные центральные комитеты»¹¹. Исследователи (а равно и непосредственные свидетели событий) полагают, что приблизительно до 1896 г., являющегося в этом отношении рубежом, деятельность советов землячеств не имела политической окраски¹². Характер и ход крупнейших студенческих выступлений, прошедших с 1884 г. и до первой общероссийской студенческой забастовки 1899 г., а также содержание составленных протестующими обращений, свидетельствуют, что основными мотивами протеста были стремление расширить права студенчества как корпорации, недовольство политикой руководства (особенно инспекции) и солидарность с несправедливо наказанными либо отчисленными сокурсниками.

Показателен и заслуживает отдельного упоминания тот факт, что уже во время первых волнений, связанных с новым уставом, некоторые правые по своей ориентации издания (например, «Гражданин») возлагали вину за происходящее не на молодежь, а

¹⁰ См.: Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий : (воспоминания 1881–1914). Прага, 1929. С. 43–44.

¹¹ См.: Мельгунов С.П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904.

¹² См.: Kassow S.D. Students, Professors and State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 8; Маурер Т. Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции: сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 276; Фриче В.М. Высшая школа в конце века // История России в XIX веке. СПб., 1912. Т. 9. С. 156–157.

на профессию. Публицисты правого толка категорически не желали замечать, что законодательство лишило профессорско-преподавательский состав почти всех орудий дисциплинарного воздействия и полностью пресекло их воспитательную работу. Высказанные тогда оценки породили усиливающуюся, но далеко не оригинальную кампанию обвинений против профессоров. Им вменялось в вину, как минимум, неумение работать с молодежью, а нередко и поддержка (если не провоцирование) антиправительственных выступлений в студенческой среде. Пиком этой кампании стали публикации В.М. Пуришкевича¹³.

В 1890 г. председатель Ученого совета Министерства народного просвещения А.И. Георгиевский выпустил исследование, из данных которого видно, что акции протеста, демонстрации и митинги с требованием возвращения университетской автономии происходили в Империи повсеместно и ежегодно¹⁴. Однако, некоторые подвижки в сторону пересмотра законодательства об университетах наметились только после первой общероссийской студенческой забастовки февраля – марта 1899 г., начало которой было положено 8 февраля выступлением студентов Санкт-Петербургского университета¹⁵. В общей сложности, в забастовке приняло участие около 25 тысяч студентов из 30 высших учебных заведений¹⁶.

Власти ответили на массовые протесты появлением двух правовых актов. Первый допускал, что под руководством профессоров и под их личную ответственность студенты могут создавать научные и литературные общества, а также хоры и оркестры¹⁷. Это было явное послабление. Но, второй циркуляр о призыве студентов-бунтовщиков в армию, ввел одну из самых строгих ог-

¹³ См.: Пуришкевич В.М. Материалы по вопросу о разложении современного русского университета. СПб., 1914.

¹⁴ См.: Извлечения из книги А.И. Георгиевского «Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков» // Материалы по университетскому вопросу. Стуттгард, 1902. Вып. 1.

¹⁵ См.: Kassow S.D. Op. cit. P. 37–113; Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России. М., 1971. С. 30–41; Bazylow L. Polityka wewnetrzna caratu i ruchy społeczne w Rosji na początku XX wieku. Warszawa, 1966. S. 179–181.

¹⁶ См.: Гусятников П.С. Указ. соч. С. 33; Иванов А.Е. Университетская политика... С. 93.

¹⁷ См.: Об установлении более правильных отношений между профессорами высших учебных заведений и студентами // Циркуляр по Варшавскому учебному округу. 1899. № 8. С. 168–171.

раничительных мер за всю историю российской высшей школы¹⁸. Б.Н. Чичерин писал, что подобных по жестокости постановлений Россия не знала с того самого момента, когда в 1874 г. всеобщая воинская повинность стала почетной обязанностью каждого подданного Империи¹⁹.

Одновременное появление двух столь разных по духу правительственных распоряжений может удивить современного интерпретатора, но, если вдуматься, позиция властей была глубоко логична: послушные получили небольшие уступки, демонстрирующие добрую волю начальства, бунтовщиков ждали жестокие репрессии.

У современников была надежда, что опасность попасть в солдаты окажется фиктивной. Однако, в январе 1901 г. министр народного просвещения Н.П. Боголепов распорядился применить данную меру к 183 студентам Киевского университета, которые в октябре 1900 г. организовали обструкцию одному из преподавателей, обвинив его в дилетантизме²⁰. Данное решение спровоцировало вторую общероссийскую студенческую забастовку, длившуюся три месяца. В ней приняло участие около 30 тысяч студентов из 35 учебных заведений. Бастующие требовали отмены «Временных правил об отбывании воинской повинности...», восстановления в университете уже призванных в армию студентов, признания привилегий студенческой корпорации, отмены студенческой формы и платы за обучение²¹.

В этой ситуации Боголепов ушел в отставку, а сменивший его генерал П.С. Ванновский получил от Николая II указание усовершенствовать российскую систему образования²². Когда П.С. Ванновский объявил о пересмотре Устава 1884 г., студенты прекратили забастовку. В распоряжении от 29 апреля 1901 г. новый министр обратился к советам университетов представить предложения по

¹⁸ См.: Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков // Там же. С. 176.

¹⁹ См.: *Русский патриот* [Чичерин Б.Н.]. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900. С. 120–121.

²⁰ См.: *Гусятников П.С.* Указ. соч. С. 43–45; *Иванов А.Е.* Университетская политика... С. 98.

²¹ См.: *Гусятников П.С.* Указ. соч. С. 46–58; *Иванов А.Е.* Университетская политика... С. 98.

²² См.: Заметки Николая II о народном образовании // *Былое*. 1918. № 2. С. 63.

улучшению политики в области высшего образования²³. В дальнейшем политическая стратегия строилась на том, чтобы предоставляя льготы и опираясь на содействие профессоров, перетянуть лояльных студентов на сторону правительства. Воплощением этой линии стали временные правила, опубликованные 22 декабря 1901 года. Они позволяли создание студенческих научно-литературных и художественных кружков, а также столовых, чайных, касс взаимопомощи, библиотек и «попечительств для приискания занятий недостаточным студентам», целью которых было воспомоществование беднейшим из учащихся. Кроме того, было разрешено выбирать представителей студенчества – старост курсов и факультетов²⁴.

Эти уступки властей не удовлетворили значительную часть студентов, желавших самоорганизации. Это недовольство вылилось в третью забастовку, начавшуюся в середине января 1902 года. У ее участников появились политические требования – неприкосновенность частной жизни, свобода печати, свобода совести, свобода собраний, отмена ограничений по национальному признаку, восьмичасовой рабочий день для трудящихся и право на забастовку²⁵. Забастовка пошла на спад в начале апреля после массовых арестов, высылки и судов. Ванновский же вынужден был уйти в отставку²⁶.

Следствием описанных событий стало издание знаменитых Временных правил от 24 августа 1902 г., восстановивших университетские суды и передавших расследование дисциплинарных проступков студентов в ведение профессоров²⁷. Тремя днями позже, 27 августа 1902 г. был опубликован министерский циркуляр для попечителей учебных округов относительно новых «Пра-

²³ См.: Труды Высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 1. С. 1.

²⁴ См.: Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1902. Ч. 339. Февраль. С. 172–181.

²⁵ См.: *Przedświt*. 1902. № 3.

²⁶ См.: Письмо Николая II П.С. Ванновскому (1902 год) // Былое. 1918. № 1. С. 61.

²⁷ См.: Временные правила о профессорском дисциплинарном суде в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1902. Ч. 343. С. 80–83.

вил для студентов»²⁸. Они позволяли выбирать преподавателя-куратора курса, в обязанности которого входили организация студенческих собраний и посредничество между студентами и администрацией университета. Также разрешалось создание студенческих научных кружков, уставы которых должны были разрабатывать отвечающие за них профессора. Принятие новых норм означало очередной шаг по передаче профессуре ответственности за воспитание студентов, и было соответствующе ею воспринято. В то же время, повышалась степень ответственности профессорско-преподавательского состава за умонастроения и порядок в университете. Любые выступления в такой ситуации непременно обернулись бы очередной пропагандистской кампанией против профессоров, якобы не способных справиться с молодежью.

Работу по пересмотру университетского законодательства, начатую Ванновским, продолжил следующий министр народного просвещения, Г.Э. Зенгер. Циркуляром от 10 сентября 1902 г. он собрал специальную комиссию из представителей университетов, целью которой было всестороннее обсуждение материалов, поступивших в ответ на обращение Ванновского. Комиссия работала с 30 сентября по 17 декабря 1902 г., проведя в общей сложности 41 заседание. Результатом этой деятельности стала публикация пяти объемных томов с протоколами обсуждений, докладами и мнениями работников учебных заведений²⁹.

Рекомендации, которые были приняты большинством голосов, свидетельствуют, что участники дискуссии стремились вернуть Устав 1863 года. В материалах комиссии имеются многочисленные ссылки на нормы данного документа. Несущественные, но заслуживающие упоминания изменения были внесены для ограничения прав попечителей и с целью непосредственного взаимодействия между университетом и министром. Расширилась, по сравнению со временами Александра II, и компетенция совета вуза. Его предлагалось наделить правом контроля всех сторон жизни учебных заведений. При этом, предложенные профессорскими советами правила для студентов, были не менее жесткими, чем прежние, созданные правительственными чиновниками. Профессора тоже считали, что студенческие общества и организации могут

²⁸ См.: Циркулярное предложение попечителям учебных округов о правилах для студентов университетов // ЖМНП. 1902. Ч. 343. С. 89-91.

²⁹ См.: Труды Высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 1-5.

существовать только при условии полного контроля со стороны преподавательского состава.

Три месяца напряженной работы комиссии закончились ничем. После публикации её трудов реформа остановилась. Зато студенты останавливаться не собирались. Волна протестов, не спадавшая с первых месяцев 1903 г., выросла с началом русско-японской войны³⁰. Изучавший этот вопрос А.Е. Иванов констатировал, что власти пытались снизить накал протестов, признав некоторые права студенческой корпорации и восстановив профессорский суд, но эти попытки окончились провалом³¹.

Профессура также была разочарована действиями властей. Бесплодные усилия комиссии 1902 г. подорвали веру в готовность правительства провести полномасштабную реформу и изменить кризисную ситуацию. Критические настроения профессуры воплотились в статье одного из участников совещаний, князя Е.Н. Трубецкого. Он писал, что в сложившейся ситуации университетская реформа может состояться только как часть всеобъемлющей реформы государства, ибо проблемы университетов коренятся в существующем общественном устройстве. Правительство, заявил Е.Н. Трубецкой, не может отказаться от плотной опеки над наукой, ибо относится к ученому сообществу с недоверием, а студенты, в свою очередь, не доверяют наставникам из-за того, что находятся под жестким контролем властей³². В завершение автор с грустью признал: профессора не могут справиться со студенческими бунтами, поэтому правительству приходится либо восстанавливать порядок силой, либо закрывать университеты. Однако переход властей к силовым мерам оборачивается моральным банкротством профессуры и окончательно подрывает ее авторитет³³. Эти слова выразили трагичность положения российских профессоров накануне революции 1905 года.

Признание Трубецкого показывает, что значительная часть профессорско-преподавательского состава все яснее сознавала необходимость объединения и создания либеральной оппозиции режиму на основе конституционализма. Многие профессора вступали в нелегальные организации подобного толка, прежде всего, «Союз

³⁰ См.: *Kassow S.D.* Op. cit. P. 194; *Гусятников П.С.* Указ. соч. С. 119–128.

³¹ См.: *Иванов А.Е.* Университетская политика... С. 104

³² См.: *Трубецкой Е.Н.* Университетский вопрос // *Право.* 1904. № 52. С. 3577–3582.

³³ См.: Там же. С. 3583.

освобождения»³⁴. План действий, разработанный советом Союза в октябре 1904 г., включал создание объединений по профессиональному признаку. В совокупности, они должны были образовать Союз союзов³⁵.

Идея объединения преподавателей высшей школы была сформулирована еще в 1901 г. в ответе членов совета Санкт-Петербургского университета на 18 вопросов министра Ванновского. Их проект предполагал проведение периодических профессорских съездов, на которых бы обсуждались вопросы университетского быта. Это предложение упоминалось на заседаниях комиссии 1902 года³⁶. Однако реализовать его в тот момент не удалось из-за сопротивления со стороны министерства. Еще одну попытку добиться разрешения профессиональных съездов предприняли в 1904 г. киевские профессора³⁷. Реальная же работа по формированию Академического союза началась в конце 1904 г., когда инициативу взял в свои руки Союз освобождения.

Об Академическом союзе написано довольно много³⁸. Поэтому достаточно напомнить только о том, что его формальному созданию предшествовала публикация в январе 1905 г. документа, который получил известность как «Декларация 342-х» и может считаться программой новой организации³⁹. В ней говорилось об отсутствии академических свобод, о превращении науки в политический инструмент, об униженном положении ученых, уволенных из университетов и вынужденных ради пропитания служить на мелких чиновничьих должностях без какой-либо возможности влиять на принятие решений, а тем более – заниматься наукой.

³⁴ См.: *Кизеветтер А.А.* На рубеже... С. 351–356; *Иванов А.Е.* Российский ученый корпус в зеркале первой русской революции // *Неприкосновенный запас.* 2005. № 6 (44) (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/iv11.html>, дата обращения: 2.02.2012).

³⁵ См.: *Кизеветтер А.А.* На рубеже... С. 372.

³⁶ См.: *Труды высочайше учрежденной Комиссии...* Вып. 1. С. 42–43.

³⁷ См.: *Орлов В.* Академический профессорский союз // *БСЭ.* М., 1926. Т. 1. С. 770. Стоит отметить, что указанная статья имеется только в первом издании энциклопедии. Позже статью об Академическом союзе убрали.

³⁸ См.: *Иванов А.Е.* В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы (URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ps/202-212.pdf> [дата обращения: 3.02.2012]); *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich : Ein Beitrag zur russischen Sozial-und Bildungsgeschichte // *Beiträge zur Geschichte Osteuropas.* Köln, 1998. Bd. 27. S. 658–661.

³⁹ См.: *Записка о нуждах просвещения* // *Право.* 1905. № 3. С. 180; То же // *ВЕ.* 1905. Т. 231, кн. 2. С. 907.

Первый, организационный съезд союза прошел в Петербурге 25–28 марта 1905 года. Принятые резолюции касались как жизни научного сообщества, так и ситуации в стране в целом. Участники съезда констатировали, что есть только один выход из охватившего Россию политического кризиса – немедленное преобразование государственного устройства на демократических началах и введение народного представительства⁴⁰. Переходя к вопросам академической жизни, делегаты признали, что все попытки реформировать высшее образование бюрократическим путем заведомо бессмысленны. Только органы народного представительства могут располагать достаточным авторитетом для проведения полномасштабных реформ. Пока же таких органов нет, участники съезда призывали расширить административные полномочия советов университетов, и, прежде всего, – восстановить выборность ректоров и директоров⁴¹.

Как представляется, постановления съезда наглядно продемонстрировали, что акценты профессорской критики заметно сместились, и что в центре внимания академического сообщества теперь находятся политические проблемы. Вопрос об университетской (и вообще образовательной) реформе был четко и без оговорок увязан с требованиями демократических преобразований в общегосударственном масштабе. Собравшиеся полагали, что ни новые формы учебной работы, ни даже радикальная переработка законодательства в сфере образования не принесут желаемых результатов, если власть не пересмотрит свое отношение к обществу.

Впрочем, подобная позиция не препятствовала обсуждению вопроса о том, на каких основах должно быть построено законодательство о высшей школе. Первым съездом было сформировано несколько специальных комиссий: информационная, организационная, финансовая, а также академическая, председателем которой стал бывший профессор Варшавского и Петербургского университетов Н.И. Кареев, а основной целью – разработка нового университетского устава⁴². В сентябре 1905 г., в год первой рус-

⁴⁰ См.: Постановления съезда профессоров и преподавателей высших учебных заведений 25–28 марта 1905 г., принятые на общих собраниях // *Право*. 1905. № 15. С. 1196.

⁴¹ См.: Постановления съезда профессоров и преподавателей высших учебных заведений 25–28 марта 1905 г., принятые на общих собраниях... С. 1197.

⁴² См.: *Иванов А.Е.* В преддверии кадетской партии... С. 206.

ской революции, комиссия подготовила, а в начале октября представила общественности концепцию этого документа⁴³.

Среди всех проектов законодательства об университетах, когда-либо появлявшихся в России, проект академической комиссии принадлежит к числу наиболее радикальных. Университеты предлагалось наделить беспрецедентно обширными правами, как в научной и образовательной, так и в административной сфере. Авторы проекта утверждали, что каждое высшее учебное заведение является независимой, самоуправляемой коллегиальной структурой, полностью самостоятельной в своей научной и методической работе. Руководство этими структурами, понимаемое исключительно как надзор за соблюдением буквы закона, должен был осуществлять непосредственно министр просвещения; в спорных случаях третейским судьей должен был выступать Сенат. Таким образом, комиссия полностью ликвидировала фигуру попечителя как посредника между университетом и министерством. Управление университетом должен был осуществлять совет, в который входили бы профессора (все без исключения), а также представители прочих категорий преподавательского состава и научных работников. Исполнительные функции должны были осуществлять подотчетные совету ректор, проректор, хозяйственный комитет и постоянные комиссии, избираемые из членов совета. Ректор избирался из числа профессоров только на один год, без права занимать эту должность повторно.

В компетенцию совета должны были входить избрание ректора, проректора, профессоров и членов дисциплинарного суда, любые решения, касающиеся объединения и разделения кафедр, создания научных обществ, утверждения ученых степеней и направления в заграничные командировки, распределение целевых расходов, разработка всякого рода должностных инструкций и уставов студенческих организаций, а также определение размеров платы за обучение. О возможности утверждения решений совета какими-либо высшими инстанциями даже не упоминалось. Чтобы изменить восприятие профессора как чиновника, находящегося на государственной службе, авторы проекта предлагали отказаться от связанных с профессорским званием прав на классные чины и награды. Профессора должны были избираться сроком на 15 лет, и в течение этого времени могли быть освобождены от занимаемой должности только по собственному желанию.

⁴³ См.: Проект главных оснований общего устава высших учебных заведений // Право. 1905. № 40. С. 3349–3356.

Проект декларировал полную независимость профессуры в том, что касается преподавания: никакие официальные программы, кто бы их ни составлял, не могли ограничивать профессора в написании текста лекций. Все лица, имеющие докторскую степень, получали право преподавать в качестве приват-доцентов независимо от их национальности, вероисповедания или подданства. Штатные преподаватели и научные сотрудники, не имеющие профессорского звания, составляли еще одну коллегию, которая выбирала своих представителей в совет университета и советы факультетов. Чтобы молодым ученым было проще делать академическую карьеру, авторы проекта предлагали ликвидировать степень магистра, оставив только звание кандидата и ученую степень доктора. Право поступления в университет должны были иметь выпускники средних школ всех типов, без различий по полу, национальности, вероисповеданию или подданству. Это повлекло бы за собой ликвидацию существовавших в то время ограничений на поступление для женщин, поляков, евреев, а также абитуриентов, не закончивших гимназий. Предлагалось отменить мундиры, а также все медали, награды и почетные знаки. Студенты должны были получить право на обучение по индивидуальному плану, утверждаемому советом факультета. Было специально оговорено, что учащиеся сохраняют все гражданские права, пользуются полной свободой собраний и могут создавать любые организации.

Созданный Академическим союзом проект устава состоял всего лишь из 59 параграфов и не содержал ответов на многие вопросы. Например, на вопрос о компетенциях министра просвещения. Согласно этому документу, высшие учебные заведения должны были стать типичными «государствами в государстве», полностью самостоятельными в своих решениях. Мы еще вернемся к оценке данного проекта, но сначала следует охарактеризовать другие концепции реформы университетского законодательства, возникшие в бурные годы первой русской революции.

Параллельно с работой членов Академического союза проходили дебаты о реформе университетов, начатые по инициативе правительства. Революционные события, забастовки и прекращение работы высших учебных заведений привели к тому, что 11 февраля 1905 г. Николай II принял решение о пересмотре законодательства в

сфере образования⁴⁴. В начале июня министр В.Г. Глазов получил высочайшее согласие на то, чтобы создать комиссию для подготовки проекта нового университетского устава, которую сам и возглавил. В этой небольшой комиссии было представлено, с одной стороны, чиновничество (по большей части, теми же, кто заседал в комиссии 1902 г.), а с другой – академическое сообщество. Причем, были сведены за одним столом профессора, придерживавшиеся совершенно противоположных взглядов на ситуацию, скажем А.С. Будилович и С.Н. Трубецкой⁴⁵. Проект, разработанный комиссией, был опубликован в августе 1905 г.⁴⁶. Он включал в себя целых 206 параграфов и являл собой своеобразный гибрид Уставов 1804, 1863 и 1884 гг. (с явным преобладанием черт последнего), а также ряда новых положений. Однако, его ключевой и важнейшей для профессуры характеристикой, несомненно, было то, что, пусть под руководством министра и при непосредственном надзоре попечителя, но университетам возвращалось внутреннее самоуправление. В выводах «комиссии Глазова» подчеркивалось, что, несмотря на разногласия относительно полномочий представителей власти в университетах (а многие предлагали переподчинить учебные заведения непосредственно министру, ограничив права попечителя до минимума), необходимость контроля со стороны чиновников ни кем из участников комиссии не ставилась под сомнение. Впрочем, эти споры почти никак не сказались на конкретных положениях проекта, ибо часть, посвященная прерогативам попечителя, была почти дословно переписана из устава 1884 года⁴⁷. Работу «комиссии Глазова» трудно оценить, как целое. Предложенный проект, несомненно, воплощал некоторые требования академического сообщества. Но, в то же время, он вводил и ограничения, которые обесмысливали все сделанные уступки. Составители попытались облечь в юридическую форму все мелочи и детали университетского быта, чтобы с филигранной тонкостью прочертить границу между полномочиями государственных чиновников и правами университетской администрации. В результате появился длинный, запутанный и, по сути дела, нечитаемый документ. Если же вспомнить требования профессуры, то становится ясно, что предусмотренный проектом уровень уча-

⁴⁴ См.: Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1905 год. СПб., 1907. С. 5.

⁴⁵ См.: Объяснительная записка к проекту общего устава императорских российских университетов. СПб., 1905. С. 25.

⁴⁶ См.: Проект общего устава императорских российских университетов. СПб., 1905.

⁴⁷ См.: Там же. С. 7–8.

стия властей в управлении университетом была слишком высоким, а отсылок к уставу 1884 г. было слишком много для того, чтобы академическое сообщество хорошо приняло соответствующий закон.

Осенью 1905 г. была предпринята попытка восстановить нормальную работу университетов, чему предшествовала публикация знаменитых Временных правил от 27 августа 1905 г., возвращавших выборность руководства высших учебных заведений⁴⁸. Однако ничего не вышло. Занятия в охваченных пламенем революции университетах были приостановлены до января 1906 года.

Действия революционеров (как и вообще любые силовые решения) внушали страх, потому большинство профессоров, даже соглашаясь со многими из студенческих лозунгов, не желали и не могли принять избранной молодежью стратегии. Профессора всем сердцем хотели и политических изменений в стране и академической свободы, но предпочитали идти к этим целям легальным путем, путем переговоров с правительством. Новые надежды на реализацию данного сценария появились 31 октября 1905 г., когда в должность министра просвещения вступил И.И. Толстой. Новый министр сразу же распорядился опубликовать проект «комиссии Глазова» и разослал это издание в советы университетов с просьбой присылать замечания. Также предлагалось создать комиссию из 44 выборных представителей университетов, задачей которой должно было стать составление нового Устава⁴⁹.

Эта комиссия заседала с 5 по 28 января 1906 г., и была первым случаем в истории высшего образования в России, когда при содействии министерства профессура получила возможность обсудить и сформулировать свои требования и ожидания относительно устройства академической корпорации. Проект, выработанный в итоге, воплощал совершенно самостоятельно сформулированное мнение научного сообщества относительно будущего устройства российских университетов. По словам Н. Сперанского, Толстой не скрывал, что, возможно, тот объем свобод, который затребуют себе участники совещания, придется в дальнейшем ограничить, поэтому члены комиссии «ставили цену, так сказать, с запросом, чтобы было с чего скинуть»⁵⁰. Некоторые из решений комиссии

⁴⁸ Именной высочайший указ правительствующему Сенату // ЖМНП. 1905. Ч. 361. С. 67–68.

⁴⁹ См.: Archiwum Państwowe m.st. Warszawy, zesp. «Imperatorskij Warszawskij Uniwersitet». Sygn. 24. K. 478.

⁵⁰ *Сперанский Н.В.* Европа и мы: (по поводу проекта нового университетского устава – 1910 год) // Сперанский Н. Кризис русской школы: Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 73–74.

были приняты незначительным большинством голосов, а ряд проблем вызвал бурные дискуссии. Представляется, однако, что подавляющее большинство участников четко понимали, чего они хотят добиться⁵¹. Во всяком случае, проект «комиссии Глазова» был отвергнут сразу же и единогласно⁵². Трудно согласиться с С.Д. Кассовом, когда он пишет, что профессорам было легче объединиться против старого Устава, чем прийти к соглашению относительно деталей нового⁵³.

Во многих отношениях проект «комиссии Толстого» был близок к проекту, разработанному комиссией Академического союза. Вместе с тем, в ряде позиций новый проект отличался от академического. В частности, участники «комиссии Толстого» настаивали на том, что университеты являются государственными учреждениями, а значит министр должен был иметь больше полномочий, включая право утверждения кандидатур на профессорские должности. За профессорами предлагалось сохранить все привилегии государственных служащих. В комиссии Академического союза была широко представлена вузовская «молодежь», активно борющаяся за свои права. Напротив, в комиссии Толстого заседали только профессора. В результате, новый проект не давал научным работникам низших рангов права принимать участие в управлении университетом. Два проекта различались также тем, что собранная в министерстве профессура решила несколько ограничить – на благо самих же слушателей – свободу студентов в прохождении курса. Если попытаться дать очередному проекту общую оценку, то его самой характерной чертой следует назвать стремление передать всю полноту власти в университете профессорской корпорации, институционализированной в виде совета университета. Из-за изменения политической ситуации этот проект не попал в Думу, найдя свое последнее пристанище в министерском архиве.

Перевод с польского Д. Добровольского

⁵¹ См.: *Толстой И.И.* Мемуары графа И.И. Толстого / подгот. текста Л.И. Толстая, коммент. Р.Ш. Ганелин, А.Е. Иванов. М., 2002. С. 94.

⁵² См.: Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906. С. 8.

⁵³ См.: *Kassow S.D.* Op. cit. P. 289.

БИОГРАФИКА

УДК 929:93(47)Сорокин

СУДЬБА АРХЕОЛОГА: Штрихи к биографии Сергея Сергеевича Сорокина (по материалам воспоминаний о нем родственников и коллег)

А.А. Синицын

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
факультет культуры,
кафедра философии и культурологии
E-mail: aa.sinizin@mail.ru

В июне 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Сергея Сергеевича Сорокина (1913–1984) – русского историка, археолога, исследователя культуры древних номадов. Человек сложной судьбы, его путь к осуществлению мечты оказался долгим и суровым: через тяготы 1930 гг., войну, ранение, плен, возвращение в Ленинград, университет, через победу над собой и своим роком. С.С. Сорокин был ученым и практиком, он полжизни провел в разных археологических экспедициях. Последние три десятилетия своей жизни Сорокин работал в отделе Востока Государственного Эрмитажа и за эти годы подготовил и опубликовал многие коллекции музейных древностей. В данной статье на основе собранных автором материалов – архивных документов, сохранившейся переписки, автобиографий героя и мемуаров его жены и старшего брата, аудиозаписей воспоминаний родственников и коллег – делается попытка воссоздать портрет ученого и человека, археолога и эрмитажника Сорокина.

Ключевые слова: археология, С.С. Сорокин, культура номадов Евразии, Государственный Эрмитаж, Южно-Алтайская экспедиция (ЮАЭ), воспоминания, историческая память.

FATE OF AN ARCHAEOLOGIST: Some facts of the biography of Sergey Sergeevich Sorokin (on the memoirs of his relatives and colleagues)

A.A. Sinitsyn

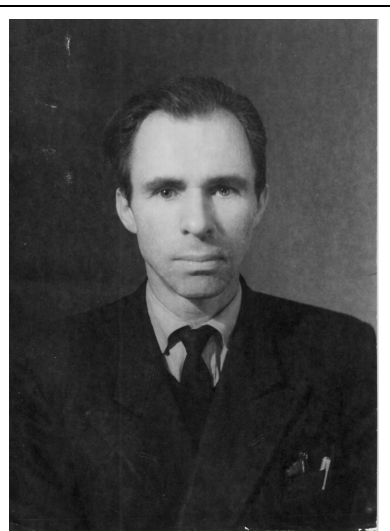
June 2013 marks a centenary of the birth of Sergey Sergeevich Sorokin (1913–1984), a Russian historian, an archaeologist and a researcher into the culture of ancient nomads. His life was thorny and the road to success long and winding – the hardships of the 1930s, the War where he was wounded and imprisoned, his return to Leningrad, the University, victory over himself and his destiny. Researcher and practitioner, S.S. Sorokin spent half his life doing archaeological fieldwork. During the last three decades of his life Sorokin worked at the Oriental Department at the Hermitage and he prepared for publication many collections of museum antiquities. Drawing upon archive documents, extant corre-

spondence, his autobiographies, his wife's and his elder brother's memoirs, and his relatives' and colleagues' audio records, the author of this article makes an attempt to recreate a portrait of Sorokin, scholar and person, archaeologist and Hermitage researcher.

Key words: archaeology, S.S. Sorokin, culture of Eurasian nomads, State Hermitage, South Altai expedition, memoirs, historical memory.

В жизни каждого нормального мальчика наступает пора, когда он испытывает безумное желание рыть землю, чтобы выкопать спрятанный клад.

Марк Твен

С.С. Сорокин.
Сер. 1950 гг., Ленинград¹

Историческая память избирательна и своенравна. Многие имена деятелей прошлого оказываются забытыми, их архивы не тронуты, а могилы заброшены. Забвение зачастую незаслуженное. Одно из таких имен, затерянных в лабиринтах исторической памяти – Сергей Сергеевич Сорокин. Русский / советский историк и археолог, практик-полевик и музейный работник, он был, как говорится в таких случаях, человеком нелегкой судьбы. Родился он накануне Первой Мировой войны, пережил тяготы Гражданской и ужас Великой Отечественной войн, преодолел премногие трудности и кое-что, поистине, вопреки Судьбе, успел сделать в своей области. Половину жизни

С.С. Сорокин провел в экспедициях на Алтае и в других регионах бывшего СССР, тридцать лет он прослужил в Государственный Эрмитаже в должности старшего научного сотрудника отдела истории и культуры народов Востока².

¹ Помещенные в статье фотографии – из архива Сорокиных и Колесниковых; снимки публикуются впервые.

² Краткие сведения о С.С. Сорокине можно найти, напр., в публикациях: С.С. Сорокин 1913–1984 [Некролог] // СГЭ. 1987. Вып. 52. С. 96; Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: учеб. пособ. Барнаул, 2004. С. 57–59; см. также: «Археология Алтая. Информационно-аналитический портал» (URL: http://archaeology.asu.ru/portal/Персоналия:Сорокин_Сергей_Сергеевич/Биографическая_справка; Научная_деятельность (дата обращения: 15.11.2013).

Остались десятки опубликованных научных статей С.С. Сорокина³, сохранились фотографии, его переписка с родственниками, несколько автобиографий, написанных им в разные годы, мемуары его старшего брата, Виктора Сергеевича Сорокина, которые он начал писать в 1983 г. и продолжал дополнять их до своей смерти в 1994 г.⁴, есть воспоминания его жены Ины Яковлевны Сорокиной⁵, которые содержат ценный материал о нашем герое, его окружении и эпохе в целом⁶. Многие документы С.С. Сорокина

³ Ссылки на некоторые его статьи см. в указателе на сайте ГЭ: URL: http://annales.info/sbo/contens/_ermitag.htm (Издания Государственного Эрмитажа) (дата обращения: 15.11.2013).

⁴ Сорокин Виктор Сергеевич (1908–1994), русский / советский физик и математик, профессор Ивановского государственного педагогического института (ныне – ИвГУ), где он создал кафедру теоретической физики, которой руководил с перерывами с 1946 по 1968 год. См. лит. о нем: *Маурин Л.Н.* К портрету Учителя и Мастера Виктора Сергеевича Сорокина // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново, 1993. С. 89–92; *Сорокин В.С.* Взаимодействие квантовых систем и вероятности. Два меморандума о русской революции и кризисе XX века. Последние работы. Иваново, 1996 (см. здесь статьи Л.Н. Маурина и др. [с. 3–5], С.Р. Когаловского [с. 65–67], посвященные Вик. С. Сорокину); *Усть-Качкинцева С.В.* Ему было все интересно // К 100-летию Виктора Сергеевича Сорокина. Пермь, 2008. С. 14–19; *Толстомятов А.А.* Виктор Сергеевич Сорокин (к 100-летию со дня рождения) // Математика и ее приложения: ЖИМО. 2008. Вып. 1 (5). С. 109–124; *Маурин Л.Н.* Виктор Сергеевич Сорокин. К 100-летию со дня рождения. К портрету человека, учителя и мастера // Вестн. ИвГУ. 2008. № 2. С. 130–132.

⁵ Сорокина Ина Яковлевна (Левит Ленина Яковлевна, 1922–1994), переводчица с английского языка, преподавала в Ленинградском государственном педагогическом институте (ныне – РГПУ) им. А.И. Герцена, многие годы работала в журнале «Аврора». С.С. Сорокин прожил с Иной Яковлевной последние 20 лет своей жизни (1964–1984). По просьбе старшего брата Сергея Сергеевича – Виктора Сергеевича Сорокина (о нем см. предыдущ. примеч.) в первые месяцы после смерти мужа И.Я. Сорокина, основываясь на своих воспоминаниях и сохранившихся документах С.С. Сорокина, описала его становление как ученого – историка и археолога, показала его долгий и сложный путь в науку. Осенью 1984 г. серию писем с рассказами о муже Ина Яковлевна отправила в Иваново Вик.С. Сорокину. Ныне эти письма хранятся у дочери Виктора Сергеевича Анны Викторовны Колесниковой, которая сделала компьютерный набор и переслала их электронный вариант автору настоящей статьи.

⁶ Эти материалы (довольно значительные по объему и, несомненно, представляющие интерес для историка), к сожалению, не опубликованы; исключение составляют только небольшие фрагменты мемуаров Вик.С. Сорокина (см.: *Сорокин В.С.* Из военных лет // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново, 1995. Вып. 2. С. 143–172; *Он же.* Взаимодействие квантовых систем... [примеч. 5]).

хранятся в архивах Института истории материальной культуры и Государственного Эрмитажа. Эпистолярный и рукописи воспоминаний его жены и брата Виктора находятся в семейных архивах Сорокиных в С.-Петербурге и Колесниковых–Сорокиных в г. Иваново⁷.

Уже ушли многие из тех, с кем работал С.С. Сорокин. Но мне удалось опросить некоторых из ныне здравствующих родственников и коллег, близко знавших Сергея Сергеевича. Важной информацией о его послевоенной жизни поделилась Тамара Афанасьевна Сорокина (род. 1922), вдова старшего брата С.С. Сорокина Всеволода Сергеевича (1911–1979), тоже историка и археолога, многие годы трудившегося в ИИМК. Интересные сведения об участии С.С. Сорокина в первых послевоенных экспедициях 1946–1949 гг. сообщил профессор Сергей Григорьевич Кляшторный (род. 1928), который в те годы работал вместе с С. С. Сорокиным в Памиро-Алайской экспедиции⁸.

Удалось собрать и обработать многие из материалов о С.С. Сорокине, опросить его соседей по дому на улице Бассейной (где он жил с середины 1960 гг. до конца своих дней), ознакомиться с его личными вещами в квартире, где теперь живет моя семья. Из богатой (по рассказам родственников) библиотеки С.С. Сорокина остались некоторые художественные альбомы и книги⁹; сохранилась часть замечательной коллекции пластинок с записями классической музыки (собранный С.С. Сорокиным в 1950–1970 гг.); есть его рисунки и фотографии, сохранились тысячи бытовых мелочей (кнопки, гвоздики, шурупы, пуговицы и проч.), аккуратно разложенные по маленьким коробочкам (с подписями и рисунками на крышках тех предметов, которые в них хранятся)¹⁰; в комнате

⁷ Далее в статье в ряде случаев даются ссылки на рукопись мемуаров Вик.С. Сорокина – ВСС 1994; и на эпистолярные воспоминания И.Я. Сорокиной – ИЯС 1984.

⁸ Аудиозаписи воспоминаний Т.А. Сорокиной, С.Г. Кляшторного и др. хранятся в электронном архиве у автора этой статьи.

⁹ Многие книги «по специальности» – труды по истории, археологии и искусству, равно как и документы, касающиеся научной деятельности С.С. Сорокина, были переданы его вдовой И.Я. Сорокиной после смерти мужа, осенью 1984 г., Б.Б. Пиотровскому для эрмитажной библиотеки и в архив ГЭ.

¹⁰ Автор этих строк «встретился» с С.С. Сорокиным через 17 лет после его смерти, оказавшись впервые в его доме в июне 2001 года. Вопреки стиху С.Я. Маршака про «гражданина рассеянного с улицы Бассейной», С.С. Сорокин был во всем собран, у него все находилось на местах и сами эти места были со вкусом оборудованы. Последнее я могу свидетельствовать лично, поскольку сейчас сам живу в квартире Сорокина, где всюду присутствуют фотографии и картинки с изображением скифских воинов (С.С. Сорокин хорошо рисовал), многочисленные полочки и тумбочки, из-

моего сына висит хорошей сохранности скифский акинак, мастерски, по-музейному (будто экспонат), подвешенный к панели того древнего шкафа, который во второй половине 1960 г. был собран из подручных материалов самим Сергеем Сергеевичем, да и многое-много другое. Все это – и тексты, и вещи – свидетельствуют о С.С. Сорокине, позволяют представить портрет героя.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать несколько штрихов к биографии С.С. Сорокина. В статье рассматривается не его научный путь, а его *долгий путь в науку*, описываются извилистые подступы к археологии и сложная судьба, приведшая его, в итоге, в Государственный Эрмитаж.

Без малого три десятилетия прошло со времени смерти С.С. Сорокина. В июне этого года исполнилось 100 лет со дня его рождения. Памяти ученого и хранителя древностей посвящается этот очерк.

* * *

Вопреки эпиграфу, избранному к данной статье, наш герой не мальчишкой взял в руки лопату, чтобы заняться археологическими изысканиями и открыть те древности, которые хранит земля. Впрочем, возможно, в детстве у него и были попытки отыскать со своими братьями или товарищами спрятанный клад, но про то нам не известно. И.Я. Сорокина рассказывает о том, что серьезный интерес к истории возник у Сергея Сергеевича только в середине 1930 гг., когда он, уже испытав себя в других областях знания и освоив ряд технических профессий, вдруг почувствовал «безумное желание рыть землю», чтобы с помощью науки открыть и понять прошлое. Прежде было не до того. Его детство и юность пришлись на сложные для страны годы. Да и в целом чересчур сурово обошлась с ним судьба.

I

Сергей Сергеевич Сорокин родился 10 (23) июня 1913 г. в городе Орле, где семья Сорокиных жила с начала 1911 года. Его отец, Сергей Николаевич Сорокин (1882-?), был военным и служил сначала в должности офицера-воспитателя, а затем, помощника ин-

готовленные руками прежнего хозяина. Все дешево, скромно, но все практично, все под рукой. Он все делал умело. И.Я. Сорокина рассказывает о муже, что «и в обыденной жизни Сережа любил сам создавать свою материальную среду – любил чувствовать себя господином над вещами – все умел <...> как отлично он работал руками, со всей серьезностью, со старанием сделать как можно лучше, не жалея своего интеллекта на поиски наиболее целесообразного решения» (ИЯС 1984).

спектора в Орловском-Бахтина кадетском корпусе (ОБКК)¹¹, который ранее (ок. 1900 г.) он сам окончил. Мать, Евгения Викторовна (1879–1934), была учительницей истории и преподавала прежде в Вяземской женской гимназии. В орловский период жизни семьи она занималась воспитанием четверых детей. В семье было три сына: Виктор, Всеволод, Сергей и дочь Евгения (род. 1910). Об этих годах в Орле (1911–1919) подробно рассказывает в своих мемуарах старший из сыновей – Виктор Сергеевич Сорокин (ВСС, 1994).

Виктор Сергеевич вспоминает, что в начале 1918 г. их отец, бывший подполковник царской армии С.Н. Сорокин, стал начальником городской милиции в Орле. В 1919 г. он был мобилизован в Красную Армию и летом того года в должности начальника связи 12-й армии РККА был отправлен на Южный фронт, в Харьков, а потом в Киев. Жена и дети последовали за ним. Семья оставалась в Киеве, когда в августе 1919 г. войска армии генерала А.И. Деникина взяли город. С.Н. Сорокин был мобилизован в белую армию и направлен в Полтавский корпус. Вместе с ним переехала и семья. Затем, Сорокины перебрались в Ростов-на-Дону, куда, как вспоминает Вик.С. Сорокин, был переведен корпус, а после – в Новочеркасск. После разгрома белого движения, полковник Сорокин вместе с остатками отступающей армии Деникина ушел на Запад. Тогда казалось, что эта разлука временна, что отец возвратится в Россию, к своим жене и детям... Но, никто из них его больше не видел¹².

¹¹ Упоминание о помощнике инспектора ОБКК С.Н. Сорокине содержится в дневнике великого князя К.К. Романова, который принимал у себя Сорокина 13 декабря 1914 г. во время своего визита в Орел (см.: *Левитский О.В.* Последнее посещение Орловского Бахтина кадетского корпуса (ОБКК) главным начальником военно-учебных заведений Великим князем Константином Константиновичем Романовым 12 декабря 1914 года // *Кадетская переписка. Нью-Йорк, 2000. № 68–69. С. 265–274, здесь – с. 270).*

¹² Покинув Россию, Сергей Николаевич Сорокин прожил долгую жизнь за границей. В эмиграции он осел во Франции, известно, что в 1940 гг. он жил в Париже. С 1920 гг. никаких сведений о нем семья не имела. След его отыскался чудом. Вдова Вс.С. Сорокина Т.А. Сорокина вспоминает, как в конце 1940 гг. в одной из центральных советских газет была опубликована статья, посвященная раскопкам Кармир-блур, с фотографией ленинградских археологов Б.Б. Пиотровского и Вс.С. Сорокина. Случайно узнав из этой заметки, что в России жив его сын Всеволод, С.Н. Сорокин написал ему письмо на адрес Института истории материальной культуры АН СССР (сотрудником которого был тогда Вс.С. Сорокин). Письмо было из Парижа, и в нем отец выразил желание приехать в СССР, чтобы повидаться с детьми. Времена те были лихие, отмеченная графа «есть родственники за границей» вызывала подозрение, к тому же объявившийся отец – бывший офицер-

В 1920 г. Евгения Викторовна Сорокина вернулась вместе с детьми в Вязьму, где жили ее мать и младшие сестры. Теперь Е.В. Сорокина должна была одна заботиться о своих детях, надо было выживать в тяжелых условиях после Гражданской войны. Детство и отрочество Сергея Сергеевича пришлись на годы разрухи в Советской России. Как и для многих ребят его поколения, это была пора голода и безотцовщины. То обстоятельство, что он был сыном офицера, ушедшего с белыми, еще откликнется ему позднее.

В конце 1890 гг. Е.В. Сорокина (в девичестве – Цвилленева) окончила историческое отделение Московских высших женских курсов. В 1920 гг. в Вязьме она работала преподавателем истории в железнодорожной школе (ВСС, 1994). В Вязьме дети Сорокиных окончили девятилетнюю школу. «При всей несуразности переходного периода, в школе все же были настоящие учителя, и те, кто хотел, могли получить в ней образование. Сережа хотел», – пишет Ина Яковлевна Сорокина. Она сохранила воспоминания Сергея Сергеевича о вяземской эпохе, о школе, об учителях и товарищах. Вот одна из мемуарных зарисовок: «Школа, где особый след оставил учитель рисования и черчения, необычайная верность его глаза и точность руки: он умел вычертить безукоризненный круг без циркуля, а однажды, поправляя Сережин рисунок – шар и конус – одной линией оживил фигуры и заставил их как бы приобрести объемность, выступить из плоскости листа – это казалось чудом, запомнилось навсегда» (ИЯС, 1984).

Окончив школу в 1929 г., С.С. Сорокин в 1930 г. приехал в Ленинград, чтобы продолжить учебу в вузе. Как пишет И.Я. Сорокина, тогда «начались его “университеты”, но, увы, не его институты». По каким-то причинам поступить сразу не удалось и Сергей Сергеевич был направлен на курсы топографов при Свирьстрое. Начал он старшим рабочим, потом десятником в Первой изыскательской партии, а с февраля 1931 по май 1933 г. работал на Свири, на Онеге и в других местах северного края. Из воспоминаний

белогвардеец, что могло стать роковым клеймом на всех детях Сорокиных. И письмо отца осталось без ответа. Впрочем, это уже отдельная удивительная, почти детективная история о том, как за несколько лет до весточки от старшего Сорокина, офицер Красной Армии Всеволод Сорокин со своей молодой женой Тamarой и товарищами-офицерами в мае 1945 г. ездили на несколько дней из Берлина, где стояли части РККА, в Париж, чтобы посмотреть великий город и помимо этого (как сокровенное желание Всеволода) отыскать могилу безвестно сгинувшего отца. Который, как оказалось впоследствии, был тогда жив... Умер Сергей Николаевич Сорокин во Франции в 1950 гг. (?); более точных сведений о нем отыскать пока не удалось.

наний И.Я. Сорокиной: «...Он научился топографии, освоил угломерную съемку, нивелировку, и все, что следовало и чему учили на курсах, уже практически (впоследствии ему очень все это пригодилось в археологии). <...> Впоследствии в своей археологической работе он достиг <...> высокого уровня – умел как бы “видеть под землей”».

Здесь, на севере, Сергей Сергеевич получил первые «археологические впечатления», то, что, – но, опять же, только спустя годы! – привело его в науку, сделало его историком и археологом. И.Я. Сорокина вспоминает: «Люди Севера, поморы, интересовали его чрезвычайно: их своеобразный жизненный уклад, их нравы, чувство собственного достоинства, их великолепное знание ремесел. <...> Это внимание к материальной основе человеческого бытия было одним из факторов, которые привели Сережу к археологии и сформировали его научное мировоззрение, где реальной жизни всегда отводилась ведущая роль, а формы идеологические (в частности, культовые) рассматривались как производное. Далеко не всех нынешних книжных археологов отличает столь простой и здравый взгляд на вещи» (ИЯС, 1984). В одной из своих автобиографий, где упор делался на выбор археологии как профессии, С.С. Сорокин писал: «В начале 30-х годов, во время командировок на реку Свирь и на Онежское озеро, впервые обратил серьезное внимание на наскальные изображения Бесова Носа. Во время переходов на берегах Онежского озера и зародился постоянный интерес к археологии <...>. Заниматься археологией, однако, сразу не пришлось»¹³.

Не пришлось. Сергей Сергеевич имел склонность к точным наукам и был хорошо подготовлен по математике. В 1933 г. он поступил на инженерно-экономический факультет Ленинградского института связи. Как свидетельствует И.Я. Сорокина, опираясь на архив мужа: «Учился он превосходно, с интересом и увлечением: в зачетке у него одни пятерки». Но, после второго курса, в 1935 г., он был исключен из ВУЗа. В приказе по институту значилось: «Отчислен и снят с довольствия как сын дворянина».

И снова Сергею Сергеевичу пришлось взяться за лопату для того, чтобы заниматься строительством. Осенью 1935 г. он поступил на работу в Ленинградский областной проектно-планировочный трест на должность топографа и был командирован на Валдай для производства полевых съемочных работ в отряде геологов. В марте 1936 г. С.С. Сорокин был мобилизован в РККА и проходил службу в строительном батальоне в системе Военстрой ЛВО. После демобили-

¹³ Цит. по: ИЯС 1984.

зации Сергей Сергеевич был оставлен на строительстве как вольнонаемный, был прорабом дренажных работ, а затем начальником строительных объектов. Рассказывает И.Я. Сорокина: «Если занятия топографией в свое время заложили основу будущей Сережиной археологической техники, то теперь строительная практика обогатила ее новым материалом. С нею явился опыт производства земляных работ, устройства кюветов, прокладки коммуникаций <...>. Впоследствии четкое знание основ строительных работ оказалось драгоценным для понимания устройства и технологии создания древних сооружений».

Все это так. И трудовой опыт строителя и топографа, несомненно, оказал влияние на будущего археолога Сорокина. И важно то, что как раз в эти годы, по признанию самого Сергея Сергеевича, «окончательно созрело решение посвятить свою жизнь изучению древней истории» (из автобиографии С.С. Сорокина). Интерес к истории у него был с детства. Возможно, сказалось влияние матери, которая преподавала этот предмет и, как вспоминает Вик.С. Сорокин, «историю знала и понимала».

В 1939 г. С.С. Сорокин выдержал экзамены в Ленинградский государственный университет и был принят на археологическое отделение исторического факультета. Открывалась новая страница его биографии. После многих перипетий и долгих поисков он, наконец, встал на *свой* путь. За год до того, в августе 1938 г., он женился на Тамаре Петровне Волковой, а в 1939 г. у них родилась дочь Ольга. Учеба, библиотеки, семья, любимое дело – археология и древняя история... Казалось, что теперь все складывается так, как хотелось бы.

II

Новым испытанием, которое перевернуло жизнь нашего героя и наложило темный отпечаток на его биографию, стала война. До начала Великой Отечественной войны Сергей Сергеевич Сорокин успел закончить два курса ЛГУ (1939–1941). «Эти первые два курса были счастливым временем, – пишет И.Я. Сорокина по рассказам мужа. – Занимался Сережа увлеченно, экзамены сдавал легко, поражая основательностью и широтой знаний; профессора его выделяли». На втором году университета он избрал для специализации археологию Средней Азии и участвовал в семинаре по исследованию гуннов, который вел Александр Натанович Бернштам (1910–1956). Молодого и ищущего студента Сорокина, тогда только приступившего к изучению древности (а ведь он был фактически ровесником своего первого наставника в археологии и номадове-

дении – Бернштама), увлекла история ранних кочевых народов. Номады Азии – скифы, гунны, кыргызы, тюрки – стали в дальнейшем его страстью и предметом научного исследования.

Летом 1941 г., в свои 28 лет, Сергей Сергеевич впервые взял археологическую лопату. Вероятно, это надо понимать лишь метафорически, поскольку известно лишь то, что в полевом сезоне 41-го они занимались археологической разведкой. Его «посвящение» в археологи произошло в Киргизии, где после второго курса он оказался в экспедиции под руководством А.Н. Бернштама. Но именно здесь он прикоснулся к живой археологии: в июне-июле небольшой группой из Ленинграда была проведена разведка на территории Большого Чуйского канала (БЧК). Опубликованные В.А. Кольченко материалы показывают, что планировались экспедиции на следующие годы: «Накануне полевого сезона 1941 года строились планы на будущее, предусматривавшие с 1942 г. развернуть изучение Тянь-Шаня “и особенно Южной Киргизии” [Архив НАН КР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 76. Л. 8–10, 19–21]. Подготавливая эти работы, А.Н. Бернштам с двумя учениками, С.С. Сорокиным и И.К. Бенедиктовым, в июне 1941 г., после завершения археологического надзора на трассе БЧК, отбыли на юг республики. Война застала их в Джалал-Абаде [Архив НАН КР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 74. Л. 102]. Разумеется, что в условиях начавшейся войны запланированные на 1941 год археологические раскопки на городище Ак-Бешим не были осуществлены [Архив НАН КР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 76. Л. 8–10, 19–21]»¹⁴. И.Я. Сорокина сообщает: «Оттуда (из Киргизии, где С.С. Сорокин был в экспедиции Бернштама. – А. С.) он немедленно вернулся в Ленинград, где и был мобилизован в армию».

Судьба вывела С.С. Сорокина на «тропу войны». Наступила пора, когда археологическая лопата была отложена в сторону. Ему пришлось сменить ее на шанцевый инструмент. Остались позади научные планы и безумные желания, остались неоткрытыми «клады», Азия, кочевники, неоконченный университетский курс, Ленинград и семья в Ленинграде. На долгих четыре с половиной года Сергею Сергеевичу пришлось забыть занятия древней историей, ибо самая что ни на есть новейшая история мобилизовала его на

¹⁴ Кольченко В.А. Археология Кыргызстана в годы войны (1941–1945) // Отечественная война: Память истории и память сердца. Матер. науч.-практич. конф. (23–24 декабря 2003 г.) / под ред. В.М. Плоских. Бишкек, Илим, 2004. С. 176–183, здесь – с. 176 сл. (см.: URL: http://www.history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=264%3A-1941-1945&catid=26%3A-&Itemid=58 [дата обращения: 15.11.2013]).

фронт, на передний край, на Запад, в чертово пекло. Судьба всей нашей страны отразилась в его суровой судьбе.

Многочисленные воспоминания Сергея Сергеевича о войне сохранила в своих мемуарах И.Я. Сорокина. Одним из ее источников была автобиография Сергея Сергеевича¹⁵, в которой он дает разъяснение о своем участии в войне и годах немецкого плена.

«22 июля 41-го г. мобилизован в 682 ЛАП¹⁶. Участвовал в боях в районе р. Луга. 682 ЛАП входил в состав 41-го корпуса, который был в конце августа окружен немецкими войсками. До декабря 1941-го года полк, в котором я служил, продолжал боевые действия. Большие потери, отсутствие боеприпасов и продовольствия продолжались весь ноябрь. 17 декабря 1941-го года, после длительной голодовки, обессиленный, был подобран немецкими солдатами в районе станции Вырица при попытке выйти из окружения и вместе с другими красноармейцами, попавшими в плен, был направлен в лагерь для военнопленных в г. Лугу. В лагере выполнял работу по ремонту дорог, погрузке и др. тяжелые работы.

В лагере составлял маршрутки для тех военнопленных, которые отправлялись в побег. Этой работой занимался до сентября 1943-го года, когда работы эти были обнаружены и я с тремя товарищами 22 сентября 1943-го года бежал из лагеря в направлении к Волховскому участку фронта с целью перейти фронт и попасть к своим. При переходе линии фронта был обнаружен немецкими солдатами¹⁷, пойман и направлен в штрафной лагерь. Из этого лагеря бежал, но уйти далеко не мог, т. к. болела подраненная нога, и замешался среди военнопленных красноармейцев, работавших под охраной немцев. В конце октября вместе с другими военнопленными был погружен в эшелон и увезен в Германию, в город Бернбург, в лагерь. В этом лагере находился до 14 апреля 1945-

¹⁵ И.Я. Сорокина пишет: «...Краткий очерк того, что было с ним (С.С. Сорокиным. – А. С.) во время войны, дан в Сережиной черновой автобиографии, которую я приведу почти полностью, с восстановлением зачеркнутых строк» (ИЯС 1984).

¹⁶ ЛАП – легкий артиллерийский полк. По воспоминаниям мужа И.Я. Сорокина пишет: «682-й ЛАП, куда Сережа был определен как топограф, был сформирован поспешно, вооружен винтовками 1914-го года (т. е. образца 1891-го года), слабо снабжен боеприпасами. Контингент был в основном необученный. Полк сразу же выступил на юго-запад, навстречу наступавшим немецким войскам...».

¹⁷ На полях рукописи И.Я. Сорокиной Виктор Сергеевич Сорокин сделал пометку-дополнение: «увидели их сзади» (вероятно, по личным рассказам С.С. Сорокина).

го года и работал во вредных красильных мастерских. 14 апреля был освобожден американскими войсками и 8 мая 1945-го года перешел в расположение советских войск. До 15 января 1946-го года находился на сборно-пересылочном пункте в г. Ковель и затем по болезни (на работе в Германии отравил легкие) был направлен по месту жительства и призыва в РККА в г. Ленинград».

После долгих лет немецкого плена, чудом оставшись в живых и вырвавшись из ада, Сергей Сергеевич вернулся на родину, где попал в «чистилище». Кто знает, чем бы закончилось и это испытание на прочность, если бы не больные легкие (до конца жизни С.С. Сорокин лечил туберкулез, который «заработал» в бернбургском лагере). Но было и еще одно обстоятельство, которое сыграло ключевую роль в его окончательном освобождении. Выбраться из сортировочного лагеря для бывших военнопленных в Ковеле С.С. Сорокину помог Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987), который составил прошение и дал Сергею Сергеевичу положительную характеристику. И.Я. Сорокина приводит цитату из сохранившегося ходатайства от деканата истфака ЛГУ «о демобилизации для продолжения учения Сорокина Сергея Сергеевича, 1913 г. рождения, который до мобилизации был студентом третьего курса археологического отделения, активным участником археологических экспедиций и студентом-отличником. В настоящее время крайне необходимы археологи, и возвращение тов[арища] Сорокина для продолжения учения чрезвычайно желательно». Бумага датирована 24.11.1945 г. и подписана деканом исторического факультета, доктором исторических наук, профессором В.В. Мавродиным. И.Я. Сорокина пишет, что Сергей Сергеевич всегда помнил о том, что тогда, в 1946-ом, из Ковеля его «вытащил» В.В. Мавродин.

15 января 1946 г. С.С. Сорокин был отпущен из ковельского лагеря с положительной характеристикой, где отмечалась его «инициативность, безукоризненность в работе, точность в соблюдении сроков, наилучшие отношения с товарищами по работе и чрезвычайно высокий авторитет среди них благодаря его личным качествам».

И вот, 8 месяцев свыше срока окончания войны, спустя четыре с половиной года после ухода на фронт, С.С. Сорокин, перенес всё, что свалила на него Судьба, вернулся домой, в Ленинград, где должна была открыться новая страница его жизни. Его жена Тамара Петровна Волкова погибла в блокаду, зимой 1942 года. Согласно семейному преданию, она умерла от истощения на крыльце одного из ленинградских детских домов, куда из последних сил смогла доставить свою дочь Олю. Этот детдом в том

же году был эвакуирован из блокадного Ленинграда. Сестра Сергея Сергеевича Евг.С. Сорокина отправилась тогда же на поиски маленькой племянницы. Она отыскала ее под Омском, куда был вывезен ленинградский детдом. В 1944 г. Е.С. Сорокина приехала с Олей в Москву, а после окончательного снятия блокады, она с племянницей вернулась в Ленинград¹⁸. Все эти годы (с августа 1941 до июля 1945 г.) С.С. Сорокин считался пропавшим без вести.

Возвратившись, С.С. Сорокин был восстановлен на третьем курсе исторического факультета ЛГУ и продолжил обучение по кафедре археологии. Как пишет И.Я. Сорокина, он «вынес все, боролся, не сдался. Прошел ад и чистилище. Сознание, что сумел, дало ощущение силы, веру в возможность строить свою жизнь своими руками»¹⁹. В 1946–1949 гг. С.С. Сорокин работал в должности старшего лаборанта Памиро-Алайской экспедиции от Института истории материальной культуры АН СССР.

Вспоминает С.Г. Кляшторный: «Тогда Сергей Сергеевич каждое лето проводил в Средней Азии в экспедициях под руководством Бернштама. Первая его экспедиция от ИИМК была в 1946 году. Она называлась Памиро-Алайская... Тогда они только начали работать на Памире. Натаньч (А.Н. Бернштам. – А. С.) решил не работать на большом отдалении от Чуйской долины, где он до того работал. Выбрав Алайский Памир, Бернштам был прав, поскольку экспедиция удалась. Но в 1946 году не удалось начать работы, хотя тогда с ним была группа студентов, куда входили Сергей Сергеевич и его жена Ина²⁰... В 1947 году была уже основательная экспедиция. Это была моя первая экспедиция. На Памире мы копали два года. Сергей Сергеевич в этой экспедиции работал в качестве основного художника. Он был в 1946–1948 гг. основным чертежником-художником. Тогда фотосъемки велись, конечно, но эти съемки не были достаточно хорошими для фиксации. Поэтому роль Сергея Сергеевича в те годы в экспедиции была огромная»²¹.

За обучение в университете С.С. Сорокин взялся с жадностью. Об этих его годах пишет И.Я. Сорокина: «Сереза – без всякого преуве-

¹⁸ Евгения Сергеевна Сорокина здравствует поныне. В январе 2013 г. она отметила свои 103 года и сейчас вместе с племянницей Ольгой Сергеевной Сорокиной (дочерью С.С. Сорокина) живет в С.-Петербурге, на Фонтанке.

¹⁹ Цит. по: ИЯС 1984.

²⁰ Имеется в виду «Дворкина Октябрина Израилевна (род. 1928) – вторая жена С.С. Сорокина, с которой он прожил с конца 1946 по 1963 г. и брак с которой не был зарегистрирован. Ее дочь Лену, родившуюся в марте 1947 г., С.С. Сорокин зарегистрировал как свою.

²¹ Из воспоминаний С.Г. Кляшторного 1.07.2013 г.

личения – жил археологией. Сверх достаточно напряженного университетского курса он серьезно работал в студенческом научном кружке и участвовал в экспедициях в Среднюю Азию. В 48 году он был ученым секретарем исторической секции общегородской научной конференции, для которой подготовил доклад о гуннах в Средней Азии – разумеется, с позиций Бернштама, тогда он ведь многое видел его глазами. Ему была присуждена вторая премия (текст доклада был опубликован в Вестнике ЛГУ – первая научная печатная работа) и выдана почетная грамота Министерства высшего образования, с подписью самого Кафтанова, “за активное участие в подготовке конференции и доложенную на ней научную работу”»²².

Спустя 10 лет с момента поступления в ЛГУ в 1939 г., С.С. Сорокин в 1949 г. окончил университет. В 36 лет он получил диплом с отличием, имел опыт работы в археологических экспедициях и с продолжением научной деятельности, казалось, все было определено: он должен был поступить в аспирантуру в Институт истории материальной культуры.

III

В феврале 1949 г. на заседании кафедры археологии С.С. Сорокин был рекомендован в аспирантуру ИИМК²³. Профессор А.Н. Бернштам составил характеристику на своего ученика для рекомендации его в аспирантуру. Текст этой характеристики полностью приводит в своих воспоминаниях И.Я. Сорокина:

«Сорокин Сергей Сергеевич еще с 1940 года начал специализироваться по археологии Средней Азии, когда, будучи студентом второго курса, он работал в моем семинаре по истории гуннов, а затем в 1941 году принимал участие в археологической экспедиции в Киргизии. В первой же экспедиции он зарекомендовал себя вдумчивым и серьезным работником, прекрасно овладевшим методикой полевой работы, с успехом используя свои замечательные дарования художника и топографа.

Возобновив после войны занятия в университете, Сорокин С.С. продолжал свою специализацию по археологии Средней Азии и с 1946 года систематически участвовал в моих экспедициях по археологическому изучению Ферганы, Алая, Памира и Сыр-Дарьи.

Во время экспедиций он проводил самостоятельные раскопочные работы, например, по раскопкам гуннского могильника Мааша в Алае, а кроме того возглавлял и руководил всей полевой фикс-

²² Цит. по: ИЯС 1984.

²³ Там же.

сацией во время раскопок и разведок в моих экспедициях 1946–48 годов. Ему фактически принадлежит основная масса графического материала к трудам экспедиции, подготовленным к печати и находящимся в производстве, например, к тому “Чуйская долина” (издательство АН СССР).

Наряду с этим важным методическим разделом работ, где он может считаться уже вполне сложившимся специалистом, Сорокин С.С. вел и собственно научную работу. Так, им обработаны и сданы в печать научные отчеты по работам в экспедиции археологического надзора на трассе Большого Чуйского канала 1941 года и обработаны для печати дневники других участников экспедиции (АН СССР), сдан в печать научный отчет по раскопкам гуннского могильника Мааша в Алае (ЛГ ОЛУ).

Принимая активное участие в семинаре и студенческом научном кружке, он написал доклад о гуннах в Средней Азии, в котором выступил как полноценный научный работник. Его доклад был зачитан на общегородской научной студенческой конференции в 1948 году и удостоен II премии. Сейчас этот доклад находится в печати в изданиях университета.

Все это дает мне право горячо ходатайствовать о выдвигании молодого ученого т. Сорокина С.С. на научную работу и рекомендовать его в аспирантуру Института Истории Материальной Культуры им. Н.Я. Марра АН СССР.

Засл[уженный]. деятель науки Кирг[изской] ССР, доктор исторических наук профессор А.Н. Бернштам (без даты)»²⁴.

Как продолжает И.Я. Сорокина, с явной обидой на последующую ситуацию: «То ли не было в ней (характеристике Бернштама. – А. С.), при всей внешней пышности, того петушиного слова, какими начальники подают скрытые от глаз непосвященных сигналы друг другу; то ли существовала устная договоренность в противоположном смысле; но только в аспирантуру Сережа не попал. Впоследствии выяснилось, что его документы в Москву вообще не отсылались. Вместо этого ему дали место лаборанта в ИИМК, где он в этом качестве был весьма полезен начальству, каковое использовало его во всех ипостасях – полевика, топографа, графика – и просто на подхвате: он ведь умел все и все делал хорошо». Кто знает, что было действительной причиной того, что С.С. Сорокин не смог продолжить обучение в аспирантуре и почему его документы так и не были тогда отправлены в Москву²⁵. По-видимому, роковым клеймом на нем лежало его военное прошлое. Как рассказывает о Сергее Сергеевиче

²⁴ Цит. по: ИЯС 1984.

²⁵ Поступающие в аспирантуру ИИМК должны были сдавать экзамены в Москве.

С.Г. Кляшторный: «Когда он вернулся с войны, у него образовалось два очень крупных дефекта: к первому, то, что их отец был царским офицером (это у них [Сорокиных. – А. С.] был общий порок в годы советской власти), теперь добавился второй – еще и немецкий плен, где он нажил туберкулез, от которого всю жизнь лечился...»²⁶.

В 1949–1951 гг. С.С. Сорокин был лаборантом в ИИМК, где в эти же годы служил работал его старший брат Всеволод. 19 марта 1951 г. братьям Сорокиным Сергею и Всеволоду была объявлена благодарность «за образцовую подготовку иллюстративных материалов по выставке к Пленуму, посвященной полевым исследованиям 1950 г.». Но 2 апреля 1951 г. Сергея уволили из ИИМК, якобы в связи с «реорганизацией работы лаборантов». Как пишет И.Я. Сорокина, «На его место тут же взяли новую сотрудницу, которая пользовалась благосклонностью высокого институтского начальства. Уволили еще какую-то несчастную. На этом “реорганизация” и закончилась»²⁷. И.Я. Сорокина свидетельствует, что Сергей Сергеевич пробовал тогда защитить свои интересы и даже отправил письмо в Президиум АН СССР. Но последовал отказ в апелляции. По ее словам, сам С.С. Сорокин связывал свое увольнение из любимого ИИМК с «виной» за немецкий плен. Ту же причину называет и С.Г. Кляшторный: «Сергей Сергеевич продолжал работу у Бернштама до 1950 года <...>. Но когда он кончил университет, то попал в Эрмитаж²⁸. В ИИМК его не взяли по причине “дефекта биографии” <...>. Вот брата Всеволода взяли, так как он был боевой офицер, был награжден орденами, а Сергей Сергеевич был в плену <...>. Но в Эрмитаж его взяли. Тогда директором был Михаил Илларионович Артамонов, а Артамонов позволял себе всякое: вот, после отсидки он взял на работу в Эрмитаж [Льва Николаевича] Гумилева»²⁹.

²⁶ Из воспоминаний С.Г. Кляшторного 1.07.2013 г.

²⁷ Цит. по: ИЯС 1984.

²⁸ Здесь С.Г. Кляшторный допускает *lapsus memoriae*: в Эрмитаж С.С. Сорокин попал далеко не сразу после университета, а только спустя 4 года после его окончания, и тоже «со скрипом», находясь в ГЭ в течение двух лет (1953–1955) фактически «на птичьих правах».

²⁹ Из воспоминаний С.Г. Кляшторного 1.07.2013 г. Упомяну здесь о научных баталиях между С.С. Сорокиным и Л.Н. Гумилевым, о которых рассказывает С.Г. Кляшторный: «Я сам был в центре этих столкновений Сергея Сергеевича Сорокина и Льва Николаевича Гумилева. Сергей Сергеевич был дотошный, скрупулезный, серьезнейший исследователь... Он не мог спустить Гумилеву его отвлеченных идей...». О жарких спорах двух ученых сохранила воспоминания старейший сотрудник Эрмитажа, доктор искусствоведения Е.С. Щукина (1929–2012): «Артамонов взял в Эрмитаж в качестве

Полевой сезон 1952 г. (с середины июля до конца сентября) С.С. Сорокин работал еще в археологической экспедиции ИИМК в Пенджикенте. И.Я. Сорокина пишет, что тогда «Ему удалось обнаружить в долине Зеравшана дотоле не известные там как тип археологического памятника курганные погребения. Раскопал и разведать, сколько мог, и ужасно сетовал и корил себя, что не больше, чем мог – “пороху не хватило”. В том сезоне в Пенджикенте открыты были великолепные фресковые росписи, которые стали сенсацией. Сережины курганы не были, разумеется, столь выигрышной находкой, и на них денег и транспорта не давали»³⁰.

Связь С.С. Сорокина с Эрмитажем началась с апреля 1953 года. Сперва, работа была не постоянной, с перерывами, «он находился в Эрмитаже на положении временного работника, сначала как исполняющий должность помощника реставратора, потом научного сотрудника. Словом, там, где была в это время свободная ставка»³¹. Директор ГЭ М.И. Артамонов привлекал его к работе при всяком удобном случае: на два, на три или даже на шесть месяцев. Но всякий раз с увольнением по истечении срока. Так продолжалось до февраля 1955 года.

К тому моменту у С.С. Сорокина было опубликовано две научных статьи в академических изданиях: «О некоторых проблемах нивелирования при археологических раскопках» и «Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы»³². 11.02.1955 г. на заседании, где обсуждался вопрос о заполнении вакансии, открывшейся в отделе Востока, С.С. Сорокин был принят в штат Эрмитажа. Его кандидатуру рекомендовали в штат отдела Б. Б. Пиотровский и М.И. Артамонов. Дальнейшая судьба С.С. Сорокина тесно связана с Государственным Эрмитажем.

сотрудника библиотеки сына Ахматовой – Льва Гумилева. Ему предоставили возможность заниматься своими исследованиями по части этнографии. И мы присутствовали при таких острых баталиях! У него был научный антагонист, Сергей Сергеевич Сорокин, с которым они до хрипа и до драки спорили о стременах <...>. И вот они спорили до одурения, когда у какой этногруппы появились стремена» (Пироговская М., Острова С. Евгения Щукина // Большой город. 27 авг. 2010.

³⁰ Цит. по: ИЯС 1984.

³¹ Там же.

³² Сорокин С.С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. 1954. № 20. С. 131–147; Он же. О некоторых приемах нивелирования при археологических раскопках // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 121–127.

IV

«Немногие сумели реализовать свою университетскую подготовку по прямому назначению, – подводит итог его деятельности И.Я. Сорокина. – Сережа был исключением. Если до войны в нем было сильно стремление к знанию как нормальная потребность активного интеллекта, то теперь она превратилась в одержимость. Знания стали для него еще и ключом к будущему, залогом самоуважения, средством личного самоутверждения. К тому же они были единственным, в чем он зависел только от самого себя»³³.

Своим трудом С.С. Сорокин добился места в науке. В декабре 1958 года в Совете ИИМК АН СССР он защитил кандидатскую диссертацию «Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы». В 1950–1970 гг. он участвовал в десятках экспедиций. По инициативе С.С. Сорокина была организована Южно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа, которая под его руководством провела разведки и исследования многих памятников³⁴. С приходом в Эрмитаж исполнилась мечта С.С. Сорокина и ему самому удалось реализовать в науке. Как пишет его жена И.Я. Сорокина: «Так в жизни Сережи начался почти тридцатилетний эрмитажный период. Это была победа над судьбой. Сережа любил Эрмитаж, высоко ставил его миссию сохранения человеческой культуры, считал честью работать там. Вне Эрмитажа он себя не мыслил. Жил и умер эрмитажником, и эрмитажники проводили его в последний путь. Борису Борисовичу суждено было сказать над ним прощальное слово»³⁵.

Сергей Сергеевич Сорокин умер в 19 июля 1984 г. в Ленинграде в своей квартире на улице Бассейной, 79 и был похоронен на Южном кладбище.

Подходя к финишу жизненного пути (летом 1979 г., за пять лет до смерти), сам Сергей Сергеевич так оценивал свои научные успехи, возможности и положение (не только в науке): «Что касается моих интеллектуальных интересов, то я успевал лишь выбо-

С.С. Сорокин выполняет зарисовки в Южно-Алтайской экспедиции. Южный Алтай. Лето 1966 г.

³³ Цит. по: ИЯС 1984.

³⁴ См. краткую характеристику его научно-исследовательской деятельности в работах, указанных выше в примеч. 2.

³⁵ ИЯС 1984.

рочно просматривать новинки да вести копеечные раскопки, самостоятельное право на которые я получил, имея 46 лет от роду. С большим запозданием я учился археологии как науке – с азов, т. к. университет давал факты, а не взгляды на вещи. За короткое время мне удалось достичь понимания уровня решения проблем и их профиль. Походя, затратив год, я получил степень...

Сейчас на достаточно крутом склоне лет (ему 66 лет. – А. С.) я обрел некое подобие уверенности в своих правах и возможностях (вероятно, потому, что обеспечил себе пенсию R[ублей] 120, признан участником войны с июля 1941 по май 1945 и числюсь ветераном труда. Все это удостоверено соотв[етствующими] документами...). Способствовало этому еще и то, что мне повезло выйти на “передний край” археологической науки и писать о том, что действительно может двигать ее вперед как науку, а не как текущее собирательство древностей. Мне посчастливилось стать в ряды тех, кто не спекулирует источниками, а беспристрастно толкует их и кто, отличая факты от домысла, не прыгает от “по-видимому” к “таким образом”. Но таких очень мало.

На этот счет у меня кое-что написано и напечатано. А сейчас я готовлю статью и доклад по вопросу, который многое поставит на свое место. С докладом я собираюсь осенью поехать в Омск на общесоюзную конференцию тюркологов, а текст статьи осенью же сдам в наш эрмитажный “Археологический сборник”. После этого я, скорее всего, перейду на пенсионное состояние и постараюсь довести до конца то, что я написал об искусстве ранних кочевых народов Азии и что я пока не хочу выпускать в свет. Много мне самому здесь не вполне ясно...»³⁶.

С.С. Сорокин работал до последних дней своей жизни. Спустя шесть лет после его смерти в авторитетном востоковедческом сборнике вышла капитальная статья С.С. Сорокина, посвященная проблеме, которая занимала его в последние годы – конные повозки древних кочевников³⁷. Замечательно, что многое в науке для С.С. Сорокина так и осталось до конца неясным.

³⁶ Из письма С.С. Сорокина брату Вик.С. Сорокину 14.06.1979 г.

³⁷ См.: *Sorokin S. Horse-Drawn Vehicles of the Eurasian Forest-Steppe in Pre-«Centaurian» times // IrAnt. Vol. 25. 1990. P. 97-147.* Эта статья с многочисленными иллюстрациями, в ней помещены 15 страниц фотографий и рисунков, некоторые из которых выполнены, скорее всего, самим автором (вместе с оттиском статьи из «Ираники» у меня хранятся черновики рисунков, гранки статьи с текстовыми правками, выполненными, по-видимому, уже вдовой Сергея Сергеевича И.Я. Сорокиной, и переписка 1991 г. с издателем «Iranica Antiqua» профессором Л. Ванден Берге [L. Vanden Berghe]).

* * *

Жизнь археолога измеряется экспедициями и находками. Конечно, не всякая находка сулит открытие, но каждая экспедиция оставляет надежду. Археология начинается с детской мечты, с романтического «желания рыть землю». Но, как было показано, путь самого Сергея Сергеевича Сорокина к осуществлению мечты был чересчур извилист. Для него археология не была романтическим палаточным лагерем вблизи исторического памятника, но только наукой, точной наукой, определяющей смысл пути.

С. С. Сорокин с ребятами из с. Катон-Карагай.
Восточный Казахстан, вблизи Катон-Карагая.
Июль 1962 г.

И на этом пути можно отыскать если не всамделишный клад, то разного рода увлекательные артефакты, которые могут сказать о прошлом. А этот «клад» весомее золота! По находкам можно разглядеть ушедшие культуры, лики предков: скифские и гуннские боевые колесницы, бактрийские украшения и утварь, сарматские или кельтские доспехи... Но, занятие археологией, это не только обращение к прошлому, но это наука будущего. В нее должны вовлекаться молодые, чтобы поддерживать их естественную страсть к поиску и открытиям.

На снимке полувековой давности, сделанном в 1962 г. в Восточном Казахстане фотографом-любителем, С.С. Сорокин находится в окружении местных мальчишек³⁸. Известно, что он привлекал в экс-

³⁸ См., напр.: Багаутдинов Ш. Загадки древних цивилизаций. Петроглифы Катон-Карагая // Altaynews. Главный сайт Восточного Казахстана. 24

педицию ребят из тех мест, где работал. В библиотеке Сорокиных сохранилось старое издание (1947 г.) «Приключений Тома Сойера», откуда и был взят эпиграф к данной статье. Должно быть, у археолога Сергея Сергеевича Сорокина было понимание того, что «в жизни *каждого нормального мальчика* наступает пора, когда он испытывает безумное желание рыть землю, чтобы выкопать спрятанный клад»³⁹.

июня 2013 (URL: <http://altaynews.kz/13881-zagadki-drevnih-civilizaciy-petroglify-katon-karagaya.html> [дата обращения: 15.11.2013]). В статье помещены две фотографии, на которых изображен С. С. Сорокин в окружении ребят. Очевидно, эти снимки того же времени, что и публикуемое здесь нами фото (илл. 3). Замечу, что в статье Ш. Багаутдинова неоднократно назван «выдающийся ученый прошлого столетия *академик* (курсив мой. – А. С.) из Ленинграда Сергей Сергеевич Сорокин». Конечно же, здесь «почтительная» ошибка автора публикации, поскольку археолог Сорокин, изучавший изображения летящих коней на камнях и сделавшийся местной легендой, не был ни академиком, ни доктором наук. Но впечатление, которое С.С. Сорокин произвел на детвору всей округи, было мощным. «...Активно помогали тогда в поиске петроглифов академику Сорокину местные ребята Лев Илюшкин, Феликс Щербаков, Владислав Шаферов, Александр Павлов, а также корреспондент районной газеты Аманжан Жамигазин. Как раз в это время, а точнее уже после уезда академика, ребятами и был обнаружен древнейший, датируемый как самый первый, петроглиф с изображением летящего оленя. Затем они плиту с изображением этого мифического животного отправили Сорокину в Ленинград и она до сих пор находится в Санкт-Петербургском государственном Эрмитаже. В Эрмитаже, научным сотрудником которого являлся Сергей Сергеевич, была создана целая экспозиция на тему древних наскальных изображений... Результатом этой кропотливой работы стал ряд публикаций ученого, получивших всемирную известность. Опубликованный Сорокиным в 1963 г. иллюстрированный очерк «Настоящий подарок», академик выслал Льву Ивановичу Илюшкину, и он потом долгое время хранился в школьном музее села Катон-Карагай».

³⁹ Автор считает своим приятным долгом поблагодарить А.В. Колесникову, Е.В. Сорокину и Е.В. Синицыну за предоставленные материалы и всяческое содействие при подготовке этого очерка. Глубоко признателен за подробный и увлекательный рассказ о братьях-археологах Сорокиных Т.А. Сорокиной. Благодарю профессора С.Г. Кляшторного (Институт Восточных рукописей РАН, С.-Петербург), В.П. Никонорова (Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург) и Л.В. Шадричеву (Государственный Эрмитаж). Названные лица по праву являются не только источниками-информаторами, но и соавторами этого очерка о С.С. Сорокине.

**TON UND WORT ДИТРИХА ФИШЕРА-ДИСКАУ
(памяти музыканта и мыслителя)***

Д.Е. Луконин

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: lukonin@info.sgu.ru

А.А. Синицын

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
факультет культуры,
кафедра философии и культурологии
E-mail: aa.sinizin@mail.ru

Творчество немецкого музыканта и мыслителя Дитриха Фишера-Дискау (1925–2012) – феномен мировой культуры XX в., в высшей степени достойный памяти и внимательного изучения искусствоведов, историков, музыкантов и филологов. Как и один из его наставников, дирижер и теоретик музыки Вильгельм Фуртвенглер, а в XIX в. – поэт и философ искусства Рихард Вагнер, Фишер-Дискау осознавал искусство как синтетическое единство звука (Ton) и слова (Wort). Он видел путь художника (композитора / исполнителя) в творческом поиске верно интонированного музыкального текста. Осознавая, что память – это живые «отзвуки былого» (Nachklang), Д. Фишер-Дискау посвятил ряд работ научного и мемуарного характера выдающимся творцам прошлого и своим современникам. И сам Фишер-Дискау остается отзвуком в настоящем, который резонирует в его широком и многогранном творчестве.

Ключевые слова: Д. Фишер-Дискау, искусство Западной Европы XX в., европейская художественная интеллигенция, музыка и исполнители песен Ф. Шуберта, звук и слово, Ton und Wort, Nachklang, биографика, память.

* Когда статья о Дитрихе Фишере-Дискау была завершена, стало известно, что ушел из жизни Дмитрий Евгеньевич Луконин – философствующий историк, искусствовед, прекрасный знаток и ценитель классической музыки, шубертианец и вагнерианец. Идея мемориального очерка о Фишере-Дискау родилась в конце мая 2012 г., когда мы узнали о смерти своего кумира. Материал этот неоднократно обсуждался нами в июне-июле 2012 г. в С.-Петербурге и в июле-августе 2013 г. в Саратове. Последнее обсуждение «в живую» состоялось при личной встрече в Саратове 16 ноября 2013 года. А позже – в Петербурге и Саратове – мы завершали очерк, связываясь по телефону и e-mail, обсуждая и дополняя текст, как всегда, споря друг с другом и соглашаясь. Точка в статье была поставлена в полдень 9 декабря, а вечером того же дня Дмитрия Евгеньевича не стало... Внезапная кончина Д.Е. Луконина потрясла всех, кто знал и работал с этим замечательным человеком.

TON UND WORT OF DIETRICH FISCHER-DIESKAU (in memory of great musician and thinker)

D.E. Lukonin, A.A. Sinitsyn

A phenomenon of the 20th century world culture, the art of the German musician and philosopher Dietrich Fischer-Dieskau (1925–2012) is eminently respectable and deserves a thorough study by art critics, historians, musicians and philosophers. Following his mentors – Wilhelm Furtwängler, conductor and music theorist, and Richard Wagner, composer, poet and art philosopher of the 19th century – Fischer-Dieskau perceived art as a synthetic unity of tone (Ton) and word (Wort). He identified the career of an artist (composer or performer) with a search for a properly intoned musical text. Realizing that memory is a live “echo of the past” (Nachklang), Dietrich Fischer-Dieskau devoted a series of scholarly and memorial works to both the eminent artists of the past and his contemporaries. Indeed, Dietrich Fischer-Dieskau himself has remained an echo that resonates in his vast and multifaceted art.

Key words: Dietrich Fischer-Dieskau, the 20th century West-European art, European art intellectuals, music and operatic performance of Franz Schubert’s songs, tone and word, Ton und Wort, Nachklang, biographics, memory.

*Hier find' st du deine Ruh!*¹

После засилья шумов нам хочется вернуться к тишине <...>. Вновь приблизиться к почти утерянной целостности мелодии, к тому «мелодичному недекадансу», о котором мечтал Ницше. Мы готовы даже в этом хаосе отыскать следы высшего счастья, способного сохранить душу искусства и побуждающего ко всё новым превращениям.

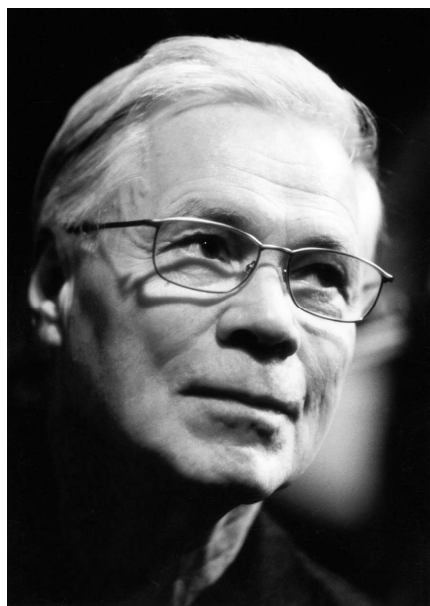
Д. Фишер-Дискау

Один из крупнейших философов недавнего прошлого неоднократно высказывал идею о философской необходимости «удерживать» своей мыслью некую «осмысленную истинную возможность этого мира»². Бесспорно, что такой подход «удержания» осмысленной возможности мира актуален и для искусства. «Удер-

¹ «Здесь ты найдешь свой покой!», – стих из песни «Липа» (*Der Lindenaum*) из вокального цикла Ф. Шуберта «Зимний путь» (*Die Winterreise*) на стихи В. Мюллера.

² Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию / сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. 2-е изд. М., 1992. С. 17.

живать» своим творческим трудом «вечное тело искусства» в череде меняющихся временных восприятий – нелегкая задача. Ее исполнение подобно служению. И, видимо, не случайно в романтическую эпоху это служение стало ассоциироваться с религиозной преданностью. Так возникло понятие о «жрецах муз», служителях вечности, хранителях истинного пути, ведущего к «вольному искусству», – той «обетованной тропы», о которую разбиваются бурные волны окружающих нас эфемерных явлений.

Незаметное на первый взгляд влияние на окружающую нас действительность Художников прошлого – поэтов, музыкантов, мыслителей – равно как и современных, имеет метафизическую природу. Данное влияние коренится не в самих вещах, а в некоторой неуловимой, но от этого не менее важной ткани их восприятия. Результатом художественного творчества становятся не окружающие предметы, а лишь возможность нашего собственного существования. Наше осмысленное ощущение причастности к вечности³.

* * *

«Лучший способ переплыть море прошедшего в поисках значимого – верить в истину: что было когда-то, существует и теперь», – фраза Дитриха Фишера-Дискау, вынесенная на обложку его автобиографической книги «Отзвуки былого»⁴. Несколько удивительно, что это сказано певцом, вокалистом. Для людей, несущих в себе дыхание вечности, философия (или то, что мы считаем философи-

³ Рассуждая о музыке и Воле в концепции Ф. Ницше («Рождении трагедии из духа музыки»), петербургский философ С.Б. Никонова замечает по поводу искусства, осмысляющего наш мир: «Искусство подобно акту рефлексии. Оно наполняет мир смыслом и значением, которого сам он, возможно, не имеет. Через переживание в искусстве весь мир становится эстетическим феноменом и получает свое оправдание» (Никонова С.Б. Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление. М., 2012. С. 348; см. здесь интересные суждения об искусстве музыки – с. 347–371).

⁴ Фишер-Дискау Д. Отзвуки былого: размышления и воспоминания / пер. с нем. А.В. Парина. М., 1991.

ей) является, кажется, столь же неотъемлемым элементом существования, как свет или воздух. Любопытно и другое: часто такая философия накладывает нестираемый отпечаток на предмет поисков тех, кто занимается этим профессионально. Илья Эренбург сказал когда-то, что «беседовать с певцом», это почти то же, что «разглядывать соловья». Тем более уникальным видится пример Дитриха Фишера-Дискау – возвышенного мыслителя в музыке и глубочайшего музыканта-философа.

На сайте «Вагнеровские исполнители» анонимный автор замечательной статьи о Фишере-Дискау отметил следующую особенную черту немецкого музыканта: «У всепокоряющего Дон Жуана сцены, как ни странно, не было пожизненной страсти к игре – с годами он стал музыкальным философом»⁵. «Музыкальный философ» – верное определение для такого явления как Фишер-Дискау. Ведь мудрость – истинный предмет философии – проявляет себя, как и дыхание вечности, во всем. Не только в верном суждении или внезапном открытии, но и в отточенном движении кисти (а Фишер-Дискау был автором ряда замечательных акварелей), и в бессловесной стихии музыкального звука⁶. Не вполне верным кажется лишь одно: оперный артист «с годами» не стал музыкальным философом, а сущность его уникального таланта состояла в том, что он всегда был таковым.

Это подтверждает изданная в 2001 г. в серии EMI «Great Recordings of the Century» («Величайшие записи столетия») запись шубертовского цикла «Лебединая песня» (*Schwanengesang*), осуществленная в 1951 г. в Лондоне в содружестве с выдающимся англий-

⁵ Дитрих Фишер-Дискау. Вагнеровские исполнители. Лучшие вагнеровские исполнители (с середины 20 века) // Sletelena. 2012-06-27 (URL: <http://wagner.su/bestsingers/Fischer-Dieskau>= [http://www.wagner.su /node 713](http://www.wagner.su/node/713) [дата обращения: 10.10.2013]).

⁶ См.: Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., комм. и указ. В.В. Бибихина. М., 1993; Он же. Исток художественного творения: Избранные работы разных лет / пер. с нем. А.В. Михайлова. М., 2008. Доп. см.: Herrmann F.-W., von. Heideggers Philosophie der Kunst: Eine systematische Interpretation der Holzwege-Abhandlung «Der Ursprung des Kunstwerkes». Frankfurt am Main, 1980 (*non vidimus*); Бимель В. Мартин Хайдеггер, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и иллюстраций / пер. с нем. А. Верникова. Челябинск, 1998. С. 150–187, 233–258; Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / науч. ред. В.С. Малахов. М., 1991.

ским пианистом-аккомпаниатором Джералдом Муром (1899–1987) – знатоком и превосходным интерпретатором песен Шуберта⁷. Эта старая запись – первый из пяти полных вариантов-записей одного цикла, сделанных Фишером-Дискау. Поразительно, что в том лондонском варианте *Schwanengesang* 26-летний артист демонстрирует полностью сложившуюся оригинальную концепцию сложнейшего образного мира Рельштаба и Гейне, сравнимую, пожалуй, только с его же более поздними исполнениями. Кажется, что ему полностью удалось миновать период подражания и заимствований. С другой стороны, интонации раннего шедевра станут доминирующими в повсеместном исполнении Шуберта как минимум на столетия. В своих «Воспоминаниях аккомпаниатора» опытный Джералд Мур, рассказывая об этой встрече с молодым исполнителем, подчеркивал, что стоило Фишеру-Дискау спеть только одну фразу, как сразу стало ясным присутствие настоящего мастера⁸. Дитрих уже тогда был Мастер, он всегда был им.

* * *

Дитрих Фишер-Дискау родился 28 мая 1925 г. в Берлине. Становление таланта и личности юного музыканта проходило в 1930–1940 гг. в сложных условиях для Германии, в период Веймарской республики и Третьего рейха. Об этой эпохе и своих впечатлениях детства и юности Фишер-Дискау вспоминает в «Отзвуках». «Гитлер, – пишет он, – <...> промывал наши мозги до тех пор, пока мы не поверили в неоспоримость истины: “Без Гитлера нам всем пришел бы конец”»⁹. «Раствление умов», как охарактеризовал в своих воспоминаниях сущность нацистского «просвещения» Фишер-Дискау, проводилось настойчиво и методично. Но и

⁷ См.: Moore G. The Schubert Song Cycles: With Thoughts on Performance. London, 1975. Укажем также и другие известные работы английского музыканта об интерпретаторах и интерпретации *Lieder*: Moore G. Singer and Accompanist. The Performance of Fifty Songs. London, 1953 (рус. пер.: Мур Дж. Певец и аккомпаниатор: Воспоминания. Размышления о музыке / пер. с англ. И.Г. Авалиани, И.В. Паринной; ред. О.А. Сахарова; предисл. В.Н. Чачавы. М., 1987); Moore G. Am I Too Loud?: Memoirs of an Accompanist. London, 1962; *Idem*. «Poet's Love» and Other Schumann Songs. London, 1981; *Idem*. Collected Memoirs: Am I Too Loud?, Farewell Recital and Furthermoore. London, 1986.

⁸ Moore G. Am I Too Loud?...

⁹ Фишер-Дискау Д. Отзвуки былого... С. 20.

тогда подростку, заканчивающему школу, приходилось задавать себе непростые вопросы, прислушиваясь к громким спорам между отцом и дядей, которые раздавались в их доме.

Едва начав обучение в Высшей музыкальной школе Берлина, он был призван на военную службу в 1943 г. и два года провел на итальянском фронте в условиях, казавшихся ему, если судить по дневнику, по меньшей мере, «бессмысленными». Последовавшие затем два года американского плена (1945–1947) были ознаменованы безудержным стремлением к музыке; там, в условиях военного лагеря, фактически началась его концертная деятельность. Возвратившись в Берлин, Фишер-Дискау увидел разрушенный и голодный город. «Нередки были случаи, – вспоминал он, – когда певец или актер не могли довести спектакль до конца из-за слабости»¹⁰. И в этих тяжелых условиях хотелось не только выживать, но и творить. В 1948 г., по решению управляющего и дирижера оркестра Государственной Берлинской оперы Хайнца Титъена (1881–1967), Фишер-Дискау был принят на службу в театр. Так началась его сценическая карьера.

Встреча с Вильгельмом Фуртвенглером (1886–1954) оказалась определяющей в процессе дальнейшего становления молодого Фишера-Дискау, и как музыканта-исполнителя, и как музыкального философа. Это случилось в 1949 году. «В течение пяти лет, – признавался Фишер-Дискау, – Фуртвенглер играл решающую роль в моей жизни»¹¹. Еще в 1938 г. В. Фуртвенглером была написана статья под названием «Ton und Wort» («Звук и слово»), размышление о Поэзии и Музыке, двух стихиях, «двух мирах, – по словам Фуртвенглера, – двух реках, берущих начало в различных источниках», но, тем не менее, способных объединяться в «один великий поток»¹². Двум великим музыкантам прошлого было свойственно стремление объединить эти стихии «в высшей сфере» (*auf höherer Ebene*) для достижения «единого воздействия» (*ge-*

¹⁰ Фишер-Дискау Д. Отзвуки былого... С. 52.

¹¹ Там же. С. 90. В. Фуртвенглер скончался в 1954 году. Полвека спустя Д. Фишер-Дискау написал книгу, посвященную великому учителю. Название этой книги говорит само за себя: «Юпитер и я» (*Fischer-Dieskau D. Jupiter und ich: Begegnungen mit Furtwängler*. Berlin, 2009).

¹² *Furtwängler W. Ton und Wort: Aufsätze und Vorträge 1918 bis 1954*. Zürich, 1994. S. 97 (рус. пер.: *Фуртвенглер В. Звук и слово // Журнал AudioMusic*. 2004. № 2. С. 122–123).

meinsame Wirken): сначала Францу Шуберту (1797–1828) и его последователям – в немецкой песне (*deutsche Lied*), затем Рихарду Вагнеру (1813–1883) – в его музыкальной драме. Так считал В. Фуртвенглер¹³.

Ton и *Wort* – два слова, раскрывающие феномен Дитриха Фишера-Дискау, также как музыка Шуберта и Вагнера, немецкая песня и музыкальная драма, – две важнейших стихии его творчества. Не случайно двум этим персонажам посвящены и наиболее его известные исследовательские работы¹⁴. Правильно произнесенное, правильно интонированное слово становится магическим словом, способным воздействовать на окружающую действительность, способным настроить, перестроить и переродить. Оно – основа художественного впечатления, воздействующего на человеческую душу. Дитрих Фишер-Дискау (будучи, по-видимому, сторонником системы Станиславского) неоднократно заявлял о необходимости «вживаться» в музыкальную ткань произведения до тех пор, пока оно не войдет «в тело и душу»¹⁵. Древнегреческий философ Платон полагал, что человеческая душа в силу бессмертия своей природы содержит в себе всеобъемлющее знание. Только из-за особых обстоятельств человек «забывает» о существовании этого знания, не пользуется им и не задумывается об этом. Поэтому важнейшей философской практикой, по Платону, оказывается процедура «припоминания» (древнегреч. *anamnesis*), создание обстоятельств, при которых испытуемый может вспомнить утаенную в нем самую истину¹⁶.

¹³ См.: *Furtwängler W. Ton und Wort... S. 99.*

¹⁴ *Fischer-Dieskau D. Auf den Spuren der Schubert-Lieder. Werden–Wesen–Wirkung. Wiesbaden, 1971* (рус. пер: *Фишер-Дискау Д. По следам песен Шуберта (фрагменты) / пер. с нем. Л.С. Товалева // Исполнительское искусство зарубежных стран. Вып. 9 / сост., ред., комм. и вступ. ст. Я.И. Мильштейна. М., 1981. С. 167–234*); *Fischer-Dieskau D. Wagner und Nietzsche: der Mystagoge und sein Abtrünniger. Stuttgart, 1974*; *Idem. Schubert und seine Lieder. Stuttgart, 1996.*

¹⁵ См.: *Fischer-Dieskau D. «Ich habe umsonst gelebt»: Interview mit Dietrich Fischer-Dieskau zum Thema 400 Jahre Oper; erschienen in Crescendo, Ausgabe vom 15. Mai 2007 // URL: <http://www.crescendo.de/dietrich-fischer-dieskau-ich-habe-umsonst-gelebt-900> (дата обращения: 10. 11. 2013).*

¹⁶ Рассуждение героя Сократа о *знании-как-припоминании* содержится в ряде диалогов Платона: *Plato. Meno. 81b sqq., 85c sqq.; Phaedo. 72e–77a.* Из литературы по теме назовем статью Г. Властоса: *Vlastos G. Anamnesis in the Meno // Plato's Meno in Focus / Ed. by J. M. Day. New York, 1994. P. 88–111.*

Работа с музыкально звучащим словом требует полного понимания сути произведения. Поэтому Дитрих Фишер-Дискау считал недопустимым музыкальное исполнительство на языках, которыми не владеет интерпретатор. Для него самого рабочими языками, помимо родного, были итальянский, французский и английский. И, все-таки, крупнейшей заслугой Фишера-Дискау является мировое распространение немецкого музыкально-поэтического наследия. В некрологе, опубликованном газетой «Frankfurter Allgemeine Zeitung», Герхард Роде назвал его «послом своей нации». Известный музыкальный критик отметил, что «Бескрайний космос немецкой романтической клавишной песни – творчество Шуберта, Шумана, Брамса и Хуго Вольфа – Фишер-Дискау открывал не только для немецкой публики, он путешествовал со своими взыскательными программами по всему миру, неоднократно в Англию и Францию, также как и в Голландию, Швейцарию и Италию... Он демонстрировал, что всегда имелась другая, лучшая Германия, культура которой принадлежит всему миру»¹⁷.

Записи Дитриха Фишера-Дискау получили широчайшее распространение в СССР, а затем и в современной России. Благодаря его феноменальным *Tönen und Wörtern* несколько поколений отечественных любителей музыкальной классики были воспитаны не только на любви к красивейшим немецким мелодиям «Ständchen» и «Die schöne Müllerin», но и на красоте и величии стихов Гёте, Шиллера, Рельштаба, Клопштока, Тика, Мюллера, Майрхофера, Якоби, Клаудиуса, Гейне, Рюккерта, Штольберга и многих других. Мир немецкой песни для современного слушателя также непредставим без Дитриха Фишера-Дискау, как и стихия вагнеровской музыкальной драмы без Вильгельма Фуртвенглера.

Доп. см.: Guley N. Plato's Theory of Recollection // CQ. 1954. Vol. 4. P. 194-213; *Idem*. Plato's Theory of Knowledge. London, 1962. Passim; Лоцев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 446; Griswold Ch.L., Jr. Self-Knowledge in Plato's *Phaedrus*. New Haven, 1996. P. 2-9, 111-121, 205-210; Scott D. Plato's *Meno*. New York, 2005; Вольф М.Н. «Менон» и парадокс поиска: интерпретации метода познания // Вестн. РХГА. 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 53-60.

¹⁷ Rohde G. Das Genie der hohen Deklamation // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 18. Mai 2012 // URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buehne-und-konzert/dietrich-fischer-dieskau-ist-tot-das-genie-der-hohen-deklamation-11755586.html> (дата обращения: 10. 11. 2013).

10–23 июня 1952 г. родственные души Вагнера, Фуртвенглера и Фишера-Дискау сошлись на площадке *Kingsway Hall* в Лондоне в период работы над записью «Тристана и Изольды». Как вспоминал Норман Лебрехт, этот проект имел «почти нулевые шансы» на осуществление¹⁸. Первоначальные исполнители заглавных партий были отвергнуты, отношения между продюсером и дирижером непрерывно ухудшались. Однако, «чудо лондонского подвала» все-таки состоялось. Тристаном и Изольдой стали мэтры вагнеровского исполнительства Людвиг Зутхаус и Кирстен Флагстад, молодой Дитрих Фишер-Дискау исполнил партию Курвенала. Фуртвенглер, по словам Лебрехта, в связи с ухудшившимся здоровьем «спешил создать наследие своих интерпретаций»¹⁹. Выбор для этого самых известных вагнеровских музыкальных драм был поистине символическим.

Несмотря на изначально синтетический характер оперы как жанра, важнейшей ее стихией вплоть до Вагнера оставалась музыка. Действительно, кто и когда задумывался о том, какие именно слова произносит исполнитель популярной арии? «Поет о любви», «скорбит об измене», – таких ремарок вполне достаточно для исчерпывающего понимания классического оперного произведения. По меткому замечанию Фуртвенглера, Вагнер по своей природе не являлся ни «чистым музыкантом», ни «истинным художником слова»²⁰. Его биография рассказывает о юношеских колебаниях между путем Шекспира и путем Бетховена. В конечном итоге, Вагнер решил объединить их. В синтетическом пространстве его искусства, которое он, нарочито противопоставляя опере, назвал музыкальной драмой (*Musikdrama*)²¹, происходит слияние

¹⁸ Лебрехт Н. Маэстро, шедевры и безумие: тайная жизнь и позорная смерть индустрии звукозаписи классической музыки / пер. с англ. С. Ильина. М., 2009. С. 181.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Furtwängler W.* Ton und Wort... S. 101.

²¹ Теоретические работы Р. Вагнера, в которых он формулирует свой взгляд на искусство и концепцию синтетического искусства (*Gesamtkunstwerk*) см.: Вагнер Р. Избранные труды / сост. и комм. И.А. Барсовой и С.А. Ошерова; вступ. ст. А.Ф. Лосева. М., 1978. См. также: Лиштанбнрже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1977; Рихард Вагнер: Сб. стат. / под ред. Л.В. Поляковой. М., 1987; Лосев А.Ф. Философский комментарий к драмам Рихарда Вагнера // Лосев А.Ф. Форма – стиль – выражение. М., 1995. С. 667–733; Лаку-Лабарт Ф. *Musica ficta*. Фигуры Вагнера / пер. с франц., послесл. и примеч. В.Е. Лапицкого. СПб., 1999.

поэта и музыканта в союзе по любви – *Liebesgemeinschaft*, как определил его Фуртвенглер²².

Однако, и звук, и слово являются лишь средствами выражения. В «Тристане и Изольде» Вагнер насытил их мифологическими символами любви и смерти, а главным героем драмы сделал *Liebestod* – объединенную стихию «смерти в любви», которую сам испытал во время любовного влечения, толкнувшего его на край гибели. «Работая с Фуртвенглером, – вспоминал Фишер-Дискау, – мы постигали естественность более высокого порядка, которой можно достичь только путем создания образа. Это естество высшего порядка означало музыкальную жизнь, великий агогический поток, когда начинают музицировать как бы вне темпа, и темп проявляется лишь в определенный временной момент, чтобы снова пойти на спад, когда кульминация остается позади»²³.

Совместное творчество стало для Фишера-Дискау своего рода посвящением в «мистерию» Вагнера. Фуртвенглер же выступил как «проводник» в эзотерические тайны учения, великий мастер любви и смерти – *Liebestodmeister*, не только потому, что в период записи он был влюблен и стоял на краю могилы, но и потому, что, по словам Фишера-Дискау, его интересы вообще сильно отличались от интересов «внешнего мира»²⁴. «Посвящение в Рихарда Вагнера» было подобно тому, что Рудольф Штейнер описывал применительно к ученикам Платона: «Только для избранных из его речей возникал огонь, для остальных возникали только мысли... От Платона его ученикам предавалось нечто большее, чем буквальный смысл его слов. Там, где он учил, их оведала атмосфера мистерий. Слова имели обертона, звучавшие совместно с ними. Но для этих обертонов нужна была атмосфера мистерий. В противном случае они угасали неслышанными»²⁵. Впоследствии Фишер-Дискау называл Вагнера «мистагогом» – жрецом, ведущим хор мистов. Творчество Вагнера давало обильную почву для такого толкования. Самые известные из писателей эзотериков пытались раскрыть в его словах и звуках великую мистерию тайны²⁶.

²² *Furtwängler W.* Ton und Wort... S. 100.

²³ *Фишер-Дискау Д.* Отзвуки былого... С. 91.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ *Steiner R.* Das Christentum als mystische Tatsache und die Mysterien des Altertums. Dornach, 1902 (Рус. пер. О.Н. Анненковой: *Штейнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991. С. 45).

²⁶ См., напр.: *Шюре Э.* Рихард Вагнер и его музыкальная драма / пер. Н.М. Розен. М., 2007.

«В действительности для любого произведения... есть лишь одна трактовка, лишь одна интерпретация, а именно та, которая является для него врожденной, соответствует ему, "правильна"», – писал Вильгельм Фуртвенглер²⁷. Дитрих Фишер-Дискау известен нам как один из величайших *интерпретаторов* XX века. Интерпретация, это важнейшая составляющая бытия музыкального произведения²⁸. Говоря об искусстве рапсода (исполнителя эпических произведений), Платон приравнивал его творчество к поэтическому. Ведь истинным источником художественного творчества является божественное. Богиня (Муза) дарит божественную энергию поэту, через исполнение его произведения она передается публике. Таким образом, автор (поэт или композитор), исполнитель и публика оказываются как бы звеньями одной цепи, которую Муза притягивает к себе, подобно магнесийскому камню; именно в этом смысле художник *одержим* божеством²⁹.

* * *

Интерпретация песен Шуберта – дорога, протянувшаяся через всю жизнь Дитриха Фишера-Дискау. Он первым записал в

²⁷ *Furtwängler W.* Interpretation – eine musikalische Schicksalsfrage // *Das Atlantisbuch der Musik.* Berlin, 1934. S. 609–616 (рус. пер. *Фуртвенглер В.* Интерпретация: Судьбоносный вопрос музыки // Журнал *AudioMusic.* 2004. № 2. С. 119–122); *Фуртвенглер В.* Из литературного наследия // *Исполнительское искусство зарубежных стран.* Вып. 2 / сост, ред., коммент. и вступит. ст. Г. Эдельмана. М., 1966. С. 146–187.

²⁸ Об искусстве интерпретации см.: *Зедльмайр Г.* Искусство и истина: Теория и метод истории искусства / пер. Ю.Н. Попова; послесл. В.В. Бибикина. СПб., 2000. С. 134–215.

²⁹ См. рассуждение Сократа в диалоге «Ион», который античная традиция приписывает Платону: *Plato. Ion.* 531a–536d, особ. – 533d–534e: о «божественной силе» (*theia dynamis*), «одержимости» (*mania*) поэта и его «божественной участи» (*theia moira*). Из литературы на эту поэтико-философскую тему укажем важный сборник «Платон и поэты», выпущенный недавно изд-вом «Brill»: *Plato and the Poets* / Ed. by P. Destrée and F.-G. Herrmann. Leiden; Boston, 2011 (см. здесь статьи Ф.-Г. Херрманна, К. Коллоберт, К. Капуччино, Ф. Гонзалеза и др.); выборочно назовем также работы: *Verdenius W.J.* *L'Ion de Platon* // *Mnemosyne.* 1943. Vol. 11. P. 232–262; *Асмус В.Ф.* Платон. М., 1969. С. 180–216; *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974; *Asmis E.* *Plato on Poetic Creativity* // *The Cambridge Companion to Plato* / Ed. by R. Kraut. Cambridge, 1992. P. 338–64; *Позднев М.М.* Психология искусства. Учение Аристотеля. М.; СПб., 2010. С. 226–265; *Hunter R.* *Plato and the Traditions of Ancient Literature: The Silent Stream.* Cambridge, 2012. P. 96–108.

студии большую часть колоссального шубертовского песенного наследия (около 600 песен). И в сознании слушателей его творчество оказалось навечно связанным с шубертовскими песнями. Янис Габриэль назвал его «голосом Шуберта»³⁰. Будучи, в первую очередь, интерпретатором, Фишер-Дискау выступает одновременно в двух ипостасях: исследователя и исполнителя. Значительная глава его исследования о Шуберте посвящена исполнительскому наследию³¹. Здесь более сотни исполнителей, с краткими, точными и яркими характеристиками их манеры, стиля, глубины и голоса. Каждый из них предстает (а только так и может быть у настоящего мастера-интерпретатора) со своей уникальной трактовкой шубертовских песен. Опираясь на богатейшую традицию своих предшественников и современников, Фишер-Дискау призывает коллег по цеху ко вниманию к слову, мелодии, тону. Как говорит он сам, приобщиться к творчеству композитора – значит «проникнуть в его сущность» через познание текста (*текста*, разумеется, в широком смысле – и музыкального, и художественного)³².

Дитрих Фишер-Дискау – прирожденный исследователь. Его книга «По следам песен Шуберта», это не только оригинальное изложение собственного художественного опыта, но и настоящее научное исследование. Поразительная глубина, внимание к предмету и прекрасное знание источников характерны для автора. И в этом смысле его мастерству могут позавидовать серьезный биографист и историк-профессионал. Но, его исследовательский ум не убивает поэтического, художественного начала и не подавляет его, а напротив, синтетически сочетается с ним, что способствует мгновенному схватыванию такого художественного феномена, каким был Шуберт, во всей его полноте.

«Вступить в пределы Слова...», – так объясняет Фишер-Дискау основную интенцию шубертовского песенного творчества³³. Свои занятия Шуберт понимал как «драматургию Liedera-

³⁰ Gabriel Y. Why Dietrich Fischer-Dieskau's Winterreise remains the reference point // URL: <http://www.yiannisgabriel.com/2012/11/winter-journeys-5-is-fischer-dieskaus.html> (дата обращения: 10. 11. 2013).

³¹ Фишер-Дискау Д. По следам песен Шуберта. С. 222–232.

³² Там же. С. 233.

³³ Там же. С. 175.

bend'ов»³⁴, и из внутреннего постижения *слова* под пером музыканта рождались «образы, формы и события». «Материал поддается ему в силу той любви, с которой он к нему подходит. В искусстве дело обстоит так же, как и во всех других сферах жизни: без любви тайны остаются нераскрытыми...»³⁵. Но следует ли искать глубины и тайны у юноши, покинувшего свет в тридцатилетнем возрасте, писавшего порою по шесть-восемь песен в день и никогда не работавшего с набросками? Фишер-Дискау верит в то, что гениальное не может быть бессмысленным, в ту простую истину, что посредством творчества гения нам открывается высшая сила мысли и настоящая мудрость. «Возможно ли, чтобы гений, высочайшее воплощение духовности, работал, безвольно подчиняясь гипнозу наития?» – ставит автор (риторический для него самого) вопрос³⁶.

Совершая «прогулку по пышному саду его (Шуберта. – *Авт.*) вдохновения», Фишер-Дискау посвящает отдельную главу определению того влияния, которое оказала на молодого композитора поэзия его старшего современника И.-В. Гёте³⁷. Фишер-Дискау показывает, как, работая с поэтическим Словом «великого олимпийца», Шуберт становится³⁸ поэтом-музыкантом. Музыкант-мыслитель тщательно анализирует текст «Прялки» Шуберта, взвешивая каждое слово, строку, каждую ноту, мотив и сочетание оных, опирается на свой исполнительский опыт и приводит суждения о ней современников композитора. Впечатляет и сравнительный анализ двух вариантов песни Шуберта на стихи Гёте «Близость любимого», который проводит Фишер-Дискау³⁹. Он внимательно разбирает и многие другие гётевско-шубертовские вещи. В целом, говоря о духовном воздействии Гёте на Шуберта, исследователь отмечает, что «слияние поэзии и музыки никогда еще не было столь совершенным»⁴⁰.

³⁴ Фишер-Дискау Д. По следам песен Шуберта. С. 175.

³⁵ Там же. С. 177.

³⁶ Там же. С. 173.

³⁷ Там же. С. 177–208.

³⁸ Д. Фишеру-Дискау удается (и довольно убедительно) показать именно процесс становления Шуберта как композитора.

³⁹ Фишер-Дискау Д. По следам песен Шуберта. С. 177–178, 181–182.

⁴⁰ Там же. С. 177.

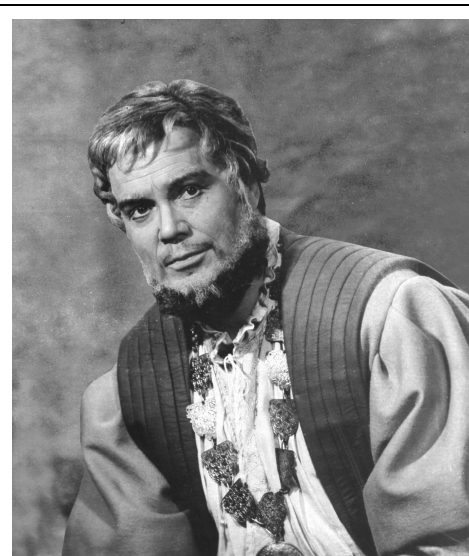
В не меньшей степени исследовательский подход характерен для исполненных Фишером-Дискау театральных ролей. Еще на заре своего творчества он начал работу над образом Вольфрама фон Эшенбаха в «Тангейзере» Рихарда Вагнера. Вольфрам фон Эшенбах – историческая личность, один из крупнейших немецких поэтов-миннезингеров рубежа XII–XIII века. Его поэзия стала объектом пристального внимания Рихарда Вагнера, а написанный в стихах рыцарский роман «Парцифаль» лег в основу последней и наиболее загадочной мистерии байрейтского мастера.

В интерпретации Фишера-Дискау певец Вольфрам фон Эшенбах предстает одним из важнейших агонистов трагедии, разворачивающейся на сцене. Противоречие между «любовью земной» и «любовью небесной» легло в основу этой музыкальной драмы. Зачастую в сценических постановках «Тангейзера» кипучая, мятущаяся натура главного героя, Тангейзера, отодвигает его антагониста Вольфрама фон Эшенбаха на второй план. Однако в исполнении Фишера-Дискау этот образ получил при всем своем внешнем благородстве поистине трагический размах. Вольфрам страдает от собственных внутренних противоречий, не ему предназначены спасительные молитвы Елизаветы и высшее прощение в Риме. В трактовке Фишера-Дискау трагедия Тангейзера на сцене оказывается как бы рассказанной устами Вольфрама, и именно в силу этого обретшей черты величия и простоты.

Нельзя не сказать несколько слов и о другой ключевой для Фишера-Дискау роли – Ганса Сакса в «Нюрнбергских мейстерзингерах». Эта роль принадлежит к зрелому периоду мастера, первоначально он исполнял в «Мейстерзингерах» партию Котнера⁴¹. Также, как и Вольфрам фон Эшенбах, Ганс Сакс относится к числу выдающихся представителей немецкой нации. Именем великого башмачника и поэта названы улица и площадь его родного города. Его память увековечена в памятниках и на государственных почтовых марках. В образе Сакса Фишер-Дискау находит то, чем всю сознательную жизнь являлся и сам: триединство важнейших ипостасей – ремесленника, художника, общественного деятеля.

⁴¹ *Herzfeld F. Dietrich Fischer-Dieskau. Berlin, 1962. S. 13–14.*

Величайшей творческой удачей стала запись «Нюрнбергских мастерзингеров», осуществленная фирмой «Deutsche Grammophon» в 1976 году. Партнерами Фишера-Дискау в ней выступили такие прославленные мастера, как Пласидо Доминго и Ойген Йохум. В знаменитом *Wahn*-монологе Ганса Сакса («Wahn! Wahn! Überall Wahn!» – «Мечта!», «Мечта! Кругом мечта!»⁴²), этом, своего рода, вагнеровском «быть или не быть», Фишер-Дискау гениально подчеркивает, что именно мысль о родном городе склонят для Сакса чашу весов в сторону *бытия*. А в последующей сцене, сцене празднества на Пегнице, в своем патристическом призыве Сакс Фишера-Дискау обретает черты настоящего гражданского лидера⁴³.

Д. Фишер-Дискау
в роли Ганса Сакса в опере
Р. Вагнера «Нюрнбергские
мейстерзингеры», 1976, Берлин

⁴² В переводе «Нюрнбергских мейстерзингеров» В.П. Коломийцева начало этого монолога поэта-башмачника Сакса передано следующим образом:

«Жизнь – сон, царство мечты!
Пытливо я гляжу в анналы всех времён,
Хочу найти причину, – зачем
В слепой вражде друг друга люди терзают,
Платя безумству дань? –
И пользы нет, и славы нет!
Беглец свой бег победой считает, –
Стон своих не слышит он;
Другой же сам себя грызёт,
Но счастлив и так весел!..».

⁴³ Все же в примечании оговоримся, что сам Д. Фишер-Дискау не называет эти роли в вагнеровских драмах в числе своих любимых. Здесь мы позволим себе привести несколько значительных цитат из интервью с музыкантом, опубликованного во французском журнале «Classica» (см.: [Сансон Д.] Орфей мёртв. Интервью с Дитрихом Фишером-Дискау (беседовал Давид Сансон) / пер. с франц. А. Гопко // Журнал – OperaNews.ru / Все об опере в России и за рубежом. 11.11.2012 (URL: <http://operanews.ru/12111102.html> [дата обращения: 22.10.2013])). Имя Давида Сансона хорошо знакомо – это знаток искусства, который и здесь демонстрирует свое знакомство с биографией и творчеством интервьюируемого им музыканта. Журналист обращается к Фишеру-Дискау: «В памяти человечества навсегда останутся, по меньшей мере, две ваши вагнеровские роли: Ганс

Г.-Г. Гадамер, рассуждая об истории понятий и философии, так истолковывает сущностное родство *музыки* и *мысли*: «Философия в этом отношении, как и музыка. <...> Музыкой будет лишь то образование, в котором участвуют обертоны вместе со всем тем, что они способны создать в смысле новых акустических эффектов и выразительных средств. Так же и в философской мысли. Обертоны употребляемых нами слов дают нам постоянно чувствовать бесконечность мыслительных задач, в качестве каких-то для нас существует философия...»⁴⁴. Необходимость отыскать верный *обертон Слова* – эта же идея волновала и побуждала к поиску музыкального философа, каким был Д. Фишер-Дискау, – верный адепт учения «Юпитера» – Фуртвенглера.

Исследовательская работа о Вагнере и Ницше вскрывает еще одну важную для самого Фишера-Дискау проблему – связь философии и музыки. Для музыкального философа было несомненно, что Вагнер был революционером в музыке⁴⁵, равно как Ницше был

Сакс и Вотан. Чем были для вас два эти персонажа и Вагнер вообще?» – Ответ осознанно сдержан: «Говорить, что я как-то особенно отметился в этих двух ролях, было бы некоторым преувеличением: я просто попытался передать то, как я их понимаю. Тем более что Сакс из меня не идеальный – ведь в сущности я, что называется, “высокий” баритон, недостаточно “крепкий”. Напротив имени Сакса Вагнер написал: “для высокого баса”. То же самое касается и Вотана – во всяком случае, в “Валькирии” и в “Зигфриде”...». Следом вопрос Д. Сансона: «Какие роли были вашими любимыми?» – Ответ: «Я бы сказал, что самыми важными для меня были Граф [Альмавива] из “Свадьбы Фигаро”, Фальстаф [в одноименной опере Дж. Верди], а также Мандрыка в “Арабелле” Рихарда Штрауса (пояснения в скобках наши. – *Авт.*)». Помимо этих ролей Ф.-Д. называет еще несколько «неоднозначных образов» (определение самого музыканта) из новой оперы, которые ему, как исполнителю, особенно нравились (см.: Там же). Заметим, что образ Вольфрама фон Эшенбаха из вагнеровского «Тангейзера» здесь даже не упоминается (*sic!*). По-видимому, отвечая на этот вопрос журналиста, в числе любимых ролей Д. Фишер-Дискау, как исполнитель назвал только яркие, фееричные сценические образы (граф Альмавива, Фальстаф) и образы, наиболее проблемные, сложные в психологическом плане (герои экспрессионистских произведений Альбана Берга – Воцтек из одноименной оперы и доктор Шён из «Лулу»).

⁴⁴ Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Гадамер. Г.-Г. Актуальность прекрасного / науч. ред. В.С. Малахов. М., 1991. С. 42.

⁴⁵ Приведем еще одну цитату из интервью, к которому мы уже обращались чуть выше (см. примеч. 43). Фишер-Дискау о философе «музыки будущего»: «Я восхищаюсь Вагнером в первую очередь за то, что он достиг

революционером в философии. Поразительно, с какой отчетливостью и даже изяществом он анализирует оттенки восприятия идей Шопенгауэра Вагнером, с одной стороны, и Ницше, с другой. Чуткому восприятию музыканта-мыслителя доступны простые истины, порой ускользающие от философов-профессионалов. Он отдает должное абстрактной мысли Вагнера и музыкальным сочинениям Ницше. Но очевидно и то, что главная сила и притягательность их творчества не в этом; философия Вагнера растворена в самой стихии его музыкальных произведений, также как в самой мысли Ницше заключено ее музыкальное построение. Это, казалось бы, банальное, на первый взгляд, наблюдение приобретает у Фишера-Дискау неожиданную глубину, обрастая фактами, пронзительно точными замечаниями и тщательно отработанными деталями – всем тем, что выявляет в нем настоящего, «ремесленного», в лучшем смысле, мастера научного исследования.

Кажется далеко не случайным для самого Фишера-Дискау, что, говоря о «духовной встрече» Вагнера и Ницше, он обращает внимание читателя на те строки ницшевского «Ессе Homo», в которых подчеркивается, что это произошло под влиянием «Тристана»⁴⁶. Трудно сказать об этом лучше, чем сам Ницше: «Я считаю первостепенным счастьем, что я жил в нужное время и жил именно среди немцев, чтобы быть зрелым для этого произведения... Вся загадочность Леонардо да Винчи утрачивает свое очарование при первом звуке “Тристана”»⁴⁷. Чем был «музыкальный романтизм»? – раскрывая, что значил этот вопрос для Ф. Ницше, Фишер-Дискау замечает, что вся его «жизнь как философа» посвящена ответу на него⁴⁸.

именно того, к чему стремился. Во всей истории музыки, несомненно, нет другого музыканта, который, с таким самолюбием и с таким упорством, сумел бы настолько близко подойти к им самим выбранной цели, положив на это всю свою жизнь. Причём заранее представляя себе тот путь, который ему предстояло пройти. В его музыке меня больше всего впечатляет искусство инструментовки. В силу этой его особенности никому после Вагнера не удалось добавить в технику оркестрового письма чего-то по-настоящему важного. Возможно, он был самой значительной фигурой – по крайней мере, одной из вершин...» (см.: [Сансон Д.] Орфей мёртв...).

⁴⁶ Fischer-Dieskau D. Wagner und Nietzsche... S. 11, 14.

⁴⁷ Ницше Ф. Ессе homo / пер. с нем. Ю.М. Антоновского // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 716.

⁴⁸ См.: Fischer-Dieskau D. Wagner und Nietzsche... S. 14.

* * *

Творчество Фишера-Дискау, это не цепь случайных увлечений и озарений. Его музыкальная и исследовательская деятельность подобны служению глубокой и правильно развивающейся идее. Устойчивые приверженцы его творчества способны ощутить это развитие. Многие произведения Фишер-Дискау записывал в студии неоднократно. Так, например, цикл шубертовских песен «Winterreise» был записан им на пластинки семь раз (не считая концертных, «живых» записей). На протяжении почти полувека (первая запись была сделана в 1955 г., последняя – в 1990 г.) музыкант снова и снова стремился зарегистрировать любимые строфы и напевы. Причем, критики в один голос утверждают, что невозможно считать эти записи различными трактовками, также как нельзя видеть в них и просто несколько вариантов одного и того же исполнения. Это как бы внутренне обусловленное развитие изначально единой концепции.

Выдающийся английский музыкальный критик Алан Блют связывал это с необходимостью для Фишера-Дискау вновь пережить (*re-live*) текст с еще большей непосредственностью, если это возможно, чем в прошлом⁴⁹. Возможно также, что новые пере- и проживания были тесно связаны для Фишера-Дискау с новым жизненным опытом. Известно, что для каждого возраста есть «свой» идеал исполнения, и то, что казалось ранее окончательным, с годами уступает место иной интерпретации. Таким образом, вся творческая биография артиста предстает как бы единым путем-поиском.

Дитрих Фишер-Дискау оставил после себя колоссальное наследие. Это десятки исполненных им оперных партий в сочинениях Бетховена, Бартока, Берга, Бузони, Вагнера, Вебера, Верди, Глюка, Гуно, Моцарта, Николаи, Пуччини, Пфитцнера, Хиндемита, Чайковского, Штрауса. Это камерные и ораториальные произведения Баха, Генделя, Брамса, Бриттена, Шютца и многих других⁵⁰. Это не поддающееся исчислению количество записей немецких *Lieder*. Это многочисленные воплощенные в жизнь художественные проекты... Не случайно Нина Дорлиак, сама хорошо знавшая

⁴⁹ См.: Jolly J. Dietrich Fischer-Dieskau and Schubert's Winterreise // Gramophone (URL: <http://www.gramophone.co.uk/features/focus/dietrich-fischer-dieskau-and-schuberts-winterreise> [дата обращения: 10.10.2013]).

⁵⁰ Подр. см.: Дитрих Фишер-Дискау. Вагнеровские исполнители. Лучшие вагнеровские исполнители...

Фишера-Дискау, повторяет слова мужа, С.Т. Рихтера, с которым тот много сотрудничал: «Он может всё!»⁵¹. Великий баритон, оригинальный дирижер, интересный художник, прекрасный мемуарист, увлеченный коллекционер... Он был мастером во всем. И все ему удавалось. Но главное – не в мастерстве. Кажется, что Фишеру-Дискау было присуще понимание чего-то столь важного и глубоко, что заслуженно поставило его в первый ряд европейских художников прошлого столетия. Он был истинным философом и поэтом музыки. Основную задачу художника Фишер-Дискау усматривал в служении, в том, чтобы «отыскать следы высшего счастья, способного сохранить душу искусства и побуждающего ко все новым превращениям»⁵².

Дитрих Фишер-Дискау был одним из самых востребованных и успешных музыкантов. Он выступал в сотрудничестве с лучшими партнерами, оркестрами и дирижерами своего времени, был знаком с монархами, президентами и премьер-министрами. Его домом были лучшие музыкальные сцены мира. Ему был отпущен без малого век жизни и более полувека творческой жизни на сцене.

О самом Фишере-Дискау написано немало. Его импульс и резонанс (*Nachklang*)⁵³ пропорционален его активной деятельности. Д. Фишер-Дискау осознавал память как живые «отзвуки былого», усилием нашего сознания заново рождающиеся в настоящем. Во введении к своим «Отзвукам» немецкий мыслитель писал: «Когда мы вспоминаем, мы вспахиваем прошлое и засеваем его в свое сознание снова. Что было когда-то, то одновременно вечно, словно вынута из времени, в которое мы входим с рождением и из которого выходим со смертью»⁵⁴.

Четверть века мы знакомы с записями великого музыканта. В 2005 г. осмелились поздравить Д. Фишера-Дискау с его 80-летием. И, несмотря на замкнутую жизнь немецкого классика в последние го-

⁵¹ См.: Дорлиак Н.Л. Предисловие [Фишер-Дискау Д. По следам песен Шуберта (фрагменты)] // Исполнительское искусство зарубежных стран. Вып. 9 / сост., ред., комм. и вступ. ст. Я.И. Мильштейна. М., 1981. С. 169–170.

⁵² Эти слова из книги немецкого музыканта «По следам песен Шуберта» взяты нами в качестве эпиграфа к данной статье.

⁵³ «*Nachklang*» («резонанс», «отзвук», «отголосок», «эхо») – так называется автобиографическое сочинение Фишера-Дискау (см. примеч. 4).

⁵⁴ Фишер-Дискау Д. Отзвуки былого... С. 5.

ды, у нас продолжала оставаться надежда на личное знакомство. Но этого, увы, не произошло.

18 мая 2012 г. в баварском Берге ушел из жизни Дитрих Фишер-Дискау – музыкант и мыслитель, давно ставший легендой, современным европейским мифом. Это был человек, который, если и не изменил наш мир, то существенно его обогатил и расширил. Творчество Фишера-Дискау, его *Töne und Wörter*, олицетворяет эпоху. И мы жили в эпоху великого Художника.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(470.44)“1907/1910”

«НАША ХУЛИГАНСКАЯ ШАЙКА, ТО ЕСТЬ НАШИ “СОЮЗНИКИ” ...»: ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ О МЕСТНЫХ ЧЕРНОСОТЕНЦАХ (1907–1910 годы)

А.В. Воронежцев

Саратовский государственный технический университет,
социально-гуманитарный факультет,
кафедра истории Отечества и культуры
E-mail: voronezhtsev2007@mail.ru

В публикации приведена переписка между Главным советом и местными организациями Союза русского народа (далее – СРН), а также различными чиновниками Саратовской губернии о деятельности сельских организаций СРН в Балашовском уезде. Она дает наглядное представление об устремлениях и деятельности черносотенцев после революции 1905–1907 гг., о степени поддержки их местным населением, об их взаимоотношениях с властью.

Ключевые слова: Саратовская губерния, Балашовский уезд, Союз русского народа, крайне правые организации и партии, Православный всероссийский братский союз русского народа, первая русская революция, столыпинская аграрная реформа.

OUR BULLY GANG, I.E. OUR «ALLIES...»: SARATOV AREA STATE ARCHIVE MATERIALS ON THE LOCAL BLACK HUNDREDS (1907–1910)

A.V. Voronezhtsev

This publication contains the General Council, local Russian national union organizations (hereinafter RNU), and some Saratov government placemen correspondence on county organizations activity in Balashov district. It visualizes The Black Hundred motivations and activities after 1905–1907 revolution, the measure of support from the native population, the relationships with the authorities.

Key words: Saratov government, Balashov district, Russian national union, far-right parties and organizations, All-Russian orthodox union, the first Russian revolution, Stolypins land reform.

Первая русская революция вывала разрозненное сопротивление разнородных элементов. Хотя монархические настроения бытовали в различных слоях населения, каких-либо организованных правых сил в Саратове не было, как, впрочем, и в России, в целом.

Лишь в ноябре 1905 г. появляется «Союз русского народа» (далее – СРН), состоявший из крайне правых организаций и партий, объединенных идеей защиты самодержавия. В Саратове и губернии сторонники самодержавия группировались в СРН, «Православном всероссийском братском союзе русского народа» (далее – ПВБСРН)¹ и «Народно-монархической партии». Последняя была создана 1 января 1906 г., приняв за основу программу «Астраханской народной монархической партии». 27 марта 1906 г. «Народно-монархическая партия» трансформировалась в Саратовский отдел СРН.

Одни «новобранцы» при вступлении в СРН заявляли о своем желании бороться против революции. Другие искали материальные выгоды. Кроме того, для спасения от доносов или преследований черносотенцами в СРН записывались родственники убитых погромщиками, высланных или осужденных властями крестьян. Вступали в союз и сторонники, и противники «столыпинской» аграрной реформы. По отзывам жандармов, «некоторые из членов не знают цели и назначения союза, другие же не знают, что они состоят в союзе; есть также члены, которые записаны в союзе против их желания и числятся лишь на бумаге для увеличения показной численности отдела».

Практически, СРН представлял собой ассоциацию местных организаций, связанных лишь идеологически. Даже в рамках одной губернии местные организации имели крайне слабые связи. Основную массу «союзников» в городах составляли мещане, мелкие торговцы, домовладельцы, отчасти рабочие, в деревнях – крестьяне различной степени зажиточности.

Статистика по местным организациям СРН дает некоторое представление о динамике их численности. По данным Саратовского губернского жандармского управления, в октябре 1907 г. в губернии (5 уездах и Царицыне) было 12 отделов и 6 подотделов СРН. В отделах насчитывалось свыше 5560 человек. Численность

¹ Подр. см.: *Воронежцев А.В.* Православный всероссийский братский союз русского народа (1907–1913 годы) // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 23. С. 90–98; *Он же.* Образование и деятельность местных организаций Союза русского народа в Саратовской губернии // Там же. Саратов, 2013. Вып. 24. С. 29–48.

отделов варьировалась от 3 тыс. чел. в Царицыне до 8 чел. в Максимовке Вольского уезда. По данным Департамента полиции МВД, в мае 1908 г. СРН имел 5 отделов и 9 подотделов с 7690 членами. По данным губернского отдела СРН, в конце 1908 г. вместе с ним насчитывался 31 отдел в семи уездах. Обращает внимание полное отсутствие отделов в семи уездных центрах и в трех уездах, а также отсутствие сведений о численности членов существовавших монархических организаций.

К 23 февраля 1912 г. насчитывалось 12 отделов и подотделов СРН (без учета Вольского уезда). В 8 отделах насчитывалось 1720 человек. В Вольском уезде к 4 мая 1912 г. было 7 отделов СРН с 2300 членов. Не менее 10 организаций считали своими одновременно в СРН и ПВБСРН².

Саратовские крайне правые неоднократно и безуспешно пытались пробиться в Государственную думу. Лишь на выборах в III Государственную думу им с большим трудом удалось провести в этот орган власти одного депутата.

Параллельно с СРН действовал ПВБСРН, созданный по инициативе епископа Саратовского и Царицынского Гермогена и действовавший под его непосредственным руководством. Основное отличие от СРН заключалось в запрете на членство старообрядцев. 23 января 1913 г. Союз был официально закрыт.

Раскол и дробление СРН привели к образованию новых черносотенных союзов в регионах. В губернии появились местные организации «Русского народного союза имени Михаила Архангела», «Всероссийского дубровинского³ СРН». Саратовская «дубровинская» организация раскололась на две, погрязшие в дрязгах из-за нерешенных споров за лидерство, группировки. После Февральской революции 1917 г. организации СРН прекратили свое существование.

Публикуемая переписка о деятельности сельских организаций СРН в Балашовском уезде Саратовской губернии, дает наглядное представление об устремлениях и деятельности черносотенных организаций.

² См. *Воронежцев А.В.* Образование и деятельность местных организаций... С. 38–39.

³ Создана А.И. Дубровиным в 1912 году. Дубровин Александр Иванович (1855–1918, по др. свед. – 1921) – из семьи офицера полиции, врач. Один из основателей Союза русского народа, председатель его Главного совета. Организатор и руководитель Всероссийского дубровинского союза русского народа.

тенцев, о степени поддержки их местным населением, об их взаимоотношениях с властью. Есть основание утверждать, что сельское руководство черносотенцев, почувствовав вкус власти, предалось сведению личных счетов с односельчанами и сбору своеобразной дани в виде денег, или спиртного с населения посредством шантажа. Местные организации СРН стали средством наживы и орудием расправы. Превращение местных активистов СРН в вымогателей, низкие организационные и умственные способности руководителей отделов и подотделов, дальнейшая эрозия монархических иллюзий повлекли за собой сокращение сторонников черносотенцев.

При подготовке публикации тексты документов приближены к современным орфографическим и синтаксическим нормам. Особенности написания отдельных слов оговорены в примечаниях «*Так в тексте*». Стилиевые особенности сохранены. Пропущенные в документе слова или части слов восстановлены и заключены в квадратные скобки. Сокращенные при подготовке части документов обозначены отточием в угловых скобках. Даты документов проставлены под заголовками. Все даты в документах приводятся по старому стилю. Даты, установленные по содержанию документов, заключены в квадратные скобки.

Вступительная статья, публикация и комментарии
А.В. Воронежцева

№ 1

Рапорт балашовского уездного исправника К.А. Сиповича
саратовскому губернатору С.С. Татищеву

Совершенно секретно

№ 836

25 ноября 1907 года

Сего числа ко мне явился священник села Большого Карая той же волости Михаил Протоклитов, принадлежащий по политическим убеждениям к монархистам, и жаловался на председателя Больше-Карайского подотдела Союза русского народа крестьянина Матвея Егорова Шишкина, который своим поведением не только подрывает престиж партии, но и возбуждает население против монархистов. По словам священника Протоклитова, Шишкин весьма мало развит, а потому не может быть тактичным председателем, в своих действиях выходит из программы союза и принимает на себя нередко административные и полицейские обязанности, руководясь при этом личными, а не партийными взглядами. Независимо сего он бесконтрольно и нечистоплотно обращается с деньгами союза, что вместе взятое не только не привлекает новых членов союза, но и отталкивает раньше записавшихся в этот союз. Вследствие такого положения вещей многие крестьяне просят о замене председателя более тактичным и разумным человеком, последствием чего явилось бы не только увеличение партии монархистов, но и уменьшение революционных партий, добывающих себе материал для своей партийной агитации из нетактичности Шишкина, убеждая население, что Шишкин только исполняет программу партии.

При проверке этого заявления путем негласного опроса двух членов союза крестьян села Большого Карая Егора Захарова Глухова и Василия Ефимова Власова и беспартийного, но вместе с тем очень толкового, местного крестьянина Егора Иванова Сбродова заявление священника Протоклитова подтвердилось, и как крестьяне, так и священник, указали на возможного заместителя Шишкина крестьянина села Большого Карая Ивана Федорова Стуколова, состоящего членом союза, который несравненно лучше вел бы дело союза, не возбуждая населения и принося действ-

вительную пользу в деле задач союза и умиротворения крестьянского населения.

Наличность союза в Большом Карае, при разумных действиях председателя, приносит несомненную пользу в деле успокоения населения и тормозит революционные влияния, но необходимым условием является, чтобы председатель подотдела был бы разумный, твердый и спокойный человек, в противном же случае явление получается совершенно обратное.

Об изложенном докладываю Вашему Сиятельству на благоусмотрение.

Уездный исправник Сипович.

*ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 70–70 об.
Машинопись, подпись-автограф.*

№ 2

Письмо председателя Союза русского народа А.И. Дубровина саратовскому губернатору С.С. Татищеву

№ 549

26 марта 1908 года

Главный совет Союза русского народа имеет честь покорнейше просить Ваше Сиятельство не отказать обратить благосклонное внимание на прилагаемую копию прошения крестьян села Свиноухина¹ Балашовского у[езда]. Надеюсь на Ваше доброе отношение к участи крестьян, из коих Леонтий Шишкин известен как вполне порядочный человек. Главный совет льстит себя надеждой, что Ваше Сиятельство сообразоволив о последующем уведомить².

Примите уверения в личном уважении и совершенной преданности.

Почетный и действительный председатель Союза русского народа и главного совета А. Дубровин.

*ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 127.
Рукопись, подпись-автограф.*

¹ Так в тексте.

² На документе имеется помета: «Ответ не давать, запросить исправника».

№ 3

Прошение отдела Союза русского народа с. Свинухи
Балашовского уезда Саратовской губернии
председателю СРН А.И. Дубровину

[Февраль – март] 1908 года

Нет слов на человеческом языке, [чтобы] выразить ту пошлость, которую изрыгают враги святой церкви, царя и дорогого нашего Отечества революционеры-крамольники села Свинухи против всего священного [и] обожаемого нашего монарха. Несколько раз [они] покушались пройти по селу с красным флагом, крича «Долой самодержавие!», но мы всегда препятствовали злым их целям, энергично обличали словами священного писания: «Не злословь царя, дабы птицы небесные не пересказали. Всего не пересказать словами».

Жаловались начальству, но оно слабо действует. Да неужели это не в высшей степени мерзко и грязно! Да кто же может из истинно верующих в бога, преданных царю и любящих свое дорогое Отечество переносить [все] равнодушно и хладнокровно? Разве только подобные им изверги. С 1-го января 1908 г. у нас в с. Свинухе началась подготовка к спектаклю в земско-общественной школе, а местом собрания Союза русского народа была церковно-приходская школа. Земская школа отстоит от церкви в 12 саженьях. 30 января, 2 и 3 февраля происходили игры и танцы в школе, даже всю ночь под воскресенье. Тогда монархисты, человек 30, в том числе волостной старшина и попечитель школы, вошли в школу, и старшина сделал замечание: «А если разрешил вам исправник, то почему вы не спросили согласие общества и попечителя?», и попечитель спросил: «Как это здание называется?». Они ответили: «Училище». Тогда попечитель сказал, что, следовательно, это дом наук, дом образования, дом вежливости, дом нравственного воспитания, второй храм, а вы его сделали уличным театром да еще под воскресный день. Тогда актеры выгнали монархистов, и 2 и 3 февраля они уже пожаловались приставу, который прибыл с 10-ю стражниками и охранял хулиганов, потому что это анархисты те, которые 4-й год ведут с нами активную борьбу за самодержавие. Они два года раньше собирались сюда на митинги и восхваляли красно-тряпичников, которых называли спасителями и избавителями народа, и сами хотели пройти с красными флагами, да и сейчас собираются с этой целью, только под другой фирмой. Это те же самые отброски, опасные для нашего

дорогого Отечества. И пристав сделал то, что в угоду этим хулиганам-анархистам составил протокол и объявил трехмесячную тюрьму истинным патриотам, преданным царю и Отечеству, а именно: волостному старшине и попечителю школы Леонтию Шишкину, и его сыну Гавриилу Шишкину, Семену Демину и Льву Семикину за патриотизм, прямоту и стойкость за самодержавие.

Да неужели так долго будут издеваться над нашей священной главой – государем-отцом и верными его престолу слугами? Если можно выразиться так, этой пшеницы небесной и царя земного, доколе будут плевелы защищать пшеницу.

Анархисты желают волю и незаконного захвата земли, простора – пусть идут в Сибирь, где водятся белые медведи, где просторно. Эти хулиганы социал-революционеры во время освящения знамени Союза русского народа 14 января 1908 г. и торжественной манифестации, когда у нас портрет его величества был убран флагами, то они называли его какой-то рогатиной, и ваш бог, т.е. бог монархистов не есть их бог, а на священное знамя говорили: «Какая-то онуча», знак Союза русского народа называют скорпионом и лягушкой. Доколе же они будут богохульствовать и кощунствовать над такими святынями, перед которыми шестикрылые серафимы трепещут?

Ведь святой крест – хранитель всей вселенной, красота церкви, царей держава, верных утверждение, ангелов похвала и демонов язва, а царская корона, она для нас неприкосновенная святыня, а святой великомученик Георгий Победоносец разве не есть непосредственный предстатель и молитвенник пред престолом божьим.

Свинухинского отдела Союза русского народа тов[арищ] председателя Леонтий Шишкин, Ефрем Елманов, Ермил Астроухов.

*ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 131–132 об.
Копия рукописи.*

№ 4

Письмо священника М. Протоклитова балашовскому уездному исправнику К.А. Сиповичу

18 июня 1908 года

Ваше Высочорodie,
многоуважаемый Казимир Андреевич.

Наш Большой Карай разделился на два враждебных, трудно примиримых без вмешательства власти, лагеря. Основа этого раз-

деления, думаю, лежит в злоупотреблениях со стороны председателя отдела Союза русского народа крестьянина Шишкина и некоторых других лиц одного с ним союза и направления. По высочайшей воле государя императора патриотические союзы должны быть образцами законности и порядка. Карайский отдел Союза русского народа в лице председателя и некоторых членов его имеет обратное тому течение, и это продолжается уже более полугода. Так, осенью и зимой прошлого 1907 года союзники обирали крестьян, своих односельцев, вымогая у них деньги или угощение под страхом наказания плетью и ареста. Пострадали многие, издерживаясь на союзников, зная, что они решатся на несправедливые доносы, зная, что такие доносы с их стороны уже были. Немало народа вышло из Карайского союза, видя, что он уклонился от своей программы, не оправдывает цели своего назначения. Вместо выбывших стали заносить в списки союза пожелавших землей отчуждаться от общества³. Принимали всякого, так что ныне, сколько мне известно, Карайский отдел в политическом отношении имеет пестрый состав. Не все отчужденцы встали под знамя русского союза, чуждаясь не этого священного знамени, а того, что это знамя держится нечистоплотными руками и им прикрывают безнравственность. Более и более пополняясь отчужденцами, монархический русский союз у нас стал утрачивать свой основной характер, и высокие задачи, лежащие в основе его бытия, уступили место материальным расчетам, интересам личного свойства. Отчужденцы для обсуждения дел по отчуждению собираются в чайной союза. Записью по отчуждению заведует член союза крестьянин Иван Семенов Шевцов и ведет, или вернее, вел это дело с большой лихвой для себя, в свою пользу. Как говорят, брал он даже по рублю и по три рубля за каждую отдельную душу, записывая на отчуждение. Недоразумения земельные у нас в Карае продолжают, может быть, продолжится и эта оборная система. Сколько раз убеждал крестьян я довести об этом до сведения земского начальника, а они, опасаясь мести со стороны союзников, на это не решаются.

Почтительно прошу Ваше Высочородие обратить внимание на эти беспорядки и безобразия, чем поможете нам устроиться в мирной жизни.

³ Речь идет о столыпинской аграрной реформе, в соответствии с которой крестьяне могли выйти из общины и закрепить в личную собственность наделенную землю, которой до того находилась в их пользовании.

Священник Михаил Протоклитов.
С подлинным верно:
Уездный исправник Сипович.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 186–187.
Машинописная копия, подпись-автограф.

№ 5

**Рапорт балашовского уездного исправника К.А. Сиповича
саратовскому губернатору С.С. Татищеву**

№ 2135

Секретно
19 июня 1908 года

Священник села Большой Карай Михаил Протоклитов письмом от 18 июня сего года обратился ко мне с жалобой на председателя и некоторых членов Больше-Карайского подотдела Союза русского народа. В представляемой копии с этого письма священник Протоклитов, не отрицая высокого назначения союза, обвиняет местного председателя подотдела Шишкина и члена союза Ивана Семенова Шевцова в нечистоплотных приемах по деятельности их в союзе.

Заявление это заслуживает полного доверия уже потому, что священник Протоклитов, по аттестации помощника исправника Мачинского, знающего его хорошо по прежней своей службе, состоит членом братства⁴, основанного преосвященным епископом Гермогеном и, безусловно, по своим убеждениям принадлежит к правым политическим партиям.

Жалобы на Шишкина, а главным образом на Шевцова, лично известного Вашему Сиятельству как фигурировавшего в качестве уполномоченного от отчужденцев во время посещения села Большого Карая, были и раньше и мной уже неоднократно делались предупреждения этим лицам и доложено было Вашему Сиятельству на месте в селе Большом Карае.

В интересах спокойствия в этом беспокойном пункте и в целях упорядочения местного подотдела, который может приносить значительную пользу в деле умиротворения крестьян и возвращения их к нормальной жизни, я ходатайствую пред Вашим Сиятельством в случае, если не представится препятствий, возбудить вопрос об

⁴ Речь идет о Православном всероссийском братском союзе русского народа.

избрании другого, более соответствующего своему назначению председателя и об удалении из союза весьма нечистоплотного во всех отношениях члена этого союза Шевцова, который постоянным пьянством и обиранием крестьян под всякого рода предлогами вызывает к себе отвращение и, безусловно, вредит нормальному развитию Союза русского народа, а также и делу выделения крестьян в хуторское хозяйство по закону 9 ноября 1906 года⁵.

Независимо сего желательно было бы удаление Шевцова от общественной деятельности как взяточника и пользующегося своим общественным положением уполномоченного на правах сельского старосты исключительно в целях личной наживы. Жалобы на его незаконные действия поступали ко мне уже неоднократно, но так как рассмотрение подобного рода жалоб подлежит компетенции земского начальника, то обыкновенно жалобщики направлялись мной по назначению.

Уездный исправник Сипович.

*ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 185–185 об.
Машинопись, подпись-автограф.*

№ 6

Рапорт балашовского уездного исправника К.А. Сиповича саратовскому губернатору С.С. Татищеву

№ 2152

Секретно
22 июня 1908 года

В исполнение предписания от 26 апреля сего года № 1500, с представлением приложений, доношу Вашему Сиятельству, что в селе Свинуха существует постоянная вражда между двумя крестьянскими лагерями не столько на политической почве, сколько на чисто материальной, по поводу выдела по закону 9 ноября 1906 года и по другим личным счетам, а потому при всяком удобном случае одна партия старается повредить другой.

До воспрещения Вашим Сиятельством давать разрешения на благотворительные спектакли один из таких спектаклей был разрешен мной в селе Свинухе под личной ответственностью местного пристава на 3 февраля и участниками спектакля были люди разных направлений, а в числе их был даже агент полиции (доброволец).

⁵ См. примеч. 5.

Противники этой партии, желая исключительно насолить своим противникам, собрались в церковной сторожке, человек до 30, и во главе с местным старшиной⁶ Герасимом Трубниковым, совершенно пьяным, ворвались в помещение земской школы и, несмотря на личность полицейского урядника, присутствовавшего на репетиции, позволили себе буйствовать и выгонять участников предполагаемого спектакля. Пристав 3 стана Зыков на основании подробного о том доклада полицейского урядника составил административный протокол для привлечения главных виновников за незаконное сборище, самоуправное вторжение в земскую школу и насилие над участниками в спектакле.

Принимая во внимание, что хотя членами союза и были нарушены обязательные постановления г[осподина] саратовского губернатора, но в деянии их не было злого умысла, а равно признавая всю пользу подотдела при нормальной его деятельности, я не хотел дать возможность противникам союза восторжествовать над слабыми в то время еще силами партии и после личного доклада о случае этом Вашему Сиятельству в бытность мою в феврале в Саратове, не направляя дознания, составленного приставом, для наложения взыскания Вашему Сиятельству, ограничился сообщением земскому начальнику 20 февраля сего года за № 550 для дисциплинарного взыскания со старшины, каковую переписку ныне представляю для наглядности с постановлением земского начальника.

Таким образом, члены подотдела наказания за произведенное нарушение не понесли, но о решении моем по сему предмету им до личного моего разъяснения их прав и обязанностей, известно не было и они, желая вступить и защитить привлеченных приставом, в виде протеста подали приложенную жалобу. После данных мной им указаний стороны примирились, и дальнейших инцидентов не было. Та часть жалобы, где говорится об оскорблениях союза во время освящения партийных знамен, уже совершенно не отвечает истине, потому что во время этих церемоний все время присутствовал пристав с отрядом стражи и на основании данной мной подробной инструкции (от 10 января сего года за № 111, приложенной к представлению) не принимал никакого участия в церемониях, строго поддерживал порядок, который ничем не был нарушен, о чем мной было донесено Вашему Сиятельству 21 января сего года за № 111 и что изволите усмотреть из представляемых приложений.

В заключение докладываю, что взаимные доносы, жалобы и всякого рода кляузные заявления получили в настоящее время

⁶ Глава волостного крестьянского управления.

широкое распространение в уезде и сильно тормозят деятельность полиции, отвлекая ее от своих прямых обязанностей.

Уездный исправник Сипович.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 129–130.

Машинопись, подпись-автограф.

№ 7

**Предписание саратовского губернатора С.С. Татищева
балашовскому уездному исправнику К.А. Сиповичу**

№ 2399

8 июня 1908 года

Вследствие рапорта от 19 сего июня за № 2135 предписываю Вашему Высокоблагородию сделать от моего имени председателю Б[ольше]-Карайского отдела Союза русского народа Матвею Шишкину и члену того же отдела Ивану Шевцову последнее предупреждение, что если они не прекратят свои незаконные действия, наносящие вред делу осуществления в крестьянском быту закона 9 ноября 1906 года и вызывающие нарушения общественного порядка, то мной против них будут приняты самые суровые меры.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 188.

Машинопись, черновик.

№ 8

Письмо Саратовского губернского совета Союза русского народа саратовскому губернатору С.С. Татищеву

№ 191

4 июля 1908 года

Прилагая при сем копию выдержки из прошения, полученного Саратовским губернским советом Союза русского народа от Терновского подотдела Союза русского народа Балашовского уезда, совет Саратовского губернского отдела Союза русского народа покорнейше просит Ваше Сиятельство, если жалоба справедлива, оградить членов Союза русского народа от угроз и оскорблений, наносимых им революционерами, и сделать зависящее распоряжение об удалении из Терновского волостного правления революционера – волостного писаря.

О последующем просим почтить нас уведомлением.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 244–244 об.
Рукопись.

№ 9.

**Копия выдержки из прошения Терновского подотдела Союза
русского народа Балашовского уезда Саратовскому
губернскому совету Союза русского народа**

[Июнь] 1908 года

Не можем не заявить и следующее. Наш терновский волостной писарь находится под следствием в получении с почты денег по подложному засвидетельствованию повестки и, кроме того, получил обвинительный акт за то, что матерными словами ругал государя императора и состоит на своей должности. Этот писарь чересчур низкий человек и состоит на должности. Знаки Союза русского народа он очень презрительно называет так, что не решаемся мы здесь написать, если нужно будет, то сообщим. Все левые партии гордятся и говорят: никто никогда и ничего нам не сделает. А нам грозят, что де вам докажем. Мы за помощью и туда и сюда – ни от кого ничего.

Председатель совета Д. Морозов

Секретарь совета А. Томин

Члены совета: Петр Корогодин, Григорий Козьяков, Алексей Козьяков, Никифор Карагодин. За неграмотных П. Белоусова и М. Томина – А. Томин. Герасим Белоусов, Семен Кизяков.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 245–245 об.
Рукопись, заверенная копия.

№ 10

**Письмо Терновского подотдела Союза русского народа
Больше-Карайскому подотделу Союза русского народа**

с. Терновка [Балашовского уезда]

31 июля [1908 года]

Терновский подотдел Союза русского народа уведомляет вас, что от нас из Терновки переводят к вам волостного писаря революционера, который ненавидит Союз русского народа, знаки

наши он называет скверными словами. Все общество им очень и очень недовольно. Всех пакостей нет числа. Кроме всего этого он, Василий Петров Туляков, который к вам назначается, находится под судом, почему и не имеет права состоять на должности. Он, Туляков, ругал скверными уличными матерными словами государя императора, за что и состоит под судом, имеет обвинительный акт и повестку на суд. В таких-то обстоятельствах Терновский подотдел просит вас принять меры к предотвращению от вас этого пакостника-революционера. Смотрите, он прежде вам покажется таким добрым, ласки у него жидовские.

Смотрите, все меры примите, чтобы у вас его не было. Прежде заявите земскому начальнику, что Туляков, волостной писарь, находится под судом, а потом обратитесь в губернский совет Союза русского народа, чтобы совет походатайствовал перед губернатором. Там его уже знают, только стоит напомнить. Еще раз предупреждаем не слушать его ласк. Он скажет, что он тоже желает присоединиться к Союзу русского народа, чтобы заслужить у вас доверие, но не льстите, а гоните прочь жидовских этих прихвостней.

Надеюсь вашего внимания.

По уполномочию Терновского подотдела Союза русского народа секретарь Алексей Гомин.

За председателя 1-й тов[ари]щ Максим Демин.

По получению сего ходатайствуйте немедленно, а потом результаты, пожалуйста, сообщите нам. Главное, помните, [что] он – писарь Туляков – подсудимый, на должности быть не имеет права.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 323–324.
Рукопись, подписи-автографы.

№ 11

Донесение земского начальника 6 участка Балашовского уезда саратовскому губернатору С.С. Татищеву

№ 1917

8 августа 1908 г

Вследствие предложения от 16 июля с[его] г[ода] за № 2707 имею честь донести Вашему Сиятельству, что волостной писарь с. Дурникина Василий Теплицев ни в чем предосудительном мной замечен не был, политической неблагонадежности не проявлял и

человек вполне благонадежный. Основанием настоящего и совершенно не правильного донесения является лично не приятные отношения со стороны жалобщика, товарища председателя местного отдела Союза русского народа Коптева к писарю Теплицеву, вызванные нижеследующими обстоятельствами.

На Дурникинском сельском сходе 27-го апреля означенный кр[естьянин] Коптев обратился к сходу с просьбой об отводе ему усадебного места. Сход отказал ему в этой просьбе. Несмотря на этот отказ, по настоянию Коптева бывший сельский писарь с. Дурникина Переведенцев записал в книге приговоров Дурникинского сельского общества (№ 7 п[ункт] 30), что сход согласился дать Коптеву усадебное место и лишь по настоянию волостного писаря Теплицева, указавшего Переведенцеву на всю незаконность и преступность подобного извращения приговора схода, Переведенцев сбоку на странице оговорил, что по этому пункту большинство схода было против дачи усадьбы Коптеву, почему мной этот пункт не был допущен к исполнению. Это обстоятельство и вызвало раздражение со стороны Коптева, который стал грозить Теплицеву отомстить ему чем-либо, что его и привело ныне в исполнение посылкой Вашему Сиятельству совершенно ложного доноса о нравственности и деятельности писаря Теплицева⁷.

Земский начальник

6 уч[астка] Балашовского уезда.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 251–251 об.
Рукопись, подпись-автограф.

№ 12

**Письмо председателя главного совета Союза русского народа
А.И. Дубровина саратовскому губернатору С.С. Татищеву**

№ 1996

9 сентября 1908 года

Главным советом получена просьба от Больше-Карайского отдела Союза русского народа Балашовского уезда, который ходатайствует об ограждении их мирной жизни от вновь появившегося наплыва врагов государя и церкви. В 1907 году во время антиправительственных беспорядков отдел принял живое участие в деятельности уездной полиции по водворению порядка; теперь

⁷ На документе имеется помета: «Без последствий».

же благодаря почину земского начальника 8 участка г[осподина] Воскресенского, не известно по каким соображениям, явился в деревню Большой Карай волостной писарь Василий Петров Туляков, о деятельности которого Вашему Сиятельству нетрудно будет узнать из прилагаемого письма Терновского подотдела к Больше-Карайскому отделу. Главный совет, присоединяясь к законному желанию членов Больше-Карайского отдела, просит Ваше Сиятельство обратить внимание и на факт пребывания в Расказанской земской больнице доктора Николая Егоровича Кушинского, присужденного к высылке, но почему-то нашедшего себе приют в указанной больнице, и который устраивает у себя и достойных сотрудников по прошлой 1905 и 1906 г. деятельности в лице фельдшера Якова Иванова Сергеева, два года скрывавшегося за принятие активного участия в освободительном движении⁸.

Почетный и действительный председатель совета Союза русского народа А. Дубровин.

За секретаря

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 322–322 об.
Рукопись, подписи-автографы.

№ 13

Прошение членов Романовского подотдела Союза русского народа Балашовского уезда саратовскому губернатору С.С. Татищеву

11 августа 1908 года

Ваше Сиятельство. Во вверенной вам губернии состоит слобода Романовка, в которой сомкнулись воедино более 550-ти человек в Союз русского народа, чтобы стать опорой Его Императорскому Величеству и его наследнику престола, и правительству, и всем слугам, поставленным от Его Величества сохранить его самодержавие, но, увы, смута не прекращается. В слободе Романовке клеветают на союзников и на батюшку царя, и на правительство те, которые грабили, жгли и сейчас жгут, увозили всякое имущество и даже живой скот, и хотят стереть Союз русского народа с лица земли. Становой пристав 3-го стана Балашовского уезда относится к клеветникам расположено, но к нам, союзни-

⁸ На документе имеется помета: «Дело, как мне известно, – рук Шевцова».

кам, холодно и безжалостно и без всякой нам помощи. Они же – грабители и поносители в лице государя и правительства и все начальство, и им вера. Мы же честно сохраняем свою обязанность и нам нет веры.

Вследствие чего покорнейше просим Союза русского народа Романовского подотдела Ваше Сиятельство, как председателя главного союза по уверенной вам губернии, положите Ваше начальническое распоряжение ввести мир и тишину в слободе Романовке и прекратить умолкнуть клеветующим аграбатам⁹, которые поносят государя и правительство и даже все Отечество, которые стали вынырять¹⁰ как болотные головастики, но, увы, прекращать у нас некому.

К сему и подписуемся крестьяне слободы Романовки, Союза русского народа Романовского подотдела.

Председатель Роман Лодяков.

Секретарь А. Великий.

Члены Василий Заинчевский, Андрей Терновский, Дмит. Покусин, Семен Капустин, Гавриил Сергеев, Семен Мельников, Григорий Живаронский, Филипп Каунов, Гавриил Рябчиков.

*ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 310–310 об.
Рукопись, подписи-автографы.*

**№ 14. Рапорт балашовского уездного исправника
К.А. Сиповича
саратовскому губернатору С.С. Татищеву**

№ 3368

7 декабря 1908 года

В исполнение представляемого при сем предписания от 7 сентября сего года за № 5753 доношу Вашему Превосходительству, что произведенным лично мной расследованием изложенное в прошении Романовского подотдела Союза русского народа не только не подтвердилось, но выяснилось ненормальное отношение членов союза, как к должностным лицам, так и вообще к населению. Опрошенные мной члены союза, подписавшие прошение, отказались от своей жалобы, а на запрос мой, что побудило

⁹ Аграбат (диал.) – мошенник, грабитель.

¹⁰ Так в тексте.

их к подаче такого заявления, союзники ответили, что, по их мнению, пристав Зыков недостаточно внимательно относится к нуждам союза и не поддерживает их перед населением. В подтверждение своего заявления сослались на то, что по их жалобам и доносам не производятся расследования чинами полиции. При проверке оказалось, что по всем заявлениям составлены были своевременно протоколы и дознания, которые и направлены по принадлежности, о чем им мной и выданы справки, а если по некоторым делам и встречаются замедления, то исключительно в судебных, а не в полицейских учреждениях.

Жалобщики удовлетворились и просили извинения, но так как при расследовании установлено, что члены союза позволяют себе насилия, требуя денег в пользу союза путем угроз, то мной были собраны все наличные члены союза, которым разъяснена ответственность за подобные деяния. После продолжительных переговоров собранные члены союза согласились, что некоторые их действия были неправильны вследствие присутствия в союзе порочных крестьян, страдающих алкоголем, а потому собравшиеся решили возбудить ходатайство перед Саратовским отделом об исключении их из союза как позорящих партию.

Уездный исправник Сипович

*ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 313–313 об.
Рукопись, подпись-автограф.*

№ 15

Анонимное письмо крестьян села Большого Карая Балашовского уезда саратовскому губернатору С.С. Татищеву

Август 1908 года

Более двух месяцев прошло с тех пор, как Вы изволили быть по обзору сел Балашовского уезда, где, между прочим, были и в селе Большом Карае. Население Карая встретило Вас с радостью и ожиданием, что Вы устроите жизнь крестьян к лучшему, а главное – прекратите все неурядицы, исходящие от мироедов, захвативших власть в свои руки. Но с отъездом Вашим, к великому несчастью, беспорядки все более увеличились. Эти негодяи в селе буквально воюют. Ставши во главе бунтовщиков, они так искусно

подделались к начальству – земскому начальнику, приставу и уряднику, что эти последние им сочувствуют, вызывая даже в помощь им стражников. Прискорбно смотреть на мирных, жалких, угнетенных крестьян, которые до сего времени не приготовили себе под посев ржи паровой земли, которую отчужденцы, неизвестно с чьего распоряжения, самовольно запахали в беспорядке себе. Три четверти населения остается без озимого посева, отсюда в будущем году предстоит им голод. Бунтовщики эти – крестьяне Иван Семенов Шавцов¹¹ и Матвей Егоров Шишкин. Первый – Шавцов – говорит крестьянам: «Я для Вас и царь, и бог», а второй – Шишкин – его соучастник, ночной бун, с урядником и стражниками бьет мирных неповинных жителей, которые отказываются угостить их водкой и деньгами.

Вот, Ваше Сиятельство, кого давно следовало бы выселить из Большого Карая – Шевцова и Шишкина; выселить так, чтобы их и никогда не было в Карае. Они – волки в овечьей шкуре – поносят царя и не признают никакого начальство. Нужно удивляться, почему слепо доверился их водительству земский начальник Львов. А Львов никаких разумных распоряжений в Карае не делает, а бунтам Шевцову и др[угим], видимо, потакает. Странные дела творятся!!!... Об избиении урядником со стражниками мирных жителей давно было подано пострадавшими прошение балашовскому исправнику, но о последствиях до сего времени ни слуху, ни духу.

Если, Ваше Сиятельство, Вы не выселите из Карая этих дневных экспроприаторов Шевцова и Шишкина, то посмотрите, что в Карае никогда не будет хорошего мира, а водворится еще больший разлад. Вот что еще грустно: что эти злодеи и самовластники разглашают крестьянству такую нелепость, что все их незаконные действия будто бы вполне согласуются с Вашими распоряжениями, о которых же до сего времени нам, к сожалению, ничего не известно. Все мирные жители села Большого Карая считаем Вас, Ваше Сиятельство, своим родным отцом и к Вам обращаемся с нашим насущным вопросом – сделайте надлежащее распоряжение к прекращению сих бунтовщиков и к надлежащему равномерному разделу паровой земли, так как иначе земля наша лежит пустая без пахоты, грозит нам и нашим детям голодом.

¹¹ Так в тексте. Надо: Шевцов.

К сему готовы руку приложить мирные крестьянки Большого Карая¹².

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 274–275.
Рукопись.

№ 16

**Донесение земского начальника 8 участка Балашовского уезда
Воскресенского саратовскому губернатору С.С. Татищеву**

№ 3365

24 августа 1908 года

На предписание Вашего Сиятельства от 5-го августа сего года за № 3019 по поводу расследования анонимной жалобы крестьян села Большого Карая доношу, что по тщательному наблюдению и расследованию оказалось, что эта жалоба преувеличена. Крестьянин Шевцов – ярый сторонник закона 9 ноября, но человек себе на уме, не брезгующий ничем. Это – ходатай от отчужденцев и ярый враг общинникам. Шевцов и Шишкин стоят во главе Союза русского народа в селе, пользовались своим положением, благодаря большому значению, какое придавал предместник мой этому союзу. В настоящее время согласно постановлению землеустроительной комиссии, копию которого при сем прилагаю, земля отведена отчужденцам землемером Николаевым к одному месту. Отчужденцам предложено пахать под озимый посев отведенную им землю, а общинникам – ту часть, которая осталась у общества. Ту же землю, которая уже запахана отчужденцами из земли, отошедшей к обществу, последнему предложено сдать эту землю в аренду запахавшим ее отчужденцам или обменять такую на один посев на землю отчужденцев. К проекту разбивки земли, отошедшей отчужденцам, на отдельные участки мной и землемером Николаевым приступлено и будет закончено, надеюсь, не позднее 15-го сентября. В настоящее время в селе наступают спокойствие и порядок.

Земский начальник Воскресенский.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 273–273 об.
Рукопись, подпись-автограф.

¹² На документе имеется помета: «К 3/VIII послать з[емскому] н[ачальнику] Воскресенскому, предложить ему расследовать эту жалобу. Шевцов, по видимому, действительно негодный человек».

№ 17

Заявление

членов Больше-Карайского отдела Союза русского народа
помощнику начальника Саратовского губернского жандармского
управления в Балашовском и Камышинском уездах

2 ноября 1908 года

1908 года октября 30-го дня в камере Вашего Высокородия в г. Балашове мы в числе трех человек, а именно Иван Шевцов, Петр Семендиев и Егор Зах. Глухов по делу нашего волостного писаря Василия Пет. Тулякова, о котором поступила бумага от начальника жандармского управления, и что нами было доказано об его действии против всей власти и государя императора, и за что Туляков был арестован. Между тем г[осподин] земский начальник 8-го участка Балашовского уезда г. Воскресенский вызвал в г[ород] Балашов Шевцова и Глухова как уполномоченных, притом стал спрашивать нас настойчиво, почему Туляков арестован, и настаивал, что Туляков не может это делать, а кто про него доказал, того я поеду к господину губернатору, попрошу Тулякова оправдать, а тех привлечь к ответственности, а Союз русского народа полетит. И несмотря на то, что Туляков, когда служил в Терновской волости, и где Туляков проявлял свои идеи против государя и за что привлекался окружным судом. Но все-таки г[осподин] земский начальник Воскресенский Тулякова считает честным. Нас хотят предать суду и волостному нашему старшине приказал собрать людей и Туляков оправд¹³.

Изъявив все вышеизложенное, имею честь просить Ваше Высокородие, взойдите в наше положение, что мы боремся с этой крамолой около трех лет, за что мы немало получили поджогов своих жилых построек, а также гонений¹⁴ со стороны тех освободителей, как и Туляков, но впоследствии в нашем селе стало помаленьку затихать. А Туляков так тонко стал [проводить] в молодом поколении противоправительственные действия. И на что мы себе посетили то до конца своей жизни будем преследовать всех, кто осмелит словами коснуться к государю императору¹⁵.

¹³ Так в тексте.

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ На документе имеется помета: «При подписи нач[альника] ж[андармского] упр[авления] в дополнение донесения о Тулякове и других».

К сему Иван Шевцов, Егор Глухов.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 191–191 об.
Рукопись.

№ 18.

**Выдержки из письма священника М. Протоклитова
неустановленному лицу**

[Ноябрь 1908 года]

<...> Можно и другим путем установить, что «союзников» действительно не было. Впрочем, это пока известно только относительно некоторых, которые у «союзников» обычно подписываются под всякого рода доносами. Подписчики у них: <...> Большая редкость, если еще кто из «союзников» поместит свою подпись на донос. Главари «союза» всегда заботятся оставаться в тени и стороне. Не богам же, в самом деле, горшки обжигать. 10+3 – вот, можно сказать, и все «союзники», весь Карайский «союз», так кричащий о себе и так прогремевший, бич и гроза карайского населения. Из общинников, кроме П.Я. Безпамятного, немного кто в «союзе», да и те, как видится, значения в нем не имеют, рулей «союзнических» не берут на себя, только что числятся в «союзе». «Союз», главным образом, состоит из отчужденцев. Многие из крестьян, отчуждившихся по земле, не отчуждились по духу и очень далеко отстоят от «союза». Иные из отчужденцев, с более податливой совестью и более бесцеремонные в нравственном отношении, вертятся круг «союза», потому что отчуждение земельное началось в недрах «союза», и «союз» покровительствует всем отчужденческим вождениям, как и самим отчужденцам, кои сумеют чем-либо пред ним выслужиться.

<...> Е.З. Глухов не так давно пристал к «союзникам», по всей вероятности, из-за отчуждения; кажется, он избран уполномоченным со стороны отчужденцев. Вероятно, по доносу на Тулякова он впервые приложил свою руку рядом с «союзниками». Перед этим Глухов примыкал к Братскому союзу, ранее того – к «русской» партии, еще раньше с удовольствием внимал своим и заезжим «агитаторам», деятелям смуты, но действовал осторожно, где как: где нашим, где вашим. Гораздо прямее и более открыто вели революционную линию Ив. Сем. Шевцов, Дм. Т. Суздаев и осо-

бенно Павел Як. Лутцев. Ныне те в «союзе»; ныне числиться православными куда как безопаснее. Но если разобраться в их поведении, подумаешь, что хотя они и в новой коже, да сердце-то у них все то же. Это я вскользь коснулся некоторых доносчиков Карайского «союза»; они поименованы выше. Глухов раз при мне был у исправника, жаловался на непорядки «союзников», на несправедливые их оговоры и донесения. Это было в ноябре 1907 года.

<...> Кстати, об Андрее Володине. Хорошо помню, как он прошлой зимой злостно посмеялся над своим дряхлым, болезненным отцом, восьмидесятилетним старцем. Этот старичок (не так давно скончался) человек был богобоязненный, разумный и правдивый; хотя ему и очень выгодно было пойти на отчуждение, он остался общинником и недолюбливал отчужденцев, собственно говоря, «союзников», видя их крайнюю разнузданность и беспутство, упрекая их, в том числе и сына Андрея. В Лучиной Вязовке, где жил этот старичок Максим Володин, почти все отчужденники и среди них три крепких корешка-«союзника»: сын старика Володина Андрей, Панин Ив. Сем. и Кожин Гр. Фил. О них и выше была речь, при перечислении подписчиков «союза». Вот и вздумали эти «патриоты» поглумиться над стариком Володиным, отомстить ему. Собрались они в доме И.С. Панина, зазвали старика, о том о сем потолковали, перевели речь на отчуждение. Старик и говорит им: «Ни правил у вас никаких, ни советов и ничего законного нет». «Как! – вскричали «патриоты», – Ты не признаешь закон 9 ноября? Ну, смотри же! Плетей, видно, не пробовал?!». Страшно оробел старик, пошел домой, влез на печку и всю ночь прокряхтел. Он, разумеется, имел в виду не закон 9 ноября, а то, как «союзники» злоупотребляют этим законом, как смущают и сбивают всякими небылицами выдумками народ, беря повод от этого закона, как безбожно опивают и обирают, утилизируя свои «патриотические» чувства. Наутро сын его Андрей, – живет в отделе, – приходит к нему и говорит: «Вот, отец, коли виноват, иди, бери бутылку, может, простим». Поставил бутылку старик, потребовали другую, – и двумя бутылками залили стариково прегрешение великое.

Подобных вещей знаю я немало. Это еще малость – всего только две бутылки. «Союзнические» аппетиты у них, против этой мелочи, гораздо шире и объемистее; брали «союзники» и по пять и по десять рублей, брали и десятками рублей, а по отчуждению – и сотнями; брали с темного люда, запугивая плетями, арестом, высылкой, а с отчужденцев – по особой статье – за по-

кровительство и хлопоты. На случае со стариком Володиным я остановился подробно, потому что этот случай довольно характерный, ярко обрисовывающий «патриотическую» настроенность «союзных» людей. И не мелкота «союзная» там отличилась, а люди со значением в «союзе», рьяные и горячие «патриоты». Впрочем, они-то у нас, главным образом, и отличаются. Большому кораблю и большое плавание.

Я почитаю доктора Дубровина за его мужественное и благородное дело. В Карайском «союзе» дубровинского я не вижу, пристально гляжу и не вижу. У наших «союзников» только значки да флаг-знамя, только одна внешняя вывеска. Я дорожу патриотическими сообществами. Но и высокие учреждения можно спаршивать. Не место красит человека, а человек – место.

4. Ваше Высокородие, Вам, вероятно, странным кажется такой несправедливый донос на Тулякова, волостного писаря. Мы, обыватели злополучного Карая, уже попривыкли к подобным странностям. Наша хулиганская шайка, то есть наши «союзники», которые только конфузят собой патриотические ассоциации, только дискредитируют русское имя и русские задачи в сознании простого народа <...>.

5. Несчастный Карай ныне обогатился таки фактами подобного сорта. Всё – свои счета, личные интересы, личная месть. Это у «союзников»-то, у людей порядка и законности, осеняющих свою деятельность священным знаменем Союза русского народа! А престол помазанника божия? А Россия? А Отечество? Людям низкого пошиба, нравственно опустившимся, такие высокие задачи и не по плечу, и не по вкусу. У них наипаче весь свой взгляд на вещи, свой устав. Кто против отчуждения, против их личной выгоды, кто против них, кто мешает им прятать грехи и грешки, кто критически относится к их дикой распущенности, ставит препоны их своеволию и безобразиям, тот – «внутренний враг», а внутреннего врага надо всячески искоренять. Право, такое понятие о «союзе» как-то само собой слагается. В Карае было политическое беспутство, теперь нет: нет «ораторов», нет и аудитории для них. Правда, семья не без уроды. Уроды в Карае были, есть и не выведутся, конечно. Все они в период смуты зачислились в «освободители», встали под тряпичный флаг. Это, понятное дело, соответствовало их вкусам. Было бы болото, а нечисть найдется. Немало потом этой «освободительной» мути слилось в недра нашего «отчужденческого союза». Но даже и уроды эти, как усматривается, политически приутихли. Карай оздоровел. Может ли

«союз» поставить себе это в заслугу? Нет, это произошло помимо него и произошло естественным путем. Народ понял, что политические ораторы много посулили, а ничего не дали, да и дать не могут, да и не хотят дать; понял, что ему наболтали всякого нездравомыслия, что по его спинам норовят достигнуть темных партийных вожделений, в существенный ущерб ему, на погибель России, во вред церкви божьей. Да и кому в нашем «союзе» просвещать? В умственном отношении он гораздо ниже прочего населения Карая. Сначала были в нем и хорошие люди, но давно уже отошли прочь, совести ради. «Союз» всецело ушел в вопросы по отчуждению и в замыслы против врагов своих «внутренних».

Не так давно «союзники» командовали всем волостным управлением. Писарь Шевцов был им свой человек. А вот Туляков не угодил им, не подлачился к ним, как и урядник... Чего делать? Как быть? Законно, по настоящему, придраться не к чему. Одна выручка – в «патриотическом» чувстве; если «патриотизм» не выкрутит, все пропало. Такую маску не впервые им надевать, не впервые драпироваться в складки патриотического знамени.

Туляков сравнивал перед законом общинников и отчужденцев, не признал за отчужденцами привилегированного положения, а что всего досаднее и обиднее, не признал этого и за их главарями. Туляков принял на себя задачу содействовать ревизии вол[остного] управления. Это опять не на руку «союзу» и здорово не на руку. Не тут ли, как говорится, собака зарыта. <...>

Вашего Высочородия покорный слуга
председатель Б[ольше]-К[арайского] отделения П[равославного]
в[сероссийского] братского союза священник Михаил Протоклитов.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 203–208 об.
Рукопись, подпись-автограф.

№ 19

Рапорт балашовского уездного исправника К.А. Сиповича саратовскому губернатору С.С. Татищеву

№ 4786

Секретно
22 декабря 1908 года

В исполнение предписания от 19 декабря сего года за № 4949 доношу Вашему Сиятельству, что крестьяне села Большого Карая Иван Шевцов и Матвей Шишкин после последнего предупреж-

дения, сделанного на основании предписания от 28 июня сего года № 2399, только наружно исправились и прекратили явные выступления, тормозящие дело успокоения Большого Карая, но ныне применяют не менее вредную тактику фальшивых доносов и сводят личные счеты с односельцами путем тайных угроз и неосновательных жалоб.

Матвей Шишкин, состоящий в звании председателя местного отдела Союза русского народа, человек не развитый и не проявляет особенной деятельности, а исключительно пользуется своим положением председателя для пьянства на общественный счет, но если личная деятельность, а вернее бездеятельность, Шишкина не приносит особого вреда в деле успокоения населения, то наличность его во главе местного довольно численного отдела союза дает самые нежелательные результаты, благодаря чему отдел союза отступил от своей первоначальной патриотической программы и занят исключительно сведением личных счетов с односельцами путем угроз и доносов, вымоганием денег на водку под теми же угрозами при всяком общественном деле, что вместе взятое создает весьма дурную репутацию для союзников и отстраняет более серьезных его членов. На основании доложенного я полагаю, что для дела успокоения села Большого Карая, где продолжаются раздоры на почве выделения в отрубное хозяйство¹⁶, не столь важно удаление Шишкина из общества, сколько замена председателя лицом с серьезными взглядами на дело, которое бы вернуло местный союз к нормальной жизни и первоначальной программе.

Крестьянин Иван Шевцов – человек развитый, весьма энергичный, но деятельность его направлена исключительно в целях личной наживы, и хотя после сделанного ему предупреждения он не выступает открыто, но подстрекает членов союза не только к ложным доносам, но и к насилиям над несочувствующими его деятельности, а последнее время среди союзников, благодаря влиянию Шевцова, возникло неудовольствие на земского начальника Воскресенского, что вместе взятое создает весьма ненормальное положение в жизни Большого Карая.

Земский начальник Воскресенский в личных переговорах со мной просил принять меры против группы союзников около 12 человек, деятельность коих, по мнению его, является особенно вредной для общественного спокойствия и в частности [для] ведения отрубного хозяйства, но принимая во внимание даже всю

¹⁶ При выходе из общины крестьяне имели право потребовать свести находившиеся в их пользовании наделные земли в один участок (отруб).

неблаговидность поведения этой части союзников, у которых единственная задача – соблюдение личных выгод и желание занять командующую роль в обществе, я полагал бы более целесообразным применить репрессивные меры в отношении одного лишь Шевцова, в настоящее время человека более чем безнравственного, и устранить от должности председателя отдела Шишкина.

Массовая репрессия по отношению других членов союза ныне нежелательна, потому что они вошли на ложный путь только благодаря отсутствию разумного и серьезного руководителя, ложному понятию о своих правах и обязанностях, а также и потому, что наличность союза в Большом Карае с 18-тысячным населением является надежным отпором к стремлениям революционных элементов, среди которых, как мной уже донесено, развивается идея объединения крестьян в союз «Братство».

В заключение докладываю, что Шевцов в 1905 и начале 1906 года был деятельным, смелым и идейным помощником для местной полиции в деле прекращения беспорядков, и поэтому, когда разбирался вопрос о причинах беспорядков в Большом Карае, вся вина падала на безнравственность Шишкина и на не умение его руководить союзом, в числе коих состоит и Шевцов. О смещении Шишкина с должности председателя отдела возбуждались доклады, как мной, так и земским начальником, но ходатайства эти, очевидно, остались без последствий¹⁷.

Уездный исправник Сипович.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 199–200.
Машинопись, подпись-автограф.

№ 20

Письмо из земского отдела МВД саратовскому губернатору С.С. Татищеву

№ 58

Конфиденциально
19 февраля 1909 года

За директора департамента полиции действительный статский советник Зубовский письмом от 12 сего февраля за № 63679

¹⁷ На документе имеется помета: «Написать письмо Исееву, прося его приехать ко мне переговорить по одному делу в один из ближ[айших] дней между 12 и 1». Э.А. Исеев – саратовский помещик, один из лидеров местной организации Союза русского народа, член Государственной думы III созыва.

уведомил меня, что земский начальник Балашовского уезда Воскресенский покровительственно относится к б[ывшему] волостному писарю Больше-Карайского волостного правления Василию Тулякову, который привлекался к суду по обвинению в преступлении, предусмотренном ст[атьей] 103 Улож[ения] о наказ[аниях].

Вследствие сего, препровождая при сем означенное письмо, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство не отказать сообщить мне необходимые для доклада г[осподину] министру сведения по содержанию настоящего обвинения, а также вообще о деятельности названного земского начальника. При этом считаю долгом высказать, что, казалось бы, со стороны земского начальника является несоответственным при приглашении на должность письмоводителя не сообразоваться с имеющимися у местной полиции сведениями о его политической неблагонадежности¹⁸.

Примите уверение в истинном моем уважении и совершенной преданности.

За управляющего земским отделом.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 209–209 об.
Машинопись, подпись-автограф.

№ 21

Письмо саратовского губернатора С.С. Татищева управляющему земским отделом МВД Я.Я. Литвинову

№ 675

Конфиденциально
28 февраля 1909 года

На письмо от 19 сего февраля за № 58 имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, с возвращением письма г[осподину] директора департамента полиции, что земский начальник 8 участка Балашовского уезда Саратовской губернии Воскресенский по своим трезвым и хорошим политическим убеждениям стоит вне всяких сомнений. История с бывшим больше-карайским волостным писарем Туляковым мне давно и хорошо известна и в действительности представляется в следующем виде.

¹⁸ На документе имеется помета: «Интересно бы знать, откуда д[епартамент] п[олиции] получил эти сведения. Насколько я помню, н[ачальник] ж[андармского] упр[авления] и полиция мне сообщили, что Туляков оговорен Союз[ом] русс[кого] народа. Доложить мне завтра 27/2 переписку, чтобы до отъезда послать ответ».

В с. Большом Карае организовался «Союз русского народа», во главе которого стали, к сожалению, местные крестьяне Шевцов, Шишкин и некоторые другие, лица весьма невысокой нравственности, в част[ности] Шевцов, вступивший в союз из корыстных побуждений. Предместник Воскресенского земский начальник Львов, человек слабый, подпал под влияние «союзников», не зная действительного направления и нравственной нечистоплотности их руководителей. Последние, благодаря этому, заняли в селе господствующее положение, доминировали на сходках, вершили делами волостного и сельского управлений в своих интересах, стали сводить личные счета с населением и заниматься вымогательством.

С переводом Львова в другой участок и назначением на его место Воскресенского последний принял меры к искоренению этого зла, поставил «союз» на надлежащее место и тем восстановил против себя его главарей, которые после сего принялись систематически опорочивать как земского начальника, так и других назначенных им должностных лиц, неугодных «союзу», ложными доносами. К числу крайне неугодных главарям «союза» лиц относится и Туляков, которого в доносах обвиняли в политической неблагонадежности, в результате чего Туляков был привлечен к дознанию по обвинению в преступлении, предусмотренном 3 ч[астью] 130 ст[атьи] Угол[овного] улож[ения], но ложность его обвинения установлена и, по сообщению начальника Саратовского губернского жандармского управления, «невиновность его вполне выяснилась».

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 209–209 об.
Машинопись, черновик.

№ 22

Анонимная жалоба на больше-карайского волостного старшину «министру департамента полиций»

[Октябрь] 1909 года

Осмеливаюсь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, а именно: в нашем селе Большом Карае в настоящее время служит волостным старшиной Петр Архипов Тарасов, который человек по всем делам не должен находиться на той должности, [так как] 1) осужден Саратовским окружным судом и отбы-

вал тюремное наказание; 2) [в] 1906 и 1907 годах участвовал во всех незаконных сбирках, а впоследствии скрывался; 3) 1909-го июля 10 дня волостной старшина совместно [с] крестьянином того же села Афанасием Даниловым Шатиловым, Николаем Евстафичем Беловым сам себе позволил коснуться с выражением государя императора и всему правительству, что [в] недалеком будущем нашего государя императора Николку повесят за то, что он многих наших товарищей перевешал, только нам нужно быть дружным и присоединить к себе молодых людей.

Объяснив все вышеизложенное, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство сделайте со своей стороны надлежащее распоряжение о привлечении к законной ответственности и допросить по сему делу Ивана Семеновича Степанова, Андрея Максимовича Володина, Григория Филипповича Кожина, Егора Захаровича Глухова, Ивана Семеновича Шевцова.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 225.
Рукопись.

№ 23

Письмо саратовского губернатора С.С. Татищева прокурору Саратовского окружного суда

№ 3814

4 декабря 1909 года

Препровождаются при этом два заявления кр[естья]н с. Большого Карая Балашов[ского] уезда Ивана Шевцова и др[угих] (на мое имя и на имя д[епартамен]та полиции) о преступной политической деятельности местного волостного старшины Тарасова и кр[естья]н Шатилова и Белова и отношение нач[альни]ка Сар[атовского] губ[ернского] ж[андармского] управления от 3 минув[шего] ноября за № 12269 о ложности этого заявления. Прошу В[ас], М[илостивый] г[осударь], уведомить меня, не представляется ли в данном случае достаточных оснований для привлечения Шевцова и проч[их] к ответственности за ложный донос.

Губернатор Татищев
Прав[итель канцелярии] Шульц

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 222–222 об.
Рукопись, черновик.

№ 24

Письмо прокурора Саратовского окружного суда
губернатору С.С. Татищеву

№ 1966

2 января 1910 года

На отношение от 4 сего декабря за № 3814, с возвращением приложений, сообщаю Вашему Сиятельству.

Возбужденная о политической неблагонадежности Тарасова, Шатилова и Белова, по заявлению Шевцова и др[угих], переписка прекращена в порядке 1035 ст[атьи] Уст[ановлений] угол[овного] суд[а] по отсутствию достаточных оснований – в смысле улик – к возбуждению против вышепоименованных Тарасова, Шатилова и Белова формального дознания. При таком положении прекращенной переписки к возбуждению против Шевцова и других заявителей о совершении Тарасовым, Шатиловым и Беловым гос[ударственного] преступления уголовного преследования за ложный донос достаточных оснований нет. Но в виду оказавшихся ложными указаний заявителей Шевцова и др[угих], например, на то, что Шатилов сидел в тюрьме за полит[ические] преступления и т. п., то помещение таких выражений в бумаге, поданной должностному лицу, может быть квалифицировано как клевета, караемая по 1535 ст[атье] Улож[ения] о наказ[аниях] и преследуемая в порядке частного обвинения (303 ст[атья] Уст[ановлений] угол[овного] суда).

Помещение же в прошении, поданном на Ваше имя Шевцовым и др[угими], по отношению к земскому начальнику Воскресенскому таких выражений как: «Прикажите г[осподину] земскому начальнику, чтобы он от нас уволил своего любимца Тулякова, если он без него не может обойтись, то пусть назначит его вести где-либо противоправительственную пропаганду в другом месте, но не в селе Большом Карае», составляет преступление, предусмотренное 283 ст[атьей] Улож[ения] о наказ[аниях], и я прошу Ваше Сиятельство такое прошение или копию с него препроводить мне для возбуждения в установленном порядке против Шевцова и др[угих] означенных лиц¹⁹.

Прокурор.

И. д. секретаря.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7515. Л. 223–223 об.
Машинопись, Подписи-автографы.

¹⁹ На документе имеется помета: «Исполнить».

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47).083

К.П. Победоносцев «Будь твёрд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / под ред. В.В. Ведерникова. СПб., 2010. – с. 388.

K.P. Pobedonostsev «Be firm and courageous...». Articles from a weekly journal «Gragdanin» 1873–1876. Letters / under ed. V.V. Vedernikov's. St.-P., 2010. s. 388.

Интерес историков русской общественно-политической мысли к знаменитому обер-прокурору на протяжении десятилетий носил импульсивный и пристрастный характер: от приговора ретрограду и обскуранту до почти молитвенного поклонения «ревнителю устоев». С.Л. Эвенчик, М.Н. Покровский, Ю.В. Готье, Н.Ф. Бельчиков, Л.П. Гроссман, Р. Бирнс, В.А. Твардовская, А.Ю. Полунов, многие другие, обстоятельно исследовали процесс формирования личности и убеждений «русского папы», метаморфозы его политического *sredo* и тайны проникновения в святая святых российского самодержавия, проанализировали факт почти гипнотического внушения им «зловредных идей» будущему самодержцу Александру III, скрупулезно разобрали перипетии борьбы обер-прокурора с либеральными министрами и его роль в реализации контрреформ, много писали о «непостижимом уму» сотрудничестве и переписке «кошмарного» Победоносцева с гением русской литературы Ф.М. Достоевским. При этом, из поля зрения исследователей странным образом выпадал факт участия К.П. Победоносцева в «Гражданине» 1870-х годов. Между тем, Победоносцев, по подсчетам составителя, редактора и автора вступительной статьи рецензируемого сборника, известного петербургского историка В.В. Ведерникова, опубликовал в журнале В.П. Мещерского около 40 статей, библиографических обзоров и корреспонденций»¹ (С. 6).

Пожалуй, первым в отечественной историографии Ведерников указал на генетическую связь публицистики Победоносцева

¹ *Ведерников В.В.* Победоносцев – публицист «Гражданина» // К.П. Победоносцев «Будь твёрд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма. СПб., 2010. С. 5–53. Далее отсылки к страницам этого издания приведены в тексте рецензии в скобках.

середины 1870 гг. с материалами знаменитого «Московского сборника», в который включены статьи из «Гражданина». Сопоставление текстов, а, главное, всего корпуса идей и суждений «Московского сборника» (последнее издание вышло в 1903 г., за четыре года до кончины автора) и сочинений, предназначенных Константином Победоносцевым для журнала Мещерского (в 1870 гг.), убеждает: программа действий, альфа и омега религиозно-политической философии, отношение к важнейшим вопросам жизни и веры, государства и церкви, общества и власти, словом, все, что составляло своеобразный «символ веры» обер-прокурора, практически не изменилось до самой его кончины.

Очень приятное впечатление оставляет большая, на 50 страниц, вступительная статья В.В. Ведерникова. Автор кратко и точно воспроизвел важнейшие обстоятельства формирования личности К.П. Победоносцева, корректно, но аргументированно опроверг ряд сложившихся в историографии легенд, мифов, явно недостоверных суждений и оценок, касающихся деятельности и религиозно-политической концепции «полувластелина империи».

Так, например, излюбленной «фигурой мысли» нескольких поколений советских историков явилось умозаключение, что «приближенный ко двору», высокопоставленный сановник Победоносцев «коварно использовал» в собственных, разумеется, карьерных, корыстных целях, талант редактора «Гражданина» Ф.М. Достоевского, великого писателя, страстного публициста, но человека не сведущего в политике, наивного и доверчивого человека. Редактор сборника, возражая В.А. Твардовской, одной из создательниц такой концепции, резонно полагает, что сближению Победоносцева и Достоевского способствовал целый ряд обстоятельств, большинство из которых не имели прагматического, утилитарного характера. Победоносцев-автор привлекал редактора-Достоевского определенной близостью взглядов, отношением к либеральной Европе, искренней любовью к России и русскому народу, Православной Церкви, изяществом слога и талантом вскрывать «язвы нашего времени». С практической точки зрения, Федора Михайловича, возглавлявшего журнал, в котором важное, если не центральное место занимали темы на злобу дня, использовал то, что «статьи Победоносцева охватывают широкий спектр общественных проблем и разнообразны в жанровом отношении» (С. 29). В свою очередь, Константин Петрович высоко ценил талант Досто-

евского, писателя и религиозного мыслителя, выделял его, как редкое исключение «в паршивом стаде» русских литераторов.

Справедливо и неприятие Ведерниковым тезиса о Победоносцеве – «крепостнике», закрепившегося в нашей историографии с подачи первых «официальных» историков-марксистов. Автор вступительной статьи с опорой на источники² убедительно показал, что Победоносцев, внук священника, сын профессора, дворянин лишь во втором поколении, в сущности, просвещенный разночинец, «крепостное право <...> ненавидел как христианин, прежде всего, из-за отсутствия братства и с нетерпением ждал крестьянского освобождения» (С. 37).

Петербургский историк верно отметил и стремление Победоносцева (в том числе в бытность его обер-прокурором) поддерживать «дружественные» издания. Для него было очень важно заявить идею, мысль, явить ее *urbi et orbi*, пусть и анонимно. Ведерников объясняет неожиданную публицистическую активность Победоносцева острым «политическим чутьем» человека, почувствовавшего разрушительную угрозу европейского либерализма, захватившего умы русской творческой интеллигенции, да и всего национального «истеблишмента». Кроме того, как отмечает Ведерников, «сотрудничество Победоносцева в «Гражданине» было полезно и в цензурном отношении. Публикуемые в данном издании письма показывают, что Победоносцев был посредником между Н.П. Гиляровым-Платоновым и Главным управлением по делам печати. И хотя в переписке с московским редактором «Гражданин» почти не упоминается (Победоносцев, как известно, тщательно скрывал свое сотрудничество), но трудно предположить, чтобы Победоносцев, принимавший самое ближайшее участие в издании, редактируемом Достоевским, не оказывал аналогичной помощи «Гражданину» (31). Соглашаясь с этим доводом, отмечу еще и публицистический темперамент высокопоставленного корреспондента «Гражданина», пытавшегося

² В.В. Ведерников ссылается на выдержку из статьи К.П. Победоносцева, написанной за *три года* до отмены крепостного права в России: «В христианском идеале не было никогда места понятию о рабстве, как учреждении безусловном, как об основе гражданского общества» (Заметки для истории крепостного права в России // Русский вестник. 1858. Т. 16, кн. 2. С. 539). В сочинениях и письмах главы русской православной церкви можно найти множество других цитат, подтверждающих мнение В.В. Ведерникова, но в данной краткой рецензии это было бы неуместно.

воевать с «неприятелем» его оружием – Словом. Безусловно, многое из задуманного ему удавалось. Язвительные, тонкие, порой изящные выпады Победоносцева против либералов наверняка останутся в памяти читателя.

Ценность подготовленного В.В. Ведерниковым издания состоит в том, что представленные в нем материалы проясняют, пожалуй, наиболее не востребовавшую в исторической науке, но от этого не менее важную часть интеллектуальной деятельности Победоносцева. Как совершенно верно отметил составитель и редактор сборника, знаменитый обер-прокурор обладал весьма незаурядным литературным стилем, острым умом и наблюдательностью: «Публицистика Победоносцева отличается крайним жанровым своеобразием. Из-под его пера выходили путевые очерки, политические обзоры, библиографические заметки, некрологи. Не менее широк круг его интересов – политическая борьба в странах Европы, судьбы российских реформ, новые религиозные движения и течения», – отмечает автор вступительной статьи» (С. 33). Действительно, анонимные публикации Победоносцева в «Гражданине» посвящены широкому кругу проблем: от религиозной жизни европейских стран и политических идей, до вопросов права. Выводы Победоносцева, порой неожиданные, парадоксальные, спорные, язвительные и, непременно, «ретроградные» шли вразрез с мнением большинства образованной публики той эпохи. Видимо, поэтому «статьи Победоносцева <...> почти не обратили на себя внимание современников» (С. 26). Низкая популярность «Гражданина» у читателя той поры, даже когда журнал возглавлял Ф.М. Достоевский (с конца 1872 г.), факт бесспорный, объяснимый «реакционной» репутацией издания и его отца-основателя В.П. Мещерского. Тем интереснее современный взгляд на публицистику «Гражданина» и анализ идей его авторов, среди которых важнейшее место занимал Победоносцев. Согласимся с Ведерниковым, что «посмертная судьба есть не только у людей, но и у печатных изданий» (С. 10).

Отмечу превосходную редакторскую работу составителя сборника. Публикации литературного, публицистического и эпистолярного наследия Победоносцева всегда вызывали немалые трудности у историков. Речь идет, прежде всего, речь об установлении авторства его статей. Обер-прокурор смолоду публиковался много и часто, но почти всегда анонимно, «под псевдонимами неяркими, которые автор, к тому же, довольно час-

то менял», – с досадой замечает Ведерников. Оригиналы рукописей статей Победоносцева в «Гражданине» не сохранились, а в печатном варианте почти не переиздавались. Поэтому сам процесс атрибуции требовал от публикатора опусов «анонима» тщательной, скрупулезной, что называется филигранной работы. Например, внимательного изучения стилистики обер-прокурора, излюбленных фигур речи и формул мысли, содержащихся в статьях и заметках Победоносцева, разбросанных по разным печатным изданиям. Во многих случаях Ведерникову приходилось уточнять авторство статей по обрывочным фразам в письмах обер-прокурора, хранящимся в архивах. Отмечу, что вся эта «черновая» исследовательская работа проведена Ведерниковым на высоком профессиональном уровне. Его аргументы в подтверждение авторства работ Победоносцева убедительны и точны.

Как ни странно, но сложной задачей стала и тематическая рубрикация материалов высокопоставленного корреспондента «Гражданина». Все, даже небольшие его заметки подчинены одной главной мысли, но, с другой стороны, эта мысль подчиняет себе самые разные сюжеты, затронутые в тексте. Так, в публикации, посвященной, например, религиозной ситуации в Германии, речь идет одновременно и о церковной политике государства, и о либеральной публицистике, и о недопустимости свободы вероисповедания и многих других фактах, событиях, процессах. При таком своеобразии авторского стиля редактору потребовались немалые усилия, чтобы определить главный, системообразующий тезис той или иной заметки или статьи.

В итоге, В.В. Ведерников, удачно решил этот тематический ребус. Все материалы Победоносцева разбиты на шесть разделов: «Вера и церковь», «За рубежом», «Вопросы права» и др. Эти рубрики дополнены ранее не публиковавшимися письмами Победоносцева и «Приложением». Такое структурирование материала является не только логичным, но и, полагаю, единственно возможным в данном случае.

Рецензируемый сборник снабжен ясными, точными и глубокими комментариями. Отмечу, что прокомментировать статьи и другие материалы сборника было совсем непросто, учитывая эрудицию и широту кругозора Победоносцева. Украшают издание иллюстрации и фото героев статей и заметок корреспондента журнала Мещерского.

Фундаментальное изучение публикуемых впервые за много лет статей Победоносцева периода сотрудничества с «Гражданином», – задача, надеюсь, ближайшего будущего. Я же, в пределах данной рецензии остановлюсь лишь на нескольких, ключевых, как представляется, идеях автора материалов сборника.

Сборник опровергает устоявшийся штамп о «мумиеобразном» Победоносцеве, приросшем к креслу в собственном кабинете, и черпающем сведения о жизни из заплесневелых газет и журналов. Его статьи – колоритные зарисовки и размышления, сделанные, что называется с натуры, в ходе пребывания автора во Франции, Германии, Англии, Испании, Италии.

Удивительна плотность текстов Победоносцева. В небольшие по объему статьи вмещаются его размышления о самых разных сторонах современного ему европейского общества: от повседневности до анализа новейших политических и естественно-исторических концепций. Этот разнородный, казалось бы, материал, всегда связан центральной, онтологической идеей.

Как говорилось, материалы, представленные в сборнике, еще ждут своего исследователя. Предельно кратко определить суть размышлений Победоносцева о ритмах жизни европейской цивилизации можно его же словами: «Куда мы несемся и где мы успокоимся? Если мы летим вверх, то уже скоро захватит у нас дыхание; если вниз – то падаем ли мы в бездну?».

Прежде всего, Победоносцеву глубоко претит «культ силы», апология успеха. В этом смысле его публицистика перекликается с традициями русской философской мысли», – отмечает В.В. Ведерников (С. 34). Но, главное, что вызывает неприятие и полное отторжение русского путешественника, это видимое зарождение безбожной цивилизации. «Французская революция поставила себе целью обновить общество; но обновить его можно было только применением к обществу христианских начал <...> война объявлена была не столько Риму, сколько царству Христову на земле», – писал Победоносцев (57). По его глубокому убеждению, человек не может жить без «той веры, за которую готов умереть», потому человек «утратил Бога, но сохранил религиозность» (С. 58, 60). Эта «безбожная» религиозность, предсказывает далее публицист, в будущем породит самые чудовищные культы и формы насилия. Победоносцев высказывает и доказывает интересную и прониновенную мысль: за атеизмом, которого по природе человеческой быть не может, скрываются разнообразные языческие

культы. Эту мысль корреспондента «Гражданина» отметил и подчеркнул В.В. Ведерников: «Победоносцев прозорливо предсказал, что победа крайних богоборческих течений, которые он ассоциировал с коммунистами, приведет не только к преследованию веры и Церкви, но и к созданию нового языческого культа» (С. 38). На этом пути, был убежден Победоносцев, вопреки «наивным надеждам прогрессистов» человечество ждет не изобилие и всеобщее счастье, а время, когда «во имя доктрины, для достижения воображаемых целей <...> будут приноситься в жертву самые священные интересы личной свободы, без всякого зазрения совести» (С. 136). Следует признать, что такие феномены двадцатого столетия как коммунизм, фашизм, культ рынка, или ожидания конца мира в соответствии с «предсказаниями» древних майя вполне соответствуют «безбожной религиозности» человечества, предсказанной Победоносцевым.

Некоторые прозрения Победоносцева позволяют ставить его вровень с его знаменитыми современниками: Ф.М. Достоевским и К.Н. Леонтьевым. Обер-прокурор, осуждаемый прогрессивным обществом, почти 150 лет назад написал поразительную по силе предвидения фразу: «страстные провозвестники свободы ошибаются, полагая свободу в равенстве. Или еще мало было горьких опытов к подтверждению того, что свобода не зависит от равенства и что равенство совсем не свобода» (С. 65). Следует признать, что за полтора столетия, после сказанного, количество «горьких уроков» лишь увеличилось. И нет никакой уверенности, что «тонкая, щегольская и обольстительная перегородка цивилизации» убережет человечество от очередных бедствий на пути к свободе.

Завершая эту краткую рецензию, хочу выразить искреннюю благодарность В.В. Ведерникову за подготовку и публикацию интереснейших источников, которые, не сомневаюсь, придадут новый импульс в исследовании отечественной религиозно-политической мысли.

Ю.Г. Степанов,
кандидат исторических наук, доцент
Саратовского государственного аграрного
университета им. Н.И. Вавилова

ПАМЯТИ...

УДК 929:1(470.44)Горбачёв

О НИКОЛАЕ АНДРЕЕВИЧЕ ГОРБАЧЁВЕ

Д.А. Попов

Саратовский государственный университет,
философский факультет,
кафедра этики и эстетики
E-mail: pvden@yandex.ru

Статья посвящена научной и преподавательской деятельности профессора кафедры философии Педагогического института Н.А. Горбачёва (1927–2003). Автор делится своими воспоминаниями об этом ученом, много лет работавшем в системе педагогического образования и оставившего заметный след в истории Педагогического института. В статье охарактеризованы личные и профессиональные качества Н.А. Горбачёва, оцениваются итоги его многолетней научной работы.

Ключевые слова: профессор Николай Андреевич Горбачёв, воспоминания, кафедра философии, Педагогический институт.

ABOUT NIKOLAY ANDREYEVICH GORBACHEV

D.A. Popov

This article is devoted to the scientific and teaching activity Mr. Gorbachev (1927–2003), professor of the Department of philosophy of the Pedagogical Institute. The author tells about his memories of this famous scientist. Mr. Gorbachev worked in the educational system many years and left a noticeable trace in the history of the Pedagogical Institute. The article outlines the personal and professional qualities of Mr. Gorbachev and tells about the outcomes of his scientific work.

Key words: Professor Nikolay Andreevich Gorbachev, memories, Department of philosophy, Pedagogical Institute.

Вспоминая моего научного руководителя, Н.А. Горбачёва, я думаю, что он был «образцовым» профессором. Таким, какими их любило рисовать советское искусство: чудаковатым, постоянно погруженным в свои идеи, часто не очень обращающим внимание на происходящее вокруг, и, при этом, невероятно добрым человеком. Николай Андреевич действительно отличался тем чудесным обаянием, которое возникает только от сочетания глубокой внут-

ренной интеллигентности и неподдельной благожелательности по отношению к другим.

Мы познакомились осенью 1994 г., когда я, вчерашний студент, пришел работать старшим лаборантом на кафедру философии Педагогического института. Едва ли не первое, что я услышал от невысокого, лысоватого профессора с хриплым голосом и манерой неспешно расхаживать по кафедре, излагая свои выдающиеся, как он подшучивал, идеи, это предложение поступить в аспирантуру, под его, естественно, научным руководством. Философия тогда мне была не очень близка, поскольку моим базовым образованием было историческое образование. И все же, после колебаний, продолжавшихся почти год, я согласился. Так начался период нашего с ним научного сотрудничества, работы над моей будущей диссертацией.

Должен отметить, что, как философ, Николай Андреевич отличался консерватизмом. Сформировав основы своих взглядов в советское время, он не собирался от них отказываться в угоду «ветру перемен» и отмахивался от всех его веяний в области философии. Раз за разом он, к примеру, предоставлял на кафедру список экзаменационных вопросов для аспирантов, где требовалось знать философию Леонардо да Винчи и русских революционных демократов, но ни слова не было о Гуссерле или Хайдеггере, что вызывало, мягко говоря, недоумение со стороны других членов экзаменационной комиссии.

Однако, он вполне сознавал разность наших с ним взглядов, образования и мировоззрения, а потому отнюдь не собирался вмешиваться в мой творческий процесс, взяв на себя, прежде всего, курирование технических вопросов, подбору литературы, оформлению текста и тому подобные вещи. «Главная задача научного руководителя – не мешать аспиранту», шутил он, глядя на мои первые неловкие экзерсисы в области философии. Одновременно он совершенно самоотверженно прикрывал меня на обсуждении работы, защищая от критических отзывов и высказываний.

Времена в то время были нелегкие даже для профессоров. Удивительно, что в условиях разрухи мы все же продолжали что-то делать и писать. Заядлый курильщик, выкуривавший по пачке в день, Николай Андреевич был вынужден перейти на какие-то совершенно немыслимо дешевые сорта сигарет, вроде «Астры», или «Примы», которыми он насквозь прокуривал кафедру, пока этого не видела тогдашняя заведующая, В.В. Кузнецова. На его

юбилей в 1997 г. мы подарили ему несколько пачек бумаги, на которых крупными буквами было написано «Труды Н.А. Горбачёва» в 4-х томах и блок дорогих сигарет – роскошный подарок по тем временам. Сигареты кончились через неделю, бумага, кажется, через две, и Николай Андреевич снова обратился ко мне с просьбой дать ему обраток для его пишущей машинки, на которой он неутомимо выстукивал свои работы.

Он отличался необыкновенной скромностью, терпеть не мог юбилеи и поздравления, не любил спиртного, и в то памятное празднование долго потом допытывался, кто же его «выдал», сообщив всем, что у него круглая дата. Даже то скромное празднование, что мы организовали на кафедре, казалось ему излишним и неуместным. Столь же активно возражал он и против празднования его юбилея в ИДПО в 2002 г., отмечавшегося уже с гораздо большим размахом, в виде конференции, на которой юбиляр только хмурился, выслушивая славословия в свой адрес, и оживлялся только тогда, когда дело доходило до предметных выступлений. Когда мы с Валентиной Владимировной, готовя ему бумаги для очередного конкурса, написали ему хвалебное мотивированное заключение, Николай Андреевич, прочитав его, сказал только в своей обычно резковато-хрипловатой манере – «Все замечательно, но это не про меня!».

Впрочем, одно сравнение, прозвучавшее на конференции 2002 г., ему нравилось – это сравнение с Сократом. Правда и тут, не обошлось без его всегдашней иронии: «Мы оба лысы, вот чем только и похожи». И, тем не менее, Сократ оставался его любимым персонажем в истории философии, и «Сократовский метод обучения», методологическая работа, написанная им о применении педагогики Сократа в современном обучении, была ему особенно дорога. Думаю, что он и сам немного стремился походить на афинского мыслителя и стремлением задавать неожиданные вопросы, и парадоксальностью мышления. И даже работой фантазии, поскольку истинный философ, с его точки зрения – всегда немного фантазер, и без фантазии не сделаешь ни одного серьезного открытия. Недаром его «диалоги» столь охотно печатали издания, специализировавшиеся на разного рода научных сенсациях, тайнах и загадках мироздания.

Приезжая на работу, он полушутливо, но с серьезным видом делился идеями, которые приходили ему в голову по дороге, называя их «гениальными». Именно они потом ложились в основу

его методических разработок и журнальных статей. Впрочем, самоирония никогда ему не изменяла, и в его самооценках всегда присутствовала легкая лукавая усмешка.

Парадоксальность, неожиданный взгляд на вещи, способность будить мысль я считаю главными достоинствами его работ. Он действительно всегда умел видеть необычное в привычных научных представлениях, в этом ему не было равных, и его методики, написанные для студентов, вполне справляются со своим назначением: разрушать стереотипные взгляды на мир, в котором мы живем.

Увлеченность наукой сочеталась у него с полным равнодушием к административной карьере и отсутствием властных амбиций. Будучи в течение многих лет единственным профессором кафедры, Николай Андреевич наотрез отказывался от заведования, и если все же был вынужден брать на себя властные полномочия, то на очень короткий срок, до выборов постоянного руководителя кафедры. В последний период «междоцарствия», пришедшийся на 1998 г., он не стал делать даже и этого.

Его внимательность к мелочам тоже была трогательной. Как-то раз, заметив, что у меня нет часов (а лаборант не мог в то нищенское время даже позволить себе купить новые часы взамен сломанных), Николай Андреевич тут же организовал их для меня: нашел в киоске «некондицию», и заставил взять деньги для их покупки. Часы эти работали безупречно, и до сих пор хранятся у меня, как память.

В марте 1999 г. состоялась моя защита. Николай Андреевич, разумеется, переживал за меня, ведь аспирантов, успешно защитившихся, у него было немного, и выступил на защите с целой речью, расхваливая своего диссертанта и даже подчеркивая, что его участие в работе было минимальным.

Перейдя работать в ИДПО, он, тем не менее, по-прежнему считал нашу кафедру своей, сохранял на ней часы, и частенько к нам заглядывал.

Он всегда тщательно следил за своим здоровьем и вроде бы никогда на него не жаловался. На замечания членов кафедры, что курение крайне вредно в его возрасте, отвечал, что рак легких ему не грозит, он это совершенно точно знает из своих многолетних наблюдений, и, действительно, эта болезнь обошла его стороной. Потому известие о смерти Николая Андреевича стало полной неожиданностью для нас всех.

С глубоким удовлетворением отмечу, что проститься с ним 3 марта 2003 г. пришло множество людей, совершенно искренне и тепло говоривших о том, сколь много значило для них общение с ним. Он, работавший в Педагогическом институте много десятилетий, представлял собой «живую связь» времен, и это не только метафора. Его рассказы о прошлом позволяли заглянуть в уже ушедшую эпоху и словно ощутить ее непосредственно. Он, учившийся на философском факультете МГУ во времена всесильного наркома Л.П. Берии и чуть не попавший под его недобрый взгляд, лично знавший одного из министров Дальневосточной республики, ходивший пешком через замерзшую Волгу в те времена, когда знаменитого моста через нее еще не существовало, делал живыми те истории, о котором мы читаем только в учебниках. Они не были для него «историями», они были частью его жизни, не всегда легкой, но всегда насыщенной и интересной. С его уходом эта «связь времен» распалась, и само наше существование навсегда что-то неуловимо и бесповоротно утратило.

УДК 929:1(470.44)Горбачёв

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ГОРБАЧЁВ
(Интервью с Б.С. Клементьевым 17 февраля 2013 года)

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра истории Нового и Новейшего времени
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В публикуемом интервью с профессором философского факультета Саратовского университета Б.С. Клементьевым освещается во всем её многообразии и неповторимости жизнь известного саратовского философа и педагога Н.А. Горбачёва. Основываясь на личных воспоминаниях, собеседник щедро делится с интервьюером своими впечатлениями об этом человеке, раскрывая в отдельных случаях некоторые особенности его характера.

Ключевые слова: университетская история, Саратовский педагогический институт им. К.А. Федина, кафедра философии, Горбачёв Н.А., интервью, воспоминания.

NIKOLAY ANDREYEVICH GORBACHEV
(Interview with B. S. Klementiev from 17th February 2013 year)

A.V. Gladishev

In the published interview with Professor of the Philosophy Faculty of Saratov State University B.S. Klementiev illuminated life of the famous Saratov philosopher and educator N.A. Gorbachev. Based on personal recollections, B.S. Klementiev shares his impressions of this man, revealing in separate cases some of the features of his character.

Key words: history of university, Saratov Pedagogical Institute named after K.A. Fedin, Department of Philosophy, Gorbachev N.A., interviews, memoirs.

А. Гладышев: – Борис Семенович, иногда говорят, что первое впечатление – самое важное, а иногда, что встречают по одежке, а провожают по уму... Я знаю, как Вы провожали своего учителя Николая Андреевича Горбачёва... Расскажите о своем первом впечатлении, о первой встрече.

Б. Клементьев: – В апреле 1972 г. я, выпускник физмата Саратовского пединститута, отработавший три года в райкоме комсомола, отслуживший три месяца в армии и комиссованный по состоянию здоровья, пришел искать работу. Пригласил меня к себе на кафедру Николай Борисович Воронцов, который в то время был ее заведующим. Так я занял должность старшего лаборанта кафедры философии пединститута. Осенью обещали отправить в аспирантуру. Образовалась чисто мужская кафедра: 7 мужиков и я... Первый день работы. Сажу на кафедре, никого еще не знаю. Первым появился Горбачёв (он часто приходил первым): «– Ты кто?» «– Ваш новый лаборант». Дежурные вопросы: откуда, зачем и т.д. Это был первый «философ», которого я увидел в новом коллективе. Невысокий, сухощавый, в очках и с непрерывно дымящейся папиросой...

Вскоре после моего вступления в должность, подоспело и первое «боевое крещение». Монография Горбачёва «Диалектика и проблемы атеизма. Критика религиозных концепций развития» вышла из печати, и ее надо было привезти из издательства. Под докторскую готовил. В книге было 13 глав. Старший преподаватель кафедры Г.И. Серяпин, как его звали коллеги «ровесник первой русской революции», тогда сказал: «Коля понимаешь, 13 глав – 13 прекрасных кандидатских диссертаций, но эта сумма еще не означает докторскую». Но это было частное мнение, общим же было: «Горбачёв, ты должен проставиться»... Мне было поручено все это дело организовать. Отмечали у меня дома (ул. Рабочая, 3), так как это было рядом с институтом. Выпить любили все, кроме самого Горбачёва, который и ушел-то с «мероприятия» раньше. Воронцов вслед кричал: «Коля, ты должен вернуться! Тебе заведующий приказывает!». Горбачёв прятался во дворе, чтобы его не вернули. Так и ушел, а праздник продолжался, естественно, и без него.

Николай Андреевич любил рассказывать о себе разные истории. Про то, как служил на Черноморском флоте и начал курить. Он был из последнего военного призыва 1945 года... На флоте сначала в качестве дополнительного пайка выдавали кому сахар, кому папиросы. Когда сахар отменили, папиросы стали выдавать всем. Горбачёв не курил. Но потом подумал, подумал... С тех пор всю жизнь без остановки курил. Сам признавался потом: «Пока бреюсь, три папироски выкурю...».

Вспоминал, как после армии (служил на флоте 4 года). Чтобы попасть в МГУ в качестве студента, пошел работать на стройку нового корпуса. Стал бригадиром... Потом он показывал газету «Правда» с информацией о траурном митинге по случаю смерти Сталина: первым выступал Каганович, вторым молодой бригадир строителей Горбачёв...

Вспоминал об учебе на философском факультете в МГУ. «Стоим, как-то, молодые философы, и спорим о Гегеле. По коридору идет непрезентабельный “мужичок”. Проходя мимо нас, ввязался в наш спор и выдал такие вещи, что мы поняли: ничего-то мы в Гегеле не понимаем»... Когда уже приехал на работу в Саратов, Николай Андреевич выяснил, что этим «мужичком» был Сергей Васильевич Николаев, доцент и заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма Саратовского госуниверситета, который был в Москве, кажется, на повышении квалификации. Кстати, любовь к Гегелю Николай Андреевич сохранил на долгие годы: как-то даже на защите докторской диссертации Л.И. Тютюева проворчал: «Что же вы все о Канте, да о Канте, а Гегель?» Полагал, что Гегель более велик, чем Кант...

А. Г.: – Что за история, как он на крыше поезда в Туркестан ездил?

Б. К.: – Когда закончил МГУ, решил попутешествовать. Любым путем. На 30–40 рублей. По мотивам рассказа М. Горького... Путь решил повторить...

В 1957 г. выпускник философского факультета МГУ Н.А. Горбачёв приглашен на работу в Саратов. Любил рассказывать, как «с нынешним ректором СГУ Богомоловым мы...». Немного хвалился... Так, вот. Жил молодой преподаватель Горбачёв, на первых порах, у своей матери в городе Энгельсе на ул. Ленина в частном доме, где он и родился. Моста тогда через Волгу не было, добирались жители Энгельса на работу, кто как... Горбачёв рассказывал, как по тонкому весеннему/осеннему льду через Волгу из Энгельса в Саратов переходил с тогда еще молодым математиком Богомоловым. Несли с собой доски (на всякий случай) и вели беседы о разных философских материях... В 1963 г. Николай Андреевич защитил кандидатскую диссертацию. Защищал кандидатскую в Киеве. Заказал в ресторане банкет, но никто не пришел: какой-то совет помешал. Горбачёв на банкете был вдвоем с другом. Выпили бутылку и ушли...

Потом уже мне как-то довелось побывать в его родном доме в г. Энгельсе. Одной (если не единственной) достопримечательностью его «хозяйства», были еле уловимые остатки ямы в саду. По уверениям Николай Андреевич в этой яме лежали лучшие образцы философской (и не только) мысли... Целая библиотека...

А. Г.: – Стоп. Перефразирую Даниила Хармса: «Ну, ну, ну, врешь! Ну, пара книг, ну еще туда-сюда, но, чтобы целая библиотека?! Это просто ерунда...». Откуда книжки?

Б. К.: – Отдельная история... Работал в пединституте зав. кафедрой философии Ф.И. Гапон (первый заведующий кафедрой философии как самостоятельного подразделения с 1946 г.)... После его смерти осталась весьма солидная библиотека. Вдова практически «принудила» молодого Горбачёва приобрести ее: «Коля, ну купи!». Самой хранить было негде. Книги были, в том числе, и очень редкие... Но, хранить их было негде и, Горбачёв жаловался, мыши их сильно грызли. Не уважали ни авторитеты, ни раритеты... Так вся мировая философская мысль оказалась в садовой яме. Но кое-что, по-видимому, все же осталось. И дарили, и в «Букинист» потом сдавали...

Еще одна история, которую рассказывал Николай Андреевич о том же Ф.И. Гапоне, и не только о нем... Директором пединститута был одно время (конец 1950 гг.) доцент Павел Николаевич Пилатов, кандидат географических наук. Но, когда подготовку учителей географии из пединститута убрали, стал директор проверять контрольные у студентов заочников по философии: надо же ему было вести какую-то педагогическую работу. Не разобравшись с ходу в ситуации, стал подправлять у студентов цитаты из Маркса и Ленина. Правил красным карандашом... Как-то Ф.И. Гапон это увидел... Был потрясен и все потом боялся «последствий» со стороны КГБ. Горбачёву история эта очень нравилась. Смеялся, затягиваясь папироской....

А. Г.: – Вернемся в 1970-е...

Б. К.: – Вернемся... Осенью 1972 г. Н.Б. Воронцов уехал работать в Донецк. Горбачёву пришлось заведовать кафедрой. Кафедральные «деды» убедили: «Чтобы никого чужого не прислали». Волей неволей стал заведовать. Заодно и мне помог первую статью написать. Что-то там про Фейербаха и проблемы механицизма... Кстати, одно

из замечательных свойств Горбачёва, как редактора и как автора. Любил подбирать слова, синонимы, следил за языком изложения: чтобы ни стилистических, ни смысловых повторов не было... Чистота языка изложения – черта характера...

У самого же Николая Андреевича не ладилось с докторской. Мистика какая-то. Куда не обратиться – то одно, то другое. То совет закрыли в Новосибирске, то Свердловске что-то не срослось. Яков Фомич Аскин (Горбачёв был у него вторым аспирантом, судьба свела их в 1958 г., когда Яков Фомич согласился быть научным руководителем Н.А. Горбачёва) рекомендовал переделать диссертацию и пустить ее не по диалектике, а по истории философии. Отправился Горбачёв в Москву. Обсудили диссертацию. Пока правил дежурные замечания, умир его научный консультант в Москве, в Институте атеизма...

Заведование кафедрой не было делом Горбачёва. Душа не лежала. Он регулярно писал в обком партии с просьбой освободить его от занимаемой должности, то в связи с «вырванным больным зубом и испорченной дикцией», то в связи с еще чем-то. Так продолжалось до 1974 г., когда заведующим стал Г.И. Колесов. Горбачёв вздохнул с облегчением.

Когда мне выделили место в заочной аспирантуре, мы пришли с Горбачёвым к Аскину. Вот, мол, молодая смена. Горбачёв обозначил тему. Аскин же ответил: «Ты тему предложил, ты, Коля, его и бери». Так Горбачёв и стал моим научным руководителем.

В силу того, что Горбачёв интересовался буквально всем, тема была несколько неожиданна: «Я тут раскопал в библиотеке 4 тома Циолковского.... Так интересно! Ты физик, ты разберешься. Найди философские основы. Например, проблему *развития* в трудах Циолковского. Но 4 тома – мало, надо тебе ехать в Калугу, музей Циолковского». Философские вопросы космизма... Ты мне потом гораздо позже откуда-то из Москвы привезешь уникальные самиздатовские журналы по Вернадскому... Ну, да ладно. Опоздал ты с Вернадским... Вернемся к повествованию....

В 1974 г. у Н.А. Горбачёва рождается дочь Эмма. Он был женат на известной прима-балерине Эльзе Сулеймановой. Жили они вчетвером (у Эльзы был еще сын от первого брака) в однокомнатной квартире в доме № 5 на Набережной космонавтов, на пятом этаже в квартире от Оперного театра. Как Горбачёв рассказывал, диссертацию свою он написал на унитазе. В Эмме души не чаял, был в восторге от того, как растет ребенок. Он даже сфор-

мулировал концепцию, почему такие сообразительные дети, взрослея, глупеют: дети бегают, падают, головой бьются, мозги трясутся. Поэтому он нашел своей дочери в чепчик побольше ваты: получилось подобие танкового шлема! Когда он выходил с дочерью на прогулку, публика на Набережной была в шоке. Спал на кухне, жаловался: «Дочка ко мне жметя, а я боюсь, что газ на ребенка плохо воздействует...». Когда же Эмма стала взрослеть, он стал ей рассказывать об эволюционной теории Дарвина... Провещал.

Но быт заел. Даже с женой разошелся, надеясь, что квартиру получит: профессорам тогда иногда давали.

А. Г.: – Развелся или разошелся?

Б. К.: – Тогдашний ректор пединститута, постоянный соавтор Горбачёва по философско-педагогическим хрестоматиям, М.С. Кобзев поселил его в студенческом общежитии. В силу своей абсолютной непригодности к жизни Николай Андреевич пытался всухомятку. Стеснялся выйти на кухню вскипятить чайник. Я приходил к нему вечерами, варил картошку... Когда однажды вылил воду из-под картошки, он возмутился: «Зачем? Туда можно было бы что-то набросать – суп получился бы...». Мелочи жизни его убивали. Эльза Сулейманова иногда тоже приходила помогать по хозяйству, но... Тут уж и не только разошелся, но и развелся... Потом с матерью переехал в трехкомнатную квартиру в другом общежитии. Позже мать уехала к сестре в Ленинград, а Горбачёв получил государственную «двушку» у Телецентра...

Получилось так, что я кандидатскую защитил раньше, чем Горбачёв докторскую... Встретились мы с ним на городском пляже. Беседовали. Разглядывали девушек. Я ему: «– Меня на Кубу приглашают». «– Зачем? Откажись – у тебя перспективы в науке?...». В 1982 г. я все-таки уехал. Николай Андреевич так и не согласился с этим решением: «– Ты не прав, надо науку двигать!». Он немножко обиделся за науку... Вернулся я в феврале 1984 года...

А. Г.: – Ну, и, наверное, сразу в библиотеку?

Б. К.: – Ну, а куда же еще?! Там же Горбачёв... Он любил работать в библиотеке СГУ. Лето, мертвый сезон, в читалке – один Николай Андреевич... Когда было жарко, он, пользуясь одиночеством, раздевался до майки... Как-то навел я его в библиотеке со своей

женой Ольгой Михайловной. Она была, мягко говоря, удивлена такой картине: научный консультант мужа и – в майке... Ну, вот, наконец-то докторская диссертация была защищена: «Материалистическая диалектика как методология научного атеизма (научно-философский аспект)». На тот момент он был в Саратове четвертым доктором философских наук (после Аскина, Шабалина, Борщева).

А. Г.: – У меня в домашнем архиве сохранилась записочка. Примерно такого содержания: «Уважаемый Андрей Владимирович! Просьба: отнеситесь на экзамене по новой истории снисходительно к молодому философскому дарованию, моему и Вашему студенту К***. Ваш Н. А.». Надо сказать, что студент ни в какой «снисходительности» не нуждался, у меня с этим «дарованием» через полгода статейка в соавторстве вышла... Расскажи о его учениках.

Б. К.: – С формальной точки зрения, у него защитилось четыре аспиранта. Я – первый, второй – твой друг Ю.Я. Чучупал, третий – А. Кузнецов, четвертый – Д. Попов. Пятым должен был стать Костя Романовский, но Горбачёв не дожил, защищали Костю уже под моим официальным руководством. Но, на самом деле он всегда помогал молодым, делился идеями. Очень отзывчивый и разносторонний был человек! Студентам ставил только «4» или «5»: «Я, – говорил, – любому академику могу «3» поставить на экзамене, а симпатичной девушке – нет».

Николай Андреевич на склоне лет считал, что уникальность «нашего» возраста не в том, чтобы помнить, а в том, что уже можно забывать и освобождать мозги для других мыслей. Студентам говорил: «Память – не главное, главное – уметь забыть». Но для себя на этот казусный случай писал записочки и прятал в кармане, чтобы, если забудет, подглядеть, мысль не потерять: лекции читал исключительно на память, и никогда не повторяясь... Конечно, Николай Андреевич – не выдающийся оратор, но лекции были очень интересные по содержанию...

А. Г.: – Горбачёв был мастер неожиданных суждений. И не только философского содержания. С чувством юмора человек. Встретит в коридоре или курилке и нарочито серьезно: «А знаете, я тут пятый закон диалектики разрабатываю...». Через полгода я ему: «– Как там, Николай Андреевич, пятый закон диалектики?» «– Пятый сформулирован, сейчас над шестым работаю...» Еще одно из его суждений: «Вот, все охают: “У него четверть метра!

Четверть метра!" А что это такое? Всего-то 25 сантиметров...»... Релятивист. И искренне влюбленный в философию.

Б. К.: – Да, Н.А. Горбачёв никогда не мог понять, как можно не любить философию. Много лет посвятил созданию антологии философской поэзии. Скомпоновал, сделал комментарии, получил положительные отзывы, но так и не издал... Потом взбрело в голову, что мало издал книг: был уверен, что его никто не будет печатать и увлекся самиздатом. Чуть ли не каждый месяц издавал, кукую-то брошюрку со своими идеями. Очень гордился этими, как он их называл, «публикашками». Печатал на машинке одним пальцем и в авиационном техникуме на «зачачку» от жены публиковал.

Еще одно поражало в нем. Он очень следил за своим здоровьем. Домашние бутерброды всегда доставал спичкой или зубочисткой из пакетика. Даже пачку сигарет открывал с другой стороны, что бы пальцами фильтр не трогать (ну, это когда папиросы стали слабо набивать и он перешел на сигареты) и приговаривал: «Я бы такую статью написал о великой пользе курения! Как мысль-то от табака работает! Но кто же ее напечатает...». Всю жизнь боялся умереть от рака легких, а умер от рака печени... Хотя выпивал очень мало, символически. Уникальный был человек... Жалко...

...На поминках Н.А. Горбачёва пили водку, которую получали еще по талонам в конце 1980-х...

**ПАМЯТИ
ДМИТРИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ЛУКОНИНА
(1972–2013)**

**IN MEMORY OF
DMITRIY EVGENIEVICH LUKONIN
(1972–2013)**

Умер наш коллега и друг Дмитрий Евгеньевич Луконин – кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Это случилось вечером 9 декабря 2013 г. на рабочем месте в Научно-образовательном центре, в XI корпусе СГУ. Смерть застала его столь непостижимо неожиданно, что, пожалуй, прав был всемогущий булгаковский герой: «Плохо то, что человек иногда внезапно смертен». В случае с Д.Е. Лукониным эта суровая правда стала поистине жуткой. Человек в возрасте акмэ, полный сил и энергии, он ушел в одночасье. Ушел, когда у него всё так благополучно складывалось.

Дмитрий Евгеньевич Луконин родился 20 июля 1972 г. в Саратове. Он воспитывался матерью Жанной Павловной Лукониной. Важную роль в его воспитании сыграли дед и бабушка, которые жили в г. Ершове Саратовской области. До 7 лет Дима жил у них, а в школьную пору проводил в Ершове каждое лето. О своем героическом дедушке Павле Ивановиче Луконине – бывшем офицере, командире зенитной батареи, прошедшем всю Великую Отечественную войну, Дмитрий Евгеньевич всегда вспоминал с глубоким уважением.

Окончив в 1989 г. среднюю школу с серебряной медалью, Д.Е. Луконин поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета. С тех пор – без малого четверть века – его жизнь была связана с СГУ. Здесь его учителями были В.Г. Борухович, Т.П. Кац, В.И. Кащеев, В.Н. Парфёнов, И.В. Порох, С.Ю. Монахов. С начала второго курса университета Д.Е. Луконин специализировался на кафедре истории Древнего мира и все четыре года до окончания истфака являлся активным членом существовавшего при кафедре студенческого семинара «Античная среда», существовавшего при кафедре, руководителем которого был профессор В.И. Кащеев. Под его научным руководством

Дмитрий Евгеньевич подготовил и защитил дипломную работу на тему «Зарождение идей неомифологизма в немецкой историографии начала-середины XIX в.» (1994).

В июне 1994 г. Д.Е. Луконин с красным дипломом окончил исторический факультет и был принят в аспирантуру на кафедру истории Древнего мира. Дмитрий Евгеньевич был человеком самостоятельным, ищущим, и его путь в науку оказался долгим. Но это был его путь. Сомнения и поиски побудили Дмитрия Евгеньевича оставить античную кафедру и перейти на философский факультет СГУ, прикрепившись в качестве аспиранта к кафедре, которой руководил В.Б. Устьянцев. А спустя годы, Дмитрий Евгеньевич вновь сменил специализацию и занялся русской историей. За несколько лет работы с уникальными архивными материалами, собранными им в архивах Москвы и С.-Петербурга, Дмитрий Евгеньевич под руководством О.Ю. Абакумова подготовил научную работу на кафедре истории России.

В июне 2009 г. Д.Е. Луконин защитил кандидатскую диссертацию («Беляевский кружок в художественной жизни России [80-е гг. XIX – начало XX вв.]») по специальности 07.00.02 – «Отечественная история». Защита прошла блестяще. Для всего исторического факультета (тогда уже ИИиМО) это было одним из ярких событий того года! Оппоненты и члены совета единодушно высказались за скорейшую публикацию текста его диссертации. Дмитрий Евгеньевич был благодарен одобрительным отзывам в адрес проделанной им работы, но, как человек ответственный и требовательный, в первую очередь, к себе, занялся доработкой материала, поиском дополнительных архивных документов. Он собирался закончить и представить на суд широкой читательской аудитории хорошую книгу о своем герое – Митрофане Петровиче Беляеве – меценате, издателе, человеке, который оказал значительное влияние на русскую культуру конца XIX – начала XX века. И у Дмитрия Евгеньевича здесь все получалось, вышло несколько больших статей по теме, готовилась интересная работа... Но затянул, не успел завершить свою книгу.

А сколько чужих книг и сборников подготовил и издал Д.Е. Луконин! Долгие годы он был руководителем издательского центра «Tempus» – легендарного издательства исторического факультета СГУ в 1990–2010 годы. Статьи и книги многих коллег со всех кафедр истфака прошли через руки Дмитрия Евгеньевича (да и не только книги коллег-историков). Он был внимательный,

даже дотошный редактор и корректор, издатель, вникающий во все тонкости дела. У самого Дмитрия Евгеньевича отлично получалось классно писать. Причем, писал он не «запросто», взвешивая каждую строку, каждую фразу, подолгу продумывал каждую свою идею, которую он намеревался опубликовать. Осталось более полусотни статей по истории, историографии, истории философии, искусству и сервисной деятельности в туризме, подготовленных им.

Многие годы Д.Е. Луконин работал в качестве ответственного секретаря в редколлегии двух межвузовских сборников научных трудов – «Историографический сборник» (с 2001 по 2010 г.) и «Туризм и культурное наследие» (с 2002 г.). Дмитрий Евгеньевич был один из главных инициаторов появления в университете нового научного издания – сборника «История и историческая память», заместителем ответственного редактора которого он являлся с 2010 года.

Жизнь исторического факультета была его жизнью, со всеми проблемами, радостями и печалью. Д.Е. Луконин был фигурой знаковой. Он сам олицетворял истфак, тот самый, классический истфак, с его добрыми и славными традициями. Он был блестящим лектором, восхищавшим не одно поколение студентов. С 2000 г. Д.Е. Луконин читал в университете общие и специальные курсы: «Человек и его потребности», «Выставочная деятельность», «Сервисная деятельность», «Теория искусства», «Технические и аудиовизуальные средства обучения истории искусства» и др.

Гордый, интеллигентный, рассудительный и сдержанный человек, превосходный оратор и декламатор (как он читал стихи!). Его манера солидно держаться вызвала уважение у всех, его знавших. С близкими же людьми Дмитрий Евгеньевич был абсолютно открыт. Он был верным и надежным другом, всегда искренне готовым содействовать, не считаясь со своими личными интересами.

Д.Е. Луконин был увлекающимся человеком, влюбленным в жизнь, страстно отдававшимся творчеству. История, философия и литература (здесь не важно, в каком порядке названы три эти вещи) – все это в равной степени занимало его. Но, главным для Дмитрия Евгеньевича всегда оставалась Музыка. Он окончил музыкальную школу по классу тромбона, иногда музицировал – играл и пел для своих друзей. Начиная со средних классов школы и до конца своих дней, Дмитрий Евгеньевич собирал коллекцию

записей классической музыки. В его домашней библиотеке собраны тысячи пластинок, CD, DVD, видео- и аудиозаписей лучших исполнителей классики. Его авторами были Бах, Бетховен, Верди, Брамс, Шостакович, но в первую очередь, конечно – Вагнер и Шуберт.

Жизнь Д.Е. Луконина прервалась на взлете. Многого, очень многого не успел он сделать из того, что запланировал и, несомненно, мог бы осуществить. Ведь, по сути, как ученый, он только достиг своей зрелости, набрал силы. Казалось, что именно сейчас «всё только начинается», – как он сам любил повторять.

Друзья и коллеги выражают соболезнование родным и близким Дмитрия Евгеньевича Луконина: матери Жанне Павловне, которая всю себя посвятила сыну, жене Дарье Геннадиевне и двум сыновьям – Косте и Феде Лукониным. Для них эта утрата невыносимо невыполнима.

Тяжело осознавать потерю коллеги и друга, трудно смириться с уходом человека, которому ты только вчера пожимал при встрече руку, хлопал по плечу и, вживую или по телефону, прощался с ним – «до завтра». Всё. Дмитрий Евгеньевич Луконин не дожил до своей шестой седмицы. Ему был только 41 год.

**Институт истории и международных отношений
Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского,
редколлегия сборника «История и историческая память»,
друзья и коллеги**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьева Анна Владимировна, доктор философии, профессор кафедры истории Восточной Европы Университета Эберхарда Карла (Тюбинген) и кафедры истории искусств Университета Иоганна Гутенберга (Майнц).

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Булычев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Воронежцев Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Калашиников Михаил Васильевич, ст. преподаватель кафедры истории Отечества и культуры социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Короленков Антон Викторович, кандидат исторических наук, научный редактор редакции журнала «Новая и новейшая история».

Луконин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Лягушкин Иван Александрович, студент магистратуры Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ.

Попов Денис Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры этики и эстетики философского факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Русанов Александр Витальевич, аспирант Московского государственного университета, стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поляева НИУ-ВШЭ, приглашенный исследователь Лиссабонского университета (Португалия)

Синицын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологии факультета культуры С.-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Степанов Юрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова.

Ходячих Сергей Сергеевич, аспирант отдела исторических наук ИНИОН РАН.

Шиллер-Валицка Ионна, профессор Института истории науки Польской АН и университета им. кардинала Стефана Вышинского, главный редактор журнала «Rozprawy z dziejow oswiaty».

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

<i>Архив</i>	Архив Национальной Академии наук Кыргызской Республики (Бишкек).
<i>НАН КР –</i>	
<i>АС –</i>	Археологический сборник [Государственного Эрмитажа]. Л.; СПб.
<i>БЧК –</i>	Большой Чуйский канал.
<i>ВЕ –</i>	Вестник Европы (Москва).
<i>ВСС 1984 –</i>	рукопись мемуаров Вик.С. Сорокина (1984).
<i>ГАСО –</i>	Государственный архив Саратовской области.
<i>ГМЗ –</i>	Государственный музей-заповедник.
<i>ГЭ –</i>	Государственный Эрмитаж.
<i>ЖИМО –</i>	Журнал Ивановского математического общества.
<i>ЖМНП –</i>	Журнал Министерства народного просвещения.
<i>ИВГУ –</i>	Ивановский государственный университет.
<i>ИДПО –</i>	Институт дополнительного профессионального образования Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.
<i>КГИОП Санкт-Петербурга –</i>	Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры администрации Санкт-Петербурга.
<i>ИИиМО –</i>	Институт истории и международных отношений СГУ.
<i>ИИМК –</i>	Институт истории материальной культуры.
<i>ИРИ –</i>	Исламская Республика Иран.
<i>ИРЛИ –</i>	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
<i>ИЯС 1984 –</i>	Эпистолярные воспоминания И.Я. Сорокиной (1984).
<i>КГБ –</i>	Комитет государственной безопасности СССР.
<i>КСИА –</i>	Краткие сообщения института археологии АН СССР (Москва).
<i>КСИИМК –</i>	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (Москва).
<i>ЛАП –</i>	Легкий артиллерийский полк.
<i>ЛВО –</i>	Ленинградский военный округ.
<i>ЛГУ –</i>	Ленинградский государственный университет.
<i>ЛОИА</i>	Ленинградское отделение института археологии
<i>АН СССР –</i>	АН СССР.
<i>МВД –</i>	Министерство внутренних дел.

<i>МГУ</i> –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
<i>МИА</i> –	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
<i>МНП</i> –	Министерство народного просвещения.
<i>НИМАХ</i> –	Научно-исследовательский Музей Академии Художеств в С.-Петербурге.
<i>НИУ ВШЭ</i> –	Научно-исследовательский университет – Высшая Школа Экономики.
<i>НЛО</i> –	Новое литературное обозрение (Москва).
<i>НПЛ</i> –	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
<i>ОБКК</i> –	Орловский Бахтина кадетский корпус.
<i>ОИ</i> –	Отечественная история. (Москва).
<i>ОР РГБ</i> –	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
<i>ОР РНБ</i> –	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).
<i>ОЭ РНБ</i> –	Отдел эстампов РНБ.
<i>ПВБСРН</i> –	Православный всероссийский братский союз русского народа.
<i>ПВЛ</i> –	Повесть временных лет.
<i>ПЛДР</i> –	Памятники литературы Древней Руси.
<i>ПСРЛ</i> –	Полное собрание русских летописей.
<i>РАН</i> –	Российская академия наук.
<i>РГИА</i> –	Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
<i>РККА</i> –	Рабоче-Крестьянская Красная Армия.
<i>РО ПД</i> –	Рукописный отдел Пушкинского Дома.
<i>РФФИ</i> –	Российский фонд фундаментальных исследований.
<i>РХГА</i> –	Русская христианская гуманитарная академия (С.-Петербург).
<i>СА</i> –	Советская археология (Москва).
<i>СГУ</i> –	Саратовский Государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
<i>СГЭ</i> –	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
<i>СМИ</i> –	Средства массовой информации.
<i>СРН</i> –	Союз русского народа.
<i>СССР</i> –	Союз Советских Социалистических Республик.
<i>США</i> –	Соединенные Штаты Америки.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.
ХАМАС – Исламское движение сопротивления.

IrAnt – Iranica Antiqua. Leiden; Gent.
RRAN – Regesta Regum Anglo-Normannorum.
CQ – The Classical Quarterly. Oxford.
CUP – Chartularium Universitatis Portugalensis.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 7-8

Под редакцией *А.В. Гладышева*

В оформлении обложки использованы фоторепродукции с картин саратовского художника Ф.А. Саликова из серии «Городской парк» (2005 г.): «Зимние пруды» (х.м. 110 x 140) и «Ноябрь» (х.м. 100 x 120).

Ответственный за выпуск *В.А. Соломонов*
Оригинал-макет и обложку подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 16.12.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 19,37. Тираж 300 экз. Заказ №

Типография Саратовского государственного университета
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А